

СМОНА

ISSN 0131 - 6656

ПОЛ ГЭЛИКО ■ ЦВЕТЫ ДЛЯ МИССИС ХАРРИС

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР ■ САТРАП СТИХИ МИХАИЛА ДУДИНА

ОЛЕГ СУВОРОВ ■ ГУСАРСКИЙ ВАЛЪС

9'94

▼ В. СУРИКОВ. Мужской портрет, 1909 г.

▼ М. НЕСТЕРОВ. За приворотным зельем.

▲ И. ЛЕВИТАН. Дорожка, 1899 г.

В. СЕРОВ. Портрет Феликса Юсупова, 1903 г. ▶

(Читайте стр. 54)

9'94 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.06.94.
Подписано к печати 15.07.94.
Формат 84×108½.
Бумага «Газетная». Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 100 300 экз. Заказ № 1541.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Per. №166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

9 (1559) СЕНТЯБРЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

118

ПОЛ ГЭЛЛИКО. ЦВЕТЫ ДЛЯ МИССИС ХАРРИС*Повесть*

208

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. КРОВЬ АЛАЯ*Криминальная повесть**Поэзия*

26

МИХАИЛ ДУДИН. ВСЕ, ЧТО В ДУШЕ МОЕЙ ЖИЗНИ
ЗВУЧАЛО

115

ЗИНОВИИ ВАЛЬШОНОК*Человек и общество*

4

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

18

БОРИС ПАРЫГИН. ДЕРЖИ УЛЫБКУ!

36

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР. САТРАП

100

ФОТОВЕРНИСАЖ ВИКТОРИИ ИВЛЕВОЙ

112

СЕРГЕЙ МАШИН. КРАЙНЯЯ НУЖДА

192

ГРИГОРИИ КИПЕРМАН. ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

200

ВАЛЕРИИ НЕВЕРОВ, АЛЕКСАНДР ИГОЛКИН.

ПАМЯТНИК БУДУЩЕМУ

203

ПОЛУЧИТЕ КВАРТИРУ ОТ «ГЕРМЕСА»*Культура, музыка, искусство*

54

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ В XIX
ВЕКЕ

На нашей
обложке
актриса
НАТАЛЬЯ
СУХОВЕИ
Фотограф
ВАЛЕРИЯ
ПЛАТОНОВА

88

БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ*Нарочитая гримаса Говста. НИКОЛАЙ ТРОФИМОВ
о писателе и о себе*

174

ОЛЕГ СУВОРОВ. ГУСАРСКИЙ ВАЛЪС

284

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА. Ты и я — дружная семья**Юмор**

183

РИСУНКИ ВЛАДИМИРА СОЛДАТОВА

24, 97

ВАШИ ПИСЬМА

276

ШАХМАТЫ. КРОССВОРДЫ

10-94

3

■ **ДЕСМОНД БЭГЛИ. КАПКАН СВОБОДЫ.** Детективный роман. Все смотрели в направлении вспыхнувшей в углу двора потасовки. Туда побежали некоторые заключенные и надзиратели. Неожиданно раздался негромкий хлопок, и двор заволпело густым белым дымом. Последовало еще несколько хлопков, дым стал еще гуще. Кто-то кидал через стену дымовые шашки.

— Погор! Погор! — кричал надзиратель Хэдсон — Включите сирену!

■ **СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА. ГАРМОНИИ СТИХА БОЖЕСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ.**

Очерк о жизни и творчестве русского поэта Аполлона Майкова.

■ **МАРКИЗ ДЕ САД. ФЛОРВИЛЬ И КУРВАЛЬ.**

Маркиз де Сад оставил громадное литературное наследие, но до последнего времени его книги в нашей стране находились под запретом, а имя неизменно связывалось с предвзятыми, о перекрывающемся через край истязательном эротизме, прославленном удовольствием от боли, любви, крови и самого подлого унижения. Отсюда и отталкивающее название «садизм». Повесть «Флорвиль и Курваль», написанная в тюрьме, сочинения без зверского эротизма. Маркиз рассказал о том, как подчас люди под воздействием неблагоприятного фатума и против своей воли совершают страшные преступления.

АНОНС:

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

КОСТРОВ

Талантливый переводчик «Иллиады», Костров был большой чудаки и горький пьяница. Все старания многочисленных друзей и покровителей удержать его от этой пагубной страсти постоянно оставались тщетными.

Императрица Екатерина II, прочитав перевод «Иллиады», пожелала видеть Кострова и поручила И. И. Шувалову привезти его во дворец. Шувалов позвал Кострова к себе, велел одеть его за свой счет и убеждал непременно явиться в условленное время в трезвом виде, чтобы вместе ехать к государыне.

Костров обещал, но, когда настал день и час, назначенный для приема, его, несмотря на тщательные поиски, нигде не могли сыскать. Шувалов отправился во дворец и объяснил императрице, что стихотворец не мог воспользоваться ее милостивым вниманием по случаю будто бы приключившейся внезапной болезни. Екатерина выразила сожаление и поручила Шувалову передать от ее имени Кострову тысячу рублей. Недели через две Костров явился к Шувалову.

— Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, — сказал ему с укоризною Шувалов, — что ты променял дворец на кабаки?

— Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке, — отвечал Костров, — право же, не променяете его ни на один дворец.

— О вкусах не спорят, — возразил с улыбкой добродушный Шувалов.

Получив от императрицы за перевод «Иллиады» тысячу рублей, Костров пришел пропивать их в трактир и приметил моло-

дого офицера, грустного и расстроенного. Костров предложил ему выпить, офицер отказался.

— О чем вы так горюете, что и пить не хотите?

— Оставьте меня, — отвечал офицер. — Я очень несчастлив.

— Водка в этом случае весьма пригодна.

— Мне она не пособит. Я потерял восемьсот рублей казенных денег... Я — солдат.

— Х-м! — ухмыльнулся Костров и потом прибавил серьезно: — Будете тот же офицер. Я нашел ваши деньги.

С этими словами он положил на стол перед изумленным офицером восемьсот рублей и поспешно скрылся из трактира. Но свидетели знали Кострова, и поступок его сделался известным.

Раз после веселого обеда у какого-то литератора подвыпивший Костров сел на диван и опрокинул голову на спинку. Один из присутствующих, молодой человек, желая подшутить над ним, спросил:

— Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах?

— И самые глупые, — отвечал Костров.

Карамзин встретил Кострова в книжной лавке незадолго до его кончины. Костров был измучен лихорадкой.

— Что с вами сделалось? — спросил Карамзин.

— Да вот странное дело: пил я, кажется, все горячительное, — отвечал Костров, — а умираю от озноба.

БАРКОВ

5

Барков постоянно дразнил Сумарокова. Весьма часто Сумароков переводил в свои трагедии стихи прямо из Расина. Барков однажды выпросил у Сумарокова сочинения Расина, отметил все заимствованные места и, написав около них на полях «украдено у Сумарокова», возвратил книгу по принадлежности.

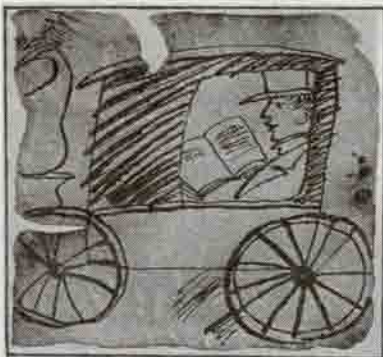
Придя однажды к Сумарокову, Барков начал говорить ему с серьезным видом:

— Ты великий человек! Ты первый русский стихотворец!

Восхищенный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился и, уходя, сказал:

— Нет, Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я; второй — Ломоносов, а ты только третий.

Сумароков в бешенстве набросился на него, так что Барков едва успел убежать.

ХВОСТОВ

Граф Хвостов был известен страстью читать всем и каждому свои сочинения. Однажды он долго мучил чтением своего племянника Кокошкина; наконец тот не выдержал и сказал:

— Извините, дядюшка, я дал слово обедать, мне пора, боюсь, что опоздаю, а я пешком.

— Что же ты мне давно не сказал, любезный, — отвечал Хвостов. — У меня карета, я тебя подвезу.

Только что они сели в карету, Хвостов взглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!» — а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся опять душить чтением запертого Кокошкина.

Хвостов сказал: «Суворов мне родня, и я стихи плету». «Полная биография в нескольких словах, — заметил Блудов, — тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен».

Лежа на смертном одре, Суворов давал предсмертные наставления и советы близким людям, которые входили к нему в спальню поодиночке и оставались несколько минут в присутствии духовника и исторически знаменитого камердинера Прошки. Когда вошел к умирающему Хвостов, стал на колени, целуя руку, Суворов сказал ему:

— Любезный Митя, ты добрый и честный человек! Заклинаю тебя, брось твое виршеслагательство, пиши, уж если не можешь превозмочь этой глупой страстишки, стишонки для себя и для своих близких, а только отнюдь не печатайся. Помилуй Бог! Это к добру не приведет, ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей!

Хвостов вышел, плача, и возвратился в залу, где к нему тотчас подошли родные с расспросами.

— Увы! — отвечал Хвостов, отирая слезы платком. — Хотя еще и говорят, но без сознания: бредит!

ЖЕЛУДОК КРЫЛОВ

Желудок у Крылова был поистине богатырский. Однажды он приказал приготовить к своему обеду прижженных пирожков. Он съел целый десяток и потом спохватился, что в них был какой-то странный вкус да и цвет необыкновенный. Крылов крикнул кучарку, но она за чем-то отлучилась в лавку. Он пошел сам

на кухню. Видит, на очаге стоит кастрюля, нечищенная и недуженная с незапамятных времен; заглянул в нее: зеленые пирожки, то есть покрытые зеленою ярью, плавают в зеленом масле. Посмотрел-посмотрел, и им овладело искушение — пирожков еще оставалось шесть штук. «Да что, — подумал он, — ведь это ничего: съел же я десяток, а шесть куда ни шло!» — да и спровадил их в свой молодецкий желудок.

Слыша жалобы молодых людей на слабость желудка, он, улыбаясь, говорил:

— А я так, бывало, не давал ему потачки. Если он чуть задурит, то я и наемся вдвое — там он себе как хочешь разведывайся.

Как старый холостяк, Крылов мало занимался своим туалетом и был вообще неряшлив и рассеян. Когда он приехал в первый раз во дворец для представления императрице Марии Федоровне, А. Н. Оленин, который должен был представить его государыне, сказал:

— Дай-ка взглянуть на тебя, Иван Андреевич, все ли на тебе в порядке?

— Как же, Алексей Николаевич, неужто я поеду неряхой во дворец? На мне новый мундир.

— Да что же это за пуговицы на нем?

— Ахти! Они еще в бумажках, а мне и невдомек их раскутать!

Иногда рассеянность его доходила до того, что он клал в свой карман вместо носового платка все, что ни попадалось в руки, свое или чужое. За обедом сморкался иногда то в чулок, то в чепчик, которые вытаскивал из своего кармана. Перчаток он никогда не носил, ни зимой, ни летом, считая их бесполезною роскошью.

— Я вечно их теряю, — говорил он, — да и руки у меня не забнут.

Однажды Крылов был приглашен графом Мусиным-Пушкиным на обед с блюдом макарон, отлично приготовленных каким-то знатоком-итальянцем. Крылов опоздал и приехал, когда уже подали третье блюдо — знаменитые макароны.

— А! Виноваты! — сказал весело граф. — Так вот вам и наказание.

Он наложил горюю глубокую тарелку макарон, так что они уже ползли с ее вершины, и подал виновнику.

Крылов с честью вынес это наказание.

— Ну, — сказал граф, — это не в счет; теперь начинайте обедать с супа, по порядку.

Когда подали снова макароны, граф опять наложил Крылову полную тарелку.

В конце обеда сосед Крылова выразил некоторые опасения за его желудок.

— Да что ему делается, — отвечал Крылов, — я, пожалуй, хоть теперь же готов еще раз провиниться.

Однажды в английском клубе приезжий помещик, любивший приглатывать, рассказывая за обедом о стерляди, которая ловится на Волге, преувеличивал ее длину. «Раз,— сказал он,— перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь; вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда... до...» Помещик не договорил фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, противоположному, где сидел Крылов. Тогда последний, отодвигая стул, сказал:

— Позвольте, я отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь.

Как-то раз вечером Крылов зашел к сенатору Абакумову и застал у него несколько человек, приглашенных на ужин. Абакумов и его гости пристали к Крылову, чтобы он непременно с ними отужинал; но он не поддавался, говоря, что его дома ожидает стерляжья уха. Наконец удалось уговорить его под условием, что ужин будет подан немедленно. Сели за стол. Крылов съел столько, сколько все остальное общество вместе, и едва успел проглотить последний кусок, как схватился за шапку.

— Помилуйте, Иван Андреевич, да теперь-то куда же вам торопиться? — закричали хозяин и гости в один голос. — Ведь вы поужинали.

— Да сколько же раз мне вам говорить, что меня дома стерляжья уха ожидает; я и то боюсь, чтобы она не простыла, — сердито отвечал Крылов и удалился со всею поспешностью, на какую был способен.

Раз Крылов приехал к одному своему знакомому. Слуга сказал ему, что барин спит.

— Ничего, — отвечал Крылов, — я подожду.

С этими словами он прошел в гостиную, лег там на диван и заснул. Между тем хозяин проснулся, входит в комнату и видит лицо, совершенно незнакомое.

— Что вам угодно? — спросил его Крылов.

— Позвольте лучше мне сделать вам этот вопрос, — сказал хозяин, — потому что здесь моя квартира.

— Как! Да ведь здесь живет N!

— Нет! Теперь живу я здесь, а г. N жил, может быть, до меня.

После этого разговора хозяин спросил у Крылова об его фамилии и, когда тот сказал, обрадовался случаю, что видит у себя знаменитого баснописца, и начал просить его сделать ему честь — остаться у него.

— Нет уж, — отвечал Крылов, — мне и так теперь совестно смотреть на вас, — и с этими словами откланялся.

Хозяин дома, в котором Крылов занимал квартиру до получения казенной, составил проект контракта и принес ему для подписи.

В этом контракте между прочим было написано, чтобы он, Крылов, был осторожен с огнем, а буде, чего Боже сохрани, дом

сгорит по его неосторожности, то он обязан заплатить стоимость дома, именно 60 000 рублей.

Крылов подписал контракт и к сумме 60 000 прибавил еще два нуля, что составило 6 000 000 рублей.

— Возьмите,— сказал Крылов, отдавая контракт хозяину,— я на все пункты согласен; но для того, чтобы вы были совершенно обеспечены, я вместо 60 000 рублей поставил 6 000 000. Это для вас будет хорошо, а для меня все равно, ибо я не в состоянии заплатить ни той, ни другой суммы.

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сидел, висела, сорвавшись с одного гвоздя, наискось по стене, большая картина в тяжелой раме. Кто-то заметил ему, что и другой гвоздь, на котором она еще держится, непрочен и что картина как-нибудь может упасть и убить его.

— Нет,— отвечал Крылов,— угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову.

Однажды Крылов был приглашен на обед к императрице Марии Федоровне в Павловск. Гостей за столом было немного. Рядом с ним сидел Жуковский. Крылов не отказывался ни от одного блюда.

— Да откажись хоть раз, Иван Андреевич,— шепнул ему Жуковский,— дай императрице возможность попотчевать тебя.

— Ну а как не попотчует? — отвечал Крылов и продолжал накладывать себе на тарелку.

Один год императорская фамилия жила в Аничковом дворце, а Крылов, как известно, жил в доме Императорской публичной библиотеки, в которой занимал должность библиотекаря. Раз император Николай Павлович встретил Крылова на Невском проспекте.

— А! Иван Андреевич! Как поживаешь? Давненько не виделись мы с тобой,— сказал император.

— Давненько, ваше величество,— отвечал баснописец,— а ведь, кажись, соседи.

Крылов, как известно, умер от несварения желудка, покушав натертых сухих рябчиков со сливочным маслом на ночь. Он прохворал только несколько дней, и в это время его часто навещал Я. И. Ростовцев, искренно любивший Ивана Андреевича. В одно из таких посещений Крылов сказал Ростовцеву:

— Чувствую, что скоро умру, и очень сожалею, что не могу написать последней басни — на самого себя.

— Какой басни? — спросил Яков Иванович.

— А вот какой. Нагрузил мужик воз сухой рыбы, собираясь везти ее на базар. Сосед говорит ему: «Не свезет твоя кляча такой грузной клады!» А мужик ему в ответ: «Ничего — рыба-то сухая!»

ЖУКОВСКИЙ

Жуковский имел казенную квартиру в Шепелевском дворце. Ежедневно с утра на лестнице толпились нищие, бедные и просители всякого рода и звания. Он не умел никому отказывать, баловал своих просителей, не раз был обманут, но его щедрость и сердоболье никогда не истощались. Сумма раздаваемых пособий доходила в иной год до 18 000 рублей и составляла более половины его доходов. Он говорил:

— Я во дворце всем надоел своими просьбами и это понимаю, потому что и без меня много раздают великие князья, великие княгини и в особенности императрица. Одного князя Александра Николаевича Голицына я не боюсь просить: этот даже радуется, когда придешь его просить; за то я в Царском Селе и таскаюсь к нему каждое утро.

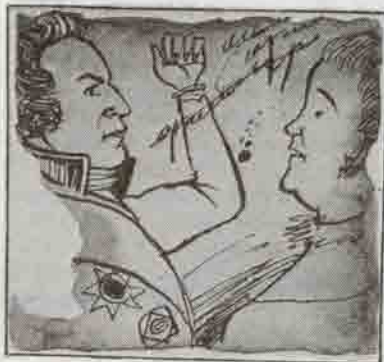
Некто Олин, плохой писатель и бедняк, с целью поправить свои обстоятельства вздумал разыграть в лотерею свою единственную собственность — какую-то фамильную табакерку.

Олин явился к Жуковскому, который охотно взял у него десятка два билетов, один оставил у себя, остальные роздал многочисленным знакомым. Олин собрал сумму, вчетверо превышающую стоимость табакерки, и разыграл лотерею. Выигрыш пал на билет Жуковского. Когда Олин принес ему табакерку, Жуковский подарил ему обратно свой выигрыш. Месяца через два Олин опять является к Жуковскому с предложением взять несколько билетов на вторичный розыгрыш той же табакерки. Жуковский, не взяв ни одного билета, но заплатив, однако, деньги за пять, с ласковой улыбкой сказал:

— Боюсь опять выиграть; если выиграю во второй раз, то уж не возвращу вам выигрыша.

Когда близкие знакомые пеняли Жуковскому за его излишнюю деликатность с таким человеком, он отвечал, смеясь:

— Эх, господа, не браните его — бедность и не до того доводит.

ДЕРЖАВИН

Державин, только что поступивший на службу в Преображенский полк солдатом, явился раз за приказанием к прапорщику своей роты князю Козловскому. В это время Козловский читал собравшимся у него гостям сочиненную им трагедию «Сумбека». Получив приказание, Державин остановился у дверей, желая послушать чтение; но Козловский, заметив это, сказал:

— Поди, братец, с Богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего тут не смыслишь.

Державин, в бытность свою статс-секретарем при императрице Екатерине II, докладывал ей как-то раз важное дело. Государыня начала делать возражения, с которыми он не соглашался. По горячности своего характера он до того забылся, что в пылу спора схватил императрицу за конец надетой на ней мантильи.

Екатерина тотчас прекратила спор и позвонила.

— Кто еще там есть? — хладнокровно спросила она вошедшего на звонок колокольчика камердинера.

— Статс-секретарь Попов, — отвечает камердинер.

— Позови его сюда.

Попов вошел.

— Побудь здесь, Василий Степанович, — сказала с улыбкой государыня, — а то вот этот господин много дает воли своим рукам и, пожалуй, еще прибьет меня.

Державин опомнился и бросился на колени перед императрицей.

— Ничего, — промолвила она, — продолжайте, я слушаю.

Однако случай этот был отчасти причиной перемещения Державина из статс-секретарей в сенаторы.

Одна дама вышила подушку, которую поднесла Александру I, при следующих стихах:

*Российскому отцу
Вышила овцу.
Сих ради причин,
Чтобы мужу дали чин.*

Резолюция министра Державина:

*Российский отец
Не дает чинов за овец.*

КАРАМЗИН
Один из приятелей Карамзина встретил его рано утром пешего на отдаленной петербургской улице. Погода была отвратительная: мокрый снег падал хлопьями; от оттепели стояли всюду непроходимые лужи. На удивление, выраженное приятелем, что встречает его в таком глухом месте, в такой ранний час и в такую погоду, Карамзин отвечал:

— Необыкновенный случай

завел меня сюда. Чтобы не показаться вам скрытным, должен сказать, что отыскиваю одного бедного человека, который часто останавливает меня на улице, называет себя чиновником и просит подавния именем голодных детей. Я взял его адрес и хочу посмотреть, что могу для него сделать.

Притель вызвался соучастствовать Карамзину. Они отыскивали квартиру бедного чиновника, но не застали его дома. Семейство его в самом деле оказалось в жалком положении. Карамзин дал денег хозяйке и расспросил ее о некоторых обстоятельствах жизни мужа. Выходя из ворот, Карамзин встретил его самого совершенно в пьяном виде, который тотчас объяснил причину его бедности. Карамзин не хотел обременять его упреками; он только покачал головою и сказал приятелю:

— Досадно, что мои деньги не попадали туда, куда я назначал их. Но я сам виноват: мне надлежало бы прежде осведомиться об его поведении. Теперь буду умнее и не дам денег ему в руки, а в дом.

Один недоброжелатель Карамзина сделал на него императору Павлу донос, представив его безбожником и человеком, вообще вредным для правительства.

— Знаешь ли ты Карамзина? — спросил император графа Ростопчина, давая ему прочесть донос.

— Знаю, — отвечал Ростопчин, — с отличной стороны по сочинениям его и не узнаю его в этом сочинении.

— Я ожидал этого, — сказал государь, — ибо мне известен доноситель; вот и решение мое.

С этими словами Павел бросил донос в камин.

Император Александр не знал Карамзина до 1811 года. В этом году, намереваясь посетить жившую в Твери великую княгиню Екатерину Павловну, государь пожелал видеть там Карамзина, который по приглашению великой княгини и приехал в Тверь. Здесь он читал первый раз свою «Историю Государства Российского», что даже изображено в одном барельефе памятника, воздвигнутого историографу на его родине, в Симбирске. Со вниманием прослушав до глубокой ночи чтение отрывков исторического труда Карамзина, государь сказал: «Русский народ достоин иметь свою историю».

По повелению императора «История Государства Российского» была напечатана без цензуры. Государь предварительно сам рассматривал рукопись первых восьми томов и сделал некоторые замечания. На вопрос Карамзина, прикажет ли исправить места, им отмеченные, Александр отвечал, что делал отметки только для себя, но чтобы печатать все, как есть в рукописи.

Когда Карамзин был назначен историографом, он отправился к кому-то с визитом и сказал слуге:

— Если меня не примут, то запиши меня.

Когда слуга возвратился и сказал, что хозяина нет дома, Карамзин спросил его:

— А записал ли ты меня?

— Записал.

— Что же ты записал?

— Карамзин, граф истории.

В ГРИБОЕДОВ

бытность Грибоедова в Москве в 1824 году он сидел как-то в театре с композитором Алябьевым, и оба очень громко аплодировали и вызывали актеров. В партере и в райке зрители вторили им усердно, а некоторые стали шикать, и из всего этого вышел ужасный шум. Более всех обратили на себя внимание Грибоедов и Алябьев, сидевшие на виду, а потому полиция сочла их виновниками

происшествия. Когда в антракте они вышли в коридор, к ним подошел полицмейстер Ровинский в сопровождении квартального, и тут произошел между Ровинским и Грибоедовым следующий разговор:

— Как ваша фамилия?— спросил Ровинский Грибоедова.

— А вам на что?

— Мне это нужно знать.

— Я Грибоедов.

— Кузьмин, запиши,— сказал Ровинский, обращаясь к квартальному.

— Ну а как ваша фамилия?— в свою очередь спросил Грибоедов Ровинского.

— Это что за вопрос?

— Я хочу знать, кто вы такой?

— Я — полицмейстер Ровинский.

— Алябьев, запиши,— сказал Грибоедов, обращаясь к Алябьеву.

У Грибоедова был камердинер, крепостной его человек и молочный брат, который с малолетства находился при нем для прислуги; но вместе с ним вырос и был при нем безотлучно во всех его путешествиях. Грибоедов его очень любил и даже баловал, вследствие чего слуга зачастую фамильярничал со своим господином. По какому-то странному случаю этот слуга именовался Александром Грибовым, и Грибоедов часто называл его тезкой.

Однажды Александр Сергеевич ушел в гости на целый день. Грибов по уходе его запер квартиру на ключ и сам тоже куда-то отправился. Часу во втором ночи Грибоедов воротился домой, звонит, стучит — дверей не открывают. Он еще сильнее — нет ответа. Помучившись напрасно с четверть часа, он отправился ночевать к своему приятелю Андрею Андреевичу Жандру, который жил недалеко от него.

На другой день Грибоедов приходит домой; Грибов встречает его как ни в чем не бывало.

— Сашка! Куда ты вчера уходил?— спрашивает Грибоедов.

— В гости ходил,— отвечает тот.

— Но я во втором часу воротился, и тебя здесь не было.

— А почему же я знал, что вы так рано вернетесь? — возражает он таким тоном, как будто вся вина была на стороне барина, а не слуги.

— А ты в котором часу пришел домой?

— Ровно в три часа.

— Да, — сказал Грибоедов, — ты прав: ты точно в таком случае не мог мне отворить дверей...

Несколько дней спустя Грибоедов сидел вечером в своем кабинете и что-то писал. Александр пришел к нему и спрашивает:

— А что, Александр Сергеевич, вы не увидите сегодня со двора?

— А тебе зачем?

— Да мне нужно было сходить часа на два или на три в гости.

— Ну, ступай, я останусь дома.

Грибов расфрантился, надел новый фрак и отправился... Только что он за ворота, Грибоедов снял халат, оделся, запер квартиру, взял ключ с собою и ушел опять ночевать к Жандру. Время было летнее; Грибов воротился часу в первом. Звонит, стучит — двери не отворяются. Грибов видит, что дело плохо, стало быть, барин надул его... Уйти ночевать куда-нибудь нельзя, неравно барин вернется ночью. Нечего было делать: ложится он на полу в сенях около самых дверей и засыпает богатырским сном. Рано поутру Грибоедов воротился домой и видит, что его тезка, как верный пес, растянулся у дверей своего господина. Он разбудил его и, потирая руки, самодовольно говорит ему:

— А что, франт, каково я тебя прошколил? Славно отплатил тебе? Вот если б у меня не было поблизости знакомого, и мне бы пришлось на прошлой неделе так же ночевать, по милости твоей.

Грибов вскочил как встрепанный и, потягиваясь, сказал:

— Куда как остроумно придумали!.. Есть чем хвастать!..

И ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев гулял по Кремлю в марте месяце 1801 года*. Видит он необыкновенное движение на площади и спрашивает старого солдата, что это значит.

— Да съезжаются, — говорит солдат, — присягать государю.

— Как присягать и какому государю?

— Новому.

— Что ты, рехнулся ли?

— Да императору Александру.

— Какому Александру? — спрашивает Дмитриев, все более и более удивленный и испуганный словами солдата.

— Да Александру Македонскому, что ли, — отвечает солдат.

При назначении своим министром юстиции Дмитриев имел

* В ночь на 12 марта 1801 года император Павел I убит заговорщиками.

всего лишь анненскую ленту. Однажды, находясь у государя, он решился сказать:

— Простите, ваше величество, мою смелость и не удивитесь странности моей просьбы.

— Что такое? — спросил Александр.

— Я хочу просить у вас себе александровской ленты.

— Что тебе вздумалось? — спросил государь с улыбкой.

— Для министра юстиции нужно иметь знак вашего благоволения: лучше будут принимать его предложения.

— Хорошо, — отвечал Александр, — скоро будут торги на откупа, ты ее получишь.

Так и сделалось.

Когда Дмитриев пришел благодарить императора, то он, смеясь, спросил его:

— Что, ниже кланяются?

— Гораздо ниже, ваше величество, — отвечал Дмитриев.

Дмитриев при исполнении обязанности министра юстиции был вообще очень сдержан и осторожен, но раз при докладе государю ему случилось забыть. По окончании доклада он подал императору заготовленный к его подписанию указ о награждении какого-то губернатора орденом. Александр почему-то усомнился и сказал:

— Этот указ внести лучше в комитет министров.

В то время подобное приказание было не в обычае и считалось исключением. Дмитриев обиделся, встал со стула, собрал бумаги в портфель и отвечал государю:

— Если, ваше величество, министр юстиции не имеет счастья заслуживать вашей доверенности, то ему не остается ничего более, как исполнить вашу высочайшую волю. Эта записка будет внесена в комитет.

— Что это значит? — спросил Александр с изумлением. — Я не знал, что ты так вспылыв! Подай мне проект указа, я подпишу.

Дмитриев подал. Государь подписал и отпустил его очень сухо.

Когда Дмитриев вышел за дверь, им овладело раскаяние и досада, что он не удержался и причинил императору, которого чрезвычайно любил, неудовольствие. Он вернулся и отворил дверь кабинета. Александр, заметив его, спросил:

— Что тебе надобно, Иван Иванович?

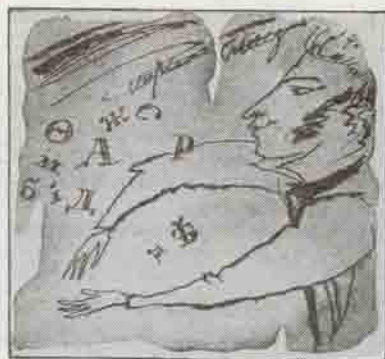
Дмитриев вошел и со слезами на глазах принес чистосердечное раскаяние.

— Я вовсе на тебя не сердит, — отвечал государь, — я только удивился. Я знаю тебя с гвардии и не знал, что ты такой сердитый. Хорошо, я забуду, да ты не забудешь! Смотри же, чтоб с обеих сторон было забыто, а то, пожалуй, ты будешь помнить!... Видишь, какой ты злой, — прибавил государь с улыбкой.

В одно из своих посещений Английского клуба на Тверской Дмитриев заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: Московский Английский клуб. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия более еще странные.

— Какие же? — спросил Дмитриев.

— А императорское человеколюбивое общество, — отвечал Пушкин.

ПУШКИН

Лицейский анекдот. Однажды император Александр, ходя по классам, спросил:

— Кто здесь первый?

— Здесь нет, ваше императорское величество, первых, все вторые, — отвечал Пушкин.

На одном вечере Пушкин, еще в молодых годах, был пьян и вел разговор с одной дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рыбака. Чем-то недовольная поэтом, она сказала:

— У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

— Нет, сударыня, — отвечал он, — рябит!

Однажды пригласил он несколько человек в ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит:

— Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!

— Да ведь я богаче вас, — отвечает Пушкин. — Вам приходится иной раз прожиться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный — с тридцати шести букв русской азбуки.

Пушкина просили написать критику исторического романа Булгарина. Он отказался, говоря:

— Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь.

Пушкин говаривал: «Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке, раскланяюсь и даже иной раз поговорю с ним, на большой улице — у меня не хватает храбрости».

Государь сказал Пушкину:

— Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме.

— В таком случае, — подхватил Пушкин, — попрошусь у вашего величества туда в дворники.

Статью Д. В. Давыдова о партизанской войне, присланную в «Современник», отдали на цензурный просмотр известному А. И. Михайловскому-Данилевскому. Пушкин сказал:

— Это все равно, как если бы Потемкина послать к евнуху учиться у него обхождению с женщинами.

В театре один старик сенатор, любовник Асенковой, аплодировал ей, тогда как она плохо играла. Пушкин, стоявший близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал:

— Мальчишка! Дурак!

— Ошибся, старик, — отвечал Пушкин. — Что я не мальчишка — доказательством моя жена, которая здесь сидит в ложе; что

я не дурак, я — Пушкин; а что я тебе не даю пощечины, то для того, чтобы Асенкова не подумала, что я ей аплодирую.

Однажды Пушкин сидел в кабинете графа С. и читал про себя какую-то книгу. Сам граф лежал на диване. На полу, около письменного стола, играли двое его детишек.

— Саша, скажи что-нибудь экспромтом, — обращается граф к Пушкину.

Пушкин мигом, ничуть не задумываясь, скороговоркой отвечает:

— Детина подумный лежит на диване.

— Вы слишком забываетесь, Александр Сергеевич, — строго проговорил граф.

— Ничуть... Но вы, кажется, меня не поняли... Я сказал: дети на полу, умный на диване.

Пушкин, участвуя в одном журнале, обратился письменно к издателю с просьбой выслать гонорар, следуемый за стихотворение. В ответ на это издатель письменно же спрашивал: «Когда желаете получить деньги, в понедельник или во вторник, и все ли двести рублей вам прислать разом или пока сто?»

На этот вопрос последовал лаконичный ответ Пушкина: «Понедельник лучше вторника тем, что ближе, а двести рублей лучше ста тем, что больше».

Во время пребывания Пушкина в Оренбурге, в 1836 году, один тамошний помещик приставал к нему, чтобы он написал ему стихи в альбом. Пушкин отказывался. Помещик выдумал стратагему, чтобы выманить у него несколько строк. Он имел в своем доме хорошую баню и предложил ее к услугам дорогого гостя.

Пушкин, выходя из бани, в комнате для одевания нашел на столе альбом, перо и чернильницу. Улыбнувшись шутке хозяина, он написал ему в альбом: «Пушкин был у А-ва в бане».

Однажды в приятельской беседе один знакомый Пушкину офицер, некий Кандыба, спросил его:

— Скажи, Пушкин, рифму на рак и рыба.

— Дурак Кандыба, — отвечал поэт.

— Нет, не то, — сконфузился офицер. — Ну а рыба и рак?

— Кандыба дурак! — подтвердил Пушкин.

Спросили у Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она?

— Не знаю, — отвечал Пушкин очень строго и без желания поострить, — ведь я с ней говорил по-французски.

— Как ты здесь? — спросил М. Ф. Орлов у Пушкина, встретясь с ним в Киеве.

— Язык до Киева доведет, — отвечал Пушкин.

— Берегись! Берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай!

— А может быть, и за *Прут!*

Пушкин говорил про императора Николая Павловича: «Хорош-хорош, а на тридцать лет дураков наготовил».

Собрал и подготовил к печати АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ.

Что происходит сегодня с россиянами? Скорее всего на этот вопрос поможет нам ответить социальный психолог.

Социальная психология — наука о том, как общество воздействует на внутренний мир человека, — долго была под запретом в нашей стране.

В шестидесятые годы ей удалось выйти из подполья. Одним из тех, кто возрождал отечественную социальную психологию, был петербургский ученый Борис Дмитриевич Парыгин, который впервые выступает на наших страницах.

СОБАКА ВЗВЫЛА

Психологи проводили эксперимент: кормили собаку, показывая ей круг. Так продолжалось несколько недель. Но однажды подопытному животному показали овал. И собака взвыла!

Я часто вспоминаю этот опыт, когда думаю о сегодняшнем состоянии нашего общества. Ведь от чего взвыла собака? Не от того, что нет пищи. Не от боли. Не от удара. От того, что непонятно, что происходит! Из-за неопределенности, недоумения: мир поломался!

Очень долго в нашей жизни все было расписано. Вот человек окончил институт, 120 «рз» в кар-

мане: вот он уже старший инженер, вот защитил кандидатскую, вступил в партию, купил машину, стал руководить лабораторией... И так далее, вплоть до могильного холмика: «часы кормлений» были определены. Можно, конечно, было уйти в диссиденты или в «люмпен-интеллигенцию» — дворники, лифтеры, или уехать из страны вообще, но «узок круг был таких людей». Большинство жило «согласно регламенту».

Сегодня нет никаких регламентов. Мы, как та собака (ничего уничижительного в уподоблении нас милым четвероногим друзьям, думаю, нет), растерянно мечемся, когда видим перед глазами вместо привычного и постоянного круга то овал, то треугольник, то квадрат, то вовсе несуразную кляксу...

Появилась невиданная, никем не мечтаемая еще десять лет назад свобода выбора. Ты можешь быть, как прежде, служащим в НИИ, а можешь ездить «челноком» в Турцию, а можешь просить подаяния у метро, а можешь открыть авторемонтную мастерскую... Но — вы не задумывались? — выбор всегда, говоря языком научным, есть стрессогенный фактор. Любой выбор — повсюду, везде, по любому поводу — «давит на психику»: оставаться с женой или уйти к любовнице? «Тянуть лямку» госслужащим или

**БОРИС
ПАРЫГИН,**
доктор
философских
наук

ДЕРЖИ

броситься в предпринимательство? Голосовать за «белых» или за «красных»? Смириться с неудобным директором или бастовать?

Нынче возможностей для выбора куда как больше. Необходимость принимать решение встает перед нами в десятки — да что там, — в сотни раз чаще, чем во времена застоя. И в основном именно поэтому (а не из-за нехватки денег или остановки предприятий) мы чувствуем набывалое в прежней жизни внутреннее напряжение. Социалистическое наше существование можно уподобить полету в качестве пассажира «Аэрофлота»: не очень-то удобно, тесно, кормят жесткой курицей, — зато и все люди вокруг так летят, и ничего от тебя не зависит, можно продремать весь полет, а летчики доставят рано или поздно в пункт назначения. А нынче каждый словно летчик-испытатель в экспериментальной машине, бросающийся в неизведанный полет: что может случиться через несколько секунд — отвалится крыло? Откажет двигатель? — никто не знает. Что придется сделать спустя минуту? Катапультироваться? Бросить машину в штопор? Подняться в разреженной высоте? Каждый вынужден решать сам. Опять же говоря языком научным: между неопределенностью ситуации и напряженностью

существует абсолютная корреляция (зависимость). То есть чем определенной жизнь, чем меньше свободы выбора тем напряженность и отдельно взятого человека, и общества в целом меньше. Чем шире «ассортимент» возможностей, тем сильнее «напрягает» нас необходимость выбирать.

Между тем мои московские коллеги отмечают в своих исследованиях: напряженность в стране (а ее измеряют с помощью опросов, анализа конфликтов) все время растет на протяжении последних пяти лет. Из года в год, из месяца в месяц.

Когда регламентированная жизнь сменилась постоянной необходимостью что-то решать, социальные психологи все чаще стали наблюдать феномен отказа от выбора. Люди устают от непривычной работы выбирать. Где только можно, они отказываются принимать решения. Это проявляется и напрямую («Не пойду голосовать, все равно от меня ничего не зависит»), и невольченностью в серьезные раздумья по поводу выбора, когда не думают, импульсивно отдают предпочтение каким-то поверхностным, несущественным, но сильным знакам («Проголосую-ка за кандидата X — он вроде обещал цену на водку снизить»).

Многим казалось еще пять лет назад: появится возможность вы-

УШЫЖУ

бирать между десятью партиями и пятнадцатью сортами пива — вот тогда заживем!.. Да, свобода решать — дело благое и счастливое. Но у каждого явления есть обратная, темная сторона. Наше напряжение — всех вместе и каждого по отдельности — то, чем мы платим за сегодняшнюю непохожесть «Правды» на «Известия», за то, что мысли свои необязательно хоронить ото всех, кроме близких, за то, что «делать жизнь» можно с кого угодно, а не только «с товарища Дзер-жин-ско-го»...

ЧУДА! ЧУДА! ЧУДА!..

Во многом потому, что жизнь была расписана, и каждый наш шаг определялся кем-то вышестоящим; директором, секретарем райкома, генсеком, — мы отучились жить самостоятельно, полагаясь на свою голову. Знаете, в психологии есть два таких термина, характеризующие личность, — **интернал** и **экстернал**. **Интернал** полагается на себя, только себя он корит в своих неудачах. **Экстернал**, потерпев поражение, считает, что виноват кто (или что) угодно: близкие, общество, время, в котором живет, — только не он сам. Так вот экстерналов, то есть людей, привыкших надеяться, грубо говоря, «на дядю», среди населения России, по моим данным, пока больше половины.

Люди готовы пожинать плоды перемен, но не работать ради перемен. Когда вопрос: «Переходить или нет к рынку?» — еще был предметом дискуссий, мы проводили среди ленинградцев социологическое исследование на эту тему. И вот мы спрашиваем: «Готовы ли вы к рынку?» 80 процентов отвечают: «Да, готовы». Тогда мы уточняем вопрос, и выясняется,

что готовы-то люди к полным магазинам, возможности купить на углу копченой колбаски и прочим прелестям. А когда мы осведомились: «Готовы ли вы сами включиться в рыночные преобразования — например, стать предпринимателем?» — положительно отвечали около 10 процентов опрошенных. Вы чувствуете разницу? Восемь человек из десяти готовы к награде и только один — к тому, чтобы ее сперва заработать!

Причем вот это **ОЖИДАНИЕ ЧУДА** **ИЗВНЕ** старательно и постоянно подогревается властью имущими. Вспомните, что говорил Горбачев: «Флоды перестройки мы увидим через два-три года». Примерно то же заявлял, начиная реформы, Ельцин. И посулы типа: «Потерпите, скоро, очень скоро всем легче будет», — идут не из-за того, что руководители сознательно обманывают народ. Нет, они, власть предрежащие, искренне считают, что в самом деле быстро добьются перемен.

Мы проводили еще в 1990 году опрос среди депутатов тогдашнего Ленинградского горсовета. Был в нашем исследовании и такой вопрос: «Когда, по-вашему, удастся решить основные проблемы города?» Большинство депутатов ответило: «Через два-три года». Видите? Опять повторяется эта цифра — два-три года. Прямо-таки магия какая-то! Мы продублировали исследование в других регионах. И снова: около 40 процентов местных руководителей считают, что справиться с главными трудностями в своем городе можно за 2—3 года; еще около 40 процентов лидеров полагают, что для этого достаточно пяти лет. И лишь немногие, в основном ученые, заявляют, что для «победы» надо упорно трудиться десятилетия. Но и они неадекватно воспри-

нимают ситуацию. Видано ли, что, например, прекрасный, но столь запущенный Ленинград-Петербург можно было бы возродить сегодня за десять лет!..

Чуда извне не будет. Экстерналам, уповающим на него, надо оставить иллюзии. Большие шансы на жизненный успех имеет интернал: человек, полагающийся только на самого себя.

НАДЕЖДА НЕ УМИРАЕТ НИКОГДА

Западные социологи были удивлены. Их исследование, которое проводилось в странах Восточной Европы и в России, показало, что россияне более других верят в свои силы! Чехи, поляки, венгры, румыны в основном рассчитывают на помощь Запада. Мы, русские (несмотря на иждивенчество по отношению к собственному правительству), не уповаем на то, что «заграница нам поможет». Около 60 процентов верят в силу своего народа! Верят: сдюжим, справимся, прорвемся.

Это ощущение подкрепляет надежда. Почти 70 процентов россиян надеются на лучшее. Правильно говорят: «Надежда умирает последней». Я, как психолог, сказал бы иначе: «Надежда никогда не умирает». Потому что если умирает и она — это край, исход, конец обществу.

По нескольким «барометрам» можно судить о состоянии общества. (В их числе — степень определенности, уровень напряженности, о которых мы говорили.) И лишь один из этих «барометров» показывает: «Ясно». Тот, который измеряет степень надежды.

Может быть, неумирающая надежда свидетельствует о незрелости русского народа, его затянув-

шейся инфантильностью? «Оттерпимся — и мы люди будем», — неизвестно, какого века пословица... А сколько подобных еще в прошлом столетии собрал Владимир Иванович Даль. Нет, думаю я, надежда — признак великой мудрости великого народа. Она удерживает нас от того, чтобы брат-бедняк опять пошел бы на брата-купца, круша по дороге, не разбирая, и брата-чиновника, и брата-художника...

СНОВА СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Такого испытания, как нынче, давно не знала российская история: без малого четыреста лет назад было адекватное ему по силе и глубине — Смутное время...

А Отечественная война 1812 года? — спросите вы. Великая Отечественная война? Октябрьская революция и гражданская война? Неужто эти тяжелейшие и кровавые периоды нашей истории были легче, чем нынешнее, пусть трудное, но все-таки относительно мирное время?

Но тогда не существовало такого хронического рассогласования властей, как сейчас, их слабости и безволия. Напротив, и во время войны с Наполеоном, и в годы схватки с Гитлером происходило сильнейшее сплочение народа вокруг лидера ради единой цели — победы над внешним врагом. Ситуация была предельно ясна и определена: враг напал на Родину, Отчизну надо отстоять! Не находилось повода для сомнений, рефлексий, колебаний. Воля народа и дух народа были напряжены и чисты.

Даже во время Октябрьской революции и гражданской войны, несмотря на внешнюю, **физическую** тяжесть испытаний, внутрен-

няя, **духовная** смута не достигала такого градуса, как нынче. Тогда, после 1917 года, не было столь мучительного для человека безволия и бессилия властей. А это чрезвычайно влияет на душевную «выправку» общества.

Смута начала XVII века завершилась в конце концов твердым и жестким руководством. Духовная неразбериха, испытание безвластием не сломили станового хребта народа. Смутное время XX века также должно смениться сильной державной властью. Любой кризис завершается рано или поздно выздоровлением.

ИСЦЕЛИСЯ САМ

С раздраем в стране нам, каждому поодиночке, не справиться. Но как достичь того, чтобы он поменьше мучил нас?

Основное правило психологической саморегуляции: каждый — сам режиссер своего внутреннего состояния. Жизнь постоянно «поставляет» нам самые разные впечатления: радостные, приятные, горестные, травмирующие... Если постоянно концентрироваться на подавляющих вас импульсах: не хватает денег, в магазинах все дорого, сын получил двойку, — вы сами будете режиссировать в себе состояние подавленности и уныния. Но спектр жизненных красок огромен. Так не бывает, чтобы из внешнего мира к вам поступали только «черные» импульсы. В жизни много радостных тонов: позвонил старый друг, вы успешно завершили сложную работу, ваш ребенок смастерил красивый кораблик... Если стараться замечать по преимуществу светлые краски, ваше душевное состояние будет куда более солнечным.

То, как вы ощущаете себя **внутри**, сильно зависит от того, как вы выглядите **снаружи**. Если

я искусственно приму агрессивную позу, нахмурюсь, хищно оскалюсь — в меня волей-неволей хлынет раздражение, я почувствую, как во мне закипает кровь. И, напротив, если, что бы ни творилось на душе, я буду внешне безмятежен и улычив, то вскоре это наружное благоденствие бессознательно проникнет внутрь, и я замечу, как тучи рассеиваются, на сердце покой и голубое небо.

Правило американцев — что бы ни произошло, «держаться улыбку», и на вопрос: «Как дела?» — отвечать: «Прекрасно!» — на самом деле не что иное, как самовнушение. Если все прекрасно внешне, равновесие и свет будут на душе.

...Вы замечали, улицы наших городов теперь мало чем отличаются от европейских: такие же рекламы, такие же машины, столики под зонтиками, столь же хорошо (если не лучше!) одетые люди. Лишь одна разница бросается в глаза: печать уныния на наших лицах — раскрепощенность и улыбки, витающие в западной толпе... Дело не только в том, что у нас забот больше (проблем и у американцев хватает), — дело в отношении к жизни. Сурово нахмуренные брови — это не серьезность и деловитость, как мы считаем. Это неумение режиссировать свои эмоции, видеть мир в солнечных красках.

ТАКАЯ БЛИЗКАЯ САНТА-БАРБАРА

Способом достичь внутреннего равновесия неожиданно стал просмотр бесконечных «мыльных опер». Сложность жизни, огромность проблем приводят к тому, что человек бежит от них, перестает в них **включаться**. Но ему надо чему-то сопереживать! И он начинает сопереживать выдуманной,

иллюзорной жизни. К тому же красивые богатые люди, действующие в роскошных интерьерах, подсознательно подогревают нашу надежду: и у нас так будет.

Успех телесериалов умножает то, что они... **сериалы**. Когда герой в обычном фильме мелькнет — и нет его, мы не успеваем к нему привыкнуть. Он для нас не значим. А если герой «пролонгирован», мы встречаемся с ним каждый вечер, неделя за неделей, он становится важен для нас. Для многих пенсионеров заэкранная «просто Мария» стала более значимой, чем живые соседи, подруги или даже родственники.

Чем больше сопереживающих — тем сильнее эффект от произведения искусства. Этот психологический закон также обеспечил успех «мыльным операм». Подсознательное чувство, что в один и тот же час вместе со мной к телевизору усаживаются такие же люди на всем огромном пространстве бывшего Союза, удовлетворяет наше желание «жить одной семьей». Вспомните, еще три года назад мы голосовали за то, чтобы сохранить СССР. СССР распался. Но тяга быть вместе осталась. Сериалы словно сохраняют «семью советских народов». Сигнал останкинского телепередатчика рушит нелепые пограничные столбы.

Релаксирующий, успокаивающий импульс «мыльных опер» снимает в нас внутреннее напряжение. На желании людей «разрядиться» сыграл в свое время Кашпировский. Но было бы безнадежным инфантилизмом думать, что какой-то «телевизионный дядя» будет всякий раз решать наши проблемы. Неужели сами мы не научимся властвовать собой? Иначе суровое пророчество американского социального психолога Морено: «Современное общество за-

служивает того, чтобы президентом стал психиатр» — может осуществиться на одной восьмой части суши.

ЖИЗНЬ БЕЗ «ЕСЛИ БЫ...»

Жизнь нескольких поколений советских людей прошла в ожидании чуда, в ожидании «настоящей жизни», которая маячила в «прекрасном далеко». Казалось: то, что происходит с нами здесь и сейчас, не особо значимо; так — черновик, набросок... И нынче многим представляется, что радость — впереди, а сегодняшнее время надо только «перезимовать», перетерпеть...

А иные «живут в сослагательном наклонении», горюя о безвозвратно утраченных временах, по естественному свойству человеческой памяти забывая несчастья и преувеличивая радость. Причем «сослагательное наклонение» — двух видов: «Не затеял бы Горбачев перестройку — жили б и в ус не дули»; либо: «Если б к власти не пришли большевики, была б сейчас Россия мощной и процветающей».

Жизни в сослагательном наклонении не бывает. Нечего вывертывать, до хруста в позвонках, голову назад, глядя в «прекрасное прошлое». Не стоит без передышки стоять на цыпочках, чтобы увидеть «светлое будущее». Судьба происходит **здесь и сейчас**. Включись в нее и делай свою жизнь счастливой — **здесь и сейчас**.

А о прошедшей жизни надо помнить, какой она в действительности была, «без гнева и пристрастия», о тех поколениях россиян, которые стоят за нашими плечами. Если думать, что история началась на тебе и тобой завершится, жизнь и впрямь покажется мучительной.

Знание истории, как писал Карамзин, мирит гражданина «с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось...».

Человек без корней — бомж. Бомж в масштабах города, страны или планеты. Даже при раздразнении можно быть уверенным в себе, если ты видишь и знаешь, что было. Тогда ты понимаешь, что впереди — жизнь детей, и детей твоих детей, и правнуков...

Прочитал в седьмом номере «Смены» статью доктора экономических наук Анатолия Дерябина о «миллионщиках». Конечно, ученый прав: то богатство, которое создавалось многолетним трудом наших отцов, дедов, прадедов, теперь переключалось в карманы «навороченных» бизнесменов в «мерседесах». Наверно, это полбеда. Беда в том, что большинство из них — невежественные, подлые и жестокие люди. Не верю в то, что они способны облагодетельствовать нашу страну. Они только о собственных счетах в швейцарских банках пекутся.

И благотворительность их — зачастую просто блеф. Кое-кто замаливает свои грехи, подавая бедным. И помогает не тем, кто действительно нуждается, а тем, кто первым успел подбежать к «кормушке», расталкивая остальных, таких же бедных, локтями.

Вот случай из жизни. К нашему доморощенному мультимиллионеру приходит известный артист. Сумел получить доступ потому, что играет в казино, которым (помимо прочего) владеет «миллионщик». Просит на отдых в Испании три миллиона. И миллион для своего коллеги, пожилого, больного и очень нуждающегося человека. «Конечно, дам», — вальяжно цедит купчина. Окрыленный артист уходит: как же, и сам «заработал», и товарищу помог. Миллионер вызывает секретаря:

«Тому, кто приходил, распорядись, пусть выдадут три «лимона». А будет звонить тот старый хрен, — называет фамилию пожилого артиста, — не соединяй, меня нет и не будет больше никогда!»

Точно так же не в те отрасли, что России нужны, а в те, где дружок или собутыльник работает, будут вкладывать средства наши миллиончики. А скорее, в недвижимость в титой Англии или на солнечном Кипре.

Возникновение слоя очень богатых людей в стране (причем за какие-то два-три года) пагубно для всех нас. Для нашего общего самосознания. Какая наивная мысль господствовала в начале реформ: дескать, миллионеры «своим примером» будут заставлять всех остальных лучше работать и больше зарабатывать! Все видят: большинство современных состояний нажито нечестным путем. И учатся у «маяков» не работать, а хитрить, не вкалывать, а подличать.

Мысль «кто был ничем, тот станет всем», как и в годы революции, прочно овладела умами. Тогда, в 1917 году, провинциальный портной становился комиссаром, ездил на спецпоезде, ел ананасы и насиловал «девочек из хороших семей». Теперь карточный шулер летает на личном самолете, швыряется сотнями долларов в казино и покупает пачками смазливых «лимитчиц». И миллионы людей, каждый в силу своих «способностей» и занимаемого служебного положения, пытаются получить побольше денег каким угодно путем. Забыты честь, порядочность, доброе имя.

Криминализированы целые профессии, сверху донизу. По-

пробуйте сейчас в Москве сдать экзамен на водительские права! Не выйдете, даже если вы гонщик «Формулы-1». Будете ходить семь, десять раз, пока не дадите «гаишнику» «на лапу». Даже «такса» есть: двести долларов. А заплатите четыреста — вам права домой принесут, и уметь водить совсем необязательно. Или попробуйте привезти товар из-за границы или отправить багаж за рубеж — за все надо платить таможеннику. «На лапу», разумеется. И в долларах!

Какие профессии сейчас наиболее популярны среди выпускников школ? Проститутка, коммерсант, тот же «гаишник». Упорный, полезный обществу труд не в чести. Кто собирается стать учителем, врачом, токарем?

Вот и я был студентом, собирался стать искусствоведом. Вроде, говорят, талантлив. Но кому нужны нынче искусствоведы? Отечеству? Такому, как наше, — нет!

Бросил институт, торгую пивом. Дело расширяется, теперь курю «Мальборо», отдыхаю в Крыму. Правда, не сижу в библиотеке, как мечтал всю жизнь, а мотаюсь по городу, закупая товар да сую «на лапу» всевозможным чиновникам...

Издержки переходного периода?

СЕРГЕЙ КОЛУНОВ,
Москва

«Все, что в душе моей жизни звучало...»

Был у нашей редакции большой друг. Был он Большим поэтом и прекрасным Человеком — наш дорогой и любимый Михаил Александрович Дудин. Каждый раз, когда он по каким-то своим и общественным делам приезжал из Питера в Москву, он обязательно заходил в редакцию не только для того, чтобы передать свои новые стихи, но и посидеть с нами за чашкой чая с карамельками, поговорить «за жизнь», вспомнить летние отпуска в Пицунде, где мы с ним познакомились и подружились, и потом обязательно почитать свои стихи. Видно, нравилось ему очень, как слушаем его, внимаем его поэтической мысли, одновременно любясь самим поэтом.

Последний раз мы принимали его в редакции буквально за месяц до кончины. Михаил Александрович рассказывал, что весь погружен в поэзию великого казахского поэта Абая, 150-летие со дня рождения которого по решению ЮНЕСКО будет отмечаться в 1995 году. Блистательный, признанный переводчик, он прочитал всего Абая, съездил к нему на родину, посетил его музей, поклонился могиле вблизи Чингисских гор, ибо всегда придерживался мудрого завета Гёте: «Кто хочет познать Поэта, да отправится в страну Поэта».

Михаил Александрович пообещал нам тогда же, что читатели «Смены» будут первыми читателями его переводов. Он не успел перевести всего Абая и не смог передать нам уже готовые переводы. Это обещание выполнила его жена — Ирина Николаевна, которую мы от имени всех читателей «Смены» сердечно благодарим.

ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

В селе Вязовское на старом погосте
 Землею становятся мысли и кости.
 На старых могилах, как дивное диво,
 Растут лопухи и бушует крапива.
 И в переплетеньи света и тени
 Кольшиются заросли белой сирени.
 И церковь, окутанная сиренью,
 Привыкла давно к своему запустенью.
 Здесь память о предках моих небогата.
 Здесь родина жизни моей. И когда-то
 Окончится дней моих длинная повесть.
 Умолкнут стихи. Успокоится совесть.
 Друзья разойдутся. Разъедутся гости.
 Найдите мне место на этом погосте.
 Пусть все, что в душе моей жизни звучало,
 Обратно вернется в родное начало.

1986 г.

Переводы из Абая

Удлиняются тени скорее,
 Чем мы их появления ждем,
 И багровое Солнце, не грея,
 Удаляется за окоем.
 И душа мой в сумерках серых,
 Погружаясь в раздумья,
 печаль,
 На еще не забытых примерах
 Наблюдает прошедшую даль.
 Пыль и пепел побед
 и тревоги,
 И от времени высохших троп,
 Там, где Время — скакун
 быстроногий —
 Перешло, не спросясь,
 на галоп.
 Там, где сердце доверию радо,
 И за смелость не ждя похвалы,
 Захлебнулось от меда и яда
 На пиру из одной пиалы.
 Никакого особого дива
 Мне на завтра судьба не сулит,
 Мысль моя, как щенок
 шелудивый,
 На забытом кочевье скулит.

Не догонишь
На оседланном ветру.

Холодных туч густеющая мгла
Отроги голых гор заволокла.
А табуны на выпасе играют
С мороза иль с нагульного тепла —

Не разберешь. Остистая трава
До будущей весны полужива.
Согбенные бредут на горизонте,
Как древние старухи, деревья.

В ауле тихо. Кто-то дубит кожу,
А кто-то чинит ветхую одежду,
Свекровки шерсть прядут,
а молодухи
На жизнь латают старую надежу.

И журавли летят через туман.
Под ними вдаль кочует караван.
Куда ни глянь —
унынье и молчанье.
Обет молчанья жизнью Богу дан.

Старухи в юрте греют малышей,
А те дрожат от пяток до ушей.
Не получив ни кости, ни похлебки,
Псы убегают в степь ловить мышей.

Мир старости и мир детей в слезах.
Жизнь мира замирает на глазах.
...Прекрасна юрта очагом горящим.
Не бойся в юрте копоти, казах!

Заплетенная круто коса за спиной
Вся в серебряном звоне
о жизни иной.
И бобровая шапка
над гибкою шейей,
А глаза — хоть умри —
не пройдешь стороной!
Ты потонешь навек
в черном зеркале глаз,
Перепутав случайно призыв и отказ,
Будешь маяться памятью
белой улыбки
И ее жемчугами зубов напоказ.

==
Ты рос. Ты вверх тянулся смело
Всем мужеством души и тела.
Ты рос, как вешиная трава,
Как злак, не знающий предела.

Трудом немилосердных лет
Ты проложил по жизни след.
И вот настало время жатвы —
Держать пред будущим ответ.

Что видишь ты в седой золе
Костра, горевшего во мгле?..
А голова твоя, как колос,
Все ниже клонится к земле.

Не ради смерти человек,
В бессмертье веря, кончит век,
Не рысаком, а старой клячей
Судьба твоя закончит бег.

Многообразен путь земной.
Смерть не обходит стороной
Загадку жизни человека.
Ты это помни, милый мой...

==
«По первой пороше охотник
с беркутом выходил на лов».

Охотник и конь, и напарник,
и беркут,
И снега нетронутая полоса,
И где-то в кустах, незаметная
сверху
И снизу, встревоженная лиса.
Охотник — сверху, а выжлятник
в долине.
И видит в укрытье звериный
зрачок,
Как ловкий охотник на белой
вершине
С глаз беркута стаскивает
колпачок.
И беркут, прозрев, поднимается
круто,
Крылом опираясь о небеса,
И смотрит глазами кровавыми
лито,
И грозного беркута видит лиса.
Ей не убежать и от битвы
не скрыться,

Изда.лека

36

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР

САТРАП

Рисунук
ГЕННАДИЯ
НОВОЖИЛОВА

о наружности Аракчеев был немногим благообразнее Квазимодо. Но, в противоположность Квазимодо, Аракчеев не обманывал своею наружностью: его отталкивающей внешности соответствовали крайне непривлекательные душевные качества.

Суровый и мрачный граф таил под безобразной наружностью неудержимую падкость до грешных плотских «шалостей», как он сам обыкновенно выражался. Он любил строго преследовать и карать разврат среди подвластных ему людей, и дворня его грузинской вотчины* больно испытывала на себе моралистические наклонности графа. Только для самого себя он делал любезное исключение.

У Аракчеева никогда не переводились многочисленные любовные связи. Сорока лет он наконец женился на 18-летней дворянке Хомутовой, миловидной и приятной особе. Брак оказался недолговечным. Аракчеев замучил жену тяжелыми свойствами своего характера и более всего безудержной ревностью. Однажды, выезжая из Петербурга, Аракчеев строжайше приказал слугам следить за тем, чтобы его жена не посещала некоторых знакомых семейств, но самой жене ничего не сообщил об этом распоряжении. Через день после отъезда графа жена его садится в карету и велит возить себя как раз в один из запретных домов. Лакей докладывает, что это невозможно, и передает волю графа. «Пошел к матушке!» — кричит оскорбленная графиня; приезжает в дом матери и более уже не возвращается к мужу.

Преследуя ревностью молодую жену, Аракчеев сам непрерывно изменял ей. В самый год женитьбы на Хомутовой (1806 г.) граф соорудил в саду грузинского имения чугунную вазу в честь своей любовницы Настасьи Минкиной. Эта Настасья сыграла важную роль в жизни Аракчеева. Он купил ее в свою дворню откуда-то издалека и сделал своей наложницей. Дородная, красивая смуглянка с огненными черными глазами крепко привязала к себе графа не только красотой, но и силою житейской изворотливости. В течение многих лет, до самой своей трагической смерти (ее убили дворовые, возмущенные ее жестоким с ними обращением), Настасья оставалась доверенной управительницей грузинской вотчины и, можно сказать, всевластно царил в имении графа. Аракчеев был, несомненно, привязан к этой женщине, что в особенности доказывается тем бурным отчаянием, которое овладело им после убийства Минкиной. Аракчеевские крестьяне были глубоко убеждены в том, что Настасья знает с нечистой силой и с ее помощью околдовывает графа. Судя по дошедшим до нас письмам, опытная в житейских делах Минкина действовала на графа разнообразными способами. Она брала свое и хозяйственной деловитостью при управлении имением, и грубой, униженной лестью, и постоянными наружными изъявлениями собачьей преданности. Но при всем этом она никогда не позволяла себе докучать графу ревнивыми жалобами и открыто мирилась с его сердечной ветреностью.

«Вам, — пишет она Аракчееву в одном из писем, — не надобно сомневаться в Н., которая каждую минуту посвящает вам. Ска-

* Грузино — имение Аракчеева в Новгородской губернии.

жу, друг мой добрый, что часто в вас сомневаюсь, но все вам прощаю; что делать, что молоденькие берут верх над дружбою, но ваша слуга все будет до конца своей жизни одинакова...»

Разумеется, такая уступчивость не стоила Настасье никакой душевной борьбы, и тайно от графа она находила для себя сердечные радости, более заманчивые, нежели аракчеевские объятия. Зато и граф — и уже не тайком, а в открытую — не стеснял себя связью с Настасьей и, сохраняя Настасью в Грузине как свой надежный резерв, никогда не отказывал себе в счастливых атаках на сердца петербургских искательниц графских милостей. Впрочем, и в Петербурге наряду с мимолетными связями у Аракчеева была также долготелная подруга — жена бывшего синодского секретаря Варвара Петровна Пукалова, умная образованная барыня, игравшая благодаря связи с Аракчеевым, большую роль в петербургском сановном мире и, по-видимому, очень падкая до участия в служебных интригах. Тиранин Сибири Пестель, державшийся Аракчеевым, пресмыкался перед Пукаловой и поселился в одном с нею доме. В одном письме Дениса Давыдова к Закревскому встречаем любопытные строки: «Каким образом Вельяшев, который мостил сундуки свои червонцами, вымостил себе ленту? Неужели послужила к сему та дорога, которую он намостил шальями для прохода Пукаловой к Аракчееву?»

Нет сомнения, что в основе всех этих увлечений Аракчеева лежала грубая чувственность. Всю жизнь он был падок до порнографии. Можно сказать, что в его душе соперничали две страсти — истязать людей и разглядывать неблагопристойные картинки. Эти картинки выписывались для него целыми партиями из-за границы. В садах Грузина, среди различных памятников, поэтических гротов и руин, статуй и беседок, на уединенном островке одного из садовых прудов Аракчеев соорудил таинственный павильон, всегда запертый на ключ. Аракчеев посещал этот павильон или один, или с самыми интимными приятелями. Все стены павильона были заняты зеркалами. При нажатии потаенной пружины зеркала переворачивались, и за ними взорам посетителей открывались громадные картины самого непристойного содержания. На стол Аракчеева иногда подавался сервиз, выписанный из Парижа. Все тарелки этого сервиза были украшены столь же игривыми изображениями, например, «Венера на бойне», «Любовь заставляет плясать трех граций» и т. п. Половина библиотеки этого первого сановника в государстве была наполнена книгами соблазнительно-игривого содержания, например, «Любовники и супруги или мужчины и женщины, и то, и сие», «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами» и т. д. А вперемежку с этими книгами находились такие, как, «Сеятель благочестия», «О воздыхании голубицы и пользе слез», «Великопостный конфет» и прочие. Сладострастие и ханжество тесно переплетались в лице Аракчеева.

Отдаваясь наклонностям сладострастного сатира, Аракчеев не стеснялся никакой обстановкой. В день именин императрицы Марии Федоровны, 22 июля 1824 года, в Петергофе был дан, как всегда, роскошный праздник. Горела иллюминация. Площадка перед петергофским дворцом, против главного фонтана «Сам-

сон», вся была покрыта массой народа. Некто Фишер, тогда 18-летний юноша, привел туда свою сестру, 17-летнюю красавицу. Пробираясь к более удобному месту, они вдруг заметили у самых перил старика в смятой военной фуражке и поношенной шинели, который стоял как-то одиноко, окруженный незанятым никем пространством. Молодой человек, недолго думая, продвинулся с сестрой к свободному месту, и тотчас же генерал-адъютант в полной форме, стоявший за грязным стариком, схватил Фишера за руку и строго сказал: «Нельзя». Однако старик — это и был Аракчеев, — взглянув на красавицу, процедил сквозь зубы: «Оставь!» Осмотревшись, Фишер заметил, что за стариком стояли три генерала в полной форме, и публика плотным кольцом облегла тот заповедный круг, среди которого находились только Аракчеев и Фишер с сестрой. И вот, при генералах и публике Аракчеев, скривив рот и в упор глядя на красавицу, начал гнусливым голосом отпускать сальные шуточки. «Allons nous en», — шепнул сестре растерявшийся Фишер, и, когда они удалились от привилегированного соседства, Аракчеев следил за ними с цинично-насмешливой улыбкой, а генералы и публика смотрели на юную пару со смешанным выражением удивления и любопытства.

40

Аракчеев был великим мастером по части сооружения вокруг себя декоративного, показного благоденствия. Надо, однако, сказать, что в числе сельских учреждений Аракчеева были такие, от которых крестьяне действительно получали настоящую пользу, как, например, основанный Аракчевым в Грузии мирской банк для выдачи крестьянам беспроцентных ссуд на приобретение скота и на хозяйственные постройки; для учреждения этого банка Аракчеев пожертвовал 10 000 руб. Но и такие отдельные благодетельные меры не могли смягчить для аракчеевских крестьян всей тягостности их существования. В Грузии всегда стояли кадки с рассолом, в котором мокли палки и прутья, приготовленные для расправы с крестьянами и дворовыми. По неделям и месяцам ходили люди Аракчеева с рогатками на шее, которые не давали им возможности прилечь; рогатки надевались и на женщин, и на девушек, и в таком виде наказанным приказывали являться в собор к церковным службам. С обычной своею аккуратностью Аракчеев составил для своих вотчин целое уложение о наказаниях. За первую вину, по этому уложению, полагалось сечение на конюшне; за вторую — отсылка в поселенный полк для наказания там особыми «аракчеевскими» толстыми палками; за третью — телесное наказание еще более суровое, которое производилось уже перед окнами господского дома вызванными из полка палачами; сверх телесного наказания провинившимся грозило еще заключение в домашнюю тюрьму. Исполнителями своей воли по части муштрования дворни и крестьян Аракчеев избирал людей, не уступавших ему самому в жестокости. Главная управительница Грузина, уже упомянутая выше Минкина, стяжала себе славу Салтычихи. Помощником ее по управлению дворней был архитектор Минут, настоящий зверь, от преследований которого дворовые нередко бросались в пруд и топились. Как-то раз дворня, не выдержав, принесла жалобу Аракчеву на жестокость Минута. Что же Аракчеев? Пришел

к Минуту да и говорит с обычной своей гнусавой растяжкой: «Не ладно у тебя, братец, что люди на тебя жалуются, это не дело, не люблю я этого; надо так наказывать, чтобы и жалиться не смели».

Аракчееву было свойственно находить в мучительстве какое-то особенное сладострастное наслаждение. На разводах в Гатчине при императоре Павле Аракчеев с ревностным увлечением собственноручно вырывал у солдат усы; в другой раз откусил у солдата ухо. Отсылая дворовых людей для наказания, Аракчеев любил потом лично осматривать их израненные спины, и горе было тем, у кого, по его мнению, оказывалось недостаточно кровавых знаков. Бывало, дворовые, отправляясь после наказания на смотр к графу, резали цыплят и намазывали их кровью свои рубцы для того, чтобы граф остался доволен результатами расправы и не отдал приказа возобновить истязание.

До каких пределов могла доходить жестокость Аракчеева, видно по тем неистовствам, которым он предан в Грузии, обезумев от горя после убийства Минкиной. Примчавшись в Грузию, Аракчеев, еще не разбирая дела, предал всех дворовых страшным пыткам и истязаниям. А когда закончился немилостивый и неправедный суд, то в Грузии же была произведена и заключительная экзекуция. «Моя рота, — описывает эту экзекуцию очевидец, — была переведена на военное положение и назначена к походу в Грузию. Каждому солдату было выдано по 60 патронов. В 9 часов утра рота оцепила в Грузии лобное место среди большой поляны. Кругом стояла толпа народа до 4000 человек. Посредине поляны был врыт в землю станок, по обеим сторонам которого горели огни ввиду холодного времени. У станка была поставлена огромная бутылка водки, к которой поминутно прикладывались палачи. Мне еще и теперь слышатся резкие, свистящие звуки кнута, страшные стоны и крики истязаемых и глухой, подавленный вздох тысячной толпы народа».

Мрачный человеконенавистник, Аракчеев любил принимать от людей в отплату за свою ненависть внешние знаки почета. Тщеславие — иногда самое пустое и суетное — было третьей основной стихией его души наряду со сладострастным цинизмом и жестокостью.

Генерал Маевский, бывший при Аракчееве, по собственному признанию, отчаянно льстил своему начальнику. «Все удивляюсь вашему всеобъемлющему гению», «ваше сиятельство можете быть причислены к феноменам нашего века», «ваш гений ставит вас выше всех смертных, и если кого можно поставить в параллель с вами, то разве только Метерниха, Велингтона и Наполеона» — подобные фразы так и сыпались из уст Маевского в беседах с Аракчеевым. Эта была лесть, граничившая с глумлением. Но Аракчеев наслаждался и таял от удовольствия.

Известно, что Аракчеев имел обыкновение отказываться от различных наград, которые предлагал ему император Александр. Он сам тщательно записал все эти отказы на прокладных листах своего Евангелия, на которые заносил время от времени автобиографические заметки. Здесь читаем под 14 января 1809 года: «Прислал прусский король с флигель-адъютантом бриллиантовую звезду ордена, но мною не принята, а возвраще-

на обратно»; под 6 сентября 1809 года: «Государь император Александр I изволил прислать к графу Аракчееву по случаю мира с Швецией с флигель-адъютантом орден св. апостола Андрея Первозванного, тот самый, который сам изволил носить, при рескрипте своем, оный орден упросил граф Аракчеев того же числа ввечеру взять обратно, что государем императором милостиво исполнено»; под 31 марта 1814 года: «В Париже государь император Александр I изволил произвести графа Аракчеева в фельдмаршалы вместе с графом Барклаем, о чем и приказ собственноручно был написан, но гр. Аракчеев оного не принял и упросил государя отменить»; под 12 декабря 1815 года: «Государь император Александр I изволил давать графу Аракчееву звание статс-дамы для его матери, но граф оного не принял и упросил оное отменить».

Если бы все наши сведения о личности Аракчеева ограничивались этими автобиографическими его заметками, мы могли бы заключить, что Аракчеев был образцом скромности или философом, искренно презиравшим суету мира. Но, сопоставляя эти заметки со всем, что нам известно о жизни их автора, приходится признать, что в этих отказах от наград Аракчеев находил высшее утоление своему тщеславию. Припомним упомянутую уже нами картину петергофского праздника, описанную Фишером. Петергоф залит праздничной толпой, все — в нарядах, в полных парадных формах, сам император в мундире и эполетах, везде звезды, ленты, блестящие султаны. И один только Аракчеев стоит на главном и самом видном месте, распространяя кругом подобострастный трепет, — в старой шинели и поношенной фуражке, «точно денщик, идущий из бани», как выразился Фишер. Разве это не вызов, разве это не высшее тщеславие? «Только я один могу являться на царский праздник в таком затрапезном виде; пусть царь дает мне ордена и ленты, я не приму их; но и в затасканной шинели, среди разукрашенных орденами генералов я буду всегда первый, главный и самый могущественный» — такова была философия аракчеевской «скромности», за которой крылась высшая мера дерзости. И надо было видеть, как свирепел этот скромник, лишь только луч царской милости падал на кого-либо, кроме него.

В 1812 году, при начале Отечественной войны, Александр I прибыл в Москву для призвания населения к пожертвованиям на устройство ополчения. В присутствии Аракчеева и Балашова московский главнокомандующий Ростовчин доложил императору, что дворянство и купечество постановили учредить ополчение на 80 000 человек и пожертвовали деньгами 13 млн. руб. Александр обнял и поцеловал Ростовчина. При выходе из дворца Аракчеев поздравил Ростовчина с знаком монаршей милости, прибавив: «Он никогда не целовал меня, хотя я ему служу с тех пор, как он царствует». «Будьте уверены, — сказал Ростовчину Балашов, — что Аракчеев никогда не забудет и не простит вам этого поцелуя». Предсказание Балашова оправдалось в полной мере.

Еще при самом начале своей карьеры при императоре Павле Аракчеев выказал, до чего могла доходить его дерзкая заносчивость. При первом же разводе по воцарении Павла Аракчеев

закричал на гвардейцев: «Что же вы, ракалии, не маршируете; вперед, марш!» — а инспектируя по поручению Павла екатеринославский гренадерский полк, он дошел до того, что публично назвал знамена этого полка «екатерининскими юбками».

После этого можно себе представить, какой недосыгаемостью окружил себя Аракчеев во время наивысшего своего фавора при Александре Павловиче и какие оскорбительные выходки безнаказанно сходили ему с рук!

Дом, занимаемый Аракчеевым, на углу Кирочной и Литейной, «весьма похож на египетские подземные таинства». В преддверии вас встречает курьер и ведет чрез большие сени в адъютантскую; отсюда направо — собственная канцелярия государя, налево — департамент Аракчеева, а прямо — приемная. «Везде мистика, везде глубокая тишина; на всех физиономиях страх; всякий бежит от вопроса и ответа, всякий движется по мановению колокольчика и почти никто не открывает рта. Это — тайное жилище султана, окруженного немymi прислужниками». С четырех часов ночи начинали съезжаться сюда министры и другие сановники. Дежурный адъютант на докладе графу о прибытии кого-либо из них не получал никакого ответа, что значило «подождать». Нередко и второй доклад был встречаем молчанием графа, по-видимому, погруженного в занятия за письменным столом. Приемная Аракчеева была великою школою терпения и уничтожения.

Известный уже нам Фишер вспоминает, как один старик сановник, человек почтенный, рассказывал: «Ждал я как-то в приемной графа Аракчеева; ждал часа два; ну... молод был, дел было пропасть; вот я и сказал: «Ах, скоро ли примет меня граф?» — Адъютант входил к графу и выходил, звали и того и другого, а я — жду. Перед обедом уже адъютант объявляет мне, что его сиятельство приказал мне прийти на завтра в 8 часов утра. Пришел. Жду-жду... В 2 часа граф проходит мимо со шляпой, не глядя на меня, едет со двора; в 4 часа возвращается, проходит мимо, не глядит на меня, а я дошел почти до обморока. Слышу — сел обедать. В 6 часов приказывает мне явиться завтра к семи часам утра. Я смекнул, в чем дело. Еду на другой день, взял в карман корку хлеба и несколько мятных лепешек. Опять жду, но уже спокойнее. Наконец, в 12 часов зовут меня к графу. Когда я вошел в кабинет, граф говорит: «Ну что, любезный, привык?»»

Однако повелительное и дерзкое обращение Аракчеева с окружающими не было результатом сознания внутренней силы своего духа. При малейшем намеке на опасность этот надменный громовержец в самой жалкой форме обнаруживал трусливость природы. Аракчеев доказал свою трусость в самых разнообразных жизненных положениях. Страстный охотник до истязаний безоружных или подвластных ему людей, Аракчеев никогда не решался понюхать неприятельского боевого пороха. Он любил изза печки вмешиваться в военные распоряжения, но, сопровождая государя во многих кампаниях, никогда не показывался на черте выстрелов.

Под Аустерлицем государь вздумал было поручить Аракчееву начальство над одной колонной, но Аракчеев пришел в неопи-

сумое волнение и отклонил поручение, ссылаясь на слабость нервов. Но и в мирное время, в обыденной жизни он не отличался мужественностью характера. Врач, присутствовавший при последних часах его жизни, сообщает, что Аракчеев выказал во время предсмертной болезни самый малодушный страх перед смертью и с безграничной тоской и ужасом цеплялся за жизнь. Но и жизнь была для него полна страхов. Он вечно дрожал за свою безопасность, редко спал две ночи сряду в одной кровати, обед принимал только приготовленный особенно доверенными людьми, и домашний доктор должен был предварительно сам отведывать всякое кушанье. В последние годы его жизни был с ним такой случай. Он сидел дома, в своем грузинском имении. Ему доложили, что вдали по дороге показались быстро скачущие тройки. Он страшно побледнел, схватил заветную шкатулку, кинулся в экипаж, всегда стоявший наготове, и понесся во весь дух. Он скакал без передышки весь день, переночевал у какого-то помещика, перепугав его своим внезапным появлением, и на утро продолжал столь же поспешное бегство. Прилетев в Новгород, он пристал к дому вице-губернатора. И что же оказалось? Мимо грузинского дома просто-напросто ехали с праздника местные священники, которым попались резвые лошадки.

Все эти свойства личности Аракчеева объясняют как нельзя лучше ту острую ненависть, которая скопилась со всех сторон около этого человека. В чувстве ненависти к Аракчееву с полным единодушием сходились самые разнообразные слои общества. Самые популярные остроты, приобретающие тогда наибольшую распространенность, неизменно посвящались хуле на Аракчеева, и, например, знаменитый девиз аракчеевского герба «Без лести предан» был переделан публикой в «Без лести предан».

Но чем объяснить, что император Александр составил в этом отношении столь резкое исключение из всей России?

Прежде всего нужно заметить, что никто из писавших об Аракчееве не отказывает ему в уме и способностях. Кроме многочисленных об этом свидетельств современников, сохранились пометки Аракчеева на мемориях комитета министров, подносимых государю за то время, когда Аракчеев стал единственным докладчиком императора по делам этого учреждения. Пометки эти, с которыми, заметим, государь всегда соглашался, обнаруживают в их авторе несомненный практический ум, способность сразу ориентироваться в деловых вопросах и, что важно подчеркнуть, какую-то особую, аффектированную честность. Эти энергия, деловитость и честность подчеркивались большинством современников, писавших об Аракчееве.

Аракчеев, бесспорно, умел превосходно «делать дело», когда он этого желал. Военные специалисты весьма высоко ставят проведенную Аракчеевым реформу русской артиллерии в бытность его инспектором всей артиллерии. Эта часть русских военных сил находилась к концу XVIII столетия в полном упадке. Своими энергичными мероприятиями Аракчеев поднял русскую артиллерию на уровень западноевропейской, и результаты этой реформы ярко сказались во время участия России в коалициях против Наполеона в 1805 и 1807 годах.

Другим блестящим проявлением административной деловито-

сти и энергии Аракчеева считается обыкновенно его деятельность в качестве военного министра во время финляндской кампании 1809 года. Благодаря распорядительности и настойчивости Аракчеева, прибывшего на театр войны, удалось победить все препятствия к подготовке знаменитого перехода русской армии по льду Ботнического залива на шведский берег.

Наконец, сопоставим с этим успешное выполнение Аракчевым поручения иного рода. Я имею в виду составленный Аракчевым в 1818 году по поручению государя проект освобождения крепостных крестьян.

Итак, Аракчев мог с успехом вести государственные дела разнообразного характера. У него была хорошо устроенная голова и золотые на работу руки. Но эти положительные качества подсекались, мельчали и разменивались благодаря основной черте его натуры и его деятельности: им всегда руководили не стремления государственного человека, а корыстные (в широком смысле этого слова) домогательства царедворца. Вот почему он, крепостник в душе, мог, если было приказано, серьезно и плодотворно заняться составлением освободительного проекта и в то же время, будучи противником военных поселений, мог, ввиду желания государя, связать свое имя с самым рьяным и неуклонным насаждением этих учреждений. Прикажут — и он эмансипатор; прикажут иначе — и он бич и гроза подневольного населения.

Петр Великий сумел бы выколотить из него, как и из Меншикова, хорошего слугу для государственной работы; Александр Павлович отвел ему для своих личных услуг такую роль, при исполнении которой отрицательные стороны его личности разрастались более пышно, нежели положительные.

Показной характер деловитости Аракчеева особенно ярко сказался в главном деле его жизни — в организации военных поселений. И можно сказать, что созданное Аракчевым буталфорское великолепие военных поселений оставило далеко позади себя даже знаменитые потемкинские декорации, сооруженные во время путешествия в Крым Екатерины II. Сооружения Потемкина были рассчитаны лишь на краткий момент Высочайшего проезда. Аракчевская феерия должна была создавать постоянный, непрерывный оптический обман, на котором Аракчев строил свою безраздельную силу у царского трона.

Секрет той быстроты, с которой Аракчев осуществлял желания государя, сводился к тому, что Аракчев вовсе не считал нужным изыскивать для выполнения той или другой работы наиболее подготовленных и подходящих к ней людей. Он твердо верил во всемогущество служебной субординации и проповедовал правило, что на службе никто и никогда не может отговариваться незнанием и неумением. Достаточно приказать и выскать, — и любое дело будет сделано. Так, в 1817 году будущий сенатор, а тогда двадцатилетний подпоручик Брадке, был откомандирован в распоряжение Аракчеева по военным поселениям. Брадке явился к Аракчеву. Тот любезным тоном объяснил предстоящие ему обязанности: определять линии построек, готовить поля, луга и пастбища для новых поселенцев, для чего под его команду будет назначено несколько батальонов. Брадке

в смущении заявил, что он совершенно несведущ в сельском хозяйстве. Аракчеев сразу изменился в лице и сурово ответил, что не привык выслушивать таких возражений и что всякий служащий должен беспрекословно исполнять возлагаемые на него обязанности. Разумеется, такой упрощенный прием управления громадным и сложным предприятием, каким были военные поселения, не мог приводить к твердым и прочным результатам. Но о прочности результатов Аракчеев как раз и не заботился, была бы только наведена внешняя красота на показные декорации.

Самый выбор местностей для устройства поселений, по словам Бадке, был «роковым». В Новгородской губернии под поселения были взяты места, почти сплошь занятые старым, порченным лесом, с обширными и глубокими болотами, негодными для обработки, с населением, мало привычным к земледелию. В Могилевской губернии избрали обширную волость, откуда несколько тысяч человек переселили в Херсонскую губернию, и масса народу погибла при этом переселении от голода, уныния, тоски по родине. А на их место поступил батальон солдат, отвыкших от земледелия, незнакомых с местностью, лишенных знающих руководителей. В первое время они страшно бедствовали. Построили великолепные здания для штабов, провели всюду шоссе, поставили шегольские домики для поселенных солдат, но дуга и пастбища оказались расположенными далеко за полями, и скот приходил к пастбищу совершенно изнуренный. Выписали дорогой заграничный скот, когда дуга еще не были нарезаны, и скотина падала от голода и злокачественности болотных трав. И ко всем таким тяжелым промахам присоединялись тягостность педантического формализма и бесцельная жестокость в приемах управления. Так характеризует Бадке оборотную сторону показной «деловитости» аракчеевского управления военными поселениями.

«В этом поселении, — пишет другой очевидец, — повивальные бабки, родильные ванны, носилки, отхожие места — все царские. В больнице полы доведены до паркетов, но больные не смеют прикасаться к ним, чтобы их не замарать, и вместо того, чтобы выходить через дверь, прямо прыгают с кровати в окно. У каждого поселенного полка — богатая мебель и серебряный сервиз. Но мебель хранится, как драгоценность, и на ней никто не смеет сидеть. То же и с офицерами — они не смеют ни ходить, ни сидеть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано им для употребления. Солдаты жили во время работ в сырых мазанках. Больных было много, смертность значительная; в мазанках не было печей, негде было греться; лихорадки, поносы, цинга, куриная слепота свирепствовали в поселениях. Солдаты возвращались с работ с песнями для начальства, а ночью по всему лагерю слышались оханье и стоны.

Весь быт военных поселений представлял собою цепь фальсификаций. Пьянство и даже просто нормальное употребление вина было там воспрещено под строжайшими карами, но по ночам секретно продается вино.

При объездах военных поселений императором Александром Павловичем все сияло довольством и благосостоянием. Входя

в обеденное время в разные дома, государь у каждого поселения находил на столе жареного поросенка и гуся. Очевидцы рассказывают, однако, что эти гусь с поросенком быстро были переносимы по задворкам из дома в дом по мере того, как государь переходил от одного поселенца к другому. Разумеется, — прибавляет к этому рассказу очевидец, — ни пустых щей, ни побитых спин государю не показывали.»

Подмена истинной деловитости бездушной, мелочной формалистикой резко сказывалась и в собственном домашнем хозяйстве Аракчеева. Во всех комнатах грузинского дома стояло по чернильнице с опущенными в них перьями, — чтобы Аракчееву можно было на лету делать разные заметки. Кроме того, на главном столе лежал его дневник, в который мельчайшим шрифтом граф заносил тысячи заметок о всякой хозяйственной мелочи. В домашней канцелярии графа в Грузии всегда что-нибудь писали. Если на минуту останавливалась работа, он сейчас же измышлял что-либо новое. В 1820 году «он посвятил весь ноябрь составлению положения о том, сколько нужно для грузинской мызы метелок, лопат, пакли и сколько мякины для птиц и коров». Были произведены подробнейшие исчисления и выкладки. Было исписано громадное количество бумаги. С математической точностью было определено потребное число метел и лопат различных видов и категорий. Чистота и порядок — прекрасные регуляторы общежития, но Аракчеев, как и все фанатики, превращая средство в самоцель, сумел сделать из своего культа чистоты и порядка истинный бич для подвластного населения. Малейшая пылинка на стене, едва приметная для микроскопического наблюдения, будучи замечена Аракчеевым, вызывала немедленно жестокую расправу — палочные удары для слуги и арест для чиновника. Случалось, что граф, войдя в комнату и окинув взглядом стены и паркет, блестящие, как зеркало, все же не довольствовался их внешним осмотром и, смочив платок, сам подлезал под диван или под кровать и пробовал платком чистоту пола. И горе было слугам, если на платке оказывалась какая-нибудь пылинка или ниточка.

Наряду с чистотой Аракчеев заставлял приносить такие же, иногда весьма тяжелые жертвы и на алтарь мертвенной симметрии. Крестьянские дома в селе Грузии все были отстроены по одному типу — казарменной архитектуры, все были выкрашены в розовую краску и вытянуты в одну шеренгу.

Я привожу все эти указания — количество которых можно было бы умножить в значительной степени — лишь для того, чтобы выяснить на конкретных примерах, на какие пустяки способен был Аракчеев разменивать свою «деловитость». Тщеславный честолюбец заслонял в нем серьезного государственного деятеля.

Остается теперь разобрать вопрос о честности Аракчеева, о его бескорыстной заботливости о казенном добре. По-видимому, он не был одним из числа многих грубых казнокрадов, но подотти казну при удобном случае весьма был не прочь. Например, в форме привлечения казенных людей к обязательным работам в своем частном хозяйстве. Еще при императоре Павле Аракчеев отважился выстроить себе дом в Грузии артиллерийскими

солдатами. В царствование Александра Павловича, произвольное корыстное распоряжение казенными людьми вошло у Аракчеева в систему. Матросы его грузинской яхты получали жалование от адмиралтейства, а в Грузию массами наряжали казенных инженеров, работников, солдат.

Подобные факты как нельзя более гармонируют с общеизвестною скупостью Аракчеева, доходившею до скряжничества. Эта скупость сказывалась на каждом шагу в его домашнем обиходе. По шоссейным дорогам, проведенным в разных направлениях по грузинской вотчине, воспрещалось ездить: при выезде и въезде у каждой деревни шоссе запиралось большими чугунными воротами, ключи от которых всегда хранились в графском доме. Штрафы обильным и непрерывным дождем сыпались на грузинских крестьян, и Аракчеев дошел по этой части до такой изобретательности, что установил целую систему штрафов с баб за бесплодие. Каждая баба должна рожать ежегодно, и лучше сына, чем дочь, — таково было одно из основных правил практической домашней экономии. За рождение дочери полагался определенный штраф; за мертвого ребенка и за выкидыш — штраф более крупный, а в тот год, когда баба совсем не забеременеет, с нее сверх штрафа требовали еще представления десяти аршин точива (холста)...

Заканчивая на этом рассмотрение личности Аракчеева, я опять ставлю вопрос: какими элементами своей личности мог Аракчеев пленить душу Александра Павловича? Почему Александр считал Аракчеева необходимым для себя человеком и в чем заключалась эта необходимость?

48 Аракчеев не принадлежал к числу тех людей, которым условия рождения от самой колыбели предуготовляют гладкий и беспрепятственный путь к служебным отличиям и видимым государственным постам. Лишь благодаря случайному сцеплению обстоятельств он вынырнул на поверхность государственной жизни России с самого дна провинциального помещичьего заолустья. Ввиду скромности происхождения, Аракчееву предстояла нелегкая задача — своим горбом пробить себе дорогу к независимому и твердому положению в жизни. Вступив в корпус, он сразу же показал всем своим поведением, что он сумеет разрешить эту задачу как нельзя успешнее. Железное трудолюбие, пунктуальная исполнительность, бессловесная покорность начальству и какая-то мрачная отчужденность от товарищей — вот что прежде всего бросалось в глаза в поведении юного кадета. Товарищи его возненавидели, а начальство не чаяло в нем души, и Аракчеев быстро пошел в гору. Директор корпуса Меллиссино выхлопотал ему назначение в свой штаб старшим адъютантом с чином капитана армии. Вскоре после того в жизни Аракчеева произошел решительный и важный перелом.

Цесаревич Павел Петрович пожелал ознакомиться с тем, как заделывают образовавшуюся в пушке раковину. В те времена это почиталось секретом. По просьбе цесаревича Меллиссино прислал в Гатчину для этой цели секретного мастера вместе со своим адъютантом Аракчеевым. Аракчеев не преминул воспользоваться хорошим расположением духа цесаревича и подал ему мысль о сформировании в составе гатчинских войск артиллерий-

ской роты. Павел с жаром ухватился за эту идею. Рота была сформирована, а Аракчеев был назначен ее командиром. На первом же разводе Аракчеев целиком пленил сердце Павла фанатичной служебной исполнительностью. Учение продолжалось 12 часов подряд, не сходя с поля. Павел был в восторге. С этого дня Аракчеев «стал фактотумом гатчинского гарнизона, страшилицем всех гатчинских жителей и приобрел полное доверие великого князя».

Павел осыпал нового любимца отличиями и наградами. В короткое время Аракчеев последовательно был назначен капитаном артиллерии, майором артиллерии, инспектором артиллерии, а затем и пехоты и, наконец, незадолго уже до воцарения Павла, гатчинским губернатором и подполковником артиллерии и полковником гатчинских войск. Так что не было ничего неожиданного и в той знаменитой сцене, которая разыгралась в день кончины Екатерины в тот момент, когда императрица еще томилась в муках агонии. Павел, прибыв в Зимний дворец, призвал к себе Александра и Аракчеева, соединил их руки и сказал: «Будьте друзьями и помогайте мне». Александр взглянул на Аракчеева, прискакавшего из Гатчины в одном мундире и забрызганного грязным снегом от быстрой езды, и позвал его к себе переодеться. Александр дал при этом Аракчееву свою рубашку, которая затем хранилась в Грузине, как драгоценность, в сафьяновом футляре и в которой Аракчеев завещал положить себя в могилу. Словом при Екатерине Аракчеев тесно связал свою судьбу с Павлом, а при Павле он сумел стать интимным жизненным спутником Александра.

С воцарением Павла все почувствовали себя в каком-то мрачном вихре. Ни в чем не было устойчивости. Гнев и милость порывами сменяли друг друга. Даже Аракчееву пришлось испытать на себе последствия этой порывистости. В краткий период Павловского царствования Аракчеев дважды срывался с той высоты, на которую он был вознесен личной близостью к императору. Первые полтора года нового царствования были для Аракчеева триумфальным шествием по пути непрерывных служебных повышений: 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина, а 7-го Аракчеев был назначен комендантом Петербурга, 8-го — произведен в генерал-майоры, 9-го — назначен командиром сводного гренадерского батальона Преображенского полка, 13 ноября ему пожалована аннинская лента; 12 декабря он получил от Павла в дар столь знаменитую впоследствии Грузинскую волость в Новгородской губернии. Наконец, в апреле 1797 года он получает титул барона и назначается генерал-квартирмейстером всей армии. Но на этом поприще он вскоре зарвался настолько, что сам внезапно попал под гнев государя, и в начале 1798 года общество вдруг было ошеломлено известием о том, что всемогущий Аракчеев уволен без прощения в чистую отставку. А произошло следующее.

Расточая направо и налево грубую брань и даже пощечины и удары тростью, Аракчеев позволил себе обругать позорнейшими словами подполковника Лена, сподвижника Суворова и георгиевского кавалера. Лен немедленно застрелился. Это обстоятельство и решило судьбу Аракчеева, так как Лен был лично

известен императору Павлу. Эта первая опала Аракчеева длилась полгода. 11 августа 1798 года он снова был принят на службу, восстановлен в прежних должностях и, кроме того, в начале 1799 года назначен инспектором всей артиллерии, пожалован орденом Иоанна Иерусалимского с командорством и, наконец, 5 мая 1799 года возведен в графское достоинство, причем на графском гербе его Павел собственноручно написал девиз «Без лести предан».

Казалось, только что пережитая опала канула в прошлое без остатка. Но Аракчеев не долго продержался на этой высоте. 1 октября 1799 года он вторично был отставлен от службы, на этот раз уже не за жестокость, а за ложь.

Ложь эта была вызвана желанием прикрыть своего брата и избавить его от страшной ответственности за служебную небрежность. Всего хуже было то, что этой ложью Аракчеев ради спасения брата подвел под тяжелую кару ни в чем не повинного другого человека. На этот раз удаление Аракчеева от службы растянулось уже на три с половиной года. Павел так и не пожелал его видеть больше. Лишь при Александре, и то далеко не сразу, Аракчеев возвращается к первенствующей роли в управлении с тем, чтобы сторицею вознаградить себя за это краткое вынужденное затворничество в своем Грузине.

Если Аракчееву не удалось окончательно укрепить за собою милостивого расположения Павла, зато он достиг за это время другой цели: он сумел стать необходимым человеком для Александра.

50 Припомним положение Александра в царствование Павла. Несмотря на все старания Александра заслужить доверие отца и доказать ему свою проникновенность «гатчинским духом», Павел не переставал смотреть на старшего сына прежде всего как на «бабушкиного баловня»; Александру приходилось беспорывно быть начеку. Одними собственными силами Александр не был бы в состоянии выдержать тягости этой службы, которая равнялась пытке. Здесь-то Аракчеев и взял на себя по отношению к Александру роль самоотверженного дядьки, прикрывающего молодого барчука от грозного отца.

Ежедневно в пять часов утра Павлу подносился рапорт о состоянии Петербурга, который должен был подписывать Александр в качестве военного губернатора столицы. Рапорт подносил Аракчеев, причем предполагалось, что цесаревич к этому времени уже давно на ногах, при исполнении своих обязанностей, которые и должны были ежедневно начинаться с подписания рапорта государю. На самом же деле Аракчеев приносил Александру для подписания рапорт, когда тот еще лежал в постели. Аракчеев входил в спальню цесаревича, супруга Александра Елизавета Алексеевна закрывалась с головой одеялом, а Александр начертывал свою подпись, не подымаясь с постели. Аракчеев нес рапорт к императору и всегда докладывал последнему, что цесаревич уже встал и занимается делами.

Основа связи Александра и Аракчеева в эпоху Павла заключалась в том, что Аракчеев делал за Александра то, что было нужно для угождения Павлу. Одним словом, Александр *заслуживался Аракчеевым от отца*, а когда Александр начал царство-

вать, он приближал к себе Аракчеева каждый раз, когда считал необходимым заслониться им от своих подданных.

Очень любопытно, что Александр, взойдя на престол, вовсе не спешил с возвращением из опалы Аракчеева. Целых два года по воцарении Александра Аракчеев продолжал числиться в отставке и жил в Грузии, напрасно ожидая призыва в Петербург. Повидимому, он знал, что он не столько в отставке, сколько в резерве.

27 апреля 1803 года Аракчеев наконец был вызван в Петербург и вскоре назначен вновь инспектором артиллерии. Но только через пять лет в его карьере совершается крупный поступательный шаг. 13 января 1808 года он назначается военным министром.

Однако столь стремительное возвышение Аракчеева не было экспромтом, оно было ответом на распространившееся в различных слоях общества возбужденное недовольство правительственной политикой. Тильзитский мир и союз с Наполеоном был крайне непопулярен в русском обществе. В нем усматривали акт, унижительный для чувства национального достоинства. Патриотические чувства, религиозные страхи, экономические затруднения — все соединилось для того, чтобы привести общество в состояние брожения, вызванного глубоким недовольством существующим положением вещей. Тогда-то Александр снова почувствовал нужду в Аракчеве, как в человеке, за которого он привык укрываться в тяжелые, критические минуты.

Охотно отдаляясь от Аракчеева, пока все шло гладко и ровно, Александр издавна привык цепляться за этого человека, как за пестуна и дядьку, лишь только почва начинала колебаться под ногами и становилось жутко от возможных внезапных опасностей. Война 1812 года, бывшая для Александра такой ставкой, на которую человек отваживается только однажды в течение жизни и которая равносильна дилемме «быть или не быть», выдвигала Аракчеева на первый план.

При открытии военных действий в кампанию 1812 года Шишков и Балашов очень хлопотали о том, чтобы уговорить Александра оставить армию и поспешить в Москву. Они составили письмо к государю с увещанием последовать этому совету и просили Аракчеева присоединиться к их настояниям, говоря, что это — единственное средство спасти отечество. И Аракчеев произнес тогда характерные слова: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии?»

Войны 1812—1814 годов окончательно скрепили узы, связывавшие Александра и Аракчеева. В те тяжелые дни, когда Москва находилась во власти Наполеона, Александр уединился от всех и допускал к себе только одного Аракчеева, с которым и занимался делами. Весь поход 1813—1814 годов они провели не разлучаясь. В Париже, уклоняясь от восторженных оваций населения, Александр решил говеть, и с ним говел и приобщался св. Тайн и Аракчев. Они расстались лишь при отъезде Александра в Англию, куда Аракчев не последовал, получив отпуск «на все то время, какое нужно будет для поправления его здоровья». После заграничного лечения Аракчев еще некоторое время отдыхал у себя в Грузии и наконец 6 августа 1814 года

был приглашен Александром в Петербург. Исключительное и беспрецедентное главенство Аракчеева по всем отраслям государственного управления было теперь окончательно закреплено. Александр уже не мог обходиться без Аракчеева, и «аракчеевщина» окончательно вступила в свои права.

«У нас теперь только один вельможа — граф Аракчеев», — таков был отзыв Карамзина. «Граф Аракчеев есть душа всех дел», — сказал об этом же времени гр. Ростопчин. Аракчеев стал единственным докладчиком государю всех дел, не исключая даже духовных. Все представления министров, все мнения Государственного Совета восходили к государю не иначе как через руки Аракчеева. Предварительная явка на поклон к Аракчееву сделалась необходимым шагом для всякого, кто хотел чего-нибудь достигнуть. Даже Карамзин, незадолго перед тем прогремевший в высших сферах своей «Запиской о древней и новой России», приехав в 1816 году в Петербург для представления государю восьми томов своей истории, лишь ценою поклона Аракчееву добился высочайшей аудиенции.

Новые назначения на государственные посты становятся исключительно делом рук Аракчеева. Он начинает по своему усмотрению расставлять по министерствам свои креатуры, как пашки на шахматной доске.

Спрашивается теперь: на что именно опиралось это окончательное и бесповоротное утверждение фавора Аракчеева в последние годы царствования Александра I?

В 1808—1809 годах Александр ухватился за Аракчеева, испугавшись широко разлившегося в обществе недовольства последствиями Тильзитского соглашения. Теперь, после Отечественной войны и Венского конгресса, в эпоху Священного союза, Александру везде — и на Западе, и у себя дома — чудились призраки заговоров и возмущений, и тем выше всходила звезда Аракчеева как испытанного и признанного защитника от любой опасности, за которого Александр привык прятаться от всякой грозы, будь то гроза отцовского гнева, будь то гроза политического возмущения подданных.

Вот эта-то боязнь перед скрытой крамолой и утвердила Александра в решении отдать Россию под диктатуру Аракчеева.

Творческие стремления Александра сосредоточились теперь лишь на осуществлении его несчастного замысла о заведении военных поселений. И Аракчеев, твердо решив ни с кем более не делить своего первенствующего положения, всецело взял на себя дело военных поселений, которому он сам не сочувствовал, против которого первоначально пытался возражать. Аракчеев смотрел на военные поселения как на любимую игрушку Александра и, руководимый верным расчетом, направлял все силы на то, чтобы игрушка блестяла возможно ярче.

Теперь он мог праздновать окончательное наступление своего безраздельного господства. А между тем история его карьеры уже приближалась к печальной развязке.

Осенью 1825 года Александр, отправившись в предсмертную поездку на юг России, жил в Таганроге с больной императрицей. В это время в Грузии разразилась катастрофа, потрясая душу Аракчеева до самой глубины. Его любовница, Настасья Минки-

на, была зарезана дворовыми. Обезумевший от горя Аракчеев неистовствовал, предавал истязаниям огулом всю дворню, плакал, стонал, носил на шее платок, смоченный кровью убитой, и, не спрашивая на то ничьего разрешения, самовольно отстранился от всех дел. В этот момент и сказалась мера его преданности государю, о которой он так неустанно твердил всю жизнь.

Незадолго до грузинской катастрофы некий унтер-офицер Шервуд подробно написал Аракчееву все, что он знал о замыслах тайных обществ, и просил немедленно выслать к нему в Харьков кого-нибудь для принятия решительных мер к открытию заговора. Прошло немало дней после отсылки Шервудом этого письма, и он все тщетно ждал ответа. Как оказалось впоследствии, промедление произошло именно из-за того, что Аракчеев после убийства Минкиной забросил самовольно все дела и от всего отстранился. Даже известие о личной опасности, грозившей государю, не побудило Аракчеева вспомнить о тех уверениях в безраздельной преданности «батюшке-государю», которые он так льстиво расточал из своих уст в глаза Александру. В этот действительно критический для Александра момент Аракчеев поставил свое личное горе выше заботливости о безопасности Александра и не ударил палец о палец для того, чтобы ускорилось производство расследования по доносу Шервуда. Не будь этого промедления, — писал впоследствии сам Шервуд, — «никогда бы возмущения 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось; затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы». И Шервуд прибавляет к этому: «Не знаю, чему приписать, что такой государственный человек, как граф Аракчеев, которому столько оказано благодеяний императором Александром I и которому он был так предан, пренебрег опасностью, в которой находилась жизнь государя и спокойствие государства, для пьяной, толстой, необразованной, дурного поведения и злой женщины: есть над чем задуматься...»

Аракчеев пребывал в устранении от всяких дел вплоть до кончины Александра и тотчас вернулся к исполнению служебных обязанностей, лишь только получил сообщение, что Александра не стало.

Вначале он пытался было заявить какие-то притязания на признание за ним прежнего исключительного положения. Это были жалкие попытки, тотчас разбивавшиеся о суровую действительность. Один эпизод окончательно уронил его в глазах нового императора. Аракчеев был уличен во лжи: оказалось, что он вопреки обещанию, данному им Николаю Павловичу, издал за границей письма к нему покойного государя. В конце концов Аракчееву пришлось дойти до унижительного признания во лжи и выдать печатные экземпляры названных писем.

После этого эпизода позиция Аракчеева уже вполне определилась: он был конченным человеком.

Здесь мы расстанемся с Аракчеевым. Печальный закат его жизни не представляет общеисторического интереса.

К печати подготовил АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ.

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

XXXIII

54

Пора прочесть

Здесь же, на рубеже современной нам эпохи, придется говорить об одном из самых изумительных русских художников — о Сурикове, несмотря на то, что он был учеником Академии и до сих пор состоит членом передвижных выставок. Приходится же о нем говорить здесь, так как невозможно его зачислить ни в один из этих двух лагерей: ни в академический — официальный, ни в передвижнический — направленный. Суриков, подобно Левитану, художник вне всяких направлений и кружков. В лучшую свою пору (а о ней только и стоит говорить, т. к. невозможно еще ничего решительного сказать о последних его 10 годах так называемого «упадка») Суриков был, безусловно, свободен, творил единственно охваченный вдохновением, выражал лишь самого себя, не глядя ни на какие теории и принципы. Потому-то скорее всего его можно причислить к последней группе русских художников, к безусловным индивидуалистам нашего времени. Суриков явился еще в начале 80-х годов первым предвестником их, но тогда никто не понял этого его значения. Любопытно, что в то время передвижники считали его за своего, так как им удавалось со свойственным остроумием подкладывать и в грандиозные, широко задуманные эпические творения Сурикова тенденциозный, чуть ли не обличительный смысл. В их объяснении получалось, что Суриков изобразил

Продолжение. Начало в № № 1—8.

ЛЯ ИЩИ

В. А. СЕРОВ.
*Портрет Великого князя
Павла Александровича. 1897 г.*

в Меншикове, в стрельцах и в Морозовой жертвы произвола тирании и темного суеверия.

Предшественником Сурикова считается В. Шварц, художник-любитель, выступивший еще в 50-х годах. Однако это едва ли верно. Шварц действительно довольно любопытная и крайне симпатичная фигура в истории русского искусства. Он первый, еще в то время, когда академические художники списывали свои картины на темы из русской истории с патриотических постановочных пьес Кукольника, он первый, движимый страстной любовью к родной старине, пожелал серьезно изучить наш древний быт, нравы, костюмы и обстановку допетровской России. Его заслуга перед русской историей очень значительна. Благодаря ему мы стали видеть события прошлого в их настоящем облике, без того мишурного и безвкусного, чисто театрального блеска, которым отличается «Осада Пскова» Брюллова. Относительно исторических картин последнего художника скромные произведения Шварца занимают приблизительно такое же место, как спокойный, довольно правдивый «Князь Серебряный» А. Толстого относительно выспренних, надутых романов 30-х годов. Однако в истории искусства Шварц не может играть выдающейся роли. Так же как затея мейнингенского герцога, очень почтенная и симпатичная, ничего не дала для развития драмы, так точно иногда очень верные костюмные и бытовые композиции Шварца ничего не дали для развития русской живописи. Все его с большим старанием и вкусом скомпонованные пирушки, выходы, церемонии, народные сцены лишены истинного драматизма

и истинно живописной красоты. Эти старательно нарисованные пером или с трудом написанные красками вещи могли бы отлично годиться в качестве серьезных справочных материалов для постановки «костюмных пьес» или в качестве очень дельных иллюстраций к истории русской культуры. Но как живописные произведения они почти ничтожны, и потому о сравнении гениального Сурикова с трудолюбивым Шварцем не может быть и речи¹.

Ни одно столетие не произвело столько исторических живописцев, как XIX. Академия признала историческую живопись за высшее художественное проявление, и естественно, что художники прямо уже из честолюбия не могли устоять против соблазна испробовать свои силы в этом «высшем роде». За границей осталось очень мало общественных зданий, залы которых не были бы заполнены огромными «историческими машинами». Не пощажены были даже древние почтенные памятники, на стенах которых когда-то красовались чудесные орнаментальные фрески и фламандские ковры. Драгоценные арабески были замазаны, «арации» отправлены в кладовые, а на их месте развернулись тоскливейшие композиции деларошевского и пилотиевского покроя. «Высокий род живописи», практиковавшийся всякими патентованными и чиновными старцами академической рутини, оказался, однако, по проверке попросту скучнейшим родом, и из всей массы исторических картин не утратили своей прелести в западной живописи произведения Делакруа и Менцеля. Первые, впрочем, не столько как изображения исторических эпизодов, сколько как захватывающие общечеловеческие трагические сцены, переданные с изумительной красотой красок и письма. Один Менцель — поистине исторический живописец в тесном смысле слова. Ему единственно было дано «оживить» прошлое. Глядя на его картины и рисунки из жизни Фридриха II, мы готовы даже усомниться, что они не сделаны рукой современника изображенных людей и событий. Изумительный дар ясновидения у Менцеля имеет в себе что-то прямо таинственное, чудесное. Никто из художников, кроме него, не обладал этим даром. Все же другие в своих картинах ставили только исторические пьесы, поручая роли иногда очень искусным актерам, одевая действующих лиц с большой тщательностью, выкладывая целые музеи всяких исторических «околичностей»...

Дар исторического прозрения — одно из редчайших явлений на свете, хотя почти все чувствуют нашу таинственную мистическую связь с мертвым, с исчезнувшим. Углубляться в давно прошедшее, жить некоторое время интересами этих мертвецов составляет для всех огромное наслаждение. Отсюда успех и популярнейших исторических романов. Однако воскресить прошлое, изобразить его со всей резкостью и определенностью действительности — удел весьма немногих. Для этого требуется не одно

¹ Впрочем, последняя картина Шварца «Вешний поезд царицы» действительно полна поэзии и исторической прелести. Быть может, если бы смерть не похитила Шварца в молодых годах, он и сумел бы со временем сказать что-либо более зрелое, цельное и веское, нежели все то, что сохранилось от его работ.

знание. «Menzel ist ein grosser Gelehrter», — говорил великий Бёклин про величайшего после него современного художника, но он ошибался. Менцель не только изучил, как самый черствый архивариус, в малейших подробностях время Фридриха II, но он понял самый дух этого времени. Подобно тому как ясновидец Бёклин понял самый дух природы, вник в жизнь каждого ствола, каждого листочка, каждого облачка, так точно Менцель проникся тайным смыслом, так сказать, тончайшим специфическим ароматом излюбленной эпохи, отыскал особенный смысл, особенную жизнь и поэзию в каждой складке костюма, в каждом завитке мебели, в осанке, манерах, походке, жестах своих героев. Здесь нечто большее, чем в драмах Дюма-отца и Делавиня или в картинах Делароша и Робер-Флери, но в то же время совершенно иное, нежели в трагедиях Шекспира, Шиллера и картинах Корнелиуса и Делакруа. Произведения Менцеля не пустые костюмные композиции, но в то же время Менцель и не пользуется историей только как предлогом, как способом для выражения своих идей и идеалов. Менцель всем своим творчеством единственно воскрешал прошлое, но делал это с изумительным объективизмом, с полной убедительностью, с совершенной определенностью. Его положение в истории искусства совершенно обособленное. Менцель — отпрыск реализма, но благодаря своему особенному дару, носящему, несомненно, таинственный характер, он соприкасается с самым идеалистическим искусством. Как это ни странно, но в строгом неумолимом реалисте Менцеле масса схожих черт с самым романтическим романтиком — с Гофманом. Менцель не «фотографировал» внешность прошлого (подобно Верещагину и Мейссонье в их иллюстрациях наполеоновской эпохи), но с изумительной тонкостью передавал все оттенки, всю загадочную курьезность, всю странную фантастичность XVIII века. Он не только сумел передать прелестные настроения в пейзажах, в освещении, но вложил поэзию в каждый башмак, в каждый локон парика. Его кавалеры и дамы, эти иногда грубые, иногда франтоватые пруссаки XVIII века, — родные братья героев гофманской чертовщины. В них есть та же «скурильность», под самой филистерской подкладкой — та же пикантная загадочность.

Суриков, единственный из художников всего XIX века, может подать руку этому удивительному чародею. И Суриков «ein grosser Gelehrter». Для того, чтобы изобразить давно прошедшие события с такой ясностью, нужно было перечитать и пересмотреть целые библиотеки. Однако и Суриков не только великий реалист-ученый, но по существу своему поэт, и, быть может, сам того не сознавая, этот художник обладает огромным мистическим дарованием. Как Менцель близок по духу мистику и реалисту Гофману, так точно Суриков близок по духу мистику и реалисту Достоевскому. Лучше всего это сходство заметно в его женских типах, как-то странно соединяющих в себе религиозную экстаичность и глубокую, почти сладострастную чувственность. Это те же «хозяйки», «Грушеньки», «Настасья Филипповны». Но и все у Сурикова, у этого неумолимого реалиста, отзывается чем-то сверхъестественным — не то Богом, не то бесом.

И. И. ЛЕВИТАН. Избы. 1899 г.

Достоевский сказал, что нет ничего фантастичнее реальности. Это в особенности подтверждают картины Сурикова. Его казнь стрельцов среди накупившейся Красной площади, со зловещим силуэтом Василия Блаженного позади, с мерцающими в утренней мгле жалкими свечками, с процессией искалеченных людей, плетущейся под грозным взором Антихриста-Царя, гениально передает весь сверхъестественный ужас начинающейся петровской трагедии. Эпизод ее изображен еще с большей простотой и еще с большей силой: низкая, душная изба, в которой сидит огромный великан Меншиков, окруженный своими несчастными детьми, сильно напоминает «Баню с пауками» Свидригайлова. Страшное лицо бывшего герцога Ингерманландского прекрасно годилось бы для скованного Прометея. Глядя на лицо умирающей Меншиковой, вспоминается несчастная, тихая, милая, ни за что погубленная Лиза из «Подполья», исчезающая во мгле зимних безнадежных сумерек среди хлопьев мокрого снега. Одно замерзшее оконце в этой картине передает весь чарующий ужас зимы; чувствуются за этим окном белая мертвая гладь и безжалостный холод. Слова Священного Писания, которыми искушенный бесом гордыни и ныне наказанный исполин пытается утешить свою истерзанную душу, звучат в этой обстановке торжественнее, значительнее, но и страшнее, нежели в самом величественном храме. Даже в «Завоевании Сибири», этой «батальной» по сюжету картине, есть та же мистическая нота. Кучка казаков, напиральная под знаменем «своего Бога», и несметные, скомканые полчища дикарей, вдохновенное лицо и простой, но могучий жест героя-гения Ермака, наконец, тусклый, полный щемящей тоски пейзаж — все это того же трагически-мистического порядка, как и «Меншиков», как «Петр», все это пахнет не то Богом, не то чертом, во всяком случае, *не одним человеком*. Чувствуется, что эти людские толпы, как скоты, набросившиеся друг на друга, лютые, кровожадные, безжалостные, исполняют какое-то высшее дело, действительно служат Богу, вероятно, тому страшному, грозному Богу, лик которого, взамен кроткого Иисуса, украшает их хоругвь. Говорят, Суриков написал своего Ермака специально ко дню празднования четырехсотлетия покорения Сибири и открытия великого Сибирского пути, словом, что это «ein Occasionsstück». В такой сложной натуре, как Суриков, очень трудно разобраться. Весьма вероятно, что этот загадочный и мрачный человек не был далек от такого расчета. Однако, приступив к своей работе, он, страстный, дикий, необузданный поэт, был увлечен творчеством, и первоначальное намерение несколько не отразилось на окончанном произведении. Впрочем, как в этом факте, так и во всей грозной, страшной, быть может, мало симпатичной, но подлинно гениальной фигуре стрельца-казака Сурикова есть что-то поистине бесовское. Биографы, которые впоследствии будут иметь возможность полностью высказаться о нем, получат в фактах его жизни и в очертаниях его характера изумительный, полный поэзии и трагизма материал. Несметные анекдоты, ходящие в товарищеской среде о Сурикове, будут поинтереснее и *покрасивее*, нежели кисло-сладкие воспоминания учеников Брюллова о своем мастре!

В. А. СЕРОВ. Портрет Оскара Осиповича и Розы Гавриловны Грузенберг. 1910 г.

В. И. СУРИКОВ. Стрелец. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни».

Как относительно большинства наших лучших художников, так и относительно Сурикова русская публика обнаружила полнейшее непонимание в художественных вопросах. Чего, чего не было говорено о перспективе в «Стрельцах» и «Морозовой», о колорите «Ермака», о *росте* «Меншикова». Мнение, что «Суриков очень талантлив, не совершенный неуч — то ли дело Константин Маковский или Polenov», безусловно, утвердилось. «Вот если бы к трагизму Сурикова прибавить рисунок Верещагина да краски Семирадского, у нас было бы одним хорошим историческим живописцем больше». Бывали и защитники, но такие, что хуже хулителей. Одни старались выгородить злополучную перспективу мастера, объясняя, что в известном случае так все и может выглядеть, ссылаясь притом на фотографию; другие советовали проехаться по Сибири, чтобы убедиться в том, что ямщики, долго остающиеся на морозе, очень похожи по колориту на «лилового юродивого» в «Боярыне Морозовой»; наконец, были и такие, которые находили, что технические недостатки — пустика, благо Суриков говорит за хорошее дело: гримить тиранию и суеверие. Последних, разумеется, очень смутила «Сибирь».

Однако пора выяснить этот вопрос: действительно ли так плох Суриков в техническом отношении? Правда, он не рисует, как Бугеро, и не пишет, как Фортунни, но разве уже это так важно и разве нет *технического совершенства* вне академически правильного рисунка и вне шикарно-виртуозной живописи? Нам, напротив того, кажется, что техническая сторона картин Сурикова не только удовлетворительна, но прямо прекрасна, так как она вполне передает намерения автора, и что, в сущности, все эти подмеченные недостатки, скорее, даже достоинства, а не недостатки. В этом опять чувствуется его связь с гениально-безобразной техникой Достоевского. Благодаря отсутствию перспективной глубины в «Морозовой» Суриков сумел подчеркнуть типичную и в данном случае символичную тесноту московских улиц, несколько провинциальный характер всей сцены, так чудовищно контрастирующей с восторженным воплем главной героини. Эту картину называли, думая ее этим осудить, ковром, но действительно это удивительное по своей гармонии пестрых и ярких красок произведение *достойно* назваться прекрасным ковром уже по самому своему тону, уже по самой своей красочной музыке, переносящей в древнюю, еще самобытно-прекрасную Русь. Правда, между фигурами «Сибири» не протискается. В особенности дикари скомканы в совершенно компактную кашу. Но это-то и *хорошо*, так как только благодаря подобной «ошибке» намерение художника высказалось с полной ясностью: отвага сплоченной кучки героев, врезающейся в эту гигантскую, кишмя кишашую, как клоповник, массу, представляется сказочной, невероятной и особенно прекрасной. Также можно *похвалить* Сурикова и за тесноту в фигурах «Казни стрельцов», и за несоразмерный рост Меншикова; также и в особенности за его до грубости смелые краски, всегда удивительно отвечающие поэтическому намерению, также и за письмо: грубое, резкое, но удивительно меткое, сильное, характерное. Разумеется, Суриков — русский художник. Он не чувствует и не любит абсолют-

ной красоты форм, и он в погоне за общим поэтическим впечатлением подчиняет чисто формальную сторону содержательной. Несомненно, это слабое место в его творчестве. Но уже за то ему спасибо, что он сумел пренебречь ложной, академически понятой красотой форм, а главное, за то, что он сумел, отдаваясь вполне своему вдохновению, найти что-то совершенно своеобразное, новое, как в рисунке, так и в живописи и в красках. По краскам не только «Морозова», но все его картины прямо даже красивы. Он рядом с Васнецовым внял заветам древнерусских художников, разгадал их прелесть, сумел снова найти их изумительную, странную и чарующую гамму, не имеющую ничего похожего в западной живописи.

64

Значение Сурикова как гениального ясновидца прошлого для русского общества огромно и все еще недостаточно оценено и понято. Никакие археологические изыскания, никакие книги и документы, ни даже превосходные исторические романы не могли бы так сблизить нас с прошлым, установить очаровательную, желанную связь между отрывочным *нынешним* и вечным, но забытым прошлым. Нет ничего более грустного в нашей жизни, как сознание изолированности настоящего дня, момента. Быть может, эта изолированность во времени всего человечества мрачнее, ужаснее, потому что глубже и значительнее, нежели изолированность отдельной личности, о которой так много было говорено в XIX веке. Данный день — а позади и впереди ничто, пустыня. Были люди — умерли. Были атомы — склеились, расклеились. Религия и ее главный слуга — искусство, одни только способны сцепить эти оторванные куски, построить мосты из глубокой древности до наших дней и бесконечно вперед — в вечность. Лишь очень редкие художники, одаренные почти пророческой, во всяком случае, мистической способностью, могут перенестись в прошлое, орлиным взглядом разглядеть в тусклых его сумерках минувшую жизнь. Точно так же, как для всякого из нас собственное прошлое как бы только отодвинулось, но не исчезло, так же точно для них далекое прошлое целого народа все еще ясно, все еще *теперь*, все еще полно прелести, смысла и драматизма. Никакие славянофильские рассуждения не способны были открыть такие прочные, кровные, жизненные связи между вчерашним и нынешним днем России, какие открылись в суриковских картинах. Его герои, *несомненно, тогдашние* люди, но они в то же время, *несомненно, родные наши отцы*, несомненные предки всех тех полувизантийских, полувосточных — странных, загадочных — элементов, из которых состоит вся русская современность. Их чувственность — наша чувственность, их дикие, сложные страсти — наши страсти, их мистическая прелесть — все та же чисто русская прелесть, которую не удалось еще смыть с русского народа, несмотря на долголетнее рабство его.

Значение Сурикова как живописца, как художника также очень велико, так как он рядом с Репиным еще в 80-х годах выступил против запуганного раболепства перед школой. То, что сделали во Франции импрессионисты с Дега и Моне во главе: уничтожение академических тисков, — то же самое сделали у нас Репин, отчасти Куинджи и главным образом Суриков. Его лихо-

рабочно, страстно, грубо и грязно, но сплошь вдохновенно написанные картины хотя и пугали нашу привыкшую к благоприличию публику, зато действовали на художников бодрящим, зажигающим образом. Мне помнится, в академическом «композиционном» классе висел среди всякой невозможной скуки и мертвечины венигов, солнцевых, плешановых один эскиз Сурикова — «Падение Вавилона». Это юношеское произведение Сурикова, правда, сильно смахивает на французские исторические «машины», но от него все же получается приятное впечатление, до того бойко и весело оно написано, до того непринужденно, бесцеремонно, поистине «художественно» оно задумано. Среди чопорного молчания этой залы пестрые, весело набросанные краски эскиза Сурикова звучали как здоровый, приятный, бодрящий смех. Академические юноши, толпившиеся здесь перед вечерними классами и с завистью изучавшие штриховку Венига, округлые фигуры и фееричный свет Семирадского, искренно любовались и наслаждались одним Суриковым, впрочем, для проформы констатируя дурной рисунок и небрежность мазни этого эскиза. Так же точно знаменитые картины Сурикова, появляясь среди нудно выписанных, аккуратных передвижнических картин, казались дерзкими, буйными, прямо неприличными, но зато до какой степени более художественными, жизненными, нежели все остальное! Однако значение Сурикова если и громадно для всего русского искусства в целом, то не отдельно для кого-либо из художников. Учеников и последователей он не имел, да и не мог иметь, так как то очень нужное, чему можно было выучиться из его картин, не укладывалось в какие-либо рамки и теории. Его картины действовали непосредственно на всех, но ни на кого в отдельности.

Здесь будет к месту упомянуть об одном художнике, который независимо от Сурикова, обладая сам в значительной степени тем же даром исторического прозрения, создал несколько весьма любопытных и красивых вещей, — это Рябушкин.

Он выступил в дни наибольшего торжества реализма с громадной картиной, изображавшей «Голгофу» со всей реалистической точностью и во всей реалистической прозе. О грандиозном роковом значении этого момента не было и помина. Казалось, точно Рябушкин снял эту сцену с натуры моментальной фотографией. Тем не менее эта картина производила, скорее, приятное впечатление, как всякая очень убежденно и серьезно созданная вещь. Странное дело, Рябушкин никого почти не обидел этой картиной и даже пришелся по вкусу церковным заказчикам, для которых он исполнил затем немало святых, пророков и апостолов, отличающихся если ничем иным, то по крайней мере известной стильной суровостью и хорошим, серьезным рисунком.

Но настоящая область Рябушкина не религиозная живопись, а историческая, вернее, исторически-бытовая. В меньшей мере, нежели Суриков, и Рябушкин обладает даром исторического ясновидения, и ему прекрасно удается передать характер, колорит, так сказать, специфический аромат минувших эпох. В своей «Кружале» он дал любопытную картину петровской солдатчины, в иллюстрациях к «Царской охоте» — весьма интересные

М. В. НЕСТЕРОВ. Святая Русь. 1906 г.

THE OLD MAN OF THE MOUNTAINS

и колоритные сцены из великокняжеской эпохи и времени Петра Первого и Анны Иоанновны. Два раза пытался он дать большие, серьезные произведения, суммирующие все накопившееся у него данные, но оба эти произведения нельзя назвать вполне удачными. «Семья допетровского купца» по затее изобразить *типичный портрет* целой группы русских людей XVII века крайне замечательное произведение, но страдает вялостью красок и чрезмерной кукольностью лиц; другая его очень большая картина, представляющая какую-то московскую улицу в XVII веке во время страшной весенней распутицы, с девушкой в красном сарафане на первом плане, отличалась чрезмерной резкостью и неприятной грубостью письма. Тем не менее должно признать, что на блестящей выставке «Мира Искусства» 1899 года эта картина Рябушкина занимала, благодаря своей интересной задаче и совершенной своей непосредственности, одно из самых видных и почетных мест. Жаль, что этот превосходный и интересный художник, заваленный скучными официальными заказами, не может уделять больше времени для своих излюбленных тем.

Еще один художник — Рерих — выдвинулся за последнее время в качестве исторического живописца. У него совершенно обособленный, если не считать васнецовские фрески в Историческом музее, круг сюжетов — первобытная жизнь славянских племен. Преимущественно Рерих пишет кочевые орды, плетущиеся походом по снегу, дикие станы, гонцов, тайно в сумерки пробирающихся с каким-то известием к союзникам, кашница с чудовищными идолами за частоколом и тому подобное.

XXXIV

Итак, в середине 80-х годов почва для расцвета драгоценного *свободного искусства* была расчищена и приготовлена. Об этом свободном «художестве» было принято говорить еще во время Екатерины, но места ему в России почти не было, пока царили сначала академизм, а затем антихудожественные социальные тенденции середины XIX века. Лишь в наше время наконец появилась в России настоящая, не зависящая от литературы и школьной указки живопись, но именно то обстоятельство, что мы современники этого явления, лишает нас возможности судить о нем правильно, вполне объективно.

Очень может быть, что со временем и на наш период будет указано как на новый банкрот русского искусства. Быть может, будущим историкам покажется, что и художники нашего времени не сдержали своих обещаний и, что хуже всего, не оказались на высоте того назначения, которое было нам уготовлено судьбой. Быть может, художникам нашего времени будет поставлено в упрек, что они обнаружили слишком мало деятельности и слишком мало пыла. Однако если это и так, то не виновато ли в этом печальном обстоятельстве все наше общество, отчуждившееся, даже в лице самых видных своих представителей, до такой степени вдали от идеалов и стремлений, обнаружившихся в среде творцов-художников, что и эти последние, как и их предше-

ственники, должны были себя почувствовать оторванными, ненужными, точно среди пустыни. Не только глупейшая кличка «декадентство», но и все полупрезрительное, зиждущееся на полном недоразумении отношение толпы к молодому русскому искусству неминуемо нагоняют уныние на художников и фатально подрезают им крылья. Передвижникам удалось установить *ценою художественности* мосты между русским искусством и русским обществом. Художники, явившиеся на смену передвижникам, не пожелали идти на такие уступки, и мостам этим угрожает теперь опасность быть разрушенными навеки. Почва для русского искусства была приготовлена, но эта почва во многих отношениях оказалась каким-то огороженным и оторванным от прочей земли русской пространством, доступ к которому возможен очень немногим.

Повторяем, впрочем, что обо всем этом как о сегодняшнем еще трудно говорить и поэтому, оставляя в стороне абсолютную оценку нашей эпохи, ограничимся указанием на некоторые характерные черты этого последнего периода, на его особенности, на его принципы и идеалы. Важнее же всего сделать хотя бы поверхностный обзор всего художественного творчества наших дней и отметить в непрерывно возрастающем войске художников те немногие величины, которые, не глядя на попреки и вопли толпы, идут своей верной дорогой и беззаветно служат священной идее красоты.

Однако в этой попытке охарактеризовать последний фазис русского искусства натыкаешься на очень большие затруднения. Так, невозможно расчленить это последнее течение на какие бы то ни было категории. Все «роды живописи» слились отныне в единое, непосредственное, искреннее и чистое искусство, не знающее ни тенденций, ни уроков, ни условных подразделений. Подобно старой голландской или современной французской школе русское молодое художество во всем своем составе ровно и дружно, но сохраняя все особенности отдельных личностей, направляло свои усилия на то, чтоб излить свои чувства, выяснить свои чисто художественные идеалы, свое понимание людей, свой вкус, свое отношение к родным или иным, хотя бы «чужим», формам. Программы у тех, кто явился на смену передвижникам, *нет*, если не считать отвлеченную, бесконечно расплывчато-широкую программу: искреннее выражение своих чувств. Индивидуализм, проникший, как освежающая струя, во всю современную культуру, овладел и русским художеством и уничтожил в нем касты, ящички и этикетки. Сколько людей, столько и направлений, но над всеми ними один их объединяющий идеал: полная свобода в проявлении своей духовной жизни.

Естественно, что столь не объединенное по существу своему юное русское искусство долгое время не могло себе найти внешнего сплочения. Индивидуализм, питавший творчество этих новых русских художников, как раз препятствовал такому явлению. Русские художники 60-х годов, увлеченные социалистскими учениями, с воодушевлением во имя этих самых идей соединялись в общественные предприятия, основали сначала артель, а затем товарищество передвижных выставок. Художники на-

шего времени бояться «общества», бояться общей работы, за которой могло бы пострадать отдельное творчество каждого из них, утратиться свежесть и непосредственность. Вот почему, несмотря на то, что движение это уже имеет свою историю, уже существует второй десяток лет, все еще ничего не устроилось из него цельного, прочного, объединенного на многие годы. Вот также почему на смену деспотической олигархии передвижников явились выставки «Мира Искусства», в которых так странно соединились и республиканские, и монархические принципы: ничем не ограниченная свобода художественного творчества и предоставление самого ведения дела одному лицу — не художнику С. П. Дягилеву.

«Мир Искусства», под знаменем которого устраиваются выставки новейшего русского искусства, не общество и даже не клуб. Это журнал, в котором сотрудничает кучка художников и литераторов, тесно сплоченная взаимной симпатией, но отнюдь не какими-либо теориями и принципами. Энергичный и деятельный С. Дягилев, состоящий редактором и издателем этого журнала, без сомнения, дает некоторый своеобразный оттенок всему делу, но все же «Мир Искусства» — преимущественно журнал личной свободы творчества, безусловно, лишенный какой-либо определенной тенденции. Та же кучка лиц, с тем же С. Дягилевым во главе, попыталась устроить и род товарищества выставок, если только можно назвать товариществом собрание людей, не связанных ровно никакими обязательствами, отвергающих всякие программы и уставы, желающих продолжать и в этой новой сфере ту же трудноопределимую деятельность, которой они предавались до сих пор и которую иначе как довольно-таки туманным термином — служение красоте, искусству — не назовешь. Заслуга «Мира Искусства» огромна. «Мир Искусства» не создал программы для течения, которое по самой своей сути отвергает всякую программу, но он объединил усилия всех этих отдельных людей и тем самым воодушевил, утешил этих художников, помог тому, чтоб отвлеченный, всем им общий идеал получил репутацию силу и ясность.

70

Столь же характерным лицом, как Дягилев, является и Савва Мамонтов, сыгравший в некоторых отношениях роль Третьякова в развитии новой русской школы. Сравнить, впрочем, Третьякова с Мамонтовым нельзя. Первый — сосредоточенный служитель идеи общественного блага, неумолимо строго делавший свое высокое и почтенное дело, второй — бурный, страстный, непосредственный деятель, все время кидавшийся из стороны в сторону, не поддерживавший, но вдохновлявший и заражавший художников. Третьяков по натуре и по знаниям был ученый. Савва Мамонтов по натуре и по дарованию художник, не успешный в вихре предприятий и событий создать что-либо цельное и ясное. У Саввы Мамонтова в Москве и в знаменитом Абрамцеве в 80-х годах минувшего века собирались все, кто делал в своей душе новые мечты, кто рвался из житейской прозы передвижнического искусства. Там созидалась очаровательная постановка «Снегурочки» В. Васнецова, там работали Поленов, Головин, Коровин, Врубель, там «выросли» и «воспита-

К. А. КОРОВИН. Дама с гитарой. 1911 г.

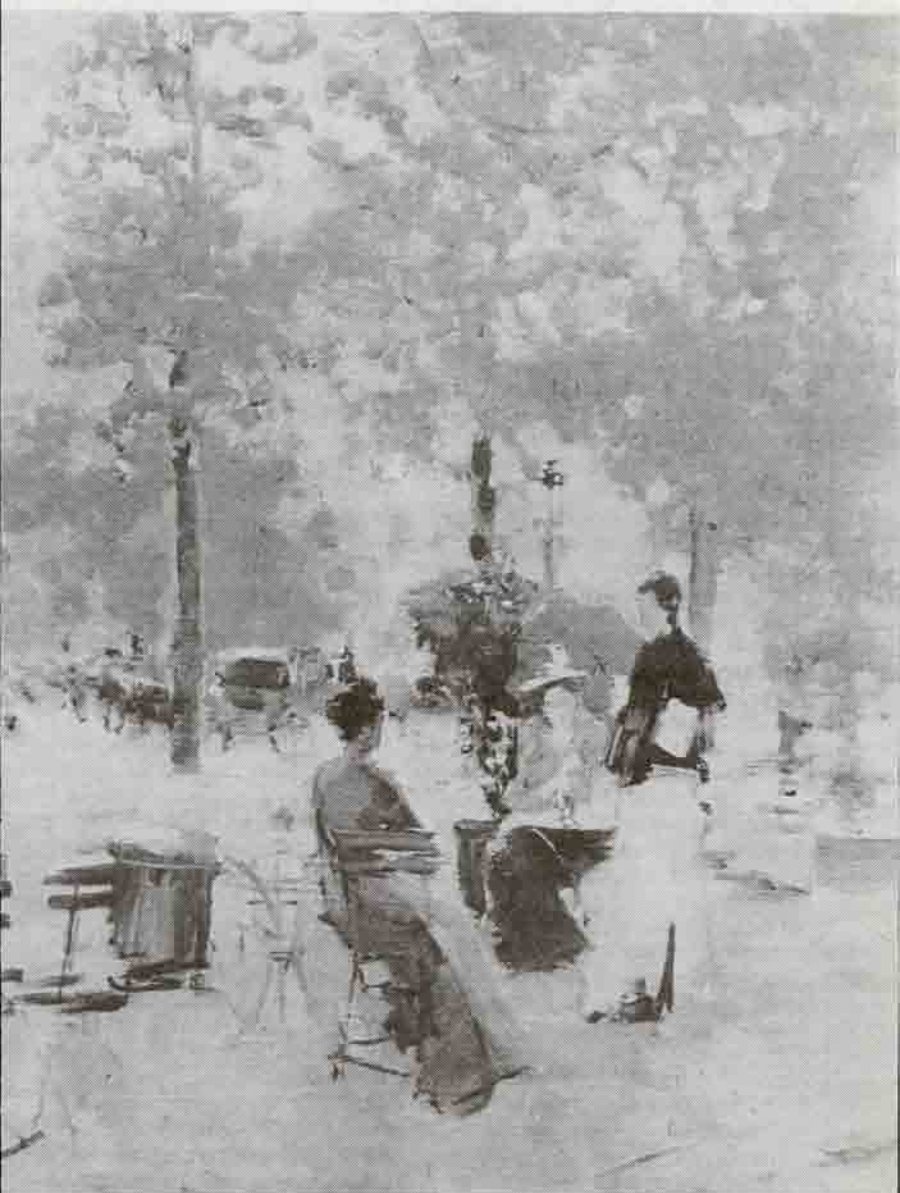
лись» Левитан, Серов, Якунчикова и многие, многие другие. Скромный Третьяков был рядом с социалистом Крамским главной опорой передвижников. Деспотичный, любящий блеск и громкую славу Мамонтов рядом с Дягилевым — главный деятель, которому молодое русское искусство преимущественно обязано своим процветанием.

Вместе с появлением индивидуализма и в зависимости от него воскрес в 80-х годах столь долгое время погнанный идеализм. Раз человеческая душа снова получила свободу думать и чувствовать, раз гнет позитивистской ограниченности был удален, люди, естественно, снова устремились к тем вопросам, в разрешении которых они находят спасение от мрачного призрака вечной бессмыслицы и смерти. Материализм с его поразительно простым объяснением жизни не удовлетворял теперь более. Пресловутая «трезвость» его оказалась самым настоящим опьянением, в дурмане которого люди на время совершенно было бросили разгадывание загадки своего существования, определение своих отношений к вечным истинам, к сверхчувственным и сверхъестественным явлениям, всякую мысль о Верховном Начале — о Боге. Но к концу многотревожного, нервного, себялюбивого XIX столетия вера в решительное значение внешних преобразований утратилась, и человечество снова убедилось в относительной суетности их. Вытекающее из материализма стремление устроить удобную жизнь, ограниченную чисто земными интересами, — все социальное учение утратило свое обаяние и мистический дух поэзии, вечное стремление вырваться из оков обыденной прозы возродилось с новой силой. Потребность чистой красоты, потребность созерцания вечных всеобщих истин проникла снова в мир и одухотворила его.

72

Уже великие предтечи обновления духа: Флобер, Бодлер, Достоевский, Толстой, Ибсен, Вагнер и Бёклин — говорили обо всем этом 20, 30 и 50 лет тому назад, но тогда им внимали рассеянно. Еще прилежнее других слушали их некоторые старики, пережившие свое время романтики, увидавшие между ними и собой родственные мистические связи. Напротив того, «молодежь» в 60-х и 70-х годах была слишком занята «безотлагательными» вопросами текущей жизни и с презрением отворачивалась от всех, кто не брался за черную работу внешнего переустройства. В наше время получилось обратное. Все, что было молодого и свежего, ринулось в объятия мистики, старики же обдали молодежь за это презрением и до сих пор стойко продолжают защищать заветы материализма и либерализма середины XIX века.

Замечательно, что даже реализм — это детище XIX века — приобрел за последнее время совершенно особую окраску — ту самую, впрочем, которую он имел при самом своем возникновении во времена барбизонцев и Венецианова. Из грубого, тенденциозного натурализма он снова превратился в любовное, проникновенное и непосредственное изучение жизни. Суриков, Левитан и Серов — настоящие реалисты, но они гораздо ближе стоят к Нестерову, Малютину и Сомову, нежели к Репину, Крамскому и Перову. Это потому, что и в обыденной жизни они ищут

К. А. КОРОВИН. Парижское кафе. 1890-е годы.

красоту, и в видимом мире ищут ее невидимое, мистическое начало.

XXXV

Самым замечательным и драгоценным среди таких художников, внесших в черствый реализм живительный дух поэзии, является безвременно умерший Левитан.

В первый раз Левитан обратил на себя внимание на Передвижной выставке 1901 года. Он выставлялся и раньше, и даже несколько лет, но тогда не отличался от других наших пейзажистов, от их общей, серой и вялой массы. Появление «Тихой Обители» произвело, наоборот, удивительно яркое впечатление. Казалось, точно сняли ставни с окон, точно раскрыли их настежь, и струя свежего, душистого воздуха хлынула в спертое выставочное залo, где так гадко пахло от чрезмерного количества тулупов и смазных сапог.

74
Что могло быть проще этой картины? Летнее утро. Студеная полная река плавно огибает лесистый мысок. Через нее перекинут жиденький мост на жердочках. Из-за берез противоположного берега алеют в холодных, розовых лучах, на совершенно светлом небе, купола и колокольня небольшого монастыря. Мотив поэтичный, милый, изящный, но, в сущности, избитый. Мало ли было написано и раньше монастырей при розовом утреннем или вечернем освещении? Мало ли прозрачных речек, березовых рощиц? Однако ясно было, что здесь Левитан сказал новое слово, запел новую чудную песнь, и эта песнь о давно знакомых вещах так по-новому очаровывала, что самые вещи казались невиданными, только что открытыми. Они прямо поражали своей нетронутой, свежей поэзией. И сразу стало ясно еще и то, что здесь не «случайно удавшийся этюдик», но картина мастера и что отныне этот мастер должен быть один из первых среди всех. В чем же был секрет прелести этой скромной картинки и откуда могло взяться убеждение в великом значении ее автора?

Ответить на этот вопрос трудно, так как высшее искусство не поддается определению словами. Оно остается тайной, звуком того колокола в андерсеновской сказке, благовест которого доносится из ближайшего леса, но найти который не дано благоразумным исканиям филистеров. Да и вся поэзия Левитана, в чем, в сущности, она заключается? Повседневные, почти убогие, жалкие темы; большая дорога, лесок, весна, талый снег — разве не писалось все это и до него, не будет ли писаться до бесконечности, до полного пресыщения? Мало ли у нас было правдивых художников за последние 20 лет, мало ли непосредственных этюдов? Однако расстояние между Левитаном и другими огромное — целая незаполнимая пропасть. Левитан — истина, то, что именно нужно, то, что именно любишь, то, что дороже всего на свете. Все другие только подделывались под истину или оставались в пределах дилетантизма, любительства. И другие так же любили русскую природу, как Левитан ее любил. Кто не умилялся клейкими весенними листочками, запахом земли, сухих ли-

стве, также и чудным запахом снега; кто не наслаждался, ступая по сырой, напитанной влагой весенней черной земле, глядя на сонливое покачивание березовых макушек или на яркий закат над рекой; кто не блаженствовал, лежа в траве или получая в жаркий, душный день первые крупные капли дождя от сизой грозовой тучи? Вся эта сфера неуловимых, пожалуй, и физиологических, но таинственных и как-то странно пленительных, ощущений и составляет левитановское искусство. Картины Левитана не виды местностей, не справочные документы, но сама русская природа с ее неизъяснимо тонким очарованием, тихая, скромная, милая русская природа. Однако где те художники, которые без литературных комментариев (бывают такие «литературные комментарии» и в пейзаже), сразу, одним общим видом своих картин заставляли бы переживать подобные, охватившие их среди природы, настроения? Во всей истории искусства их было очень немного, и Левитан стоит в ряду этих немногих одним из самых первых — настоящий поэт Божьей милостью. Безвременная смерть этого большого художника — незаменимая потеря для русского искусства.

Разумеется, и Левитан — лицо, находящееся в связи, и в тесной связи, с общей историей. И он не явился сразу, без предшественников, и корни его искусства уходят далеко в темные недра художественной преемственности. Лучше всего это доказывает его же собственными долгими годами развития. Несколько лет и он лепетал на вялом и скучном языке шишкиных и киселевых, теряясь в их монотонном хоре. Но в 1889 году ему удалось побывать на Парижской всемирной выставке, и, как для весьма многих западных художников, так и для Левитана, выставка 1889 года, и в особенности исторический отдел ее, имела огромное значение. Нигде и никогда барбизонская школа не была представлена с такой полнотой, как на этой выставке. Лишь с 1889 года стало очевидно, что не каульбахи и делароши — главные фигуры искусства XIX века, а скромные, долгое время едва замеченные художники: Милле, Коро, Руссо, Дюпре, Добиньи и Тройон. В то же путешествие Левитан познакомился и с произведениями Моне, Бёклина и новейших голландцев. Внимательно, со всей страстью человека, вырвавшегося из спертости воздуха темницы на вольный свет, всматривался Левитан в живое, незнакомое ему до тех пор искусство Запада, и, поняв его, он мало-помалу стал разбираться и в самом себе. Все это несколько не умаляет его значения. Ведь и барбизонцы не стоят особняком в истории, ведь и у них есть длинный ряд предков, начиная с Мишеля, Констебля и Бонингтона, кончая бесподобными миниатюристами XIV века, которые иллюстрировали «*livre d'heures*» герцога Беррийского. Левитан — равноправный член этой древней, международной семьи, художник сам по себе, чудный и гениальный, принесший свой камень к общему зданию, такой же крепкий и прекрасный, как камни всех прочих.

Левитан не барбизонец, и не голландец, и не импрессионист, и не все это, вместе взятое. Левитан — художник русский, но не в том Левитан русский, что он из каких-либо патриотических принципов писал русские мотивы, а в том, что он понимал

тайную прелесть русской природы, тайный ее смысл, понимал только это, зато так, как никто. Левитан после 1889 года не раз путешествовал по Европе. Был он и в Швейцарии, и на юге Франции, и отовсюду, из всех этих чудных местностей, он привозил превосходные, необычайно верные и колоритные этюды. Однако какими холодными, пустыми кажутся эти пейзажи Левитана рядом с излюбленными его темами: с выгорелыми оврагами, серебристыми ручейками, серыми березами, светлым, чашным русским небом! Быть выразителем *своей* страны не так-то легко, не так-то просто. Во всей русской живописи лишь 3—4 художника обладали этим даром. Левитан, Серов, Коровин и отчасти Нестеров — вот мастера, сумевшие передать истинную красоту русской природы; до них — одинокая картина Саврасова да некоторые «фоны» в картинах Венецианова. Все остальные художники или только искали и не находили этой красоты, или же относились к родной природе с пренебрежением, одевали русский пейзаж в дюссельдорфский наряд, или, наконец, по-ремесленному тупо списывали виды.

Левитан, гениальный, широкий, здоровый и сильный поэт, — родной брат Кольцову, Тургеневу, Тютчеву. В известном отношении, как художник, тесно сжившийся с природой, бесхитростный и глубокий, он, пожалуй, даже превосходит их. Но это сравнение с литераторами если и является само по себе при взгляде на его пейзажи, то вовсе не означает, чтоб в нем была хоть капля литературности. Как оно ни покажется странным, но и многие пейзажисты умудрялись впадать в литературность. Многие скорее «говорили» о природе в своих картинах, нежели писали ее. Для того, чтоб вызвать известное поэтическое настроение, они довольствовались выбором «поэтического» сюжета, подстроением всяких поэтических мотивов, пользованием какими-то иероглифскими фокусами. Картина зачастую была дрянно написана, но вызывала общий восторг своими поэтическими намерениями.

76

Не таков Левитан. Он настоящий живописец. Один из немногих среди русских художников, Левитан умел наслаждаться кистью и краской, умел не только правильно, но и *красиво* писать. Все его картины сами по себе явления чисто живописного характера. Поэтому так трудно о них говорить, но зато так легко ими любоваться, отдаваться их необъяснимому очарованию. Употребляя псевдотехнические выражения, излюбленные художественной критикой, можно было бы сказать, что живопись Левитана сочная и жирная, что смелый, живой, гибкий его мазок всегда ударял к стати, что его краски отличаются необычайной, светящейся яркостью и правдивостью. Однако весь этот разбор, все это расчленение его техники никуда бы не годилось, так как его живопись вся из одного куска — цельная, могучая и гармоничная. Замечательно, какой мастер был Левитан в упрощении форм (иначе говоря, в «рисовании»), как удивительно характерно схватывал он сущность их, какой благородной естественностью, убедительностью и непосредственностью отличается всегда его группировка, зачастую очень «придуманная», очень прилаженная.

В последней из указанных черт, в том, как Левитан «творил»

свои пейзажи, пожалуй, лучше всего сказалось, какой это большой художник. Глядя на его картины, кажется, что все это именно так и видел в природе, но только более запутанно, менее определенно в известном смысле, с большим количеством совсем ненужных деталей. Его картины — а выставлял он только картины — всегда прекрасны как таковые: не по сюжету, не по «содержанию», но прямо по своему внешнему виду, сами по себе, как живопись, краски, как сочетание форм.

Слова наши, что Левитан выставлял одни только картины, вероятно, смутят многих. Как часто слышались нападки на его картины, в том именно смысле, что все это этюды, «талантливые, но не доделанные наброски», словом, что картины его не картины. Можно сказать, что это было общим мнением. Но мы не из пустой бравады утверждаем прямо противоположное. Все сводится к старому, избитому, но вечно для толпы не решенному вопросу. Толпа искренно и непоколебимо думает, что Доу, Кукук и Мейсонье кончали свои картины, а Рембрандт, Тернер не оканчивали своих. Без вылизанности и вылощенности толпа не понимает законченности. Весьма многим, и не только в простонародье, локутинская табакерка или олеография нравится несравненно более, нежели гениальнейшие художественные произведения, только потому, что они имеют заманчиво полированный вид, что на них не видно мазка, темперамента художника, следов горячки творчества. Так точно мнение, что Левитан «не кончал», коренится в недоразумении. Действительно, он не закружлял своих штрихов, не зализывал своей живописи, не выписывал листочков и травинок, камешков и сучочков. Он давал одно только общее, в котором вся эта мелкота тонула и терялась, но это общее так верно, так метко, так полно резюмировало решительно все составные части, входившие в него, что всякая новая подробность являлась бы уже лишней, нарушающей общий и единый смысл картины. Сколько труда было положено Левитаном, этим в высшей степени честным и строгим к себе мастером, на некоторые из таких «неоконченных эскизов». Как долго, иногда годами, бился он над иным простейшим мотивом, переиначивая все снова, недовольный тем или другим, еле заметным диссонансом, меняя иногда всю композицию, раз ему казалось, что его поэтичная или живописная мысль недостаточно «очищена». Зачастую благодаря только настояниям друзей Левитан решался выставить картину, по его мнению, далеко не готовую. На посмертной выставке можно было проследить этот поучительный способ работы мастера. Некоторые излюбленные темы, прежде чем появиться в окончательной редакции, написаны были Левитаном 3, 4 и даже 5 раз, и любопытнее всего, что многие из этих первых, не удовлетворявших мастера опытов были несравненно более отделаны, нежели последний скатый и цельный синтез.

Иногда Левитан потому только считал свою картину неоконченной, что на ней было слишком много лишних подробностей, т. е. именно за то, что нравилось бы публике. При этом следует отметить замечательную твердость Левитана в его отношении к публике. Далекое не обеспеченный материально (свои юные

годы он провел буквально в голодовке и нищете), он не отступал ни на пядь от своих убеждений, предпочитая остаться со своим произведением на руках, нежели сделать малейший компромисс.

В этой безусловной самостоятельности, в цельном, всестороннем развитии его прекрасного таланта, в ясности его драгоценной художественной личности заключается огромное значение Левитана. Для русской живописи он сыграл ту же роль, как барбизонские пейзажисты или импрессионистские мастера 60-х, 70-х годов для Франции. Он является самым ярким представителем простого, здорового реализма в противоположность направленной живописи передвижников.

На его чистых, скромных и благородных картинах очищался вкус русских художников. Лучше всяких слов, независимо от всяких слов, да и раньше того, что вообще какие-либо слова были сказаны, Левитан своими картинами показал всю тщетность «содержательных» картин, всю прелесть «хорошей живописи», все очарование чисто живописной красоты. Такие слова, как «реализм», даже как-то оскорбляют в характеристике творчество Левитана, настолько далек был этот непосредственный, живой поэт от всякой предвзятой теории, от какого-либо зачисления в полк. В истории русской живописи, пожалуй, и не найти мастера, более независимого, более самобытного и самодовлеющего, нежели Левитан. Вот причина, почему, несмотря на долгие связи дружбы и на всевозможные выгоды, его так тянуло уйти от своих первых товарищей — передвижников; вот почему он и примкнул к кучке молодых художников, провозгласивших своим основным и единственным принципом полную свободу художественной личности. Можно сказать, что душевная борьба, вызванная этим разрывом с прошлым, сильно отозвалась на необычайно впечатлительном художнике и была одной из причин, окончательно подточивших уже расшатанное здоровье Левитана.

XXXVI

Рядом с Левитаном самым замечательным по величине таланта и по цельности своей художественной личности среди современных «чистых», непосредственных реалистов представляется Валентин Серов.

Первые шаги в искусстве Серов сделал под руководством Репина и целых десять лет был одним из деятельнейших участников передвижных выставок. Таким образом, Серов является как бы плотью от плоти реальной школы 70-х годов, «стасовской» школы, и, однако же, стасовского, передвижнического в нем никогда не было ни на йоту. Мальчиком он несколько лет прожил в Париже и Мюнхене, в такую эпоху, когда западный натурализм только что достиг зенита и находился в полной силе. Но к юному, уже тогда сосредоточенному, независимому Серову не привились грубо натуралистические тенденции, они не сбили его с толку, и он остался вполне самим собой, страстно влюбленным в природу, ненавидящим в искусстве все притянутое, все подстроенное, все подчеркнутое. Серов когда-то был убежден-

В. И. СУРИКОВ. Гребцы. Этуд.

**М. В. НЕСТЕРОВ. Этуд мужской головы
к картине «На Руси», 1912 г.**

ным реалистом, т. е. ему казалось, что нельзя сделать ничего хорошего, если не сделать так именно, как оно в природе; однако он был убежденным реалистом точно так же, как и старые голландцы, — не в силу каких-либо теорий, а непосредственно, вследствие своей большой любви к правде, к природе, к красоте природы.

Замечательно, что и самые первые серовские картины в отличие от репинских уже *красивы*. Уже в них с изумительной непринужденностью разрешены чудесные аккорды, уже в них выразилось стремление к гармоничности целого. Никогда Серов не пытался рассказывать, пояснять, забавлять. Он не стыдился своего призвания живописца; он не порывался к более «полезной» деятельности, а весь отдался разрешению чисто живописных задач, зато и достиг в этом направлении полного успеха. Можно положительно сказать, что то, что мог дать и чего не дал Репин, обладающий не меньшим чисто живописным даром, но всю свою жизнь сбивавшимся с толку, то самое дал Серов, являющийся рядом с Левитаном самым красивым и даже самым поэтичным художником конца XIX века.

Нет ничего труднее, как *говорить* о таких художниках, каковы Левитан и Серов. Описывать словами прелесть их живописи невозможно. Красочные созвучия еще менее, нежели музыкальные, поддаются описанию и определению. Впечатление от серовских картин чисто живописного и, пожалуй, именно музыкального свойства, недаром он сын двух даровитых музыкантов и сам чутко понимает музыку. Искусство Серова вовсе ничего не имеет в себе литературного, *описательного*. Его основные черты: простота и непосредственность. В Серове нет даже каких-либо нарочитых намерений, хотя бы чисто красочного, живописного характера. Нельзя поэтому описать ни его гамму красок, ни его колористическую систему. Если поискать в старом искусстве художников, однородных с Серовым, то не придется останавливаться на Рембрандте, на Тициане и тому подобных субъективистах, создавших себе вполне определенную красочную систему, а невольно придут на ум (*tote proportion gardee*) Гальс или Веласкес, их отнюдь не предвзятое отношение к видимому миру, их объективный взгляд на жизнь, их увлечение одной красочной действительностью. Картины Серова удивительно красивы по краскам, не будучи написаны «в красивом тоне». Подобно Цорну, отчасти Сардженту, Даньяну, Лейблю, Либерману, Серов представляет всей своей ясностью, всей своей безграничной любовью к простоте, всем своим отвращением к какой-либо формуле самый разительный контраст «живописным кухмистерам»: Ленбаху, Бодри, Констану и т. п. художникам, выросшим на подражании старым мастерам, почти на плагиате. На картинах Серова все ясно, светло и по тому самому хорошо, красиво. Нет ни соуса, ни дымки; его произведения не напоминают вкусных пряников или превосходно приготовленных блюд, но действуют как прекрасная, чистая, ключевая вода. После целого века блуждания по археологии и истории, после долгого рабства в плену у «передового» войска и после всех грустных обстоятельств, не давших живописи XIX века вырасти и развиваться нормальным

образом, искусство Серова и ему подобных художников является как бы давно желанным выздоровлением, как бы ясным, освежающим утром, сменившим душную грозовую ночь.

Еще, скорее, можно *говорить* о портретах Серова, так как они все отличаются замечательной характеристикой, тонким вниканием в психологию изображенного лица. В особенности его портрет Александра III стоит целого исторического сочинения. Серов написал императора через четыре года после его смерти, но художник по памяти прекрасно, с изумительной правдой, со всеми характерными особенностями передал внушительный и полный значения облик Царя-Миротворца, его добродушную тонкую усмешку и холодный, ясный, пронизывающий взор. Не менее хорош его портрет императора Николая II, с удивительной точностью запечатлевший приветливое выражение лица ныне царствующего государя. Пытливый, острый, болезненный Лесков, томный, изящный, несколько байронизирующий Левитан, стройный, изящный великий князь Павел Александрович, несколько экзотичная смугловатая г-жа Б. в роскошном бальном платье, жена художника в саду на даче — все это не только чудесные «куски живописи», но и очень умные, очень тонкие, очень веские характеристики. В последнем из своих больших портретов, в портрете княгини Юсуповой, Серов встал вровень с величайшими мастерами женской красоты. Тем более досадно, что наше великосветское общество, целый век отвыкавшее на всяких Salonmaler'ax, вроде Неффа и К. Маковского, от понимания живописной красоты, дошедшее в своем огрубении до того, чтоб превозносить Богданова-Бельского, что наш бомонд, недостойное потомство тех, кто позировал Левицкому и Рослену, обдало этот шедевр целым потоком негодования и презрения.

Серова, в сущности, и считают у нас портретистом; но именно деятельность этого мастера лучше всего подтверждает, что художники последнего фазиса русской живописи плохо укладываются в рамки и категории. Серов никогда не был профессиональным портретистом, специалистом по портрету. Те, кто считает его за такового, недостаточно внимательно относятся к его творчеству. Как раз несколько лучших пейзажей, написанных в России за последние 10—20 лет, принадлежат его кисти. Трудно найти, даже во всем творении Левитана, что-либо более поэтическое и прекрасное, полнее синтезирующее своеобразную прелесть русской природы, нежели «Октябрь» или «Бабу в телеге» Серова. По своей прямо классической простоте, по непосредственности впечатления, по искренности такие картины должны встать рядом с лучшими произведениями старых голландцев и барбизонцев. В особенности хорош его «Октябрь» — этот тихий серый осенний день, в желтых и серебристых тонах которого заунывно, безропотно поется панихида по лету, по жизни. Какая чудная, тончайшая по поэтическому замыслу гармония красок, какое дивное по своей верности, по силе впечатления построение (как «верно» расположены пасущиеся лошади и мальчишка, сидящий на земле), какой точный в своем крайнем упрощении рисунок! «Баба в телеге» прошла на выставке незамеченной, и, правда же, нельзя винить публику за то, что она проглядела этот

шедевр, так как трудно найти что-либо более скромное, тихое и незатейливое по эффекту. Однако ж недаром любители считают эту картину одним из лучших созданий мастера. Если бы у нас к живописи было бы столько же любви, как к музыке или к литературе, то эта скромная, маленькая картинка Серова сделалась бы классической, так как в ней, наверное, больше России, больше самой сути России, нежели во всем Крамском или Шишкине. За последнее время Серов несколько раз принимался за исторические темы и создал в своей крошечной картинке: «Елисавета и Петр II на охоте» — такой перл, такую тонкую иллюстрацию XVIII века в России, что ее можно поставить рядом с лучшими картинами Менцеля. Один осенний чисто русский пейзаж с кургузой, в синее выкрашенной церковкой, на фоне которого скачут по слякоти ярко-красные мундиры охотников, вызывает в нас яркое представление о всей этой удивительной эпохе, о всем этом еще чисто русском, по-европейски замаскированном складе жизни.

Серов теперь в цвете сил и таланта, и положительно мучительно говорить о художнике, все главнейшее творчество которого еще впереди. Можно только высказать и теперь сожаление, что и этого замечательного мастера одолевают чисто русская апатия и лень, что и он, в сущности, не дает и десятой доли того, что мог бы давать.

Уже Серова лишь с натяжкой можно назвать реалистом, так как ему ужасно не идет даже такая «почтенная» и растяжимая кличка. Еще менее подходит какой-либо эпитет к другому художнику — к К. Коровину, но сходство некоторых задач этого чрезвычайно разностороннего мастера с «реалистскими» произведениями Серова заставляет нас коснуться его в первый раз в той же рубрике — «неореалистов».

Когда появились на Передвижных первые картины К. Коровина, все у нас было еще так далеко от требований чисто живописных красочных впечатлений, что публика мучительно ломала себе голову, добываясь разгадать «дикие» намерения художника. «Кому нужна эта некрасивая барышня, стоящая среди березовых стволов, или эти три, ничего не выражающие, пестрые девицы, позирующие перед каким-то пастушком, и т. п.?» — с недоумением спрашивали себя посетители передвижных выставок, пришедшие «поучиться жизни» у Вл. Маковского и его товарищей. Кое-какое понятие о красивом колорите существовало у нас даже в 70-х и 80-х годах, но красивыми в красочном отношении считались тогда разве только картины Семирадского, Харламова и К. Маковского да в западном искусстве — Макарта, Бенжамен-Констана, словом, все несколько грубоватое творчество, соблазняющее толпу яркими и пестрыми созвучиями. Репин дал несколько образчиков отличных в красочном отношении картин, по большей части этюдов с натуры, но редко кто любовался этими его произведениями, и даже его поклонники больше изумлялись *верности* передачи натуры, нежели *красоте*, получавшейся благодаря этой *верности*. О красоте вообще мало было разговора, и даже совсем забыли о ее существовании. Картины Коровина, в которых художник добивался

В. А. СЕРОВ. Портрет Изабеллы Гринберг. 1910 г.

В. С.
910

одного только красивого красочного пятна, естественно, должны были смутить многих. Этому способствовала еще и самая живопись Коровина: дерзко небрежная, грубая и, как казалось многим, просто неумелая. Никто тогда не подозревал, что и живопись, и краски в этих картинах — высокого достоинства, что автор их — настоящий живописец. Некоторый успех Коровин имел только со своей довольно слащавой и ничего не выражающей картиной «Утро в мастерской», где, разумеется, нравилась избитый, с легкой руки Израэляса, эффект серого дневного света, льющегося через огромное окно, да игривый сюжет: хорошенькая натурщица, потягивающаяся в кровати. Мало-помалу, впрочем, стали привыкать к чудачку-художнику, согласились даже, что он не без таланта, но горько скорбели о том, что он занимается такими пустяками. Передвижники так и не допустили его в свой священный конклав, где, однако ж, нашлось место даже для Волкова и Киселева.

Несколько большее внимание обратил на себя Коровин на Нижегородской выставке. Его панно, украшавшие Северный отдел, заслужили одобрение весьма многих и даже среди тех, которые начинали коситься на молодых. Но произошло это более потому, что на затею Коровина смотрели как на остроумную шутку, как на чисто выставочный фокус, довольно забавный и милый. Если бы сказать тогда кому-нибудь из наших художественных аристархов, что этим картинам место в музее, разумеется, никто бы не поверил и расхохотался: коровинскую декоративную мазню повесить рядом с «Фриной» Семирадского и «Грешницей» Поленова! Ведь не сочли же достойным повесить в художественном отделе музея Александра III вторую, бесконечно более зрелую и цельную, серию Северных панно Коровина, за которую, однако, художник удостоился высшей награды на Всемирной выставке 1900 года.

Недоразумение в отношении к К. Коровину — самого плачевного свойства. Оно лучше всего доказывает, как далека русская публика вообще от какого-либо понимания живописи. В сущности, изумительно декоративный, правильное сказать, чисто живописный (ибо живописец и должен быть непременно декоратором: украсителем сцен — все назначение его в этом) талант Коровина пропадает даром. Какая грусть, что этот огромный мастер, этот яркий самобытный талант, два раза затративший свои силы на такие эфемерные создания, как выставочные панно, все время тратящий их на еще более эфемерные создания — на театральные декорации, так, вероятно, и не получит возможности увековечить себя и одарить Россию истинно прекрасным, величественным произведением.

Коровин — удивительный, прирожденный стилист. То, что мерещилось Куинджи, то удалось Коровину. Не хуже японцев и вовсе не подражая японцам, с удивительным остроумием, с удивительным пониманием, сокращает он средства выражения до минимума и тем самым достигает такой силы, такой определенности, каких не найти, пожалуй, и на Западе. Его стынущие в холоде и мгле северные пустыни, его леса, обступающие редким строем студеные озера, его бурые и сизые тучи, его стада

моржей и вереницы оленей, наконец, яркие фанфары желтого солнца, играющего на всплесках синих заливов, — все это является настоящим откровением севера, истинно грандиозной поэмой севера, гораздо более достойной стать *классическим* произведением русской живописи, нежели все «Фрины» или «Помпей». Коровину необходимо дать стены вечные, каменные стены, в которых бы собирался русский народ, стены дворцов, музеев, училищ или других общественных зданий. Непростительно будет для нашей эпохи, если и этот художник пройдет, не сказав всего того, что он может и должен сказать, не излив всей глубокой и широкой своей любви к русской природе!

XXXVII

Поэтом русской природы является и Нестеров. На него мы уже указывали выше, как на последователя Васнецова, превратившего эффектный и энергичный шаблон своего учителя в нечто расслабленное, жидкое, истерическое*. Однако эти его недостатки поражают только в его церковно-декоративных работах (как раз доставивших ему наибольший успех) и лишь отчасти заметны в тех прекрасных поэтичных картинках, в которых только он и высказался вполне, в которых только он и вылил все свое проникновенное умиление перед русской природой. Нестеров, впрочем, только отчасти подходит к Левитану, Серову и Коровину. Он не только поэт-реалист, не только открывает в действительности вечные начала красоты и поэзии, но всей своей природой рвется из этой действительности, весь отдан глубоким вопросам сверхчувственного и сверхъестественного порядка, вопросам религии и жизни в Боге. Жаль только, что этот одаренный истинно мистической натурой художник до такой степени спутан чем-то весьма похожим на честолюбие, до того погружен в чисто суетные интересы, что мистический идеал, живущий в его душе сильно, с каждым годом меркнет и теряется.

И эти поэтичные картины Нестерова не свободны от обычных его недостатков. Мягкий, небрежный и местами даже неумелый рисунок фигур, дешевая подчеркнутость типов, подведенные, якобы экзотические глаза встречаются и в этих картинах и вредят общему впечатлению. Но все же эти произведения способны доставить большое наслаждение, навеять чудное, *чисто русское* настроение. Появление первого из них: странного старичка пустычника, бредущего рано утром по берегу серого озера, — показалось на выставке 1888 года как бы целым откровением. Еще изумительнее была следующая картина, написанная Нестеровым в конце 80-х годов и относящаяся к позднейшим его работам так же, как относится какая-либо вдохновенная страница Достоевского к поучительной беседе в «Русском Паломнике». «Видение отрока Варфоломея» (будущего св. Сергия Радонежского) — одна из самых таинственно-поэтичных и прелестных

* Впрочем, необходимо оговориться. Все эти черты могли бы и не составлять недостатков художника, если бы не техническая сторона, которая у Нестерова еще гораздо слабее, нежели у Васнецова.

картин последнего десятилетия XIX века. Здесь, что редко бывает у Нестерова, удался ему и тип юного святого, его застывшая в священном трепете фигура, его поглощенное сосредоточенным восторгом лицо с широко открытыми, уставившимися глазами. Чарующий ужас сверхъестественного был редко передан в живописи с такой простотой средств и с такой убедительностью. Есть что-то очень тонко угаданное, очень верно найденное в стройной фигуре чернеца, точно в усталости прислонившегося к дереву и совершенно закрывшегося своей мрачной схимой. Но самое чудное в этой картине — пейзаж, донельзя простой, серый, даже тусклый и все же торжественно-праздничный. Кажется, точно воздух заволочен густым воскресным благовестом, точно над этой долиной струится дивное пасхальное пение.

Нестеров уже не создавал больше ничего подобного по цельности и непосредственности. Во всех его других картинах гораздо сильнее выступают его недостатки, а в последних вещах он даже начинает впадать в салонный маньеризм, во что-то близкое к К. Маковскому. Однако же за исключением этих последних в каждой картине есть прелестные места, большие красочные достоинства, в особенности же тонкое понимание русского пейзажа. Самой замечательной среди них является «Св. Сергий Радонежский» — целая поэма северного леса. Нужды нет, что сама фигура святого производит натянутое, почти фальшивое впечатление, что очень интересно, глубоко и верно задуманный лик его далеко не удался художнику. Картина эта уже одним своим пейзажем производит поистине умиляющее впечатление. Здесь благовеста нет; вообще в этой глуши далеко от всякого человеческого звука. Тихо, торжественно тихо. Лишь птички чиркают в ветвях, осторожно шуршат белки по стволам и журчит прохладная речка, исходящая из таинственной чащи и снова теряющаяся в ней. Мягкая трава, мягкий мох. Дивные ароматы мха, молодых березок и елок сливаются в один аккорд, очень близкий к мистическому запаху ладана. «Слава Всевышнему на земле и на небесах» — верно озаглавил Нестеров эту свою вдохновенную песню, столь же красивую по замыслу, как и чарующую по своей тонкой, серебристой гамме красок.

Совершенно странная картина его «Под благовест». По ней видно, что Нестеров много живал с монахами, что он понял эту странную, малосовременную жизнь и полюбил ее так же, как полюбил ее Достоевский. Картина эта неприятна на первый взгляд. Типы — взяты, очевидно, с натуры — чуть-чуть походят на карикатуры Перова и Вл. Маковского. Нестеров не пожелал идеализировать своих любимцев и представил их такими, какими они являются на самом деле, — очень чуждыми нам, горожанам, оторванным от всякой религиозной жизни, от всякой жизни в природе и в Боге. Нам чужды и их медленная, ленивая поступь, и их понурые сосредоточенные лица, и их вечное перечитывание одних и тех же книг; нас оскорбляют также и их засаленные, грязные рясы, их жалкое, неудобное существование. Но пейзаж, развернутый позади них, дивный, весенний, хрупкий, серый, однотонный, слегка подернутый желтовато-бурыми догорающими лучами вечерней зари, все объясняет, со всем

примирает. Здесь, в этой умилительной пустыне, жизнь хорошая и люди здесь, пока они здесь, хорошие. Хороший, милый человек этот сгорбленный, старенький, грязный монашек, вечно бормочущий себе под нос какие-то священные стихи и изречения, весь ушедший в тексты, в доискивание тайного смысла загадочных божественных слов, и это для себя только, для утоления своей духовной жажды, в забвении всего остального на свете. Хороший, добрый человек и этот юноша, имеющий в себе что-то схоластическое, жесткое, семинарское, увлекающийся, быть может, честолюбивыми мечтами, лишь временно удалившийся в пустыню, набирающийся здесь сил, чтобы затем идти в свет, блистать и лгать там. Здесь на материнском лоне природы, где повсюду разлита Божья благодать, где все носит Божью печать, здесь, убаюканные бледным нежным небом, вечно глядя на далекую, пустую от людей даль, на ровное тихое движение вод и гнущихся под ветром трав и деревьев, — здесь они чувствуют, что в них каким-то чудом возродились — для одного временно, для другого навсегда — блаженные годы детства, божественная невинность, хрустальная прозрачность и простота детской души. Нестеров, измученный жизнью, — очень сложная, мучительно сложная натура — как будто высказал в этой картине свою собственную душевную борьбу. И в нем растет и с годами крепнет, подобно тому, как у этого юноши-послушника, честолюбие, но и он в глубине души своей знает, как божественно хорошо безмятежное, бессуетное житье в Боге старика монаха; в глубине своей он все время рвется к этому миру. Быть может, если бы русское общество вернее оценило его, если бы оно дало ему возможность доразвиться в том направлении, которое было предназначено в его душе, Нестеров был бы цельным и чудным художником. К сожалению, успех толкает его все более и более на скользкий для истинного художника путь официальной церковной живописи и все более удаляет его от того творчества, в котором он, наверное, сумел бы сказать немало дивных и вдохновенных слов. Ведь является же он, рядом с Суриковым, единственным русским художником, хоть отчасти приблизившимся к высоким божественным словам «Идиота» и «Карамазовых».

Окончание следует.

БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Мне кажется, этот артист не нуждается в особом представлении читателю. Достаточно только посмотреть на его простое, милое, добродушное, с хитринкой — а может, и с чертиком в глазах! — лицо, как и вам, уверен, захочется немножко улыбнуться и порадоваться, что вы знаете его, Николая Николаевича Трофимова, по многочисленным смешным и трагическим ролям в театре и кино.

А великий театральный режиссер Георгий Александрович Товстоногов, который, говорят, был чрезвычайно скуп на комплименты своим актерам, назвал Трофимова «комиком мирового масштаба».

Сейчас Николай Николаевич редко снимается в кино и на телевидении, но в театре занят регулярно — там и состоялась эта наша беседа.

— Николай Николаевич, вот сижу я у вас в гримборной и, естественно, не могу не задать вопрос: а сколько лет вы в БДТ работаете?

— Уже 32 года. Недавно даже получил премию за тридцатилетний стаж — спонсоры в связи с 75-летием театра подкинули нам некую зную сумму...

— А «зную» — это сколько?

— Общую сумму я, конечно, не знаю...

— Нет, вы лично сколько получили?

— Я лично?... О, это надо еще вспомнить... По-моему, что-то около 30 тысяч.

— Значит, по тыщонке за каждый год работы. Неслабо расщедрились...

— Да-да, именно так... (заразительно смеется)... А ведь у меня за плечами еще 20 лет работы в Ленинградском театре комедии.

— Значит, жизнь ваша в искусстве — это всего два театра...

— Да, два театра и два великих театральных режиссера — Николай Павлович Акимов и Георгий Александрович Товстоногов. Я считаю, мне в искусстве страшно повезло, что я сразу попал к таким режиссерам. Акимов очень много дал мне: ведь он представитель так называемого «театра представлений», а Товстоногов — представитель «театра переживаний». Оба эти направления — прекрасная школа для актера.

— Но прежде чем стать актером, надо было еще обычную школу закончить. Вы хорошо помните свое детство, юность?

— Не только помню, но и очень люблю ту пору своей жиз-

ни. Я не ленинградец, я — сева-стополец, родился в Крыму, на Корабельной стороне, где стоит памятник адмиралу Корнилову, рядом с Малаховым курганом. Естественно, все наши мальчишки и девчонки отличались боевым характером. И я любил пошутить, родителей не раз вызывали в школу и жаловались, что, вот, мол, «ваш Коля смешит ребят и не дает возможности учителям нормально вести уроки». При этом, возмущались они, «сам он не смеется, а все кругом смеются». Я в самом деле получал удовольствие от того, что все смеются над моими шутками. Когда терпение у них кончилось, мне сказали: «Коля, ты вот нас смешишь, когда что-то рассказываешь, давай иди-ка ты в артисты». «А куда идти-то?» — спрашиваю. Ну, мне и подсказали: в театр юных зрителей при городском ДК. Первым моим спектаклем была «Хижина дяди Тома». Мне дали роль раба, роль бессловесную, я был в числе десяти рабов, которых продавали с помоста хозяину. Мне, конечно, хотелось как-то выделиться из этой десятки, а слов-то нет, как же быть? Я попросил режиссера, чтобы меня, когда работорговец будет брать нас с помоста, брал последним. Режиссер сказал: хорошо, можно, мизансцене это, дескать, не мешает. И на первом же спектакле я придумал для себя такой ход: когда хозяин отвернулся, я, уходя с помоста, ударяю его ногой под зад. Это, конечно, вызвало гомерический хохот в зале, и я был страшно доволен реакцией зрителей. Через день в городской газете вышла рецензия, в которой говорилось, что спектакль в целом хорош, и рабы достоверные, но вот раб, которого играл школьник Коля Трофимов, наверное, плохо знает историю, потому что за то, что он ударил своего

хозяина, его в то время тут же бы повесили. Рецензия меня страшно расстроила, было обидно, что пресса меня не оценила и что я не знаю историю. А учился я и вправду не очень хорошо — меня театр отвлекал. Я уже тогда твердо решил стать артистом и сразу после школы поехал в Ленинград и поступил в театральный институт. Шел 1937 год. А в 1941-м, когда началась война, меня прямо из института призвали на флот. Я попал в Ансамбль ВМФ, который тогда организовал И. О. Дунаевский. После войны Ансамбль расформировали, меня перевели в Театр Краснознаменного Балтийского Флота, откуда я в 1946 году демобилизовался и сразу поступил в Театр комедии.

— Ваше комедийное начало было как-то задействовано в ансамбле?

— У меня был парный концерт — я играл молодого краснофлотца Онищука, который ни черта не умел делать; его все учили, а он всегда попадал впросак. И еще я читал смешные рассказы М. Зощенко. Их я, кстати, с удовольствием читаю до сих пор. Был случай, когда я читал эти рассказы в Доме писателей, ко мне подошел небольшого роста, интеллигентного вида человек с большими черными кругами под глазами — потом мне рассказали, что это результат газового отравления в первую мировую войну, — протянул руку и сказал: «Благодарю вас, я и не знал, что написал такой хороший рассказ». Это оказался сам Зощенко. Рассказ тот — я называю его «Стакан» — принес мне громкую славу на эстраде.

А родители мои никакого отношения к театру не имели: мама была домохозяйкой, а отец — токарь по металлу, после ухода на пенсию преподавал в ремеслен-

ном училище. Родители умерли, но у меня есть младший брат, живет в Одессе, военный.

— В Севастополе часто бываете?

— Очень редко, давно уже не был. А сейчас с отделением Крыма и вообще не съездишь. Но тянет туда страшно, особенно сейчас — к старости очень остро чувствуешь зов родного дома. Я ведь уже очень старый, мне в январе 1995 года будет 75. Я старик.

— Глядя на вас, этого не скажешь. Как вам удается так сохранять форму?

— Мне кажется, меня спасает мой оптимизм, мой юмор. И мое комедийное амплуа. Я ко всему отношусь с юмором, даже когда чего-то очень не хватает. А юмор — это всегда положительные эмоции.

— Николай Николаевич, вы — популярнейший артист театра и кино. В жизни, в быту вам приходилось использовать эту свою популярность?

— Сознаться, приходилось. По мелочам. Например, когда трудно было с колбасой. Придешь в магазин, где тебя знают, ну, сразу к продавцу, и глазами его так держишь, чтобы он обратил внимание. Наконец он замечает тебя и тогда показываешь ему на пальцах — мне 1 килограмм. Он машет головой, и ты идешь в кассу платить. Потом возвращаешься уже с чеком, но в очереди обязательно найдется один человек, который скажет: «Знаешь что, мы тоже такие, давай становись в очередь». Иногда в трамвае тебя сожмут со всех сторон и молчат, делают вид, что не узнают. Но внимательно смотрят, как я буду реагировать.

— А вы что же, ездите в трамвае?

— Чаще в троллейбусе. Маши-

на своя ешь, но пользуюсь ей редко, зимой вообще не пользуюсь — решил, что больше пешком ходить надо, для здоровья это хорошо.

— А когда, после какой роли вы почувствовали, что на вас обрушилась слава, что стали популярны?

— Пожалуй, после спектакля Театра комедии «Пестрые рассказы» по Чехову, где я играл в «Трагике поневоле» несчастного дачника Толкачева, обремененного женскими просьбами, замученного и обреченного. Мы были на гастролях в Москве, критика очень высоко их оценила, в частности, мою работу, даже написали, что если бы был жив Чехов, то он выделил бы именно меня. Конечно, такие оценки очень поддерживают, я сам был доволен, потому что роль действительно трудная: в течение 30 минут надо было играть внутреннее состояние человеческой трагедии. Помню, в Уфе после спектакля прибежала за кулисы какая-то дама, бросилась ко мне: «Дайте мне потрогать ваш пульс. Я врач». Спрашиваю: «А что такое?» Она говорит: «Вы знаете, я сидела в зале, и у меня было такое ощущение, что с вами сейчас произойдет удар. Но пульс у вас нормальный». А я ведь в пьесе все время кричу: «Крови жажду, крови!» Чувствовал я себя в этой роли очень хорошо.

— А в кино у вас была такая роль?

— Да, я снялся у Сергея Бондарчука в «Войне и мире» в роли капитана Тушина. Вообще меня долго не брали в кино, до 35 лет, проб было много, а снимать не снимали. И вот что удивительно: Бондарчук взял меня в картину без всяких проб. Потом я у него спросил об этом. Он сказал: «Я видел «Трагика поневоле». Вот

что такое актерское счастье: увидел спектакль режиссер, понравился ему существо маленького, доброго, замученного, но честного человека. — и ты с ролью. Видите, тут и случайность, и судьба — все вместе.

— *А как вы попали в БДТ? Вас пригласил Товстоногов?*

— Нет. Я сам этого захотел. Но, конечно, все было гораздо сложнее. Когда Георгий Александрович работал в Театре Ленинского комсомола, я смотрел там все его спектакли, и мне нравилось все, что он делает. Когда же Театр комедии попал под струю увлечения Западом, а Акимов был обвинен в формализме и снят с худрука, я, будучи членом худсовета театра, предложил пригласить Товстоногова поставить что-то у нас. Руководство театра согласилось и поручило мне связаться с Товстоноговым. А он в это время уже готовился ставить «Помпадур и помпадурши» Салтыкова-Щедрина. Когда я передал ему предложение Театра комедии, он сразу согласился и дал мне главную роль Феди Козелкова. Работать с ним было прекрасно, и я решил, что перейду к нему в театр, потому что уже приелся комедийными ролями — мне хотелось сыграть что-то идейно более нагруженное, углубить свое творчество. В 1962 году я поступил в БДТ. И первая роль моя была — Чебутыкин в «Трех сестрах» — опять Чехов, он как бы всегда со мной. Честно скажу, было очень трудно переключиться с комедийного амплуа на психологическое. А вы знаете, у Чебутыкина в пьесе мало слов, он сидит на сцене и все время читает газету, скажет пару слов и все, опять сидит молча. Я, сам себе режиссер, решил: зрителю будет скучно, что я ничего комедийного не играю, и стал на репетициях выдумывать

смешные трюки. И как только я что-то делал, Товстоногов прекращал репетицию и обращался ко мне: «Николай Николаевич, это не Театр комедии». Раскрыться мне в роли было очень трудно, я смог сделать это только во втором своем спектакле на сцене БДТ — «Мещане».

А вот когда я еще играл Феденьку Козелкова, у меня уже проявилась такая моя личная особенность: я забываю текст. Знаете, происходит это оттого, что я очень эмоционально, по-новому хочу сыграть что-то, кровь подступает к голове, и у меня выскакивает текст. Товстоногов этого еще не знал, мы репетировали, вдруг я забываю текст, он спрашивает: «Что такое?» Я говорю: «Сейчас, сейчас», — мучительно вспоминаю слова, потом опять останавливаю, и так несколько раз за репетицию. После репетиции он подходит ко мне и говорит: «Николай Николаевич, вот вы часто забываете текст, а я знаю индийский способ, как его запомнить». Я, красный от стыда, говорю: «Ой, Георгий Александрович, пожалуйста, скажите». «Его надо учить», — строго сказал он мне.

Никогда не забуду свою первую встречу с труппой БДТ. Тут играли такие выдающиеся актеры, как Копелян, Юрский, Шарко, Смоктуновский, Доронина. А я, честно говоря, чувствовал, что ко мне многие относились так: мол, пришел какой-то маленький актерик, шибздик, простите, да еще из Комедии, где привыкли играть балаган, смешить людей, а у нас такой серьезный театр. Я был просто растерян: смотрю, дисциплина железная, актеры за пять минут до начала спектакля уже на сцене, все углублены в свои образы. Я тоже хожу за кулисами, ищу местечко, где бы мне прислониться и тоже собраться, «войти в ма-

лый круг», как говорил Станиславский. А играли «Три сестры». Григорий Александрович выстроил такую мизансцену: на заднем плане — Копелян, Шарко, Доронина и я, а впереди идет диалог. Я стою спиной к зрителю, сказал что-то Копеляну, и хочется повернуться в зал, а в это время слышу — мне в ухо Шарко шипит: «Прекратите!» — ну, думаю про себя, тут даже спиной надо играть, как-то жить. В другой мизансцене Доронина — одна из трех сестер — говорит свой монолог, а я тут же сбоку стою. И как-то так получилось, что я очутился не за ее спиной, а перед ее левой рукой. И вдруг слышу ее грозный шепот: «Станьте на свое место!» Ох, трудное было вхождение, трудное...

— А лично на вас Товстоногов какой спектакль поставил?

— «Пиквикский клуб». Георгий Александрович видел, как я играл в Театре комедии Хлестакова. Этот образ и подсказал ему эту пьесу, где, если образно говорить, постаревший Хлестаков стал Пиквиком. Он собрал труппу и сказал: мы берем эту пьесу, где главную роль будет играть Николай Трофимов, а чтобы не вызвать лишние разговоры и зависть — я же только поступил в БДТ, — добавил, что спектакль будем играть только на детских утренниках.

— Неужели кто-то из артистов мог Товстоногову возражать или указывать?

— Нет, конечно, нет. Я думаю, что он так сказал ради меня, чтобы мне было легче, спокойнее себя чувствовать. У нас с ним сложились очень хорошие отношения, просто любовные — я был влюблен в него, и, мне кажется, он тоже мое творчество ценил. «Пиквикский клуб» и сейчас идет в театре, и я очень люблю этот спектакль.

— Сегодня многие говорят об упадке культуры у нас в стране. А вы, Николай Николаевич, замечаете упадок культуры вообще, и театральной, в частности?

— Да, падение общей культуры, конечно, заметно, но я не считаю, что планка опустилась настолько низко, что ничего невозможно сделать. Ведь культуру в широком смысле слова формируют люди разных профессий, а вот в театре происходят другие вещи. Манера актерской игры, даже у нас в театре, стала совершенно другой, — не хуже, нет, но мы уже не играем так вдохновенно, реалистично, как играли 10—15 лет назад. Если спектакль ставит молодой режиссер, то он и использует современные приемы и манеры, и тогда все зависит уже от артиста, как он одарен талантом, чтобы соответствовать этим замыслам, воплощать их на сцене.

— Вы часто бываете в других театрах?

— Очень редко. И времени нет — то съемки, то эстрада, то спектакли, то гастроли, да и ничего интересного — такого, знаете ли, театрального чуда, что тянуло бы посмотреть у других, — давно уже нет.

— Лично для вас сложно бывает вхождение в новую роль?

— Очень, очень сложно. Дает о себе знать некий штамп, и тогда ловишь себя на том, что уже делал это в какой-то пьесе, и надо искать что-то новое, а иногда бывает и лень посещает. Но если уж поставил перед собой большую цель, тут приходится помучиться.

— Вы часто бываете с театром за рубежом. Скажите, очень ли сильно отличается их театральное искусство от нашего?

— Великое произведение там так же, как великая игра их арти-

ста, не отличаются от подобного у нас. Искусство в этом плане интернационально. Когда мы привезли во Францию спектакль «Идиот», где Смоктуновский играл князя Мышкина, оказалось, что там идет этот спектакль. Мы, конечно, пошли сравнить их постановку с нашей и посмотреть, как они играют русскую пьесу, велика ли разница между нами. Главные роли — Мышкина и Настасьи Филипповны — два французских актера играли совершенно отлично от нас. Князь Мышкин Смоктуновского — это блаженный, добрый, тихий человек. Француз же играл импульсивного, темпераментного, почти больного, сумасшествие которого происходило бурно, — он говорил, говорил, заговаривался, доходило почти до обморока — и в этот момент опускался занавес. Все это игралось без каких-то внешних впечатляющих жестов, но внутренне образ был настолько наполнен, так выразительны были его глаза, что я понял, там играют не так, как мы, но не хуже, и там тоже есть большие таланты. Актриса, которая играла Настасью Филипповну, поразила еще больше: она небольшого роста, говорила хрипловатым голосом, будто у нее вообще его нет, и сначала это нас поразило, даже шокировало, а потом, по ходу пьесы, мы начали понимать: мамочка ты моя, наверное, она, Настасья Филипповна, болела, может быть, даже венерической болезнью, и это отразилось на ее голосе. Когда в конце спектакля она говорит о своей любви к князю Мышкину, а мы знаем, что эта любовь без ответа и взаимности, в горле застывает комок, на глаза накатываются слезы: вот что такое талант — независимо от того, где он — там или здесь. Мы, актеры БДТ, признали тот спектакль.

— В вашей творческой жизни бывали кризисы?

— В этом театре я этого не ощущал. Мне кажется, я был всегда под неким присмотром, как бы под крылом Георгия Александровича. Потом я ведь играл все, что давал Товстоногов, даже от маленького эпизодика получал удовольствие. Можно было, конечно, обидеться, мол, сыграл главную роль только что, а тут эпизодик, но у меня таких обид никогда не было, я всегда считал, что делаю общее дело, где и маленькая роль имеет большое значение, а уж если так хочет Георгий Александрович...

— Ваше амплуа — трагик или комик?

— Я считаю, что принадлежу, конечно, к комическим персонажам. Но моей любимой ролью остается роль в «Трагике поневоле». Потому что это трагикомедия. Еще одна такая трагикомическая роль у меня есть только в кино: в картине «Африканыч». Помните, дело там происходит в деревне, у меня большая семья — шестеро детей, жена, я люблю выпить, сватаю всех в деревне. Это в первой части фильма. А потом мужики подбивают меня поехать на заработки на Дальний Восток, и когда уезжаю, жена умирает. Я возвращаюсь и оказываюсь лицом к лицу со смертью — и надо играть, как я ее воспринимаю. Я даже пытаюсь повеситься, но все же остаюсь с детьми. Вот такой трагический финал. Ставил фильм ленинградский режиссер Ершов, у него же я потом играл в картине «На пути в Берлин» лейтенанта Зайцева, который был первым комендантом Берлина.

— А сколько всего ролей вы сыграли в кино?

— За семьдесят точно.

— А сейчас есть предложения сниматься?

— Предложения-то есть, но я не снимаюсь. Роли неинтересные, мне не хочется размениваться на пустяки. Сегодня ведь в кино все решают спонсоры, те, у кого деньги, они ставят режиссеру условие, каких артистов брать, а каких нет, стараются делать кино, которое приносило бы большой доход.

— А в вашей жизни деньги играют важную роль?

— Сейчас да — без денег ведь не проживешь. А раньше, в застойные времена, мне всегда хватало того, что я получал в театре и в кино. Тогда о деньгах разговоров вообще не шло, было одно искусство. Мне предлагают сниматься в рекламных фильмах. Это большие деньги, говорят, миллионы, но я еще не решаюсь на эти съемки. Пока меня денежная сторона жизни не очень беспокоит.

— Вы верующий человек?

— Верующий. Только моя вера заключена не в посещение церкви, а в вере в судьбу, в то, что был такой живой человек — Иисус Христос. Которого потом обожествили, и действительно должны были обожествить, потому что он был на несколько веков впереди всех, впереди той эпохи, в которой жил. Я верю, что нас что-то такое возвышенное окружает, влияет на нашу жизнь, на наши мысли и дела. Эта вера помогает мне самому жить: иногда ловлю себя на том, что не хочется делать что-то плохо, ибо знаю, что судьба потом может и меня наказать. Я стараюсь к другим людям подходить не со злом, а с добром.

— Труден был ваш путь к званию народного артиста СССР?

— Представление к этому званию послал в верха за несколько

месяцев до своей смерти еще Георгий Александрович Товстоногов. Получил я его пять лет назад, прослужив в этом театре 25 лет.

— С кем вы дружите в театре?

— Я в хороших отношениях со всеми, но ближе всех мы с Олегом Басиллашвили. В других театрах у меня друзей нет. А вообще самым близким другом был Павел Луспекаев. С ним было легко дружить, потому что зависти у нас друг к другу не было. В театре может быть зависть у актеров одного амплуа, а Павел не мог играть моих ролей, я — его. Поэтому дружба у нас была честная.

— В вашем театре много замечательных, любимых всеми артистов. А шутники среди них есть?

— Да, конечно, еще какие! Евгений Лебедев любит пошутить. Олег Басиллашвили все время какие-нибудь байки смешные рассказывает. На наших капустниках актерских многие расслабляются. Например, отмечали 8 Марта, готовились, а я говорил, что часто читаю рассказ Зоценко «Стакан», его уже не только в театре, в Ленинграде все знают. И вот вывешивают объявление, в котором перечислены все, кто будет выступать, а внизу крупно: «Рассказ Зоценко «Стакан» Трофимов читать не будет». Особенно весело и дружно мы жили при Товстоногове. Он очень любил застолья, всегда сам был тамадой, умел встретить, представить человека, давал неожиданно слово, но мы все были к этому готовы — вот сейчас Гога скажет: «Слово предоставляется такому-то», — и надо было вставать и обязательно говорить что-то смешное и веселое.

— Вот вы сказали «Гога» — так могли звать Товстоногова все или только избранные?

— Конечно, молодые актеры так звать Георгия Александровича

не могли, только за глаза, да и ветераны тоже не решались, кроме, пожалуй, одного Жени Лебедева, тот мог к нему обратиться и по имени, потому что они были родственниками — оба женаты на двух сестрах. Для всех нас имя «Гога» было не просто сокращением для удобства, но прежде всего выражением огромного уважения и любви к Учителю.

— На экране, на сцене вы мягкий, а в жизни?

— В жизни я немножко ворчун. Не люблю беспорядок, не люблю предательство, несправедливость, сам стараюсь не быть таким. Если и ворчу — то только на супругу.

Больше у меня вопросов к «комикуну мирового масштаба» не было, и тогда Николай Николаевич попросил мой блокнот и ручку и написал:

Здравствуй и
«Селена»! Актерская
театра и кино с
нашими почтением
и любовью.

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

Дорогая редакция!

После войны, в начале пятидесятих, мне довелось работать на стройке, о которой практически никто не знал. Стройка эта была засекречена — осуществлялся грандиозный проект: остров Сахалин решено было соединить с материком туннелем.

Увы, из этой затеи ничего не вышло...

В ту пору я вел дневниковые записи. Предлагаю вам некоторые страницы — возможно, они заинтересуют читателей «Смены». Что ни говори, свидетельство очевидца; пусть в малой степени, но тоже «документ времени».

С уважением
ВЛАДИМИР ПУРЕНКО,
Южно-Сахалинск

...Все — решено. Билет в кармане. Еду на Дальний Восток. Для меня, коренного москвича, дело это не пустячное. Что нас ждет?

— Работа будет интересная, — пообещал вербовщик. — Одних рабочих туда требуется тридцать тысяч... — Он обвел нас завистливым взглядом и добавил: — Эх, сбросить бы годков пятнадцать — сам рванул бы туда с одним чемоданом. Ведь товарищ Сталин пообещал проехать по этому туннелю...

Приехали. Стоим на небольшой автостанции богом забытого городка Софийска — ждем попутный транспорт. Холодный ветер крутит коловерть.

Наконец дождались. За нами прислали трактор с огромными деревянными санями. Покидали вещи, уселись. В лицо летит снег вперемешку со стылой грязью. Вокруг — сплошное безлюдье. До места добрались лишь поздно вечером. Нам отвели палатку, где деревянные нары, а в углу печка из металлической бочки.

Утром решили ознакомиться со стройкой. Несмотря на технологический примитивизм, работы по проходке главного ствола идут полным ходом. Уже пройдено более тридцати метров. А всего предстоит одолеть семьсот метров скалистой тверди. После чего выработку поведут горизонтально под дном пролива протяженностью более семи километров. Проходка туннеля ведется с обеих сторон: где-то должны состыковаться.

Работают «вольнонаемные» и такие, как мы, спецы-метро-строевцы. Вся черновая работа на зеках, досиживающих срок и расконвоированных. Инструмент у них прадедовский: кайло да лопата. График изнурительный — двенадцать часов под

землей, двадцать четыре — на поверхности.

...Недавно на шахтном стволе убило человека. Погиб заключенный, который попал в зону взрывных работ. Вскоре после этого случая из десяти добровольцев осталось на стройке только шестеро. Остальные бежали, бежали позорно, не получив и расчета.

Пришла весна 1952 года. Зима по-прежнему подкидывает сюрпризы. Девять дней кряду мела пурга. И надо было именно в эту снежную коловорот выйти из строя кабельной связи. Прекратилось сообщение с сахалинским берегом.

— Не наладишь связь до конца дня, — высказал мне недовольство «хозяин» стройки, — пешком будешь бегать на тот берег и передавать мои указания. Понял?

Делать нечего: пошел пешком. А это почти семь километров по льду. Благо пурга стала стихать, и тракторы тут же начали пробивать колею. На одном из них мне удалось добраться до сахалинского берега...

Погибинское побережье мало чем отличалось от нашего: та же лесотундра, те же чахлые лиственницы да ершистый стланик. На самом берегу ютилось несколько ветхих избушек на деревянных сваях — жилища нивхов. Ближе к лесу уже высились сборные брусчатые дома строителей. Все квартиры, включая кухни, забиты жильцами под завязку.

Начальника Погибинского участка я Христом Богом упросил выделить бригаду связистов. Заполучив людей, отправился с ними разматывать тяжелую бухту. Прокладку вели сквозь торосы. К утру настолько выбились из сил, что едва дотащи-

ли последние метры до берега. Как только добрались до тепла, уснули мертвым сном.

...Жизнь на стройке полна неожиданностей.

— Диспетчер, в лесоцехе ЧП — убита женщина!

Оставив помощника, бегу на лесопилку. На брезенте, забрызганном кровью, лежит тело девушки. Взглянул на ноги — и сердце сжалось: ступней не было, вместо них торчали белые осколки костей.

Я знал ее хорошо: вместе участвовали в художественной самодеятельности. Как она пела! Под стать самой Руслановой. Даже грубая зековская одежда не умаляла ее красоты. Потом поползли среди мужиков недобрые слухи: якобы болезнью кое-кого «наградил». Трое уголовников бросили девушку на распиловочный стол...

К осени 1952 года проходка наклонного ствола была завершена. Теперь пойдем под дном пролива Невельского к мысу Погибина, откуда идут нам навстречу.

Недавно снова побывал на сахалинском берегу. Размах стройки потрясающий! Отсыпано около трех километров дамбы, построены пирс, водонапорная башня. Монтажники ведут сборку шагающего экскаватора. А пока строится двадцатикилометровая ветка. Первой станции северного Сахалина проворные службисты уже придумали звонкое название — Сталинославская.

Вокруг стройки — более двадцати лагерных пунктов. Зеків здесь не щадят. Живут в полужемлянках. С потолка зимой сосульки свисают, вонь стоит такая, что тот противогаз надевай. Одного не могу понять, зачем здесь держат женщин? Их среди заключенных более трех

тысяч. Половина — без теплых вещей. А морозы стоят чувствительные. И трудиться приходится наравне с мужиками...

К весне 1953 года пройдены первые пятнадцать метров горизонтальной выработки со стороны мыса Лазарева. Идем под проливом.

«Крышка Гуталину!.. В ящик сыграл!..» Эти возгласы долетели со двора через открытое окно. Включаю радио: звучит траурная мелодия, и Левитан объявляет о кончине Сталина. Мысли теснятся в голове: что будет с Россией? А мы, а строительство туннеля?!

...Из Москвы пришло распоряжение: стройку закрыть.

В минувшем году исполнилось сорок лет с тех пор, как брошена секретная стройка. Сметная стоимость была более четырех миллиардов рублей — освоили десятую часть. Было пройдено 715 погонных метров подземного туннеля, который даже не законсервировали. Его просто размыло море, завалило песком...

Адрес редакции я получила в Российском посольстве в Норвегии. Теперь пишу с надеждой, что мое письмо будет опубликовано. Меня зовут Лиза. Живу в Норвегии, мне 19 лет. Сейчас учусь в городе Осло, недалеко от которого и живу. Изучаю политику, а также работаю учителем. Вы любите писать длинные письма, хотите обмениваться со мной своими мыслями и впечатлениями? Вы более или менее владеете английским? Вы, как и я, интересуетесь спортом, политикой, литературой, музыкой, философией, иностранными языками или только чем-то из перечисленного мной? Не имеет

значения — девятнадцать вам или двадцать пять, если вы разделяете мой интерес к самой жизни. Мальчик или девочка, мужчина или женщина — не важно, если вы веселый, привлекательный, «стимулирующий» и заставляющий задуматься человек. Если нам будет интересно вместе, я приглашу вас провести со мной каникулы в стране полукочного солнца.

Итак, пожалуйста, пришлите мне письмо с рассказом о себе, своих интересах, образе жизни, родном городе — обо всем! Я уже с нетерпением жду весточки от вас. Вы можете писать мне по-английски, по-французски, по-испански или по-немецки.

Мой адрес: Lisa Frøyland, Rognvegen 1, N-1470 LÖRENSKOG NORWAY

МАМЫ ВСЯКЕ НУЖНЫ

Фотографии ВИКТОРИИ ИВЛЕВОЙ

Если бы я случайно встретил ее на московской улице (да еще с кофром на плече), наверняка подумал бы: «Англичанка. Какая-нибудь «фотографиня» из «Санди Таймс мэгэзин».

— Когда за иностранку принимали, — улыбается Вика Ивлева, — это бывало полезно. «Ошен прошу помоч британски фото-джорналист» — Она пародирует акцент с той легкостью, на которую способен лишь человек, очень хорошо владеющий английским.

На самом деле Ивлева хоть и с туманных берегов, но не Альбиона, а Питера. Там она в двадцать лет впервые взяла в руки фотоаппарат. Сугубо мужское занятие так увлекло, что Вика бросила институт, где изучала японский язык, и поступила в ПТУ — на фотографа.

Спустя четырнадцать лет после этого решительного шага, в 1992 году, Виктория Ивлева получила в Амстердаме «Золотой глаз» самого престижного конкурса фоторепортеров — «Уорлд Пресс Фото».

«Золотого глаза» Ивлеву удостоили за то, что ее живой человеческий незащищенный глаз увидел (а фотоаппарат зафиксировал) чернобыльский реактор спустя пять лет после катастрофы. Когда она в первый раз вернулась с припятских берегов в Москву, все пленки оказались засвечены. Радиация? Ивлева вновь отправилась в Чернобыль...

Впрочем, Вика, хотя довелось ей побывать едва ли не во всех «горячих точках» бывшего СССР, любит спокойные, многозначительные, женственные сюжеты. Хороший снимок от плохого она отличает, когда он еще в виде негатива, так: глядя на хороший, можно «домыслить» рассказ, новеллу, даже роман.

Почему-то такое искусство более ценится на Западе: ее снимки печатают и «Тайм», и «Пари-матч», и «Штерн», и «Лайф», и «Санди Таймс мэгэзин»... Может, слава Богу, что Ивлева больше известна на берегах Темзы, чем Москва-реки: теперь она может снимать, не заботясь о деньгах.

Ее «творческий план № 1» — растить Филиппа, которому сейчас полгода. Друзья, впрочем, уверяют, что долго Ивлева не продержится и снова примется работать. Кстати, когда Филипп появился на свет в английском Виндзоре (гонорары «фотографини» позволили роскошь заморского роддома), акушерка воскликнула: «Типично русский паренек!»

С. ЛИТВИНОВ

Холодный душ (лагерь беженцев).

Старший брат.

Тройной слом.

Ах, вернисаж!

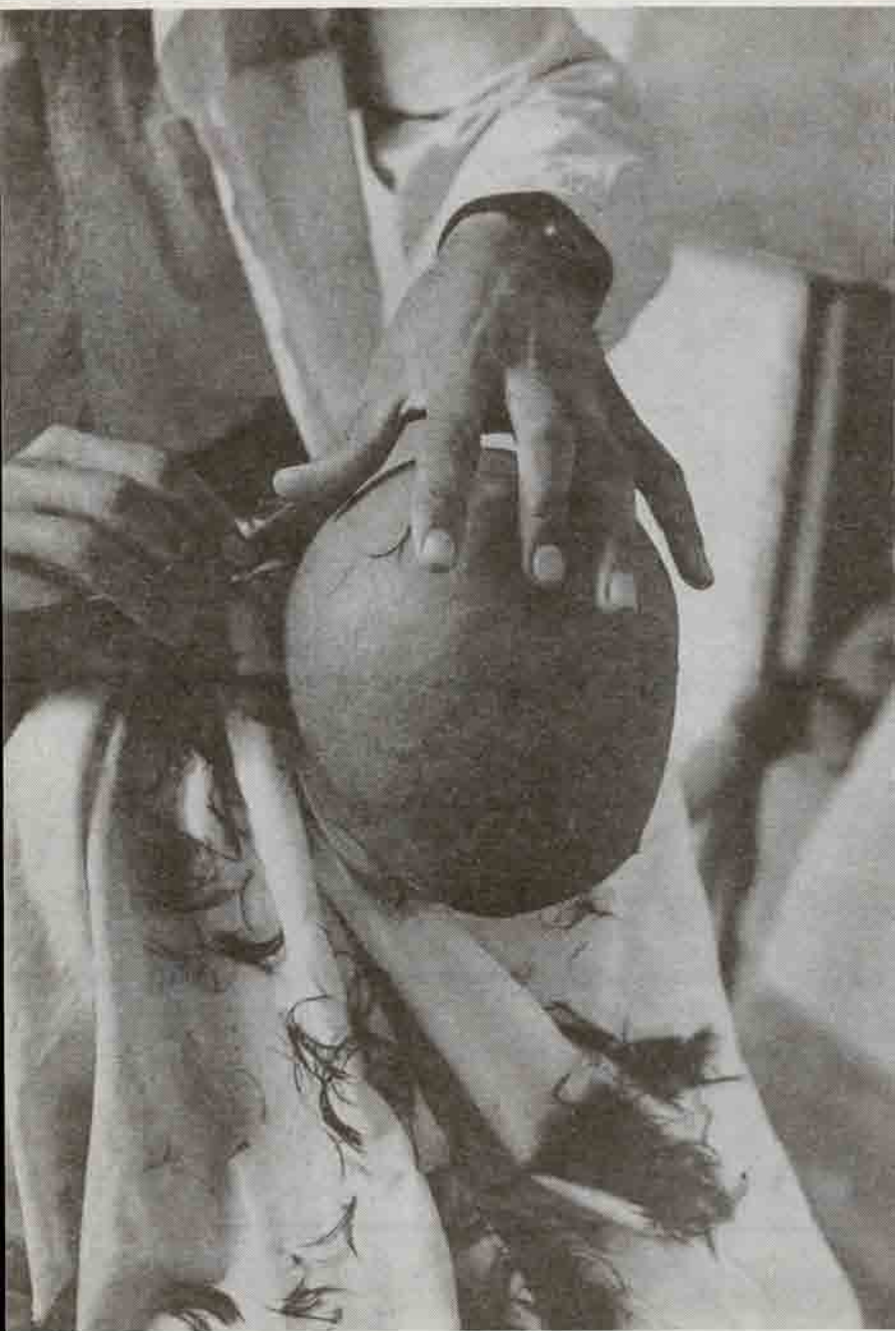
Жизнь прожить...

Портрет сестры.

Зима. Таджикистан.

По солдатской моде.

Хлеббушко.

СЕРГЕЙ МАШИН

КРАЙНЯЯ НУЖДА

заставила читательницу обратиться в «Смену»

Судьба не баловала Валю Дягтереву. Ее мать и отец после войны переехали на жительство в Калининградскую область, где собрались разные люди, что называется, со всех волостей: и рязанские, и брянские, и псковские, и владимирские, и со всех республик. В основном по вербовке, осваивать новый для России край, разрушенный войной.

Как всегда бывает, когда народ с бору по сосенке, жизнь была неустроенная, колготная.

Много и часто прикладывались здесь к рюмке, и родители Вали не были исключением. Однако они вырастили, поставили на ноги семерых сыновей и дочерей. Валя была второй, и на нее легли заботы по дому: и по хозяйству помогать, и за всеми ребятишками ухаживать, нянчить. Старшая-то сестра, Антонина, — инвалид от рождения, — так что все хлопоты на Вале.

В семнадцать лет Валентина пошла работать дояркой на ферму. В восемнадцать вышла замуж за Петра Приступчика. Проводила его в армию, дождалась. Родила двух сыновей-погодков, Виталия и Павла. Сейчас им шестнадцать-семнадцать лет. К несчастью, родились они слабослышащими. А потом появилась и дочка Олеся, ей уже четырнадцать...

Семейная жизнь складывалась очень трудно. Петр пил, издевался

над семьей. Валентина терпела: дети же, нельзя им без отца. Старшим мальчикам было четыре-пять лет. Олеся два года, когда Петр сгинул неизвестно куда, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Видимо, нигде толком и не работал, алиментов не было никаких — троих детей Валентина растила одна.

Так прошло восемь лет. И встретился на ее пути недавно приехавший в их село Александр Мартынов. Правда, раньше была у него семья, но распалась, не выдержала пьянства.

Александр вроде исправился, вел себя достойно, работал без нареканий. Он шофером был, возил доярок на ферму и все спрашивал у Валентины: не надо ли дров привезти, не надо ли еще какой помощи. Так и расположил ее к себе...

Родила она сына Мишу, сейчас ему два с половиной года. Родила — с тех пор мужа не узнать: пить начал беспорядно. А напившись, превращался в зверя, полностью терял рассудок. Устроил жуткое Рождество. Пришел вечером домой пьяный, и в большой комнате, где дети смотрели телевизор, рождественской елкой сокрушил окна.

Понятно, денег он в дом не приносил, семью обеспечивала Валентина. И дояркой работала, и свинаркой. А механизация до

здешних ферм почему-то так и не дошла, здесь «чудо» малой механизации — тележка; все приходится на руках таскать; и ведра с водой, и бадьи с кормом.

Счастье, что дети — и работающие, послушные, дом, считай, на них.

Трагедия случилась в январе. Вечером Валентина не пришла с фермы. Дети не обеспокоились, они привыкли, что мать пропадает на работе с утра до ночи. Александр под утро заявился пьяный и, ясное дело, никем и ничем не мог интересоваться. К обеду только бригадир забеспокоился: где Валентина, почему не пришла на работу?

Пропала! Побежали в милицию.

Понятно, подозрение сразу же пало на мужа. Его задержали, но не могли добиться ни слова — был уже в невменяемом состоянии. При нем обнаружили нож и довольно большую сумму денег, что только усилило подозрения.

Придя в себя, он начал клясться и божиться, что Валентины не видел и понятия не имеет, где она. А откуда нож и деньги? Тут он вынужден был сознаться, что забил бычка на ферме и продал его. (Разумеется, завели дело по хищению общественной собственности, ждет Александра суд и срок до четырех лет...)

А Валентину нашли дней через десять. Оттепель была, растаял снег в канаве у дороги на ферму, она там и лежала.

Никаких признаков насильственной смерти.

Так и осталась смерть Валентины загадкой для всех.

А четверо детей — от двух с половиной лет до семнадцати — теперь и без матери, и без отца...

Опеку над ними оформила старшая сестра Валентины Антонина, к счастью, живущая в этом же селе, в Карамышеве. Пересели-

лась в их дом, взяла на себя заботы о детях. Инвалидная пенсия ее по нынешним временам мизерная — 29 тысяч рублей. Еще кое-какая помощь государства сиротам. Но в основном, конечно, живут они своим хозяйством: Антонине-то управиться немогоду — она росточком с ребенка. Но дети, дети, выращенные и воспитанные Валентиной, — на удивление трудолюбивы, аккуратны, старательны. Все на их плечах. Они и корма заготовливают, и доят корову, и поросят кормят, и молоко через сепаратор могут перегнать, и стирают сами, и дом убирают.

Полы в деревенской квартире сверкают свежайшей краской, половики чистые, ни пылинки, а маленький Миша ухожен, одет-обут и всегда присмотрен.

Вот таких детей вырастила Валентина, да не судьба была ей нарадоваться на них.

Конечно, Антонине нелегко, и написала она письмо нам, в редакцию, с просьбой о помощи. Журналисты «Смены» собрали денег, кто сколько мог, отправили в Карамышево — хоть какие-то срочные дыры на них можно залатать. Но суть не в разовой помощи. О дальнейшем надо думать. Надо вырастить детей; причем образование мальчишкам будет даваться труднее, чем другим их сверстникам, — они слабо слышат; нужны специальные аппараты, индивидуальной подгонки, которые стоят нынче недешево.

Да мало ли что необходимо юношам и красивой девушке, вступающим в жизнь...

И судьба этой семьи заставляет нас задуматься о других таких семьях, где потеряны кормильцы, домах, в которые пришла нужда.

Увы, это простая и обыденная для России история. Здесь перемешаны пьянство и эгоизм, ду-

шевное бесстыдство и сердечная отзывчивость...

Долгие годы считалось, что о многодетных, малообеспеченных, сиротах, больных должно заботиться государство. Но сейчас наше государство — беднее бедного. Самые слабые, самые беззащитные члены общества — дети — оказались брошенными на произвол судьбы. И потому надо хоть с чего-то начинать. С простой конкретной семьи. Ведь и у нас, не самых обеспеченных людей, есть добротная одежда, из которой выросли дети и которую девать некуда: выбросить жалко, а дать кому-то просто так вроде неловко. Так давайте пошлем ее в Карамышево (238125, Калининградская область, Озерский район, п/о Карамышево, Дягтеревой Антонине Ивановне).

Кстати, в некоторых приютах, в детских приемниках-распределителях наши дети уже одеты не в серые казарменные робы, а в яркую красивую одежду, присланную благотворительными организациями Америки и Западной Европы. Не отказываясь от их помощи, можем и мы многое сделать для наших детей...

Оглядимся вокруг: не в крайней ли нужде сосед наш, коллега по работе, хороший знакомый. Может, именно сейчас ему так нужна наша (ваша, читатель!) помощь.

ПЕГАС

Кто был в грязи — теперь в князьях...
 О, годы смуты нелюдимой!
 Не обмануться бы в друзьях
 и не извериться в любимой.
 Мой дом — подобие ладьи,
 которую качают споры.
 Ни в чем: ни в книгах, ни в любви —
 я не могу найти опоры.
 Удача, молодость, талант —
 все так непрочо в жизни мглистой.
 Но у меня есть квартирант,
 загадочный и неказистый.
 Он тайно дух мой стережет,
 конек незримый и горбатый.
 Стуча копытом, тихо ржет,
 гордясь породею крылатой.
 Пока усталость валит с ног
 мир, одичавший в глупом беге, —
 меня несет мой горбунок,
 мой друг спасительный и пегий.
 Он мчит в иные времена
 над бездной слов, пустых и рыхлых.
 Как в позолоте, стремена —
 в прозрениях и звонких рифмах.
 И чем сильнее тиранит Русь
 век, обезумевший и шаткий,
 тем я упрямее держусь
 за гриву призрачной лошадки.

МЕДИТАЦИЯ

Дождь, охальник и бездельник, тронул невзначай
 добродушный можжевельник, хмурый молочай.
 Глушь дремотная умылась, плещут караси.
 Ничего не изменилось на святой Руси.
 Так же хрипящая телега, как сто лет тому,
 в ожидании ночега катится во тьму.
 Так же млеет сонный воздух, густ, как нашатырь.
 Весь в соцветиях и звездах ветхий монастырь.
 Тишина исповедальна, но не нужно слов.
 Их заменит этот дальний гул колоколов.
 Небесам слагая оды, свищут соловьи.
 Мимолетности природы, таинства любви.
 Ощущаю в смуте линии, потрясен до слез,
 возделенье грешных лилий, праведность берез.
 У осин девчачьи лица, ветер — в голове.
 Не устань, душа, молиться тучам и траве.
 Пей с восторгом и смиреньем жизни припный хмель,

как, жужжа в кустах сирени, бразничает шмель.
Пляшут радужные черти в капельках росы.
Размышлять ли нам о смерти средь такой красы?
Грусть свечи. Перо. Бумага. Зыбкий лунный блик.
Будет блик по воле мага вечен и велик!
В сердце — гроздь щемящей сини, неизбывный свет.
Сокровенная Россия. Афанасий Фет.

Чужая вдруг привяжется строка
в классическом и несравненном блеске,
и вот уже слетает с языка:
«Прогнило что-то в нашем королевстве...»
Ну где отыщешь формулу точней,
когда дела невыразимо плохи,
чтоб описать печали наших дней
словами из шекспировской эпохи?
Когда наш Эльсинор — на волоске,
но о больших надеждах что-то мямлит,
моя душа в сомненьях и тоске
безумствует и мечется, как Гамлет.
Под звон велеречивых эскапад,
среди разброда, глупости и лести
нас пожирает нравственный распад.
«Прогнило что-то в нашем королевстве...»
Дух — в тупике, искусство — в столбняке...
О, как смягчить времен жестокий поров
тревогой о мальце и старике
среди братоубийственных раздоров?
Куда же мы несемся: вверх ли, вниз —
под гул крикливых сборищ и молебствий?
И гложет совесть горький афоризм:
«Прогнило что-то в нашем королевстве...»

ПРОЩАНИЕ В КУЧИНО

Памяти А. С. Вальшонка

Сквозь веки сомкнутые глядя
на тучки цвета серебра,
с улыбкою блаженной дядя
лежал в гробу среди двора.
Не горожанин и не дачник,
а житель кучинский простой.
По внешним меркам — неудачник,
по высшей табели — святой.
Две колченогих табуретки
собой являли постамент.
Плыл над толпою плач соседки —
прощанья аккомпанемент.
Семьи не нашил и богатства,

но, воспитавший сироту,
считал он главным святотатством
сердец облыжных глухоту.
Чудной философ, добрый книжник,
в рутине будней не речист,
он, терпкой совести подвижник,
был, как дитя, душою чист.
И в полутемной комнатушке,
где запах прели и борща,
он спал на шаткой раскладушке,
на горечь быта не ропща.
Живя в поселке без отлучки,
всегда был с теми, с кем — беда.
Давал деньжата до получки
и без отдачи иногда.
И, полон болью поколенья,
тираном втоптанного в грязь,
писал о культуре сочиненье,
ища времен взаимосвязь.
В ночных трудах не зная пауз,
кляня диктаторский режим,
был подмосковный доктор Фауст
высокой страстью одержим.
Но, не прельстившийся карьерой,
ни за какие барыши
не предал ни судьбы, ни веры,
не продал дьяволу души.
В нем оценила бескорыстье
поселка гулкая молва.
Его оплакивали листья,
скорбела пряная трава.
Но не услышал он, бедняга,
к иным приблизясь голосам,
как выла вслед ему дворняга,
задравши морду к небесам.

пол гэллико

ЦВЕТЫ ДЛЯ МИССИС

1

Низенькая худая женщина с румяными, как яблочки, щеками, начавшими уже седеть волосами и хитрыми, если не сказать плутоватыми, глазками прикинула к иллюминатору «Вайкаунта» Британских Европейских Авиалиний, следующего рейсом Лондон — Париж. Когда с ревом и гулом самолет оторвался от взлетной полосы аэропорта, ее душа взлетела вместе с ним в волнении и ликования. Да, она волновалась, но ничуть не боялась, ибо была твердо уверена, что теперь ей ничего не грозит. Она была охвачена благословенным вдохновением тех, кто вышел в полный приключений путь, дабы добыть предмет своей мечты.

Она была одета опрятно и очень себе нравилась в несколько поношенном твидовом пальто и безукоризненно чистых коричневых нитяных перчатках; кроме того, она прижимала к себе потертую сумочку из коричневой же искусственной кожи. И правильно делала, между прочим, поскольку в сумочке лежали не только десять однофунтовых банкнот (сумма, дозволенная к беспрепятственному вывозу из Соединенного Королевства), но и тысяча четыреста долларов США — свернутые в тугой рулон бумажки по пять, десять и двадцать долларов. Рулон был стянут широкой аптечной резинкой. Где в полной мере проявилась ее кипучая натура — так это в шляпке. Воистину потрясающая шляпка из зеленой соломки; спереди на ней была укреплена на гибком стебельке огромная нелепая роза, которая все время кивала туда и сюда, как будто повинуюсь лежащей на штурвале руке пилота, — самолет как раз разворачивался и набирал высоту.

Любая лондонская домохозяйка, хоть раз пользовавшаяся услугами уникальной породы «уборщиц по найму»... да что там,

Пол Гэллико — английский писатель, автор повестей и рассказов, получивших известность не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Произведения Гэллико переводились и на русский язык, а по повести «Томасина» Ролан Быков снял фильм «Безумная Лори». Особый успех принес писателю цикл повестей о похождениях лондонской уборщицы миссис Харрис, над которым он работал в 70-х годах, — бедной, но доброй, изобретательной и потому успешно преодолевающей все препоны на своем пути: «Миссис Харрис едет в Нью-Йорк», «Миссис Харрис едет в Москву», «Цветы для миссис Харрис» и другие.

ХАРРИС

любой англичанин! — сразу сказала бы, только глянув на женщину с розой: «Женщина в такой шляпке не может быть не кем иным, как лондонской уборщицей!» — ... и, что самое главное, они были бы абсолютно правы.

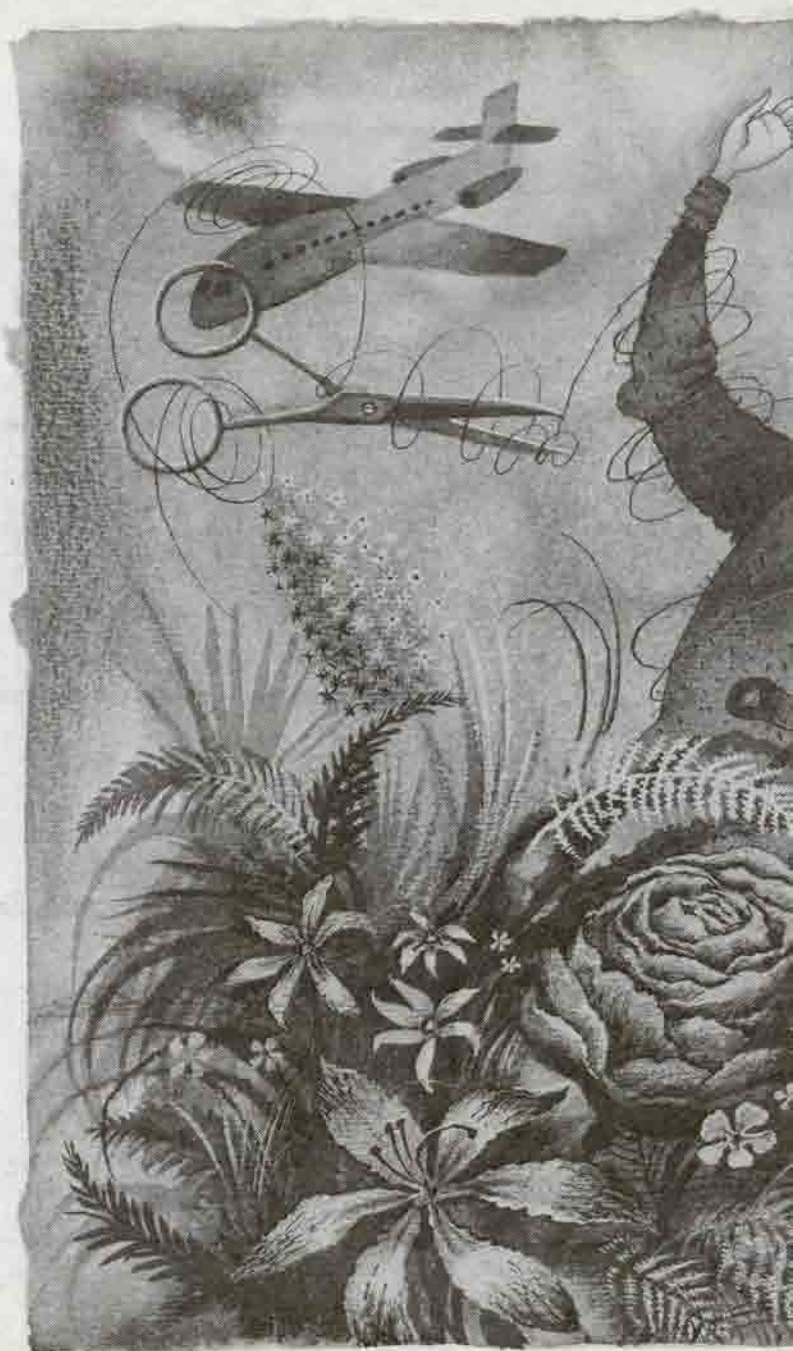
В списке пассажиров женщина фигурировала как миссис Ада Харрис (истинная кокни, она, естественно, произносила это как «Аррис») и действительно была уборщицей, вдовой, одинокой, с клиентурой в фешенебельных районах Итон-Сквер и Белгрэйвна.

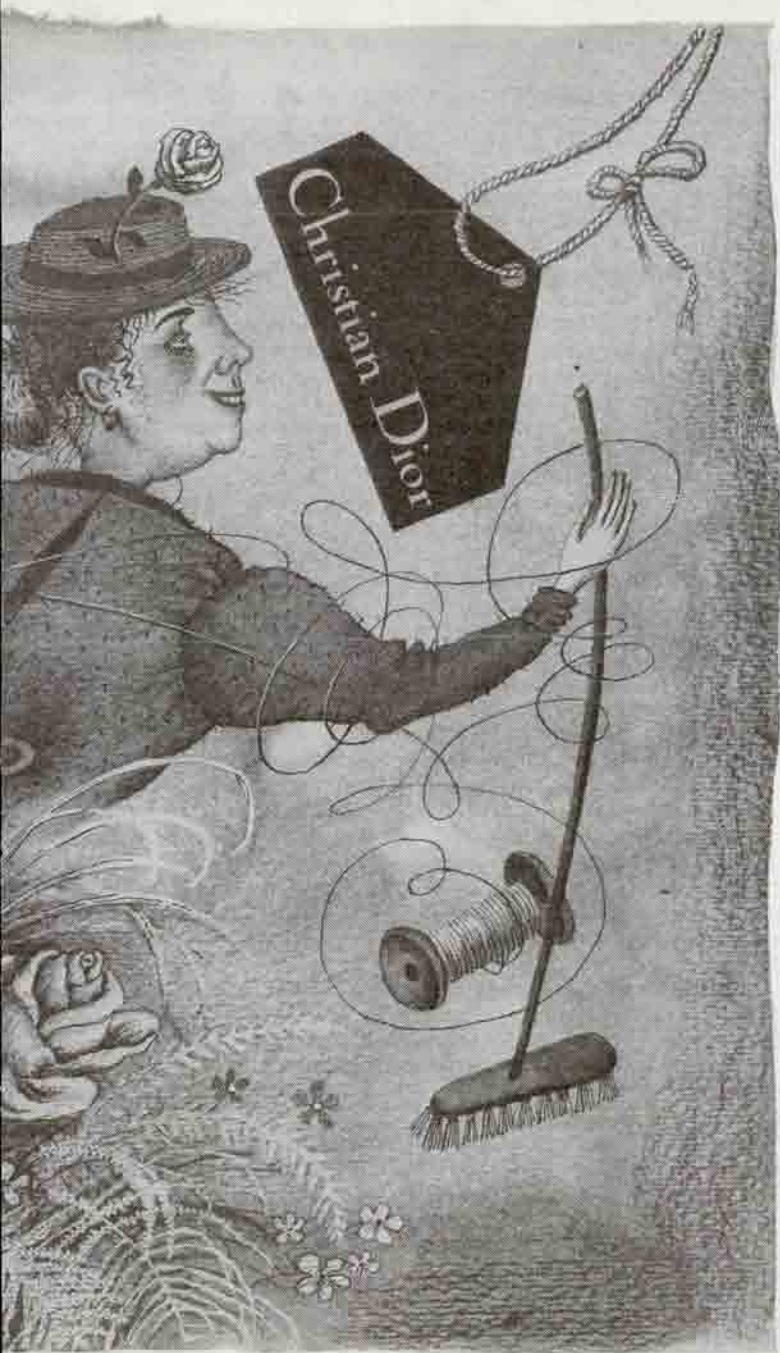
До волшебного мига, в какой «Вайкаунт» поднял ее с поверхности нашей брэнной земли, жизнь ее состояла из бесконечной черной работы и не слишком частых посещений кино, паба на углу и, совсем уже редко, мюзик-холла.

Мир миссис Харрис, приближавшейся уже к шестому десятку, был весьма запущен и грязен. Не раз и не два, а пять-шесть раз на дню открывала она двери чужих домов и квартир доверенными ей ключами, и за этими дверями акры несвежего и скомканного постельного белья на незастеленных кроватях, разбросанная одежда, мокрые полотенца на полу в ванной, невылитая из стакана вода для полоскания, вещи, которые надлежало собрать и сдать в стирку, и, разумеется, полные окурков пепельницы, пыль на столах и зеркалах — словом, вся грязь, какую только могут оставить за собой двуногие поросята, уходя по утрам из дома.

Миссис Харрис убирала эту грязь, потому что такова была ее профессия, которой она зарабатывала себе на жизнь. Но не только поэтому. Для многих уборщиц, а для миссис Харрис в особенности, их работа включает в себе возможность гордиться приведенными в порядок домами почти как своими. Это созидательный труд, которым действительно можно гордиться и в котором можно находить удовлетворение. Она приходила в квартиры, достойные называться разве что свинопольником, а уходя, оставляла их убранными, сверкающими и пахнущими чистотой. То, что на следующий раз она вновь заставляла эти комнаты в состоянии первозданного хаоса, мало ее беспокоило. Она получала свои три шиллинга в час и вновь превращала свинарник в безупречно чистый дом.

Вот такова была профессия и жизнь невысокой пожилой женщины — одной из трех десятков пассажиров, летящих

этим утром в Париж, куда влекло ее дело необычайной важности.

Здоровый британский стюард подал ей здоровый британский завтрак — причем не взял за него ни пенни, сообщив, что завтрак она получает бесплатно, с наилучшими пожеланиями от авиакомпании. Это было приятно.

Позавтракав, миссис Харрис прильнула к иллюминатору (разумеется, сумочку она не выпускала из рук ни на миг). Проходя мимо нее, стюард сообщил:

— На некотором расстоянии справа от нас вы можете увидеть Эйфелеву башню.

— Ну-ка... — пробормотала миссис Харрис, всматриваясь вдаль. В следующий миг она нашла иголку, торчащую из лоскутного одеяла крыши и труб, прошитого голубой лентой реки, по змеяному протянувшейся через город.

— Чего-то башня на картинках куда выше, — заключила она.

Пару минут спустя «Вайкаунт» без малейшего толчка приземлился во французском аэропорту. Настроение миссис Харрис поднялось еще сильнее. Мрачные пророчества ее подруги миссис Баттерфилд — «Эта чертова штуковина или взорвется в воздухе, или свалится в море и утонет с тобой вместе» — не сбылись. Может, и Париж окажется не таким уж плохим местом. Тем не менее миссис Харрис решила впредь быть как можно осторожней — и это решение только укрепилось после долгой поездки на автобусе из Ле Бурже по чужим улицам с чужими домами и магазинами, предлагавшими чужие товары на бессмысленном и невнятном чужом языке.

Сотрудник Британских Европейских Авиалиний, чьей обязанностью было помогать пассажирам, теряющимся в суете аэровокзала Инвалидов в Париже, бросил один-единственный взгляд на шляпку, на сумочку, на слишком большие туфли и, разумеется, на неподражаемые дерзкие (а говоря прямо, так и нахальные) глазки и, конечно, сразу же поставил верный диагноз. «Боже всемогущий, — пробормотал он про себя, — лондонская уборщица! Что, ради всего святого, она делает в Париже? Неужели у них здесь настолько плохо обстоят дела с уборкой квартир?!»

Он заметил ее неуверенность, быстро заглянул в список пассажиров — и снова угадал. Подойдя к приезжей, сотрудник БЕА притронулся к козырьку и произнес:

— Разрешите помочь вам, миссис Харрис?

Умные жуликоватые глазки изучающе обежали его в поисках признаков морального разложения или иных заграничных штук-дрючек. К некоторому разочарованию миссис Харрис, незнакомец был точь-в-точь похож на обычного англичанина. Поскольку же он был вежлив и на вид вполне безвреден, она осторожно ответила:

— О... да они тут, значит, могут все-таки говорить по-английски!

— Ну... как же иначе, мадам. Я ведь и есть англичанин, — ответил сотрудник БЕА. — Однако большинство людей здесь знают английский, так что вы не пропадете. Я вижу, вы намере-

ны вернуться в Лондон вечерним одиннадцатичасовым рейсом; куда вы хотели бы направиться сейчас?

Миссис Харрис поколебалась мгновение, не будучи уверенной в том, насколько она может быть откровенна с незнакомцем, и твердо ответила:

— Я хочу взять такси, если вы не против, конечно. У меня есть десять фунтов.

— Прекрасно, — кивнул человек БЕА, — но вам лучше обменять часть денег на французскую валюту. Один фунт приблизительно равен тысяче франков.

В окошечке «Bureau de change» несколько солидных зеленых фунтовых банкнот превратились в тонкие, непрочные, мятые, потертые и грязные синие бумажки с цифрами «1000» и горсточку каких-то скользких, точно засаленных, алюминиевых монет самого несерьезного вида, номиналом в сто франков.

Вид этих, с позволения сказать, денег привел миссис Харрис в справедливое негодование.

— Это, по-вашему, деньги? Монеты-то, гляньте, один в один как фальшивые!

Человек БЕА улыбнулся.

— В каком-то смысле они действительно не настоящие, но выпускать их может только правительство, и французы еще не сообразили, что к чему. Так что эти деньги пока сходят за настоящие. — Он провел ее сквозь толпу, помог подняться по пандусу и усадил в такси. — Итак, куда вам ехать? Я переведу ему.

Миссис Харрис уселась, гордо выпрямив худую от долгой и нелегкой работы спину: розовый цветок на шляпке указывал строго на север, на лице — спокойствие, достойное герцогини; только бегающие глазки выдают волнение.

— Скажите ему везти в магазин одежды Кристиана Диора, — велела она.

Сотрудник авиакомпании уставился на нее, не в силах поверить своим ушам.

— Прошу прощения, мадам?..

— Вы же слышали — одежный магазин Диора!

Да, представитель БЕА ее прекрасно слышал, однако его мозг, привыкший справляться с любыми осложнениями и диковинными проблемами, никак не мог уловить связь между лондонской уборщицей — бойцом огромной армии, каждое утро выходящей на сражение за чистоту, вымывающей грязь большого города из каждого дома и каждой конторы, — и самым изысканным, самым дорогим центром моды в мире. Поэтому он все еще медлил.

— Ну ладно, давайте-ка переводите, — нетерпеливоскомандовала миссис Харрис. — Что тут такого? Или леди не может поехать в Париж за платьем, а?

Потрясенный до глубины души сотрудник БЕА по-французски обратился к шоферу:

— Отвезете мадам в Дом Кристиана Диора на Авеню Монтань. И предупреждаю: обсчитаете ее хоть на су, и больше вам в такси не работать — я прослежу за этим лично.

Когда такси с миссис Харрис на заднем сиденье отъехало от

аэровокзала, сотрудник БЕА, покачивая головой, отправился на свое место в зоне прибытия. Он чувствовал, что теперь действительно видел на свете все.

А миссис Харрис с колотящимся от радостного волнения сердцем катила в такси по улицам Парижа и, мысленно возвращаясь в Лондон, думала о том, сумеет ли миссис Баттерфилд справиться со всеми клиентами.

Дело в том, что клиентура миссис Харрис, будучи подвержена время от времени изменениям безо всякого предупреждения (то есть она могла неожиданно отказаться от одного из своих клиентов — и никогда наоборот), тем не менее оставалась вполне стабильной. Некоторым клиентам миссис Харрис посвящала несколько часов ежедневно, другие заслуживали ее забот лишь три раза в неделю. Она работала по десять часов в день — с восьми утра до шести вечера, ежедневно, кроме воскресенья, когда лишь самые избранные клиенты устаивались ее внимания на полдня. И такого расписания миссис Харрис придерживалась пятьдесят две недели в году. Поскольку в сутках никогда не бывает больше двадцати четырех часов, миссис Харрис брала не более шести — восьми клиентов и притом ограничивала их географию фешенебельным районом Итон — Белтрейв-Сквер; таким образом, раз приехав сюда утром, миссис Харрис могла просто переходить от подъезда к подъезду.

Среди ее клиентов был, например, майор Уоллес — холостяк, к частым и разнообразным любовным делам которого она проявляла живой интерес.

124 Правилась ей и миссис Шрайбер — немного суматошная супруга представителя Голливуда, живущего в Лондоне, нравилась американской теплотой и широтой природы, проявлявшимися самым разным образом, в первую очередь интересом и заботой миссис Шрайбер о самой миссис Харрис.

Убиралась миссис Харрис и у элегантной леди Дант, жены богатого «промышленного барона», кроме лондонской квартиры владевшей загородным замком, — в «Квин» и «Тэтлере» постоянно печатались снимки леди Дант на охотничьих и благотворительных балах. Этой клиенткой миссис Харрис гордилась.

Были и другие: белорусская графиня Вышинска — миссис Харрис любила ее, поскольку графиня была неподражаемо безумна; молодая супружеская пара; младший отпрыск знатной фамилии — миссис Харрис нравилась его квартира, полная красивых вещей; разведенная миссис Форд Фулкс — неисчерпаемый кладезь сплетен и слухов о богатых бездельниках и высшем свете вообще; ну и несколько прочих, в том числе мисс Памела Пенроуз, молодая актриса, ведшая борьбу за свое признание с плацдарма двухкомнатной квартиры в старом доме.

И за всеми этими домами миссис Харрис ухаживала в одиночку, хотя в чрезвычайных обстоятельствах она могла положиться на помощь своей подруги и своего «alter ego», миссис Вайолет Баттерфилд — тоже вдовы и тоже уборщицы. Правда, миссис Баттерфилд была склонна к довольно пессимистическому взгляду на жизнь и мрачным предсказаниям. При необходимости подруги нередко помогали друг другу.

Если одна из них заболела или какая-то иная причина не позволяла выполнять свои обязанности, второй всегда удавалось выкроить немножко времени и прибраться у клиентов — по крайней мере в достаточной степени, чтобы те не возмущались. Случалось, например, миссис Харрис слезь в постель с каким-нибудь недугом (а случалось это редко); тогда она обзванивала клиентов, извещала их о такой катастрофе и утешала: «Ну не волнуйтесь. Подружка моя, миссис Баттерфилд, к вам заглянет, приберется; а завтра я выйду». Точно так же миссис Харрис выручала миссис Баттерфилд. Обе достойные дамы различались по характеру, как день и ночь, но оставались при этом надежными, верными, внимательными подругами и полагали взаимную помощь в работе необходимой дружеской обязанностью. Дружба есть дружба — и этим все сказано.

...Такси переехало через широкую реку — ту самую, которую миссис Харрис видела из окна самолета, только теперь река казалась не голубой, а серой. На мосту шофер вступил в бурный диспут с коллегой — оба водителя кричали и ругались. Миссис Харрис по-французски не понимала, но интонации были достаточно красноречивы, и она довольно улыбнулась. Ее мысли сами собой обратились к мисс Памеле Пенроуз и к скандалу, учиненному последней по случаю намерения миссис Харрис взять выходной. Миссис Харрис даже особо обратила внимание миссис Баттерфилд на необходимость зайти к этой честолюбивой будущей звезде.

Может показаться странным, что миссис Харрис, при всей ее пронизательности и умении судить о людях, любила мисс Пенроуз больше всех остальных своих клиентов. Девушка (чье настоящее имя, как узнала миссис Харрис из, конечно же, случайно попавшихся ей на глаза писем, было Энид Снайт) жила в маленькой квартирке, которая могла бы служить эталоном беспорядка. Памела-Энид — маленькая блондинка с недурными формами, поджатыми губками и странно-малоподвижными глазами. На свете не было ничего, чего бы она ни сделала ради своей карьеры — то есть того, что она карьерой называла; к настоящему времени она карьера включала год или два в хоре, да несколько эпизодических ролей в кино и на телевидении. И была мисс Снайт подленькой, вздорной, эгоистичной и безжалостной, а манеры ее иначе как отвратительными назвать нельзя.

Но миссис Харрис относилась к мисс Снайт хорошо, ибо прекрасно понимала жгучее, безумное, голодное желание девушки быть кем-то, чем-то, вырваться из повседневной борьбы за существование и подняться над ней, урвать для себя от жизни что-то хорошее...

— Далеко еще? — прокричала миссис Харрис.

Шофер, не сбавляя скорости, снял обе руки с руля, замахал ими, обернулся к пассажирке и закричал в ответ что-то по-французски. Миссис Харрис, разумеется, ничего не поняла, но улыбка под моржовыми усами была достаточно дружелюбной и успокаивающей, так что она откинулась на мягкое сиденье и принялась терпеливо ждать прибытия к месту, куда давно стремилось ее сердце. И, пока машина ехала, миссис

Харрис вспоминала цепь странных событий, которые привели ее сюда.

2

Все началось несколько лет назад, когда, убираясь в доме леди Дант, миссис Харрис открыла гардероб, чтобы навести в нем порядок, и перед нею предстали два платья. Одно было осколком рая из шелка цвета слоновой кости и кремового, с кружевами прозрачного шифона; второе — застывшим взрывом, созданным из гладкого алого шелка и того же цвета тафты, и его украшали пышные алые банты и не менее пышный красный искусственный цветок. Миссис Харрис стояла, как громом пораженная, — никогда в жизни не приходилось ей видеть что-либо столь совершенно прекрасное, и в тот самый миг родилось в глубине ее души желание обладать подобным платьем.

Это было бессмысленно: где бы она могла носить его? В жизни миссис Харрис не было места таким вещам. Но она увидела платье — и захотела иметь его, захотела с невероятной силой. Что-то внутри нее сразу же с томлением потянулось к удивительному платью; так младенец в колыбели тянется к яркой игрушке. Миссис Харрис стояла, восхищенная и очарованная, перед открытым гардеробом, опираясь на швабру, — в мешковатом запачканном комбинезоне, туфлях словно прямо с ноги клоуна из мюзик-холла, со свисающими на уши мокрыми прядями — классический портрет уборщицы.

Такой и застала ее, войдя в комнату, леди Дант.

— О! — воскликнула она. — Так вы заметили мои новые платья? — И, видя позу и выражение лица миссис Харрис, леди Дант добавила: — Вам они нравятся? Я еще не решила, какое надену сегодня вечером.

Миссис Харрис едва слышала леди Дант — ее полностью захватили, покорили удивительные, почти живые создания, сотканые из шелка, тафты, шифона, поражающие воображение комбинациями оттенков, содержащие какие-то хитрые каркасы, благодаря которым даже на вешалке они как бы стояли сами по себе...

— У-у-у-уу... — выдохнула миссис Харрис. — Вот это да!.. Красиво-то как!.. И должно быть, стоят кучу денег...

Леди Дант, конечно, не могла устоять перед искушением поразить воображение миссис Харрис: в конце концов не так-то просто поразить лондонскую уборщицу, ибо известно, что лондонские уборщицы — наименее впечатлительные представительницы вида *Homo sapiens*. Леди Дант всегда немножко боялась миссис Харрис, а тут подвернулась такая возможность сравнять счет. Поэтому она засмеялась своим ломким смехом и ответила:

— Н-ну, признаться, да. Вот это платье — «Ивуар», то есть «Слоновая кость», стоило триста пятьдесят фунтов, а это, большое красное — оно называется «Обаяние», — около четырехсот пятидесяти. Я, видите ли, всегда покупаю платья от Диора. Так можно быть уверенным, что не ошибешься в выборе.

— Че-тыреста пятьдесят монет!..— эхом повторила за ней миссис Харрис.— Да откуда только берутся такие деньги?..

Нельзя сказать, чтобы миссис Харрис была вовсе не знакома с парижскими модами, наоборот — она была постоянной и усердной читательницей старых журналов мод, которые иногда дарили ей клиенты, и слышала, конечно, такие имена, как Фас, Шанель, Валенсьята, Карпентье, Лавен и Диор,— последнее из этих имен зазвенело теперь, точно колокол, в ее жаждущей красоты душе.

Леди Дант была до крайности довольна впечатлением, какое, казалось, ей удалось произвести на миссис Харрис. Она даже сняла по очереди оба платья с вешалки и приложила к себе — показать, как примерно должны выглядеть создания Диора на своей хозяйке. Более того, она разрешила уборщице пощупать материал (ибо работающие руки миссис Харрис были безупречно чистые от воды, мыла, порошков и паст), и маленькая лондонская уборщица коснулась платьев так благоговейно, как если бы это был сам святой грааль.

— Какая красота,— прошептала она.

Откуда было знать леди Дант, что в этот самый миг миссис Харрис осознала наконец, что превыше всего на земле и на небе она мечтает обладать платьем от Диора — чтобы такое же чудо висело в ее собственном шкафу.

Она была далеко не глупа. Ни на миг ей не пришла в голову мысль о возможности носить такое платье. Что-что, а свое место она знала, блюла его, и горе тому, кто бы на него покусился. Конечно, ей приходилось трудиться, не разгибаясь, но зато она была вполне независима. Однако в ее мире не было места экстравагантности и пышным нарядам.

Все, чего она хотела,— это обладание; чисто женское желание иметь платье, повесить его в своем шкафу, знать, что оно висит там, пока ее нет дома, а вернувшись, открыть дверцу шкафа и увидеть платье, ожидающее хозяйку,— изысканное, совершенное на взгляд и на ощупь, а главное, совершенный объект для обладания. Словно все, чего ей не пришлось увидеть в жизни из-за рождения в ее классе и жизни в бедности, могло быть восполнено обладанием этим великолепным образцом женского убранства. Разумеется, та же огромная сумма могла бы быть представлена ювелирным украшением или, скажем, единственным крупным алмазом, но миссис Харрис алмазы не интересовали. Однако то, что платье может выражать подобную невероятную сумму, лишь увеличивало его притягательность и желание миссис Харрис завладеть им. Да, она понимала, что это желание бессмысленно... но от этого оно не уменьшалось.

И весь этот сырой, туманный день ее согревал образ виденных ею шедевров, и чем больше она о них думала, тем больше росло в ней стремление к ним.

Вечером, когда густой лондонский туман протек наконец унылым дождиком, миссис Харрис сидела в уютном тепле кухоньки миссис Баттерфилд — это был вечер, который подруги традиционно посвящали церемонии заполнения билетов еженедельной футбольной лотереи.

Сколько они себя помнили, и миссис Харрис, и миссис Баттерфилд каждую неделю вкладывали по три пенса в эту увлекательную общенациональную игру, замечательно дешевую — надежда, волнение и ожидание стоили всего по пенни каждое. И понятно: стоило заполнить купон билета и опустить его в почтовый ящик — и до самого прихода разрушающей иллюзии тиражной таблицы корешок билета означал неслыханное богатство. Впрочем, настоящего разочарования не было, ибо подруги никогда всерьез не рассчитывали на выигрыш. Правда, миссис Харрис выиграла как-то тридцать шиллингов, а миссис Баттерфилд несколько раз получала обратно свои деньги или, вернее, возможность бесплатно сыграть на следующей неделе. Но это и все. Фантастические главные призы оставались завораживающими и воодушевляющими сказками, время от времени попадавшими на газетные страницы.

Поскольку миссис Харрис не интересовалась спортом и вдобавок не располагала свободным временем, позволяющим следить за успехами футбольных команд, а также принимая во внимание то очевидное соображение, что число возможных сочетаний и перестановок было весьма велико, она заполняла лотерейные билеты, руководствуясь единственно догадкой, случаем и вдохновением свыше. Надо было предсказать результаты — «выиграли-проиграли-ничья» — более чем трех десятков игр; и метод миссис Харрис сводился к тому, что ее карандаш замирал над очередной клеточкой напечатанной в билете таблицы, и она ожидала, пока что-либо не подскажет ей результат — какой-нибудь внутренний импульс.

Удача, как чувствовала миссис Харрис, была чем-то вполне материальным. Она, удача, витала в воздухе, изредка падая в руки того или иного человека чем-то вроде крупных хлопьев. Удачу можно ощутить, пощупать, схватить, откусить от нее кусочек для себя; удача в какой-то миг была здесь, а в следующей улетчивалась без следа. И вот, пытаюсь поймать удачу, флиртуя с ней, миссис Харрис как бы настраивалась на волну неведомого. И если, вглядываясь в очередную пустую клеточку, не чувствовала ничего особенного — того, что называла «озарением», — она помечала «ничью».

Так вот, в тот вечер подруги сидели в круге света от лампы, и перед каждой лежал незаполненный билет и дымилась чашка чаю. Сегодня миссис Харрис казалось, что удача сгустилась вокруг нее плотнее, чем туман за окном. Прицелившись карандашом в первый квадратик «Астон Вилла» — «Болтон Уондероз», миссис Харрис подняла взгляд на миссис Баттерфилд и заявила:

— Это на мое платье от Диора.

— Твое что, милочка? — переспросила миссис Баттерфилд.

— Мое платье от Диора, — повторила миссис Харрис и добавила та-ак истово, словно самая страстность ее слов могла помочь ей выполнить свое намерение: — Я собираюсь купить платье от Диора.

— Вот как, милочка... — пробормотала миссис Баттерфилд; ей не хотелось выходить из своего полукаталептического состояния,

в которое она только-только начала входить. — Это что, что-то новенькое в «Маркс Энд Спаркс»?

— «Маркс Энд Спаркс»? Как бы не так! — ответила миссис Харрис. — Да ты что, никогда не слышала о фирме Диора?

— Как будто нет, милочка, не припомню, — ответила миссис Баттерфилд, все еще в полутрансе.

— Это самый дорогой в мире магазин, — сообщила миссис Харрис. — В Париже. И платья там по четыре с половиной сотни фунтов.

Миссис Баттерфилд с грохотом вывалилась из своего сатори. Ее рот сам собой открылся, причем подбородок сложился на манер секций складного стаканчика.

— Четыре с половиной сотни чего?! — еле выговорила она. — Милочка, да ты спятила!..

Это последнее выражение несколько шокировало миссис Харрис, но энергичная его грубость, соединяясь с собственным могучим желанием миссис Харрис, быстро восстановила ее уверенность. Она сказала:

— У леди Дант такое висит в шкафу. Она его надевает сегодня на благотворительный бал — специально купила. И я ничего подобного в жизни не видела, разве только во сне да еще, может, в книжках и журналах. — Она немного понизила голос: — У самой королевы и то, наверно, такого платья нет. — И добавила громко и твердо: — А у меня будет!

Вызванная потрясением ударная волна в душе миссис Баттерфилд понемногу начала успокаиваться, уступая место обычному ее практическому пессимизму.

— Да откуда тебе взять такую кучу денег? — осторожно спросила она.

— Вот отсюда, — решительно ответила миссис Харрис и поступала по лотерейному билету карандашом, словно для того, чтобы удача точно знала, чего от нее хотят, и не ошиблась в выборе точки приложения сил.

Миссис Баттерфилд приняла это сообщение как должное: у нее самой давно был составлен список первоочередных приобретений на случай, если ее билет выиграл бы. Но она имела в виду другое.

— Я хочу сказать, милочка, что такие платья не для нас с тобой, понимаешь? Не для таких, как мы.

Миссис Харрис страстно возразила:

— Да какое мне дело — для нас, не для нас?! Это просто самая красивая вещь, какую я вообще видела, и я намерена добыть ее! Миссис Баттерфилд не сдавалась:

— Но что ты будешь делать с ним, когда купишь?

Это заставило миссис Харрис на миг замереть: дело в том, что до сих пор она не задавалась мыслью о том, что будет делать с таким шедевром после того, как сумеет заполучить его.

— Это будет мое платье! Оно просто у меня будет — и все!

Ее карандаш вернулся к первой клетке на отрывном купоне билета. Она сосредоточилась на этой клетке и повторила:

— А теперь — к делу...

И без всякого колебания — словно ее рука повиновалась не ей,

а чьей-то чужой воле, — принялась быстро заполнять строчку за строчкой: выиграла, проиграла, ничья, выиграла, выиграла, ничья, ничья, ничья, проиграла, выиграла... — пока вся таблица не была заполнена.

— Вот так, — сказала миссис Харрис.

— Удачи тебе, милочка, — отозвалась миссис Баттерфилд. Ее так зачаровали действия подруги, что к собственному билету она проявила лишь весьма поверхностное внимание и заполнила его довольно быстро.

Все еще чувствуя вдохновение, миссис Харрис воскликнула:

— Бросим их в ящик сейчас же, покуда я чую свою удачу!

Они надели пальто, повязали головы косынками и вышли в каплющий дождем туман, к красному ящику, мокро поблескивающему под уличным фонарем.

Миссис Харрис на секунду прижала конверт к губам, прошептала:

— На мое платье от Диора... — И решительно протолкнула конверт в щель, прислушиваясь к его падению в недра Британской почтовой службы. Миссис Баттерфилд опустила свой конверт с куда меньшей уверенностью.

— Не жди ничего, и не придется разочаровываться — вот мой девиз, — сообщила она. И подруги вернулись к своему чаю.

3

Поразительную новость, которая воистину потрясла мир, первой узнала в то воскресенье не миссис Харрис, а миссис Баттерфилд. Дрожа от волнения каждым фунтом своего обильного тела, ворвалась она в кухню подруги; при этом едва могла говорить и находилась в одном шаге от апоплексического удара.

— Ми-ми-милочка... — запинаясь, выговорила она наконец. — Милочка, ЭТО СЛУЧИЛОСЬ!..

Миссис Харрис как раз гладила свежевывстиранные сорочки майора Уоллеса. Не отрываясь от тонкой работы по выглаживанию воротничка, она пробормотала:

— Спокойнее, дорогая, спокойнее, не то тебя хватит удар... И что же случилось?

Задыхаясь и фыркая, точно гипнопотам, миссис Баттерфилд помахала газетой:

— Ты... ВЫИГРАЛА!

Значение этих слов миссис Харрис поняла не сразу, потому что, вверив свою судьбу удаче, она выкинула лотерею из головы. Но мало-помалу до нее дошел смысл выкриков, ахання и пыхтения миссис Баттерфилд, и утюг с грохотом грянулся оземь.

— Мое платье от Диора!!! — воскликнула миссис Харрис и, обхватив талию подруги, закружилась с ней по кухне.

Затем, дабы не ошибиться, они сели к столу и, графа за графой и цифра за цифрой, сверили результаты субботних игр по своим билетам. Да, все сходилось. Не считая двух ошибок, миссис Харрис все угадала верно. Значит, ей полагается приз. Большой приз, может быть, даже «джекпот» — в зависимости от того, угадал ли кто-нибудь столько же, сколько миссис Харрис,

и нет ли еще более точных ответов. Но в одном они были уверены: платье от Диора — или, вернее, деньги на него — у них в руках, ибо нельзя представить, что приз за двенадцать верных ответов из четырнадцати может быть меньше нужной суммы.

Но подругам предстояло еще одно испытание: дождаться телеграммы, официально подтверждающей выигрыш миссис Харрис. Телеграмма должна была прийти в среду.

— Что останется после покупки платья, разделим пополам, — пообещала маленькая уборщица своей толстухе подруге в приступе щедрости. Она уже видела себя шествующей по залам магазина Диора в окружении кланяющихся и суесящихся продавцов, с лопающейся от денег сумочкой в руках. Она будет идти от прилавка к прилавку, от вешалки к вешалке, мимо бесчисленных дивных нарядов, жестких от украшений из шелка, сатина, кружев, бархата и парчи; и вот, наконец, найдет самое красивое платье и прикажет: «Заверните вот это!..»

И все же, все же миссис Харрис, хоть и была оптимисткой от природы, не могла не подозревать, что без проблем по крайней мере не обойдется. Это чувство было естественным следствием не слишком легкой жизни и ежедневного нелегкого труда. И захотеть нечто великолепно изысканное, но совершенно бесполезное, предмет роскоши из мира богачей, понадеяться на удачу в лотерее и немедленно выиграть — это история из дешевой книжки. Опыт подсказывал, что так не бывает.

Но, с другой стороны, такое все-таки иногда случалось. Ей самой приходилось читать в газетах о подобных случаях... Впрочем, что гадать? Оставалось только дождаться среды! И не имело смысла отрицать совпадение цифр. Платье от Диора будет принадлежать ей, а может, и еще много-много чудесных вещей — даже учитывая, что она поделит остаток выигрыша с миссис Баттерфилд. Ведь призовой фонд составлял ни много ни мало сто пятьдесят тысяч фунтов!

И так в крайнем смятении прошло три дня, и наконец — судьбоносная телеграмма из управления лотереи. Единственно лишь привязанность к подруге не дала миссис Харрис тут же вскрыть и прочесть телеграмму; она быстро оделась и побежала к миссис Баттерфилд. Та плюхнулась в кресло и крепче схватилась за ручки в ожидании потрясения, но тут же принялась обмахиваться фартуком.

— Бога ради, читай ее скорее, не то я просто помру от волнения! — воскликнула она.

Миссис Харрис дрожащими руками распечатала конверт и развернула телеграмму. Там сообщалось, что ее билет выиграл, и выигрыш составил сто два фунта семь шиллингов и девять с половиной пенсов. Скверные предчувствия подтвердились: эта сумма была настолько меньше необходимой для превращения миссис Харрис в обладательницу заветного платья от Диора, что осуществление мечты фактически оставалось столь же далеким и невозможным, как и прежде. Даже попытки миссис Баттерфилд утешить ее: «Ну-ну, милочка, в конце концов это лучше, чем ничего; подумай, да всякий, наверно, был бы рад выиграть такие деньги» — не могли помочь разочарованной

и убитой миссис Харрис, хотя она прекрасно понимала, что просто так уж устроена жизнь, что разочарование — это нормальное состояние человека.

Список выигравших, присланный через несколько дней по почте, все разъяснил. То была трудная неделя для футбольной лиги, со многими неудачами. И хотя ни один человек не угадал результаты всех четырнадцати игр, или хотя бы тринадцати, довольно большое число участников лотереи шло вровень с миссис Харрис — соответственно каждый из них уменьшил ее долю.

Нет, сто два фунта семь шиллингов и девять с половиной пенсов на дороге не валяются. И все же несколько дней у миссис Харрис лежал под сердцем холодный камень, и не раз просыпалась она ночью с чувством горечи и непролившихся слез...

Как-то такой же бессонной ночью, неделю или две спустя, мысли миссис Харрис приняли новое направление. Она вспомнила, как заполняла пресловутый лотерейный билет и с какой уверенностью почувствовала, что этот билет выиграет ей желанное платье. Да, результат вполне совпадал с ее жизненным опытом, учившим, что жизнь полна разочарований. А с другой стороны, такое ли уж это разочарование? Сотня фунтов... Нет, больше: сто два фунта семь шиллингов, девять с половиной пенсов!

Но что может означать эта странно некруглая сумма, какой знак судьбы несет она? (Надо сказать, что мир миссис Харрис был полон знаков судьбы, примет и указаний свыше.) Итак: платье от Диора стоит четыреста пятьдесят фунтов, и триста пятьдесят фунтов — сумма по-прежнему недосыгаемая. Однако погодите-ка! Тут-то ее и озарило. Она включила свет и села в кровати взволнованная разгадкой послания судьбы. Не трехсот пятидесяти фунтов не хватает ей до заветной суммы! Это в банке сотня; но ведь есть еще два фунта, семь шиллингов и девять с половиной пенсов, открывающие счет второй сотне. А когда у нее будет две сотни, третью набрать будет куда легче!

— Вот оно, — громко сказала миссис Харрис. — Я добуду его, даже если это займет весь остаток моей жизни!

Она вылезла из-под одеяла, взяла карандаш и бумагу и принялась считать.

Итак: она зарабатывает три шиллинга в час. Работает десять часов в день, шесть дней в неделю; в году — пятьдесят две недели. Миссис Харрис подперла щеку языком и, старательно перемножая цифры, вскоре высчитала, что ее годовой заработок составляет четыреста шестьдесят фунтов, то есть в точности равен стоимости желанного платья плюс дороги в Париж и обратно.

Так начался долгий и трудный период экономии и скудной жизни, которая, впрочем, ничуть не отразилась на обычном расположении духа миссис Харрис, не считая лишь того, что она не могла уже позволить себе купить время от времени горшочек цветов и тем более тщательно лелеяла свои герани: ведь заметить их она уже не могла.

Она обходилась теперь без курения, хотя сигаретка-другая частенько скрашивала ее дни. И без джина. Ходила пешком,

а не ездила на автобусе или подземке; а когда в туфлях появились дыры, она подложила в них сложенную газету. Отказалась от своих любимых вечерних газет и добывала новости и сплетни из мусорных корзин клиентов днем позже. Экономила на еде и одежде. Экономия на пище могла бы даже повредить ее здоровью, если бы не американка миссис Шрайбер. Миссис Харрис убиралась у нее обычно в обеденное время, и миссис Шрайбер угощала уборщицу, предлагая ей, например, яичницу или какую-нибудь холодную закуску из холодильника. Теперь она не отказывалась от этого угощения.

И хотя миссис Баттерфилд по-прежнему полагала, что стремление обладать вещами, не приличествующими своей касте, до добра не доведет и миссис Харрис еще пожалеет о нем, она преклонялась перед решимостью и мужеством подруги, поддерживала ее в чем могла и, разумеется, хранила ее тайну. Ибо миссис Харрис никого другого в свои планы и устремления не посвятила.

4

Как-то летним вечером миссис Харрис позвонила в дверь миссис Баттерфилд, будучи в состоянии возбуждения. Щеки-яблочки были куда румянее обычного, а маленькие глазки горели просто каким-то электрическим светом. По всему было видно, что ее охватило предчувствие — и это предчувствие влекло ее сегодня на собачьи бега в Уайт-Сити — и она хотела, чтобы миссис Баттерфилд отправилась с ней.

— Проветриться хочешь, милочка? — обрадовалась миссис Баттерфилд. — Признаться, я и сама не прочь немножко прогуляться. Как твои сбережения?

От волнения голос миссис Харрис слегка охрип.

— Я накопила уже двести пятьдесят фунтов. Если их удвоить — я куплю свое платье уже на следующей неделе.

— Удвоить или потерять, милочка? — озабоченно переспросила миссис Баттерфилд, верная своему пессимизму и всегда предпочитавшая смотреть на жизнь с теневой стороны.

— У меня предчувствие, — прошептала миссис Харрис. — Пошли — я плачу!

Миссис Харрис ощущала не просто предчувствие, а скорее послание свыше. Утром она встала с чувством, что наступил ее счастливый день, что сегодня Бог взирает на нее с небес дружелюбно и с обещанием содействия.

Весь день, пока миссис Харрис чистила, мыла, протирала и мела, она старалась настроить себя на прием сообщений свыше, дабы узнать, в какой форме ей будет явлена обещанная награда. Когда же она добралась до квартиры мисс Памелы Пенроуз (которая как всегда пребывала в состоянии хаоса — квартира, разумеется... впрочем, и хозяйка тоже), среди прочего обратила на полу обнаруженный вчерашний выпуск «Ивнинг Стандарт». Миссис Харрис просмотрела его и обнаружила сообщение о том, что сегодня в Уайт-Сити состоится собачьи бега. Вот оно! Сообщение было принято и расшифровано. Оставалось лишь

угадать собаку и сумму ставки, затем забрать выигрыш — и сразу в Париж!

Ни миссис Харрис, ни миссис Баттерфилд не были новичками в раю Уайт-Сити, но в этот вечер мизансцена, которая в обычных условиях взволновала бы их — овал трека, залитый электрическим светом, жужжание бегущего по треку механического зайца, летящие за ним собаки, толпы на трибунах и у касс, — была лишь средством, ведущим к заветной цели.

Стиснутая в толпе возле загончика, где выводили участников четвертого забега, миссис Харрис прислушивалась к разговору двух джентльменов спортивного вида.

Первый из них сосредоточенно ковырял ухо мизинцем и в то же время рассматривал программу.

— Значит, «От Кутюр».

Второй джентльмен, углубленный в аналогичные исследования недр своего носа, глянул на собак и отозвался:

— Номер шесть. А что эта чертовня значит — «От Кутюр»?

Первый джентльмен оказался начитанным.

— Это французская сука, — объяснил он, вновь заглянув в программку. — Владелец Марсель Дюваль. Вообще не уверен, но, по-моему, «от кутюр» — это что-то насчет платьев и мод или как-то так.

Миссис Харрис и миссис Баттерфилд ощутили, как ледяные мурашки пробежали по их спинам. Сомнений нет — вот оно. Они посмотрели на свои программки: да, вот имя собаки — «От Кутюр», владелец — француз, еще кое-что из родословной...

134 А табло сообщило, что ставки на «От Кутюр» — пять к одному.

— Скорее! — воскликнула миссис Харрис, рванувшись к окошку кассы. Она рассекала волны людского моря, словно эсминец, ведущий могучий линкор — миссис Баттерфилд.

— Что ты поставишь, милочка, пятерку? — пропыхла миссис Баттерфилд.

— Пятерку?! — фыркнула миссис Харрис. — Это с таким-то указанием? Ну нет! Полсотни!

Услышав эту цифру, миссис Баттерфилд едва не лишилась чувств, ее затрясло от волнения.

— Пя-пя-пятьдесят... — шепотом, на случай, если кто-то услышит о таком безрассудстве, еле выговорила она. — Пятьдесят фунтов!!!

— При ставке пять к одному это будет двести пятьдесят фунтов, — спокойно объяснила миссис Харрис.

Наконец миссис Баттерфилд пришла в себя, и к ней вернулся ее нормальный пессимизм.

— А если она проиграет?..

— Она не проиграет, — невозмутимо отрезала миссис Харрис. — Как она может проиграть?

Тут они добрались до окошечка кассы, и глаза миссис Баттерфилд едва не вылезли из орбит, когда миссис Харрис открыла свою потертую коричневую сумочку, извлекла кошелек и объявила:

— Пятьдесят фунтов на Атку Тьюр, шестой номер, на выигрыш.

Кассир механически повторил:

— «От Кутюр», номер шесть, пятьдесят на выигрыш.— И затем, пораженный суммой, наклонился, чтобы посмотреть сквозь проволочную сетку на игрока, который делает столь крупную ставку. Его глаза встретились с блестящими голубыми бусинками миссис Харрис, и явление маленькой уборщицы исторгло у него восклицание «Господи Боже!», которое он поспешно дополнил пожеланием: «Удачи вам, мадам». — И протянул в окошечко билет. Недрогнувшей рукой миссис Харрис приняла его, а миссис Баттерфилд вадргнула, будто то была готовая ужалить змея. Подруги направились к треку, намереваясь лицезреть обещанное чудо.

Но лицезреть им пришлось короткую и ужасную трагедию. «От Кутюр» вела в первом круге и бежала легко и ровно, выказывая все данные настоящей породистой леди... Но на последнем повороте ее одолел неожиданный и непреодолимый зуд. Французская сука, выбежав на середину трека, уселась и чесалась, пока не достигла полного облегчения и удовлетворения. Когда же с зудом было покончено, точно так же все кончилось и с забегом, и с миссис Харрис...

На следующей неделе, возвращаясь вечером после работы, миссис Харрис брела, опустив голову под бременем своего несчастья, и вдруг заметила, как что-то блеснуло в сточной канаве под светом уличного фонаря, точно осколок стекла. Но когда она нагнулась, то обнаружила, что это была не стекляшка, а бриллиантовая брошь — причем, насколько она могла судить по платиновой оправе и по размеру камней, весьма ценная.

На сей раз миссис Харрис и не подумала ни о каких «предчувствиях», «посланиях» и «указаниях». Она и задумываться не стала о том, что цена броши должна раз в десять превосходить цену вожделенного платья. Поскольку миссис Харрис была миссис Харрис, она отреагировала почти автоматически; иначе говоря, пошла в ближайший полицейский участок и сдала находку, присвокушив свое имя, адрес, а также место и обстоятельства, при которых обнаружила брошь.

Через неделю ее пригласили в тот же участок и вручили награду благодарной владелицы броши в сумме двадцати пяти фунтов стерлингов.

5

Вскорости, без особых усилий с ее стороны (ибо она верила, что, кто чрезмерно любопытствует, тот может узнать слишком много), миссис Харрис узнала кое-что важное. А именно: таможенные правила запрещали вывоз из Великобритании более десяти фунтов стерлингов — и потому ни один французский магазин не примет оплату в фунтах. Ей необходима другая валюта. Значит, если ей и удалось бы незаконно вывезти из страны четыреста пятьдесят фунтов, воспользоваться ими она не сможет? Да она и не стала бы нарушать закон, вывозя деньги.

Дело в том, что этический кодекс миссис Харрис был одновременно и строг, и практичен. Так, она готова была слегка сочи-

нить, но не солгать — невинная ложь допускалась, но не ложь ради выгоды; не стала бы нарушать закон, но не возражала против того, чтобы толковать оный достаточно вольно; была безусловно честна, но никто не назвал бы ее ни святошей, ни раззявой.

Итак, фунты стерлингов были запрещены к вывозу и бесполезны за рубежом в больших количествах: следовательно, нужно иное платежное средство. Миссис Харрис остановила выбор на американских долларах. Кстати, был у нее человек, к которому нужно обратиться с подобным делом — хорошо относящаяся к миссис Харрис, легкомысленная и, между нами, не слишком умная американка — миссис Шрайбер.

Миссис Харрис изобрела себе американского племянника — постоянно безденежную личность без царя в голове, даже, можно сказать, полного недоумка. Этот племянник не в состоянии обеспечить себя, и миссис Харрис вынуждена поддерживать его. Она назвала недотепу-племянника Альбертом, поселила его в Чаттануге — это название встречалось ей в «Экспрессе» — и частенько подолгу обсуждала обстоятельства дуралея-племянника с миссис Шрайбер. «Славный он мальчик, сын моей бедной покойной сестрицы. Славный, но, знаете, головой слабоват, бедняка...»

Миссис Шрайбер, которая сама слабовато разбиралась в британском таможенном законодательстве, не видела причин не подействовать такой милой женщине и хорошей помощнице, как миссис Харрис; и так как миссис Шрайбер была богата и не испытывала недостатка в долларах — во всяком случае, доллары у нее появлялись, как только в них возникала нужда, — фунты, медленно скапливавшиеся у миссис Харрис, постепенно превращались в американские доллары. Этот обмен стал обычным делом, более того, миссис Шрайбер платила миссис Харрис тоже в долларах и чаевые давала долларами, и все были довольны.

Медленно, но верно — целых два года, — сверток пяти-, десяти- и двадцатидолларовых купюр рос и увеличивался, пока одним прекрасным январским утром, пересчитывая свои финансы, миссис Харрис не обнаружила, что стоит на пороге осуществления своей мечты.

Она, конечно же, знала, что всякий житель Британских островов, выезжающий за рубеж, должен иметь правильно оформленный британский паспорт, и выяснила у майора Уоллеса в точности, куда и к кому обращаться (в письменной форме) для получения одного.

— Собираетесь за границу? — спросил он с некоторым удивлением и с немалой тревогой, поскольку привык уже считать услуги миссис Харрис незаменимыми для своего комфорта и благополучия.

Миссис Харрис захихикала.

— Кто, я? Да куда б я поехала?..

И она быстренько произвела на свет новую родню.

— Это, знаете, для моей племянницы. Девочка едет в Германию, замуж выходить. Хороший мальчик — он там в армии служит.

На этом примере, между прочим, легко видеть, чем ложь невинная отличалась от лжи греховной для миссис Харрис. Выдумка, подобная вышеприведенной, никому не причиняла вреда; а ложь дурная есть нечто, измышленное ради нечестного получения преимущества в какой-либо ситуации.

И вот настал незабываемый миг — Паспортное бюро прислало ей «инструкции», требовавшие заполнить и прислать устрашающих размеров анкету, вкупе с «четырьмя фотографическими портретами Заявителя размером 2 на 2 дюйма», и так далее.

— Представляешь, — делилась донельзя взволнованная миссис Харрис с миссис Баттерфилд, — я должна сфотографироваться! Им нужны мои фото для паспорта. Пойдем — я буду держать тебя за руку, чтобы так не волноваться.

Дело в том, что это второй раз в жизни миссис Харрис, когда ей приходилось предстать перед стеклянным глазом фотоаппарата. Первый был в день ее свадьбы, но тогда миссис Харрис имела крепкую опору в виде крепкой руки крепкого водопроводчика (ныне покойного мистера Харриса), каковая и помогла ей пройти испытание.

То фото в рамочке с нарисованными на ней цветочками ныне украшало собой стол в ее тесной квартирке. Оно изображало миссис Харрис, какой она была тридцать лет назад — миниатюрная, изящная девушка, чьи простые черты украшены свежестью юности. Волосы подстрижены в каре согласно тогдашней моде; на ней было муслиновое подвенечное платье, несколько напоминавшее китайскую пагоду. В позе юной миссис Харрис уже проглядывал намек на мужество и независимость, которые она в полной мере проявила позже, овдовев. В лице ее читалась гордость за пойманного ею мужчину — симпатичный юноша, невысокий, в темном костюме, с тщательно прилизанными волосами. Юноша, казалось, испытывал ужас перед своим новым положением.

И с тех самых пор никто не озаботился запечатлением образа миссис Харрис, да она и сама об этом не думала.

— Это ведь небось стоит кучу денег! — такова была реакция миссис Баттерфилд, по обыкновению смотревшей на мир с теневой стороны.

— Десять шиллингов за подюжины, — доложила миссис Харрис. — Я читала объявление в газете. Если хочешь, и тебе подарю одну карточку!

— Это будет очень мило, дорогая, — растроганно ответила подруга.

— Боже мой! — Воскликание вырвалось у миссис Харрис, пораженной новой мыслью. — Боже мой! — повторила она. — Если я иду фотографироваться, мне нужна новая шляпка!

Два нижних подбородка миссис Баттерфилд, потрясенной этим откровением, задрожали.

— Да, милочка, конечно, ты ее купишь... И это, конечно, будет действительно стоить кучу денег!

Миссис Харрис отнеслась к этому факту не только стоически, но даже с некоторым удовольствием.

— Ничего не попишешь. Ну да у меня, по счастью, сейчас достаточно денег!

Подруги выбрали ближайший воскресный день, в какой-то и почтили своим присутствием Кингз-Роуд, где намеревались выполнить обе задачи, начиная, разумеется, со шляпки. Надо признаться, что миссис Харрис с первого взгляда влюбилась в выставленную на витрине шляпку. Но сначала она решительно от нее отказалась — та стояла целую гинею, а на полках были шляпки, выставленные для распродажи, по десять шиллингов и шесть пенсов, а некоторые даже и по семь шиллингов шесть пенсов!

Но миссис Харрис не была бы лондонской уборщицей, не выбери она шляпку за гинею, ибо та словно придумана, разработана и создана специально для миссис Харрис и ее коллег. Главным достоинством сего произведения шляпного искусства была розовая роза на гибком стебле, укрепленном спереди. Миссис Харрис, разумеется, клонула, если учесть ее любовь к цветам. Подруги зашли в лавочку, и миссис Харрис, как положено, перемерила шляпки всех фасонов и материалов, которые предположительно стоили в пределах допустимых затрат; но ее мысли и глаза все время возвращались к витрине с зеленой соломенной шляпкой. Наконец, не в силах более сдерживаться, миссис Харрис потребовала ее.

Миссис Баттерфилд, увидев ценник, ужаснулась.

— Господи! — воскликнула она. — Гинея! Милочка, это значит выбрасывать на ветер деньги, которые ты так долго копила!

— Не важно! — яростно ответила миссис Харрис. — Я спокойно могу лететь в Париж неделей позже!

Если фотоаппарат должен был запечатлеть ее черты на веки вечные, если сегодняшней фотографии суждено красоваться в паспорте, если на нее будут смотреть друзья, а миссис Баттерфилд получит ее, вставленную в маленькую рамочку, в подарок, то миссис Харрис согласна сниматься только в этой шляпке и ни в какой другой.

— Покупаю, — объявила она продавщице, отсчитала двадцать один шиллинг и вышла из магазина гордая и довольная — в великолепной новой шляпке зеленой соломки. В конце концов что такое какая-то гинея для человека, готового приобрести платье за четыреста пятьдесят фунтов!

Фотограф, снимавший на паспорта, был свободен, и вскоре миссис Харрис уже сидела перед холодным окном камеры, а фотограф, сгорбившись, рассматривал ее из-под своего черного покрывала. Затем он включил пышущую жаром батарею ламп, высветивших каждую морщинку, которую годы труда оставили на хитром и веселом ее лице.

— А теперь, мадам, — обратился наконец фотограф к заказчице, — если вы будете любезны снять вашу шляпку...

— Какого... Да ни за что! — отрезала миссис Харрис. — Для чего ж, по-вашему, я покупала эту шляпку, если не для фото?

Но фотограф настаивал.

— Извините мадам, но таковы правила. Паспортное бюро не принимает фотографии с головными уборами. Если угодно, я по-

том сниму вас и в шляпке — две гиней за дюжину отпечатков.

Миссис Харрис не слишком вежливо объяснила фотографу, что тот может сделать с этими отдельными снимками за две гиней, но миссис Баттерфилд утешила ее.

— Ничего, милочка, — сказала она, — ты ведь сможешь носить ее в Париже. Там все носят модные вещи.

...И вот четыре месяца спустя — или через два года, семь месяцев, три недели и один день после того, как миссис Харрис решила, что непременно станет владелицей платья от Диора, — миссис Харрис, решительную и полностью экипированную, включая зеленую шляпку с розовой розой, нервничающая миссис Баттерфилд провела до автобуса к аэропорту. Кроме собранной великими трудами колоссальной суммы — цены платья, — миссис Харрис имела при себе британский паспорт, билет в Париж и обратно, а также деньги, достаточные для самой поездки.

Составленный ею план включал: выбор и покупку платья, обед в Париже, осмотр местных достопримечательностей и, наконец, возвращение в Лондон вечерним рейсом.

Разумеется, все клиенты миссис Харрис были предупреждены о столь необычном событии, как ее дополнительный выходной, во время которого ее подменит миссис Баттерфилд. Все реагировали сообразно своей натуре и характеру. Так, майор Уоллес, естественно, несколько растерялся, ибо без помощи миссис Харрис не был способен найти даже свежее полотенце или носки. Но по-настоящему безобразный шум подняла актриса, мисс Памела Пенроуз.

— Но это же безобразие! — набрасывалась она на маленькую уборщицу. — Вы не можете! Я ничего не желаю слушать! Я же вам плачу! Назавтра я пригласила на коктейль очень важного продюсера. Вы все уборщицы, все, все одинаковы! Вы думаете только о себе! Мне казалось, что после всего, что я для вас сделала, я могла бы рассчитывать на некоторую отзывчивость с вашей стороны!

В какой-то момент миссис Харрис испытала сильнейшее искушение рассказать, куда и, главное, зачем она едет. Но она сдержалась. Ее любовь к платью от Диора была слишком личным делом. Поэтому она лишь успокаивающе произнесла:

— Ну-ну, милочка, нечего вам так выходить из себя. Моя подруга миссис Баттерфилд заглянет к вам завтра по дороге и приберет все как надо. Ваш продюсер и не заметит никакой разницы! Ладно, милочка, желаю, чтобы он нашел вам хорошую работу, — весело закончила миссис Харрис и оставила мисс Пенроуз сердито сверкать очами в одиночестве.

6

Но все мысли о вздорной актрисе — как и все вообще мысли о недавнем прошлом — покинули миссис Харрис, как только с рывком и скрипом тормозов такси замерло, очевидно, прибыв к цели.

Огромное серое здание — Дом Диора — занимает целый квартал на широкой Авеню Монтань, что начинается у Рон-Пуант на

Елисейских Полях. У здания два подъезда: один выходит на саму Авеню Монтань и ведет в «Бутик де Диор», где можно купить разные безделушки и аксессуары к платьям по цене от пяти фунтов до сотни, а второй подъезд и есть главный, и он не для всех.

Таксист же считал, что необычную пассажирку надо доставить именно к этому, второму, подъезду, через который в Дом Диора попадали лишь по-настоящему богатые клиенты, поскольку был уверен, что везет как минимум английскую графиню. В крайнем случае просто миледи — рыцарственную даму. По той же причине он запросил с нее ровно столько, сколько показывал счетчик, и даже на чай взял лишь пятьдесят франков, памятуя о предупреждении представителя БЕА. После чего распрощался с ней и укатил, оставив миссис Харрис на тротуаре перед тем самым местом, куда были направлены все ее мечты и устремления в последние три года.

Стоя посреди чужого города, окруженная непривычным гулом чужих улиц и толпами иностранцев, возле огромного серого здания, похожего вовсе не на магазин, а на частный дом, миссис Харрис вдруг почувствовала себя одинокой, испуганной и брошенной, и даже, несмотря на толстый рулон серебристо-зеленых американских долларов в ее сумочке, ей подумалось, что лучше бы ей было не приезжать...

Но тут, по счастью, мимо проехала машина из британского посольства, и вид маленького британского флага над ее крылом заставил миссис Харрис выпрямиться и вернул ей прежнюю решительность. Она вспомнила, кто она и откуда, глубоко вдохнула волнующие ароматы Парижа, слегка сдобренные бензиновой гарью, решительно толкнула дверь и вошла, ступив на импозантную пустынную лестницу. Это было в половине двенадцатого утра.

На первой полуплощадке лестницы во вделанной в стену стеклянной витрине миссис Харрис увидела единственную серебристую туфельку; на втором повороте перед нею предстала такая же витрина с огромным флаконом духов «Диор». Но никаких признаков товаров; по-прежнему ничего не напоминало о привычных ей магазинах. Ни ломящихся витрин, ни суетливых толп покупателей, спешащих вверх и вниз по лестницам, как в «Маркс энд Спенсер» или в «Селфридж».

Наоборот, элегантная обстановка и царившая на пустынной лестнице атмосфера создавали впечатление частного дома — и притом дома самого богатого и аристократического. Да полно, туда ли она попала? Мужество собралось было вновь оставить ее, но она сказала себе, что рано или поздно она встретит здесь живую душу, которая поможет ей найти путь к платьям или по крайней мере объяснит, что она ошиблась дверью. Поэтому миссис Харрис решительно продолжала восхождение. И действительно, на площадке второго этажа она увидела красивую темно-волосую женщину, на вид несколько старше тридцати; женщина сидела за столом и что-то писала. На ней было строгое черное платье, украшенное ожерельем в три нитки жемчуга; причесана женщина была гладко и аккуратно, ее черты говорили об утон-

ченности, кожа безукоризненна, но внимательный взгляд отмечал, что женщина выглядит усталой и утомленной заботами, а под ее глазами пролегли глубокие тени...

У мадам Кольбер, управляющей Дома Диор, день начался скверно. Всегда добрая и вежливая, она вдруг дошла до ссоры — настоящей перебранки! — с мсье Фовелем, молодым (и красивым) руководителем финансового отдела, и хотя обычно мадам Кольбер благоволила к нему, но, когда сегодня она отослала мсье Фовеля наверх, в его владения, уши бедняги полыхали от обиды.

А всего-то и причина было, что вопрос мсье Фовеля об одном из клиентов, чьи счета чересчур долго не оплачивались. В любой другой день мадам Кольбер поделилась бы с главным бухгалтером полным и не лишенным юмора анализом привычек клиента и его надежности. Однако сегодня она просто-таки накричала на беднягу, что-де ее дело продавать платья, а его — собирать за них плату; и что ей некогда проверять денежные дела клиентов и их счета. Это дело финансового отдела!

Все утро она не только ограничивалась лишь самыми короткими репликами, но и шпыняла девушек отдела продаж; она даже позволила себе сделать выговор Наташе — лучшей манекенщице Дома Диор, модели-звезде, за опоздание на примерку; хотя мадам Кольбер прекрасно знала, что метрополитен и автобусы сейчас работают в условиях «медленной забастовки», то есть ходят, но так медленно, как только возможно. Хуже всего было то, что прекрасная Наташа реагировала на выговор совсем не как примадонна, то есть не спорила и не отругивалась. Лишь две большие слезинки скатились из ее глаз.

Но и это не все: мадам Кольбер не была уверена, что не перепутала приглашения на вечернюю демонстрацию коллекции Дома и места приглашенных. Как глава отдела продаж, мадам Кольбер рассылала приглашения на показы коллекций; именно она могла отказать в приглашении или дать его, именно она отсеивала шпионов конкурентов и любопытствующих попусту; именно она преграждала путь нежелательным особам и отвечала за рассадку гостей — задача столь же сложная, что и стоящая перед метрдотелем дорогого ресторана, ибо клиенты должны получить места, соответствующие их весу в обществе, титулу и толщине бумажника. Мадам Кольбер командовала парадом мод, во многом от нее зависел порядок, в котором творения Диора представляли перед публикой; и это она была главнокомандующим целого батальона одетых в черные платья сотрудниц отдела продаж — размещала их на лестнице и в залах, следя за тем, чтобы веселая и склонная к сплетням продавщица работала с веселой сплетницей-клиенткой, чтобы молчаливая и уважаемая женщина помогала сделать выбор солидным клиентам, чтобы хорошо знающая английский и умеющая убеждать сотрудница оказалась возле гостей из Америки, а решительная и строгая продавщица с командными нотками в голосе подошла к немцам и так далее.

Разумеется, когда особа, наделенная такой властью, пребывает в дурном расположении духа, это сказывается очень и очень на многом и на многих. А кризис, который переживала мадам

Кольбер, был связан с ее супругом Жюлем, которого она любила и уважала, и эта любовь и уважение лишь увеличивались все те два десятилетия, которые они прожили вместе. Милый, добрый, честный, умный Жюль, в одном мизинце которого было больше ума, чем во всем Министерстве внешних сношений со всеми его орденскими розетками и связями в обществе. Но Жюлю не хватало одного качества, вернее, двух — умения пробивать себе дорогу и этих самых связей.

Мадам Кольбер помогала мужу — она работала, и ему не приходилось думать хотя бы о деньгах. Именно это привело ее на нынешний пост одного из руководителей Дома Диор. Но теперь она понимала: этого мало. Хуже того — в другой области она постоянно подводила мужа. Ведь жена дипломата или политика и сама должна быть дипломатом или политиком. Она должна держать салон, куда можно пригласить больших людей или тех, кто таковыми обещает стать в будущем; она должна постоянно уговаривать, льстить, интриговать, а при нужде даже отдаваться во имя карьеры супруга. Именно теперь такая помощь была бы поистине бесценна — плод созрел и готов был упасть в чьи-то руки, — но она никак не могла направить этот плод в руки Жюля. Никого не интересовали ни она, ни ее муж!

И вот, сидя за своим столом на площадке второго этажа и пытаясь сконцентрироваться на размещении гостей на вечернем показе, мадам Кольбер подняла взгляд от бумаг... и увидела диковинное явление, восходящее по парадной лестнице Дома Диор. Мадам Кольбер вздрогнула и провела рукой по глазам и по лбу, точно пытаясь прогнать галлюцинацию — если это галлюцинация. Но куда там! Все на самом деле, никаких галлюцинаций.

Одним из важнейших достоинств мадам Кольбер, как менеджера Дома Диор, было умение безошибочно и с первого взгляда распознавать уровень будущих клиентов и отделять настоящих покупателей от тех, кто мог лишь отнять время сотрудников Дома, и под маской эксцентричных особ распознавать тугие бумажники. Но сейчас по лестнице шла женщина в поношенном, потертом пальто, перчатках неподходящего цвета, туфлях, которые за милую выдавали статус хозяйки, с кошмарной сумочкой из искусственной кожи и в дикой пляшке с подпрыгивающей розой — дурной сон служителя «от кутюр»; и это зрелище поставило мадам Кольбер в тупик.

— А, милочка, вот вы где, — произнесло существо. — Вы бы не подсказали, куда тут идти к платьям?

— Платья? — ледяным голосом переспросила мадам Кольбер на безукоризненном английском. — Какие платья?

— Ну полно, милочка, — мягким укоряющим тоном сказала миссис Харрис. — Вы что, сегодня с утра туговато соображаете? Где тут они вывешивают платья для продажи?

На минуту мадам Кольбер подумала, что эта невообразимая личность заблудилась в поисках магазина на первом этаже.

— Если вы ищите «Бутик...».

Миссис Харрис наклонила голову, пытаясь понять незнакомое слово.

— Боти... Что? Да нет же, никакие ботики мне не нужны. Я платье хочу купить, из этих, дорогих. Ну же, милочка, соберитесь: я приехала из самого Лондона купить у вас платье, и мне совсем некогда.

Теперь все было ясно. Действительно, иногда по лестнице поднималась ошибка, хотя никогда до сих пор такая ошибка не была столь явной и очевидной. Но в любом случае с ошибками надо было держаться твердо и строго. А собственные неприятности и огорчения сделали управляющую еще более холодной и твердой, чем обычно в подобных обстоятельствах.

— Боюсь, что вы обратились не по адресу. Мы не выставляем здесь платья. Наша коллекция демонстрируется приватным образом, по вечерам. Может быть, вам стоит посетить Галерею Лафайет...

Миссис Харрис совершенно растерялась.

— Какие такие галереи! — возопила она. — Не нужны мне ваши галереи! Это Диор или нет?..

Прежде чем строгая дама в черном успела ответить, миссис Харрис кое-что вспомнила. Она встречала слово «коллекция»* в журналах мод, хотя и думала, что речь идет о благотворительности — что-то вроде воскресного сбора пожертвований. Теперь природная сообразительность помогла ей разгадать загадку.

— Слушайте-ка, — сказала она, — а если я как раз и хочу посмотреть эту вашу коллекцию. Что тогда?

Мадам Кольбер, желавшую лишь поскорее вернуться к своим делам и к мыслям о своих бедах, охватило нетерпение.

— Прошу прощения, — холодно проговорила она, — но сегодня в салоне мест нет. Равно как и до конца недели.

И чтобы спровадить наконец это ходячее недоразумение, она воспользовалась обычной формулировкой:

— Если вы будете любезны сообщить название отеля, в котором остановились, то, возможно, на следующей неделе мы пришлем вам приглашение...

Праведный гнев воспламенил миссис Харрис. Она придвинулась на шаг к мадам Кольбер, и розовая розочка яростно закачалась в такт ее словам:

— Ничего себе! Вы, значит, еще когда-нибудь пришлете мне приглашение потратить мои денежки — денежки, которые, между прочим, достались мне нелегко: я и метелкой поработала, и щеткой, и тряпкой, и портила руки горячей водой с этими тарелками; а вы говорите мне, что, возможно, на будущей неделе пришлете приглашение; а мне ведь сегодня в Лондон возвращаться! Нет, как вам это нравится?!

Роза угрожающе раскачивалась в футе от лица мадам Кольбер.

— Вот что, мисс гордычка, смотрите; если вы думаете, что у меня нет денег, чтобы заплатить за то, что я хочу, — ВОТ!

И миссис Харрис открыла свою старенькую сумочку из искусственной кожи и перевернула ее. По случайному совпадению

* «Collection» означает не только «коллекцию», но и «сбор» — например, сбор средств, пожертвований.

резиновое колечко, стягивавшее рулон банкнот, лопнуло именно в этот миг, и из сумочки обрушился настоящий водопад из пятидесяти- и двадцатидолларовых купюр.

— Вот! — Голос миссис Харрис возвысился до предела. — Чем не хороши денюжки? Разве хуже, чем у кого другого?!

Пораженная мадам Кольбер смотрела на удивительное — и, надо признаться, завораживающее зрелище — и, не удержавшись, пробормотала:

— Мон Дье! Да уж получше, чем у некоторых!..

Она вспомнила вдруг о ссоре с мсье Андре Фовелем, который сетовал на падение курса французского франка и на клиентов, которые не платят по счетам; какая ирония судьбы в том, как явился к ней настоящий покупатель с наличными! Никто не мог бы отрицать тот безусловный факт, что груда долларов на ее столе была настоящими деньгами.

Но мадам Кольбер слишком сильно смущали манеры и внешность этой невообразимой покупательницы. Откуда у нее, по собственному признанию зарабатывающей на жизнь мытьем полов и посуды, такие деньги? И зачем могло ей понадобиться платье от Диора? Нет, в деле было слишком много несоответствий, а у мадам Кольбер хватало неприятностей и без диковинной англичанки, у которой денег намного больше, чем ей полагалось бы иметь.

Поэтому она непреклонно, стараясь не обращать внимания на укрывший стол долларový ковер, повторила:

— Прошу прощения, но сегодня в салоне мест нет.

144 Миссис Харрис задрожала и даже зажмурила глаза, видя новое несчастье. Здесь и сейчас, в этом пустом враждебном доме, перед этими холодными враждебными глазами, вот-вот должно было случиться непоправимое. Им не нужна была она, им не нужны были даже ее деньги! Они собирались выпнать ее обратно, в Лондон, без возделенного платья!..

— Господи! — воскликнула она. — Да что же, сердца у вас, французов, нету, что ли?! Вы такая красивая и холодная! Неужели же вы никогда не хотели чего-то так сильно, что плакали бы всякий раз, когда думали об этом?! Неужели вам не приходилось не спать ночами, и мечтать о чем-то, и дрожать, и мучиться, потому что вы знали бы, что, наверно, ваше желание никогда не исполнится?!

Слова миссис Харрис, как нож, вонзились в сердце мадам Кольбер, потому что ночь за ночью она делала именно это: лежала без сна, и дрожала, и мечтала помочь своему мужу, и не могла. Воспоминание об этом страдании вырвало у нее крик боли:

— Как вы узнали? Как вы могли угадать?!

Ее темные грустные глаза встретились с маленькими яркоголубыми глазками миссис Харрис, в которых уже заблестели слезинки. Женщина смотрела в лицо женщине. И то, что увидела мадам Кольбер, наполнило ее ужасом, а затем состраданием и пониманием.

Как она могла быть такой холодной, такой недоброй?! Мадам Кольбер почудилось, что странная маленькая женщина показала

ей зеркало, дала увидеть себя самое, какой она стала из-за того, что прощала себе все и замыкалась на собственных проблемах, не обращая внимания на других. Она со стыдом вспомнила, как вела себя с мсье Фовелем, и с еще большим раскаянием подумала о том, как напрасно обидела своих продавщиц — и даже свою любимицу Наташу.

Когда пелена спала с глаз мадам Кольбер, она прошептала: — Дорогая моя... Вы мечтаете о платье от Диора!..

Миссис Харрис не была бы заслуженным ветераном своей профессии, если бы сумела воздержаться от саркастического ответа:

— Надо же, как вы угадали?

Но мадам Кольбер пропустила сарказм мимо ушей. Она разглядывала грудку денег на столе и качала головой.

— Но откуда...

— Копила и экономила, — просто объяснила миссис Харрис. — Целых три года. Но ведь когда чего-то хочешь по-настоящему, всегда что-нибудь придумается. Ну ясно, надо и немножко удачи. Я выиграла сто фунтов в футбольной лотерее, сказала себе: «Это знак, Ада Харрис», — начала копить, и вот я здесь.

Интуиция подсказала мадам Кольбер, что значило «копить и экономить» для этой женщины, и ее захлестнула волна восхищения перед мужеством и упорством маленькой уборщицы. Может быть, прояви она такое же мужество и силу воли, вместо того, чтобы вымещать свои беды на беспомощных продавщицах, она могла бы помочь своему мужу!.. Мадам Кольбер вновь провела рукой по лбу и пришла к решению.

— Как вас зовут, дорогая?

Миссис Харрис назвалась, и мадам Кольбер вписала ее имя на карточку, извещавшую, что мсье Кристиан Диор, и не меньше, имеет честь пригласить миссис Аду Харрис на сегодняшний показ коллекции Дома Диор.

— Приходите в три часа, — сказала мадам Кольбер, вручая ей приглашение. — Мест у нас действительно нет, но я посажу вас тут, на лестнице, и вы все увидите.

Враждебность, обида и сарказм исчезли из голоса миссис Харрис, в почти религиозном экстазе взиравшей на этот пропуск в рай.

— Как это мило с вашей стороны, милая, — с чувством сказала она. — Похоже, счастье мне не изменило!

Чувство покоя снизошло на мадам Кольбер, и задумчивая улыбка появилась на ее лице.

— Кто знает, — проговорила она, — может быть, вы и мне принесете счастье?

7

В пять минут третьего на парадной лестнице Дома Кристиана Диора сошлись лицом к лицу три человека, чьим путям было суждено диковинным образом пересечься.

Первым из троих был мсье Андре Фовель, молодой главный бухгалтер, хорошо сложенный красавец блондин, которого не

портит даже шрам на щеке — честный шрам, полученный за службу в Алжире.

Он часто ощущал потребность сойти с холодных высот пятого этажа, отданного гроссбухам и арифмометрам, в теплую атмосферу духов, шелков, атласа и женщин, окутанных ими, на второй этаж. Мсье Фовель всегда старался побывать на втором этаже и даже искал предлога спуститься туда, чтобы увидеть свою богиню, модель-звезду, в которую он был влюблен отчаянно и, конечно, безнадежно.

Ибо мадемуазель Наташа, как знали ее пресса и общество в мире моды, была любимицей Парижа; эта темноволосая и темноглазая красавица была исключительно привлекательна, и, несомненно, перед нею открывалась фантастическая кинокарьера или брак с богатым и знатным человеком. Каждый соответствующий этому описанию парижский холостяк, каждый вдовец, а также немало женатых мужчин пытались обратить на себя ее внимание.

Мсье Фовель же происходил из добропорядочной и вполне обеспеченной семьи среднего класса; у него была завидная должность и хорошая зарплата, но его мир так же далек от блистающего мира великолепной Наташи, как планета Земля от сверкающего Сириуса.

Сегодня ему повезло: он успел бросить на Наташу взгляд через двери ее гардеробной. На ней было длинное одеяние из тонкой шерсти огненного цвета. На воротнике платья сверкала бриллиантовая снежинка, а через руку небрежно переброшено боа из соболей. Мсье Фовель подумал в этот миг, что его сердце сейчас остановится навсегда — так она прекрасна... и так недоступна.

Мадемуазель Наташа обратила на мсье Фовеля взгляд своих удивительных задумчивых глаз — широко поставленных, миндалевидных, глубоких — и, конечно, не увидела его. Дело в том, что она устала и ей было смертельно скучно. Почти никто в Доме Кристиана Диора не знал ее настоящего имени и происхождения и уж совсем ничего не знал, о чем думает и мечтает эта длинноногая, с высокой узкой талией и волосами цвета воронова крыла Ниоба, к которой знать, богачи и знаменитости слетались, как мошки на свет.

По-настоящему ее звали Сюзан Птишьер. Она была из семьи простых буржуа из Лиона, и она отчаянно устала от жизни, которую профессия заставляла ее вести: бесконечная череда коктейлей, приемов, обедов, театральных премьер, кабаре в качестве спутницы киношников, автомобильных магнатов, стальных королей и титулованных особ, каждый из которых мечтал, чтобы его увидели, а главное — сфотографировали в обществе первой модели Парижа. Но мадемуазель Птишьер вовсе не привлекала карьера в кино или на сцене, не хотелось ей и стать титулованной хозяйкой какого-нибудь доисторического замка. Больше всего на свете ей хотелось выйти замуж по любви — за хорошего, простого человека, не слишком красивого и не слишком умного; поселиться в уютном, приличествующем добропорядочным буржуа доме и родить мужу целый выводок чудесных маленьких буржуа. Такие люди были, она знала это; но все

они — вне круга ее общения. Вот и сейчас под множеством восхищенных взглядов Наташа чувствовала себя одинокой и несчастной. Между прочим, вот этот молодой человек, который так пристально смотрел на нее... Где-то она его уже видела. Вот только где?

Третьей была миссис Харрис. Она взбежала по лестнице, уже запруженной гостями второго сорта, и попала прямо в объятия мадам Кольбер. И тут произошло нечто поразительное.

— Вот что, — решительно объявила мадам Кольбер миссис Харрис, — никаких лестниц! Я этого не допущу. Идемте. Я усажу вас в салоне.

Она повела миссис Харрис сквозь толпу, ведя ее за руку, — и ввела ее в главный салон, где были заняты уже все серо-зеленые кресла, кроме двух в первом ряду. Мадам Кольбер всегда оставляла одно-два места на случай, если какой-нибудь важной особе вдруг придет в голову неожиданно появиться на показе коллекции или если один из лучших клиентов приведет кого-нибудь с собой.

Она подвела миссис Харрис к свободному месту и усадила ее.

— Отсюда вы все хорошо увидите. Вы не забыли приглашение?.. Вот карандашик; когда манекенщицы начнут входить в салон, девушка у входа будет по-английски объявлять номер платья и его название. Записывайте номера платьев, которые вам понравятся больше других, я подойду к вам после.

Миссис Харрис шумно уселась, с комфортом расположилась в роскошном, сером с золотом, кресле. Сумочку она положила на пустое кресло слева и приготовила карточку и карандаш. Затем, счастливо улыбаясь, миссис Харрис принялась разглядывать соседей.

Разумеется, она никого здесь не знала, но в главной зале салона собралась публика, являвшая собой срез сливок общества со всего света, включая нескольких представительниц английской аристократии, леди и рыцарственных дам, французских маркиз и графинь, баронесс из Германии, принцесс из Италии, жен французских промышленных нуворишей, супруг южноамериканских миллионеров, покупательниц из Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Далласа, звезд экрана и сцены, именитых драматургов, богатых плейбоев, дипломатов...

Тут по салону прошло движение. Вошла важная, богато одетая женщина в сопровождении двух продавщиц и направилась к свободному креслу подле миссис Харрис, где лежала старенькая сумочка из коричневого кожзаменителя, хранившая ее богатство.

Миссис Харрис подхватила сумочку.

— Ох, дорогая, извините! — Отряхнула сиденье рукой и, весело улыбаясь, пригласила:

— Ну вот, все для вас готово.

Женщина — у нее были близко посаженные глаза и слишком маленький рот — села, зазвенев золотыми браслетами, и тотчас миссис Харрис окружило облако аромата самых изысканных и нежных духов. Она наклонилась к соседке, чтобы лучше принюхаться, и сказала с искренним восхищением:

— Ой, до чего вы хорошо пахнете!..

Новоприбывшая дама неприязненно отодвинулась, и между ее узкими глазами появилась морщинка. Она взглянула в сторону двери и быстро нашла того, кого искала, — мадам Кольбер, которая как раз появилась из гардеробных. Дама подозвала ее жестом и громко сказала по-французски:

— Как вы могли посадить рядом со мной это вульгарное создание?! Я требую немедленно удалить ее. Я ожидаю друга, который здесь сидит.

Сердце мадам Кольбер упало. Она-то знала и саму эту даму, и всю ее породу. Она покупала не потому, что любила красивые платья, а просто чтобы лишний раз показать себя и свое богатство... Но она платила. Чтобы потянуть время, мадам Кольбер медленно произнесла:

— Простите, мадам, я не припоминаю, чтобы резервировала это место для вашего друга; но я сейчас проверю.

— Нечего тут смотреть! Говорю вам, что здесь сидит мой друг. Да вы с ума сошли, раз сажаете возле меня такую особу!

В дверях появился озабоченный человек во фраке. Рассерженная дама воззвала к нему:

— Мсье Арман, прошу вас, подойдите! Видите, мадам Кольбер имела наглость посадить рядом со мной эту ужасную женщину. Я что же, должна терпеть?!

Смущенный яростью атаки, мсье Арман перевел взгляд с миссис Харрис на мадам Кольбер и, подавая последней незаметный сигнал условным жестом «выгнать», сказал:

— Ну что же вы? Вы ведь слышали. Выведите ее сейчас же.

Упрямо подняв подбородок, мадам Кольбер ответила:

— Мадам имеет полное право сидеть здесь. Она прибыла из Лондона специально, чтобы приобрести платье. Если вы хотите удалить ее, вам придется сделать это самому, потому что я этого не сделаю!

Миссис Харрис догадалась, что предметом разговора является именно она, однако не поняла, о чем говорят, и решила, что мадам Кольбер рассказывает джентльмену во фраке историю ее приезда за платьем. Поэтому она подарила ему свою самую очаровательную улыбку и вдобавок весело и многозначительно подмигнула.

Мсье Арман заколебался — и проиграл. Твердость мадам Кольбер и подмигивание миссис Харрис решили дело. Он знал, что некоторые из лучших клиентов Дома Диор порой выглядели и вели себя, мягко говоря, эксцентрично. И мадам Кольбер, видимо, знала, что делала. Вскинув руки в жесте поражения, он покинул поле боя.

— Вы еще пожалеете, — прошипела дама. — Я думаю, мадам Кольбер, что ваша выходка будет вам стоить места! — Встала и удалилась.

— А вот я так не думаю!

Теперь в разговор вступил пожилой джентльмен с кустистыми бровями, выдающимся воинственным носом и розеткой Почетного легиона в петлице. Он встал, выпрямился и несколько драматически объявил:

— Я горжусь, что стал свидетелем случая, убеждающего: дух истинной демократии не угас еще во Франции, и честь и достоинство находят еще защитников. Обещаю — в случае возникновения каких-либо проблем я лично поговорю с патроном.

Мадам Кольбер взглянула на него.

— Мсье очень любезен.— Она была озадачена, взволнована и даже напугана, потому что успела заглянуть в свое будущее: Жюль, опять обойденный по службе, окончательно сломлен, а она уволена и, без сомнения, занесена в черный список стараниями этой злобной особы.

Девушка у дверей объявила:

— Номер один, «Ноктюрн».— И вошла манекенщица в бежевом костюме с широкими лацканами и расклешенной юбкой. У миссис Харрис вырвался негромкий восторженный вскрик:

— Ой, началось!..

Что бы ни переживала сейчас мадам Кольбер, она ощутила неожиданно прилив теплого чувства — почти любви — к маленькой уборщице и, нагнувшись, слегка пожала руку миссис Харрис.

— Теперь смотрите внимательнее,— сказала она,— чтобы узнать ваше платье.

В следующие полчаса перед взором миссис Харрис представали десять манекенщиц, демонстрировавшие сто двадцать образцов высочайшего искусства модельеров, какие только можно найти в самом упадочном из цивилизованных городов мира.

Шелк и атлас, кружева и шерсть, джерси и хлопок, парча и бархат, твил и саржа, сукно и поплин, газ и твид, вуалевый тюль, органза и муслин окутывали их; здесь были платья длинные и короткие, костюмы, пелерины, плащи, платья-коктейль, вечерние, для театра и для приема, для вечеринок и деловых встреч; украшенные мехами и бисером, крупными бусами и блестками; цвета были необычайно яркими и сочетались в смелых комбинациях; рукава — длинные, короткие, средние, вовсе никакие; вырезы, вытачки, разрезы, сборки... Линия воротника варьировалась от тугого «ошейника» до глубокого декольте; длина подола подчинялась лишь безудержной фантазии модельера; талия могла быть высокой или низкой, а грудь то подчеркивалась, то маскировалась, словно ее не было вовсе. Просматривался намек на выход в будущем на арену широких и свободных платьев трапециевидного кроя. Боа, палантины и накидки были отделаны мехом или целиком из него состояли — от персидского каракуля, норки и нутрии до русских куниц и соболей...

Однако скоро миссис Харрис начала привыкать к этому поразительному зрелищу демонстрации богатства и мастерства и даже начала узнавать манекенщиц, выходявших и поворачивающихся перед публикой.

Была, например, девушка, которая не шла, а изящно кралась, точно кошечка, выпятив при этом животик на добрых шесть дюймов, и малышка с зовущими глазами и томным ротиком; была манекенщица, которая, казалось, имеет самый обыкновенный вид — пока вы не замечали ее уверенное спокойствие, придававшее ей необыкновенную элегантность; и была девушка,

пухленькая ровно настолько, чтобы полные клиентки поняли идею предназначенных для них моделей. Была девица со вздернутым носиком и великолепным пренебрежением в уголках губ, и ее противоположность — рыжая кокетка с намеком на распушенность; казалось, она заигрывает со всеми собравшимися в салоне.

И, конечно, первая и единственная — Наташа, звезда салона. Здесь было принято аплодировать особенно удачным моделям платьев, и шершавые от щеток и метел руки миссис Харрис приветствовали каждое появление Наташи, ибо раз от раза она выглядела все прекраснее. А один раз, когда Наташа в очередной раз вышла в салон, миссис Харрис заметила высокого молодого блондина со шрамом на лице. Он стоял за дверями, жадно глядя на Наташу, и миссис Харрис сказала себе: «Э, да он же ее любит, а!»

Миссис Харрис и сама влюбилась — в Наташу, в мадам Кольбер, но всего больше в свою жизнь, какой она вдруг стала. Ее карточка уже покрылась неразборчиво нацарапанными карандашом номерами моделей и беспорядочными пометками, которые она и сама никогда не сумела бы расшифровать. Да как же выбрать?

И тут Наташа выплыла в салон в вечернем платье № 89 — «Искушение». Миссис Харрис лишь мельком успела заметить восхищенное лицо молодого человека у дверей, прежде чем он повернулся и вышел, словно приходил именно за этим, — и тут же забыла обо всем. Она была оглушена, поражена, потрясена, зачарована непередаваемой красотой этого чуда. Это было ОНО! Да, после «Искушения» появлялись и другие удивительные творения Дома Диор, но миссис Харрис их не видела. Она выбрала. Ее сердце колотилось от лихорадочного возбуждения. Желание огнем горело в крови.

«Искушение» было длинным, до пола, платьем из черного бархата, от пояса до верха расшитое изумительно красивым узором из черных гагатовых бус, придававшим платью одновременно и вес, и полет. Верх платья был облаком пены из кремового, нежно-розового шифона, тюля и кружева, и из пены этой поднимались, точно еще одно украшение слоновой кости, точеные плечи, шея и головка с мечтательными черными глазами, в обрамлении темных кудрей.

Нечасто получало платье столь подходящее имя. Та, на ком оно было надето, походила на Венеру, встающую из жемчужной пены морской, и в то же время вызывала в памяти соблазнительный образ женщины, поднимающейся утром из волнующе сбитой постели. Да, никогда еще женщина не была помещена в столь обольстительную оправу.

Салон взорвался рукоплесканиями. Миссис Харрис хлопала так громко, что казалось, она стучит по полу палкой от щетки.

Восклицания и бормотание «Ля-ля!» и «Voyez, c'est formidable!»* прокатились среди мужской части аудитории. Платье покрывало Наташу самым скромным образом, однако при

* Смотрите — это поразительно!

этом казалось исключительно нескромным и обольстительным. Миссис Харрис, чьи глазки блестели, точно два аквамарна, отыскала мадам Кольбер.

— Номер восемьдесят девять — «Искушение», вот! — закричала она и добавила: — Господи... Только б оно не стоило больше того, что у меня есть!

Мадам Кольбер грустно улыбнулась. Она могла бы и сама догадаться. «Искушение» было поэмой в ткани, воспевавшей свежесть и красоту девушки, пробуждающейся к осознанию таинственной власти своего пола. Именно поэтому «Искушение» неизменно требовали увядающие женщины «средних лет», уже услышавшие вдали шаги старости.

— Пойдемте, — пригласила она, — пройдем в примерочную, и вам принесут это платье.

Она повела миссис Харрис сквозь серые двери в другую часть дома по бескрайним лугам серых ковров и привела словно в другой мир, полный возбужденного оживления.

Они стояли в кабинке, отделенной занавеской от коридора, казавшегося частью гигантского лабиринта таких же коридоров с кабинками вдоль них. В каждой кабинке находилось по женщине — точно пчелиные матки в своих сотах-ячейках, а по коридорам носились рабочие пчелы с медом и пылью — с кружевами, пенными платьями цветов сливы и малины, тамаринда и персика, горчавки и первоцвета, дамасской розы и орхидей, чтобы доставить их заказчику для более детального осмотра и примерки.

Да, это был тайный женский мир, где обменивались свежими скандалами и сплетнями; поле битвы с возрастом, где оружием было искусство модельера и портного, и где в один вечер тратились целые состояния.

Здесь, среди всей этой сумятицы, в самой середине этого гудящего, волнующегося и приводящего в экстаз любую женщину улья, стояла лондонская уборщица, одетая в «Искушение».

Как ни удивительно, но платье оказалось ей как раз впору. А впрочем, и неудивительно совсем — ведь миссис Харрис, благодаря тому, что много работала и не очень много ела, была очень худенькой.

Над декольте роскошного платья поднимались тощая, жилистая шея и седеющая голова; увядшая кожа, яркие голубые глазки-пуговки и щечки-яблочки резко контрастировали с классическим, загадочным мерцанием расшитых гагатовыми бусами бархатных вставок. Зрелище было довольно гротескное..., но не совсем все-таки. Красота платья и счастливое сияние той, на ком оно было надето, придавали этому диковинному зрелищу своеобразное достоинство. Ибо миссис Харрис обрела свой рай. Она достигла желанного блаженства. Все тяготы, все жертвы и самоограничения, недоедание и экономия, которые ей пришлось перенести, ничего теперь не значили. Да, покупка платья в Париже — это величайшее и чудеснейшее событие, какое только может случиться в жизни женщины!

Мадам Кольбер просматривала список.

— А, oui,— пробормотала она.— Вот: оно стоит пятьсот тысяч франков.

Щечки-яблочки миссис Харрис побелели. Да таких денег во всем свете нет!

— Или,— продолжала мадам Кольбер,— пятьсот фунтов стерлингов, или одна тысяча четыреста американских долларов; а с нашей скидкой...

Восторженный крик миссис Харрис перебил ее:

— Слава Богу! Как раз столько у меня есть! Значит, я куплю его! Так я заплачу?...— И, неуклюже забравшись под юбку, под бархат и гагаты, под каркас платья и все прочее, она выудила свою сумочку.

— Разумеется, если желаете. Но я не хотела бы иметь дело с таким количеством наличных денег. Я попрошу мсье Фовеля спуститься сюда,— ответила мадам Кольбер, снимая телефонную трубку.

Через несколько минут в кабинке появился молодой, светловолосый мсье Андре Фовель; наблюдательные глазки миссис Харрис, конечно, сразу узнали того самого красивого молодого человека, который с таким обожанием глядел на Наташу.

Что же до мсье Фовеля, он смотрел на украшенную «Искушением» миссис Харрис с почти нескрываемым ужасом, ибо это более чем земное создание оскверняло платье, в котором была его богиня! А невозможное существо улыбнулось ему, демонстрируя не слишком хорошие зубы, щеки существа сморщились, напоминая мороженые яблоки, и оно произнесло:

— Вот они, голубчик,— четырнадцать сотен, и представьте, это как раз все, что у меня есть, до монеточки! Ей-богу! — И вручило мсье Фовелю пухлую кипу долларов.

Мадам Кольбер поймала выражение на лице молодого бухгалтера. Она могла бы сказать ему, что, собственно, им сотню раз на неделе приходилось проходить через подобное испытание — когда безвкусно одетые старухи уносили прекрасные платья, сотворенные для прекрасных женщин. Она мягко коснулась руки мсье Фовеля и в нескольких фразах по-французски обрисовала ситуацию. Увы, эта история не сумела смягчить мсье Фовеля, на глазах которого покровы, только что касавшиеся тела божественной Наташи, подвергались столь беззастенчивому осмеянию и издевательствам.

— И перешивать ничего не надо! — радовалась миссис Харрис.— Я его беру как есть. Заверните!

Мадам Кольбер улыбнулась.

— Но, дорогая, вы же понимаете, мы не можем продать вам это платье. Ведь это модель, и летние показы продлятся еще месяц. Мы, разумеется, изготовим для вас другое — точную копию...

Тревога ледяной рукой сжала сердце миссис Харрис, когда до нее дошли слова мадам Кольбер.

— Господи... Изготовите для меня...— повторила она и, вдруг постарев в глазах, глухо спросила: — Сколько... сколько это займет?

Теперь встревожилась мадам Кольбер.

— Обычно это занимает от десяти дней до двух недель, но для вас, в виде исключения, мы сделаем это за неделю...

Последовавшая затем долгая пауза завершилась вырвавшимся из глубин души миссис Харрис стоном:

— Вы понимаете, что вы сказали?! Я же не могу остаться в Париже! Моих денег хватит только на обратную дорогу! Значит, у меня не будет платья!..

Она увидела себя дома, в Бэттерси, в мрачной и пустой квартире, без платья. Только с бесполезной кучей денег. Зачем ей они, эти деньги? Ей нужно было «Искушение», она хотела его, рвалась к нему душой и телом, хотя и понимала, что никогда и никуда в этом платье не выйдет.

«Ужасная, отвратительная женщина, — думал между тем мсье Андре Фовель. — Так тебе и надо — и я с удовольствием верну твои вульгарные деньги».

И тут, ко всеобщему потрясению, две слезинки появились в уголках глаз миссис Харрис, а вслед за ними по покрытым красной сеточкой щекам скатились и другие. Миссис Харрис в дивном бальном платье стояла между сотрудников Дома Диора, одинокая, никому не нужная, несчастная.

А мсье Фовель, бухгалтер, которому по должности положено иметь бумажную душу и каменное сердце, вдруг почувствовал, что тронут так, как никогда в жизни; и в порыве интуиции, которой так славятся французы, осознал, что это любовь к Наташе, чье дивное, божественное тело освятило платье, помогла ему почувствовать глубину трагедии незнакомки. Почти достиг осуществления мечты и потерпеть крушение!

Он коротко поклонился, представился миссис Харрис и важно произнес:

— Если мадам позволит... Разрешите пригласить вас в мой дом и быть моей гостьей, пока платье не будет готово. У меня не очень просторно, но моя сестра как раз уехала в Лилль, и места хватит...

Он был немедленно вознагражден выражением, появившимся на лице маленькой англичанки, и ее восклицанием:

— Господи вас благослови! Взаправду?!

Мадам Кольбер сделала странный жест — точно смахнула что-то с уголка глаза — и воскликнула:

— О Андре! Вы ангел!

8

Вечером, когда наконец миссис Харрис была обмерена и куски муслиновой выкройки сметаны по фигуре, во всех уголках гигантского заведения знали историю лондонской уборщицы, скопившей деньги из своих заработков и приехавшей в Париж купить себе платье от Диора. Миссис Харрис становилась знаменитостью. Служащие Дома Диора, от самых младших до самых старших, находили предлог пройти или пробежать мимо примерочной кабинки, где находилась удивительная англичанка.

А позже, когда миссис Харрис в последний раз надела платье-модель, сама Наташа в прелестном платье-коктейль — она готовилась к вечернему выходу в свет — зашла туда и не увидела

ничего ни необычного, ни гротескного в фигуре уборщицы в удивительном платье, потому что уже знала историю миссис Харрис и, конечно, была ею тронута.

— Я рада, что вы выбрали именно это платье, — просто сказала она.

— А мне ведь еще к мистеру Фовелю ехать, — вспомнила миссис Харрис. — Он мне адрес дал, а вот как ехать, я не знаю.

Первой, кто вызвался ей помочь, была — вы не поверите! — Наташа.

— У меня машина. Маленькая, правда. Я вас подвезу — давайте адрес.

Миссис Харрис отдала ей карточку: «18, Рю Денекин». Наташа сморщила прелестный лобик.

— Мсье Андре Фовель, — повторила она. — Кажется, я уже где-то слышала это имя...

Мадам Кольбер терпеливо улыбнулась.

— Это всего лишь наш главный бухгалтер, cheri*, — объяснила она. — Он еще выдает вам зарплату...

— Tiens**! — засмеялась Наташа. — Да, за это человека и полюбить можно! Итак, мадам Харрис, когда вы освободитесь, я вас к нему отвезу.

9

154 Вот так в седьмом часу вечера миссис Харрис оказалась в маленькой спортивной «симке» Наташи, сражавшейся с потоками машин на площади Этуаль и затем катившей к дому мсье Фовеля. Телеграмма в Лондон с просьбой присмотреть за клиентами миссис Харрис на время ее отсутствия была уже отправлена. Она была рассчитана на то, чтобы потрясти миссис Баттерфилд до глубины души. Телеграмма из Парижа!.. Впрочем, на самом деле миссис Харрис мало об этом думала: она исследовала Рай.

Номер восемнадцать по Рю Денекин оказался маленьким двухэтажным домиком с мансардой, построенным в прошлом веке. Когда Наташа и миссис Харрис позвонили, мсье Фовель крикнул из глубины дома: «Антре, антре! Входите!» Он-то думал, что англичанка приехала одна. Женщины вошли в незапертую дверь и оказались в доме, который пребывал в состоянии первоначального хаоса. Впрочем, такое состояние было вполне естественно: чего ждать, если сестра холостяка, уезжая, оставляет точные инструкции приходящей уборщице, а та, естественно, выбирает именно этот момент, чтобы заболеть.

Толстый слой пыли, не тронутый целую неделю; всюду разбросаны книги и одежда. Не требовалось особого воображения, чтобы представить гору немытой посуды в мойке, грязные кастрюли и сковородки на плите, неубранные постели и устрашающую ванну. Никогда еще ни один мужчина не приходил в такое смятение при виде гостей. Его честный шрам контрастно белел на пунцовом от смущения лице.

* Дорогая.

** Скажите-ка, послушайте, вот как!

Зайкаясь и суетясь, мсье Фовель бормотал:

— О, нет... Нет... мадемуазель Наташа... Чтобы именно вы... Именно вы... Но я не могу позволить вам войти... И я, который отдал бы все, чтобы вы оказали мне эту честь... То есть я хочу сказать, я жил один целую неделю... Мне так стыдно...

Миссис Харрис, разумеется, не усмотрела ничего необычного в состоянии дома. Все как дома, в Англии, где решительно все квартиры, в которых она работала, выглядели именно так.

— Ну полно, полно, голубчик,— бодро сказала она.— О чем шум-то? Я сейчас все приберу, оглянуться не успеете. Покажите только, где тут у вас щетки, давайте ведро, тряпку...

А Наташа... Наташа сквозь грязь и беспорядок видела дом крепких буржуа. Прочная и удобная мебель: плюшевая софа, шкаф со множеством безделушек, большие, в рамках, портреты деда и матери мсье Фовеля в жестких костюмах начала века, клавиш в одном углу, кадка с фикусом в другом, кружева на подушечках, мягкие шторы из шенили и мягкие, даже слишком мягкие, стулья. Это был комфорт без роскоши и изящества, и сердце Наташи рванулось к нему.

— О, пожалуйста,— закричала она,— прошу вас, могу я остаться и помочь вам? Вы позволите мне, мсье?

Мсье Фовель зашелся в извинениях.

— Но, мадемуазель... Чтобы именно вы... И в этом свинарнике... Я умру от стыда... Чтобы вы портили свои ручки... Я не могу этого позволить...

— Фу-ты! Да полно вам, голубчик! — перебила миссис Харрис.— Вот уж точно, не только у нас мужчины ничего не понимают. Вы что, не видите, что девочка ХОЧЕТ помочь? Так что не путайтесь под ногами и дайте нам убраться.

«Надо же, — размышляла миссис Харрис, пока они с Наташей надевали косынки и фартуки и разбирали тряпки и щетки, — французы такие же, как и обычные люди, простые и добрые. Разве что немножко грязнее. И кто бы мог подумать после всего, что приходится о них слышать?»

На этот вечер у Наташи была назначена встреча с графом (коктейль), встреча с герцогом (ужин) и встреча с влиятельным политиком (чашечка кофе поздно вечером). И надо сказать, что с самого приезда в Париж она не испытывала такого удовольствия, когда, махнув на графа рукой, принялась с помощью опытной профессионалки гонять пыль по дому номер восемнадцать на Рю Денекин.

Обе женщины были так заняты, что не заметили, как ушел хозяин дома. Теперь же он появился, скрытый за горой свертков и пакетов.

— Я подумал, что после такой работы вы проголодаетесь... Могли бы вы... Смею ли я надеяться, что вы поужинаете с нами?..

Наташа, то есть мадемуазель Птипьер из Лиона, обняла шею мсье Фовеля и чмокнула его:

— Вы ангел, Андре, что подумали об этом! Я бы съела быка! Но сначала позволю себе воспользоваться вашей чудесной глубокой ванной, а потом мы будем есть, есть и есть!

Мсье Фовель мог думать лишь о том, что никогда в жизни он не был так счастлив. Какой невероятный поворот приняла его жизнь с тех пор... Ну да, с тех самых пор, как эта удивительная маленькая англичанка приехала в Дом Диора за платьем!..

Так закончился первый день Ады Харрис в чужой стране, среди иностранцев.

На следующее утро, когда мсье Фовель предложил вечером показать ей Париж, она, разумеется, не теряя ни минуты, заявила, что ей было бы приятно, если бы мсье Фовель позвал и Наташу. Мсье Фовель, покраснев, заметил, что осмотр городских достопримечательностей вряд ли будет интересен такой важной особе, как Наташа.

— Вот еще, — фыркнула миссис Харрис. — С чего это вы взяли, что она чем-то отличается от любой нормальной девушки, когда речь идет о красивом мужчине? Она бы и вчера с вами пошла, если б вам хватило соображения ее пригласить. Ладно, скажете, что это я прощу ее поехать с нами...

Ночь была волшебной и прошла замечательно. Она началась для троих наших друзей с прогулки по Сене на маленьком пароходике — до прибрежного ресторанчика в пригороде. С замечательным тактом мсье Фовель отказался от мысли посещать места, где миссис Харрис могла бы почувствовать себя неловко — дорогие, шикарные заведения; но он и не знал, как была счастлива в этом скромном окружении Наташа.

156 Это был маленький семейный ресторанчик. Железные столы были покрыты клетчатыми скатертями, а хлеб был чудесно свежий, с хрустящей корочкой. Миссис Харрис очень понравилась простые люди за соседними столиками, дрожащее стекло Сены, по которому катались компании на лодках и катерах, звуки аккордеона, доносившиеся с реки, и она жадно вбирала все это.

— Надо же, — заметила она, — тут совсем как дома. Знаете, иногда, когда жарко, мы с моей подругой, миссис Баттерфилд, тоже едем кататься по реке и останавливаемся в каком-нибудь заведении при пивоварне пропустить кружечку.

А вот от улиток миссис Харрис отказалась наотрез. Она не без любопытства рассмотрела их, исходящих ароматным паром в своих раковинах; ей хотелось попробовать, но желудок заявил решительное «нет».

— Нет, не могу, — призналась она наконец. — После того, как я видела, как они ползают...

С этого вечера такие прогулки втроем стали по негласному соглашению ежедневными. Днем они были на работе, и миссис Харрис исследовала город в одиночку (не считая примерок в Доме Диора); но каждый вечер начинался с прибытия Наташи в ее «симке» — и они ехали гулять.

Предоставленная днем самой себе (если не считать примерок) миссис Харрис гуляла по Парижу, не зная, куда занесут ее ноги.

Притом и интересовали ее в основном не сверкающие магазины Елисейских Полей, не Сен-Оноре и не Пляс Вендом — в Лондоне были не менее шикарные и дорогие торговые центры, и она никогда не ходила туда. Но ей очень нравились простые парижане и чудесные дома, прекрасные парки, река и жизнь менее богатых кварталов.

Она прошла весь Левый Берег, и весь Правый, и вот как-то волею случая наткнулась на маленький земной рай — Цветочный Рынок, что у Кэ-де-ля-Корс на острове Сите.

Дома, в Англии, миссис Харрис по дороге на работу и с работы часто и подолгу мечтательно смотрела в витрины цветочных магазинов, где полыхали разные оранжерейные диковинки, орхидеи, розы, гердании и прочие цветы; но еще никогда не доводилось ей бывать в таком месте. Со всех сторон ее окружало море цветов всех видов, цветов и форм, заполнявших прилавки, киоски, стенды и тротуары всего Цветочного рынка, а над этим морем вздымалась двойная башня Нотр-Дам.

Рынок пересекали улицы, чьи стены составляли невероятные массы азалий в горшках — облака розового, белого, красного, пурпурного цвета чередовались с кремовыми, альмы и желтыми клубами. На целые акры, казалось, простираются ящики с анютиными глазками, улыбающимися солнцу, с голубыми ирисами, красными розами и огромными свечками гладиолусов — в теплицах их заставляли цвести и сейчас.

Тут было множество и таких цветов, которых миссис Харрис не знала: маленькие розовые цветочки, словно сделанные из резины; цветы с желтой середкой и бархатно-синими лепестками; тут же красовались все мыслимые виды ромашек и маргариток, лохматые пионы и, разумеется, нескончаемые ряды любимых миссис Харрис гераней в горшочках.

Не только зрение ее наслаждалось буйством красок и форм — дувший с Сены ветерок подхватывал пьянящие звуки и уносил истинного любителя цветов в его личный рай; а миссис Харрис как раз была таким любителем. Ведь вся красота мира до того, как она увидела платье от Диора, для нее была представлена цветами. Она вдыхала аромат лилий и тубероз, ароматы струились со всех сторон, и миссис Харрис шла по рынку, как по чудесному сновидению, среди красок и запахов.

Вдруг она заметила знакомую фигуру — то был не кто иной, как пожилой джентльмен, что сидел возле миссис Харрис на демонстрации коллекции Диора. Звали его маркиз де Шассань. На нем был легкий светло-коричневый плащ, коричневая шляпа из фетра и замшевые нежно-коричневые перчатки. Его путь пересекался с путем нашей уборщицы, и он, широко улыбнувшись, приподнял шляпу — точно таким жестом, каким приветствовал бы саму королеву.

— А, — промолвил маркиз, — моя соседка, которая приехала из Лондона и любит цветы. И вы нашли дорогу сюда.

— Здесь прямо как в раю, — ответила миссис Харрис. — Я бы не поверила, если бы не видела это своими глазами.

Она взглянула на огромный сосуд с упругими белыми лилиями и другой, с еще не распустившимися гладиолусами — только

легкие мазки розовато-лилового, алого, лимонно-желтого или розового на зеленых бутонах намекали на будущее великолепие цветов. На стеблях, листьях и бутонах сверкали капли воды.

— Ох, господи, — вздохнула миссис Харрис, — надеюсь, миссис Баттерфилд не забывает поливать мою герань...

— О, мадам, так вы разводите герань? — вежливо поинтересовался маркиз.

— Два ящика на окне и еще с дожину горшочков, где только найдется для них место. Можно сказать, мое хобби.

— Epatant!..* — пробормотал маркиз себе под нос и спросил: — Да, а платье — платье, за которым вы приехали; вы подобрали себе что-нибудь?

Миссис Харрис ухмыльнулась, как хитрый бесенок.

— Еще бы! Я выбрала «Искушение» — помните? Черный бархат, по нему большие черные бусы, а наверху такое мягкое розовое, вроде пены из кружев.

Маркиз на мгновение задумался и кивнул.

— Ах да, помню. В нем еще вышла та великолепная девушка...

— Наташа, — завершила миссис Харрис. — Мы с ней теперь друзья. А платье мне шьют, оно будет готово через три дня.

— И, разумеется, вы, обладая действительно хорошим вкусом, знакомитесь с истинными достопримечательностями нашего города.

— А вы... — начала миссис Харрис и замолчала, потому что интуитивно угадала ответ на вопрос, который хотела было задать.

Маркиз, однако, не выказал никакого раздражения, лишь заметил печально:

— Да, вы угадали. Мне недолго осталось любоваться красотами этого мира. Пойдемте присядем вот на ту скамью, что на солнышке, и поговорим.

Они сели рядом на зеленой деревянной скамейке посреди моря цвета и запаха, аристократ и уборщица, и начали беседу. Они были на разных полюсах во всем, кроме простоты души, а значит, их на самом деле ничто не разделяло; невзирая на свой титул и важный пост, маркиз был одиноким вдовцом, чьи дети разъехались кто куда; миссис Харрис была такой же одинокой вдовой, хотя ей достало мужества пуститься в удивительное приключение в стремлении к красоте. Да, у них двоих было много общего.

Миссис Харрис поведала, что, кроме герани, она время от времени украшала свою квартирку срезанными цветами, полученными от клиентов, которые проводили уик-энд за городом или получали цветы в подарок и отдавали их, уже полуувядшие, миссис Харрис.

— Я тогда несу их домой так быстро, как могу, — объяснила она, — подрезаю стебли и ставлю в свежую воду, а в вазу бросаю пенсовик.

Это сообщение удивило маркиза.

* Поразительно!.. (фр.)

— А вы разве не знали? — удивилась миссис Харрис. — Если положить медь в воду с подвявшими цветами, они опять оживут. Маркиз был чрезвычайно заинтересован.

— Вот уж точно сказано: век живи, век учись. — Затем он перешел к другому предмету, интересовавшему его. — Так вы говорите, мадемуазель Наташа стала вашим другом?

— Она прелесть, — сообщила миссис Харрис, — совсем не такая неприступная, как можно бы ожидать, такая неспорченная, какой могла бы быть ваша дочка. Они все мои друзья теперь: и молодой человек мсье Фовель, их кассир, — я, кстати, живу сейчас в его доме, — и бедная мадам Кольбер...

— Э-э... — перебил маркиз, — простите, а кто такая мадам Кольбер?

Теперь удивилась миссис Харрис.

— Да вы же ее знаете! Мадам Кольбер — менеджер. Она такая славная, добрая. Это она посадила старушку Аду Харрис рядом с господами...

— А, да, — вспомнил маркиз, и его интерес усилился, — помню. Дама редкого мужества и достоинства. Но почему она бедная?

Миссис Харрис поерзала, устраиваясь поудобнее, чтобы всласть посплетничать. Она легонько похлопала маркиза по руке и, понизив голос, доверительно (какое удовольствие!) сказала:

— Да, вы же не знаете о ее бедном муже...

— О, — ответил маркиз, — значит, она замужем. И что же с ее мужем? Он болен?

— Не то чтобы болен, — ответила миссис Харрис. — Мадам Кольбер, разумеется, сама об этом никому не расскажет, но мне-то она, конечно, сказала. Если женщина похоронила мужа, как я, она многое понимает. Вот представьте: он двадцать пять лет работал на одном месте, а...

— Кто, ваш муж?

— Да нет же, муж мадам Кольбер. Он — мозг своей конторы. Но как только должен идти на повышение, новое место отдается не ему, а какому-нибудь графу или сыночку богача. Теперь его сердце совсем разбито, и сердце мадам Кольбер тоже.

Маркиз ощутил как бы легкую щекотку в затылке — он, кажется, припоминал что-то. А миссис Харрис продолжала, причем в ее голосе прозвучали нотки, напомнившие интонации мадам Кольбер:

— Как раз сейчас там опять вакансия, но никто не хочет ему помочь. Мадам Кольбер выплакала все глаза...

Почти мальчишеская улыбка раздвинула сжатые губы маркиза.

— Скажите, а мужа мадам Кольбер зовут случайно не Жиль? Миссис Харрис в изумлении уставилась на него.

— Надо же! — воскликнула она. — Откуда вы узнали? Точно, его звать Жиль — вы что, его знаете? Мадам Кольбер говорит, что в одном его мизинце больше мозгов, чем у всех прочих в его конторе — в их полосатых штанах.

Маркиз, подавив смешок, ответил:

— Что ж, возможно, мадам Кольбер и права. Во всяком

случае, трудно сомневаться в разуме человека, женившегося на такой женщине.

Он немного подумал, а затем достал из внутреннего кармана визитницу, извлек из нее превосходно исполненную гравированную карточку и написал что-то на обороте старомодной перьевой ручкой. Помахав карточкой, чтобы высохли чернила, он вручил ее миссис Харрис.

— Прощу вас, при встрече передайте это мадам Кольбер.

Миссис Харрис с интересом рассмотрела карточку. Изящно напечатанный текст выглядел так:

Le Marquis
Hypolite de Chassagne,
Conseiller Extraordinaire
au Ministère des Affaires Etrangères,
Quai d'Orsay*

Это для нее ничего не значило, кроме того, что ее новый знакомый — аристократ с пышным титулом. Она перевернула карточку, но записка тоже была написана по-французски.

— Договорились, — сказала она. — У меня, правда, память, что решето, но я передам.

Куранты на соборе пробили одиннадцать.

— Господи! — воскликнула миссис Харрис. — Я не следила за временем — опоздаю на примерку!

Она подскочила и, крикнув на прощание: «Прощайте, голубчик, и не забудьте класть пенсовик в вазу с цветами!» — была такова. Маркиз же остался сидеть на лавочке. Он глядел вслед миссис Харрис, и на его лице читалось глубокое восхищение.

Мадам Кольбер забежала в примерочную кабинку — посмотреть, как и что, дала швеям и гладильщицам пару советов. Вдруг миссис Харрис охнула.

— Господи! Чуть не забыла. Он же велел передать это вам... — Она порылась в своей ветхой сумочке, выудила наконец карточку и вручила ее мадам Кольбер.

Та покраснела, затем побелела как мел, читая карточку и записку на обороте. Ее пальцы слегка задрожали.

— Откуда это у вас? — прошептала она. — Кто вам это дал?

Миссис Харрис приняла озабоченный вид.

— Пожилой джентльмен. Тот, что сидел возле меня на этой вашей коллекции. Я его встретила на Цветочном рынке и немного с ним поболтала. А что? Надеюсь, там ничего плохого?

— О, нет, нет, нет... — прошептала мадам Кольбер. Ее голос дрожал, она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Внезапно она бросилась к миссис Харрис, заключила ее в объятия и крепко прижала к себе.

— Ах, чудесная, чудесная женщина! — воскликнула мадам Кольбер и выбежала из кабинки. Забежав в соседнюю, пустую, она задернула штору, закрыла лицо руками и, не стесняясь,

* Маркиз Ипполит де Шассань, Чрезвычайный советник Министерства внешних сношений, Кв д'Орсэ.

разрыдалась от неожиданной радости. Потому что записка на обороте карточки гласила:

«Пожалуйста, попросите своего супруга зайти ко мне завтра. Возможно, я сумею помочь ему.

Шассань».

11

На последнюю ночь удивительного пребывания миссис Харрис в Париже мсье Фовель заказал для нее и Наташи ужин в знаменитом ресторанчике «Пре Каталан», что в Булонском лесу. Здесь, в самом, вероятно, романтическом месте в мире, на открытом воздухе, под раскидистыми ветвями шестидесятилетнего дерева, в свете гирлянд разноцветных фонариков, мерцающих в листве, под чудесную веселую музыку, они должны были пировать, наслаждаясь изысканнейшими блюдами и тонкими винами — всем лучшим, что смог выбрать мсье Фовель.

Но, как ни странно, вечер, задуманный как радость и удовольствие для всех троих, начался довольно печально.

Мсье Фовель был великолепен и выглядел очень торжественно в вечернем костюме, с ленточкой военной медали на лацкане. Наташа тоже никогда еще не была столь очаровательна, как теперь, в вечернем платье — розовом с серым и черным, открывавшем восхитительную шею и нежную спину. Ну а миссис Харрис пришла в обычном своем платье — правда, ради такого случая надела новую кружевную блузку, купленную из оставшихся у нее от покупки «Искушения» фунтов. Ее грусть лишь слегка оттеняла наслаждение от места и окружения, а главное, от предвкушения завтрашнего события. Эта грусть была следствием лишь того, что все хорошее когда-нибудь кончается и что ей придется завтра расстаться с этими людьми, которых за короткое время она успела полюбить.

А вот мсье Фовель и мадемуазель Птишьер чувствовали себя глубоко несчастными. Оба думали о том, что с отъездом миссис Харрис кончится и удивительная идиллия, которая на целую неделю свела их вместе.

Оркестр заиграл заводную «Ча-ча-ча». На столике между ними слегка дымилась открытая бутылка шампанского. Они ждали, когда принесут новое блюдо (а именно, если вам интересно, — потрясающий «шатобриан»). Вокруг не смолкал гул голов, а они сидели в молчании.

Миссис Харрис стряхнула с себя тень печали, ощутила восхитительную радость жизни и красоты, бурливших вокруг, и вдруг заметила состояние своих спутников. Надо было что-то делать.

— Вы что, танцевать не собираетесь? — поинтересовалась она.

Мсье Фовель покраснел и пробормотал, что он-де давно не танцевал. Разумеется, он только о том и мечтал, но не хотел принуждать Наташу терпеть объятия, которые, возможно, были ей неприятны.

— И мне что-то не хочется танцевать, — прошептала мадемуазель Птишьер. Она все бы отдала за то, чтобы ока-

заться с ним на танцплощадке, но не могла ставить его в неловкое положение, после того как он так явно выразил нежелание общаться с ней ближе, чем требовали долг и вежливость.

Но чуткие уши миссис Харрис, конечно, уловили и пустоту их голосов, и явную для нее несчастную нотку. Ее внимательные глазки оценивающе переходили с одного на другого.

— Послушайте-ка, — сказала она, — что это такое с вами?

— С нами? Ничего.

— Конечно, ничего.

Пытаясь доказать ей, что все в порядке, мсье Фовель и мадемуазель Птишьер принялись весело болтать, в основном с миссис Харрис, старательно избегая глядеть друг другу в глаза. Им удалось продержаться целую минуту, а затем беседа увяла. Молчание повисло еще тяжелее, чем прежде.

— Фу ты, — сказала миссис Харрис. — Ну и дура же я. Я-то считала, что вы уже обо всем поговорили давным-давно!

Она повернулась к мсье Фовелю и спросила:

— У вас что, языка нет? Чего ждете-то?

Мсье Фовель покраснел, как красный фонарик в листве над ним.

— Но... но... я... то есть я... — запинаясь, пробормотал он, — она же никогда...

Тогда миссис Харрис обернулась к Наташе.

— Ну а вы? Вам что, трудно немножко ему помочь? В мое время, если молодая леди, бывало, полюбит парня, так она даст ему знать достаточно скоро. Как, по-вашему, я своего благоверного заподучила, а?

— Но Андре ведь не хочет...

— Тьфу ты, — сказала в сердцах миссис Харрис. — Он как раз хочет. И вы тоже. Глаза-то у меня есть! Вы оба любите друг дружку. Так что вам мешает?

Мсье Фовель и Наташа начали отвечать ей одновременно.

— Она не станет...

— Он не сможет...

Миссис Харрис захихикала самым ехидным образом.

— Ну что, влюблены или нет? Так кто чего не сможет?

Молодые люди в первый раз взглянули друг другу в глаза — и увидели все. Они глядели, не в силах отвести взгляд, и впервые на их лицах открыто проступили надежда и любовь. В уголках прекрасных глаз Наташи блеснули слезы.

— А сейчас прошу прощения, — объявила миссис Харрис многозначительно, — я должна навестить свою тетушку.

Она встала и направилась к ресторанному павильону.

Вернулась она через добрых пятнадцать минут. Наташа была в объятиях мсье Фовеля, а он — на танцплощадке; она прижалась к его груди, и ее лицо было мокро от слез. Но как только они увидели, что миссис Харрис вернулась к столу, они бросились к англичанке и обняли ее. Мсье Фовель поцеловал миссис Харрис в одну щечку, похожую на чуточку увядшее румяное яблочко, Наташа в другую. Потом девушка обхватила шею миссис Харрис и заплакала, выговаривая сквозь слезы:

— Дорогая, дорогая миссис Харрис! Я так счастлива! Вы знаете, мы с Андре собираемся...

— Надо же, — ответила миссис Харрис. — Скажите, какая неожиданность! Как насчет капельки шипучки — отпраздновать это дело?

И они подняли бокалы с искрящимся шампанским; и это была самая веселая, чудесная, счастливая ночь в жизни миссис Харрис.

12

Наконец настал день, когда «Искушение» было полностью готово, и пришло время для миссис Харрис вступить во владение ее сокровищем, закутаным во множество слоев тонкой гофрированной бумаги и уложенным в роскошную картонную коробку с вытисненной в золоте огромными буквами надписью «Диор».

По этому случаю около одиннадцати часов в салоне Дома Диор было устроено маленькое торжество (миссис Харрис улетала вечерним рейсом). Появилась бутылка шампанского, и миссис Харрис принимала поздравления от мадам Кольбер, Наташи, мсье Фовеля и всех закройщиц, подгонщиц, портних и гладильщиц, которые не покладая рук работали, чтобы в рекордный срок сшить ей платье.

Они выпили за ее здоровье и благополучное возвращение домой; и еще были подарки — дамская сумочка настоящей крокодиловой кожи от благодарной мадам Кольбер, наручные часы от не менее признательного мсье Фовеля, перчатки и духи от более чем благодарной Наташи.

Мадам Кольбер обняла миссис Харрис, поцеловала и прошептала на ухо:

— Вы принесли мне счастье, дорогая. Скоро, думаю, я смогу написать вам о большом событии у моего мужа.

Наташа тоже прижалась к миссис Харрис:

— Я никогда не забуду ни вас, ни того, что своим счастьем я обязана вам. Мы с Андре поженимся этой осенью. Вы будете крестной нашего первого ребенка!

Мсье Андре Фовель поцеловал миссис Харрис в щечку и захлопотал, давая советы быть осторожнее на обратном пути; в числе прочего он, как человек, привыкший работать с деньгами, особенно с наличностью, заметил:

— Вы уверены, что ваши деньги для оплаты сборов надежно спрятаны? Их лучше было бы не класть в сумочку, оттуда их могут вытащить.

Миссис Харрис улыбнулась своей поразительной улыбкой немного щербатого чертенка. Впервые за всю жизнь она целую неделю хорошо питалась, хорошо отдыхала, была счастлива и потому выглядела на пару десятков лет моложе. Она открыла свою новую крокодиловую сумочку, продемонстрировала билет на самолет, паспорт, а также билет в один фунт, билет в пятьсот франков и несколько завалившихся французских монет — эти деньги должны были помочь ей добраться до аэропорта.

— И это все, — весело сообщила она. — Но на сборы хватит. Да

и что мне собираться-то? Все тут! Так что и красть у меня нечего.

— О-ля-ля! Но нет же! — воскликнул мсье Фовель, и голос его дрогнул, а собравшиеся замолчали, ощутив ледяную тень надвигающегося несчастья. — Я говорю о таможенных сборах, о пошлине на британской таможе! *Moi Dieu!** Неужели вы об этом не подумали?! При пошлине в шесть шиллингов на фунт, — он быстро подсчитал, — сбор составит сто пятьдесят фунтов. Разве вы не знали об этом?

Миссис Харрис, потрясенная, уставилась на него и постарела на глазах на двадцать лет.

— Госпо-ди... — простонала она, — сто пятьдесят! Но где мне их взять?! Почему никто меня не предупредил?! Откуда мне было знать?..

Мадам Кольбер взъерилась.

— Что за чушь, Андре? Кто же в наше время платит пошлину? Думаете, эти аристократки и американские богачки платят хоть один франк? Все, все провозят свои покупки контрабандой, и вы, милая Ада, сделаете то же самое, и все! Вы провезете ваше...

Голубые глазки миссис Харрис наполнились ужасом.

— Но ведь это была бы ложь, разве не так? — спросила она, беспомощно переводя взгляд с одного лица на другое. — Я могу иногда присочинить, конечно, но я никогда не лгу! Это нарушение закона, меня могут посадить в тюрьму!

И тут весь смысл сказанного мсье Фовелем дошел до нее, она осела на серый ковер, закрыла лицо натруженными руками и испустила такой вопль отчаяния, что он дошел до ушей самого Патрона, и тот прибежал узнать, что случилось.

— Я не могу иметь его! Оно не для таких, как я! Я должна была знать свое место! Унесите его, уберите, делайте что хотите, я поеду домой и постараюсь забыть о нем!

Известие о возникшей проблеме распространилось по Дому Диор, как лесной пожар. Со всех сторон сыпались советы, в том числе даже составить петицию послу Великобритании. Но тут кто-то напомнил, что почтение британцев к закону велико, что ни посол, ни даже сама королева не смогут содействовать его нарушению, даже в таком особом случае...

Вопрос решил сам Патрон, который знал историю миссис Харрис. Одним ударом он разрубил гордиев узел, то есть думал, что разрубил.

— Сделайте этой славной женщине скидку, — приказал он бухгалтеру Фовелю, — а разницу выдайте ей наличными для оплаты пошлины.

— Но мэтр, — возразил в совершенном ужасе мсье Фовель, только теперь появившийся, в какую ловушку попала его благодетельница, — это никак не возможно!

На него посмотрели так, словно бы он был не главой финансового отдела, а ядовитой змеей.

— Мадам уже нарушила британские законы — она вывезла из страны одну тысячу четыреста долларов США, которые были,

* Мой Бог!

в нарушение закона, проданы ей ее американской знакомой на территории Соединенного Королевства. И если она, небогатая женщина, заявит на таможне в британском аэропорту платье стоимостью в пятьсот фунтов да еще выложит сто пятьдесят фунтов наличными для оплаты пошлины, тут же возникнут вопросы, откуда она, британская подданная, получила такие деньги. Будет скандал...

Все по-прежнему смотрели на него, как на королевскую кобру, хотя и понимали, что он прав.

— Отпустите меня, я уеду домой и умру, — причитала миссис Харрис.

Наташа обняла ее; голоса присутствующих слились в сочувственный гул. Но тут мадам Кольбер осенило.

— Стойте, — крикнула она, — яшла!

Она тоже опустилась на колени возле миссис Харрис.

— Дорогая, послушайте меня! Я могу вам помочь. Я принесу вам удачу, как вы принесли ее мне...

Миссис Харрис убрала руки, открыв личико старой испуганной обезьянки-капуцина.

— Но я не сделаю ничего непорядочного и не буду лгать...

— Нет, нет. Доверьтесь мне. Вы не скажете ни слова, которое бы не было абсолютной правдой. Но вы должны сделать все в точности так, как я скажу, потому что, дорогая Ада, мы ВСЕ хотим, чтобы прекрасное платье благополучно доехало бы с вами домой. Так вот, слушайте... — И мадам Кольбер, нагнувшись к самому уху миссис Харрис, зашептала...

Миссис Харрис стояла в зоне досмотра лондонского аэропорта. Ей казалось, что стук ее сердца слышен всем вокруг, но тем не менее, когда молодой и симпатичный таможенник подошел к ней, врожденное мужество и живость взяли свое, и хитрые глазки даже помаргивали в предвкушении удовольствия.

На барьере перед ней уже лежала не шикарная коробочка Дома Диор, а изрядно потертый пластиковый чемодан, из самых дешевых. Таможенник вручил миссис Харрис карточку с перечислением облагаемых пошлиной товаров, ввозимых из-за рубежа.

— Вы уж, голубчик, прочтите мне это сами, — промолвила миссис Харрис, улыбаясь самым бесстыжим образом. — Я, знаете, очки дома забыла.

Таможенник поднял на нее взгляд, чтобы увидеть, не издеваются ли над ним; но розовая роза на зеленой шляпке кивнула ему — он увидел, с кем имеет дело, и улыбнулся.

— Ну и ну! И что же вы делали в Париже?

— Просто съездила немного отдохнуть.

Таможенник ухмыльнулся. Английская уборщица за границей — что-то новенькое. Должно быть, подумал он, мыло и щетка приносят недурной доход. Затем спросил, уже для проформы:

— Везете с собой что-нибудь?..

Миссис Харрис ухмыльнулась в ответ.

— А как же! Настоящее платье от Диора. Называется «Иску-

шение», вот тут, в чемодане. Стоит пять сотен монет. То, что вам надо, а?

Таможенник рассмеялся. Ему было не впервой сталкиваться с образчиками юмора английских уборщиц.

— Вы будете в нем царицей бала, держу пари! — сказал он и, поставив мелком крестик на чемодане, направился со своей карточкой к следующему пассажиру, приготовившему свой багаж.

Миссис Харрис взяла чемодан и пошла (не побежала, хотя ей стоило огромных усилий удержаться от бега) к эскалатору, который вел на свободу. Ее переполняло чувство не только облегчения, но и своей правоты: она сказала чистую правду, и ничего, кроме правды. Мадам Кольбер была права: коль скоро таможенник не поверил ей — это уже не ее вина.

13

Вот так в четыре часа пополудни, чудесным весенним лондонским утром, преодолев последнее препятствие, миссис Харрис, счастливая обладательница «Искушения», вышла из аэровокзала Ватерлоо. Она наконец дома. Ее душа спокойна, если не считать одной мелочи: миссис Харрис заботилась судьба актрисы Памелы Пенроуз и ее квартиры.

Все прочие клиенты миссис Харрис были богаты, а мисс Пенроуз — бедна и к тому же боролась за существование. Что, если миссис Баттерфилд не все делала, как надо?..

Было еще рано, и ключи от квартиры мисс Пенроуз лежали в новой крокодиловой сумочке, которую миссис Харрис достала из чемодана, едва покинув аэропорт. Она сказала себе: «Бедняжка мисс Пенроуз. Еще рано; а что, если сегодня она принимает какую важную шишку? Зайду-ка я к ней и, сюрприза ради, приберусь как надо».

Она села в автобус и вскоре уже открывала дверь дома мисс Пенроуз.

И стоило ей открыть эту дверь, как она услышала громкие всхлипывания. Миссис Харрис бегом поднялась по лестнице в крохотную комнатку и обнаружила девушку лежащей на кровати лицом в подушку и безутешно рыдающей.

Миссис Харрис ласково положила руку на вздрагивающее плечо и произнесла:

— Ну-ну, дорогая, в чем дело? Не может быть, чтобы дело было совсем уж плохо. Если у вас беда — может, я смогу помочь?

Мисс Пенроуз села.

— ВЫ?! — Она вытерла опухшие от слез глаза и сказала: — Ах, это вы, миссис Харрис... Нет, никто в мире мне не поможет. Я хочу умереть... А если уж вы так хотите знать — режиссер, мистер Корнголд, пригласил меня поужинать в «Каприс». Это мой единственный шанс произвести на него впечатление и получить хорошее место. Почти ВСЕ девушки... то есть друзья... мистера Корнголда вышли в звезды...

— Не вижу, из-за чего тут плакать, — объявила миссис Харрис. — Вы обязательно будете звездой, я уверена.

Душераздирающее горе мисс Пенроуз мигом обратилось в гнев.

— Ох, да нельзя же говорить такие глупости! — взвилась она. — Вы что, не видите? Я не могу пойти с ним. Мне нечего надеть! Одно мое хорошее платье в чистке, а на другом пятно. Мистер Корнголд обращает много внимания на то, как одеты девушки, с которыми он куда-нибудь идет.

А теперь представьте себя на месте миссис Харрис, у которой в пластиковом чемоданчике на лестнице лежит сами знаете что. Могли бы вы удержаться от того, чтобы выполнить роль феи-крестной? Особенно если вы еще под впечатлением нежности и простоты Наташи, внутреннего тепла мадам Кольбер и доброты всех остальных, с кем познакомились? И если вы знаете, что значит хотеть чего-то, хотеть изо всех сил, и знать, что это — недостижимо...

— Вот что, — сказала она, — может быть, я и правда могу вам помочь. Я могу одолжить вам свое платье, оно от Диора.

— Ваше... ЧТО?! Вы... вы... отвратительное существо! Да как вы смеете смеяться надо мной?! — Маленький ротик мисс Пенроуз кривился от злости, а глаза метали молнии.

— Я вовсе не смеюсь. Это правда, Бог свидетель. Я сейчас прямо из Парижа — купила себе платье от Диора. Можете взять его до завтра, если оно вам поможет с мистером Корнголдом.

Каким-то образом мисс Пенроуз (она же Э. Снайт) смогла взять себя в руки — инстинкт подсказал ей, что никогда нельзя знать, чего ожидать от этой маленькой уборщицы. Поэтому она прошептала:

— Извините. Я не хотела... Но откуда у вас... Где ОНО?!

— А вот. — Миссис Харрис распахнула чемоданчик. Удивление, волнение, восторг и радость в глазах девушки стояли красивого жеста миссис Харрис!

— О-о-о! — воскликнула Памела. — Я не могу поверить!..

В один миг она освободила платье от слоев гофрированной бумаги, подняла его и, прижав к груди, дрожащими пальцами принялась искать этикетку.

— О! Это действительно Диор!!! Можно, я примерю его прямо сейчас, миссис Харрис? У нас ведь почти одинаковый размер! Ой, сейчас умру!..

Миссис Харрис помогла ей влезть в платье — и через несколько минут «Искушение» вновь играло ту роль, для которой было предназначено: мисс Пенроуз, чьи восхитительные плечи и белокурая головка поднимались над облаком шифона и тюля, была одновременно Венерой, выходящей из пены морской, и мисс Снайт, поднимающейся с постели.

Миссис Харрис и девушка восхищенно смотрели в большое, в полный рост, зеркало в дверце шкафа. Наконец, актриса сказала:

— Какая вы добрая, что разрешили мне надеть его. Я буду очень аккуратна. Вы просто не знаете, что это для меня значит!..

Миссис Харрис как раз знала. К тому же ей казалось, что сама судьба хотела, чтобы чудесное платье носили, чтобы его видели, чтобы оно не висело в темном шкафу... Поэтому она спросила:

— Вы не против, если я приду к ресторану, где вы ужинаете, и постояю у входа — посмотрю на вас, когда вы приедете? Конечно, я к вам не буду подходить или говорить с вами...

Мисс Пенроуз любезно согласилась.

— Конечно, не против. А если вы встанете справа от дверей, когда я буду выходить из «роллс-ройса» мистера Корнголда, я даже повернусь так, чтобы вам было лучше видно.

— О,— сказала миссис Харрис.— Так любезно с вашей стороны.

Мисс Пенроуз сдержала обещание — или, вернее, сдержала наполовину, потому что вечером поднялся ветер и принес дождливую грозовую ночь. Когда в половине десятого «роллс-ройс» мистера Корнголда остановился у входа в «Каприс», гроза бушевала вовсю. Миссис Харрис стояла справа от дверей, под сомнительной защитой парусинового козырька. Прибытию будущей звезды сопутствовал раскат грома и сильный порыв ветра; мисс Пенроуз помедлила секунду, повернувшись к миссис Харрис с изящно склоненной головкой и слегка разведя полы накидки. Затем, встряхнув золотистой гривой, вбежала в дверь. Миссис Харрис лишь на миг увидела под накидкой блеск черных бус и розовато-бело-кремовую пену шифона и тюля. Но тем не менее она была вполне счастлива и даже постояла немного у подъезда «Каприс», погрузившись в созерцание воображаемых картин. Вот сейчас метрдотель низко кланяется Ее платью и ведет Его к лучшему столику, который приберегают для самых почетных гостей. Конечно, каждая из сидящих в зале дам сразу узнает Платье От Диора; вслед Ему поворачивают головы; между столиками плывет бархатный черный низ, на котором соблазнительно покачиваются тяжелые гагатовые бусы, и белый верх — красивая юная грудь, плечи, руки, шея словно вырываются из великолепной оболочки. Мистер Корнголд, конечно, доволен и горд и уж, конечно, поймет, что такой красивой и великолепно одетой девушке непременно надо дать важную роль в следующей постановке.

И никто, ни одна душа не догадывается, что изысканное платье, сделавшее это возможным, платье, на которое все смотрит сейчас с завистью или восхищением, является исключительной собственностью миссис Ады Харрис, уборщицы № 5, Виллис-Гарденс, Бэттерси.

Она улыбалась во всем пути домой — а путь был неблизкий, и автобус шел долго. Все было в порядке, оставалась лишь нетерпеливо ждущая ее миссис Баттерфилд. Она, конечно, захочет увидеть платье и услышать всю историю... Но почему-то миссис Харрис чувствовала, что не хочет рассказывать подруге, о том, как она одолжила платье актрисе. А почему, и сама не знала.

Но, добравшись до дома, она уже нашла решение. Чутьочку невинной выдумки плюс усталость помогут отложить вопрос.

— Господи! — охнула миссис Харрис из глубин сердечных объятий, в которые заключила ее миссис Баттерфилд.— Я так

устала, что хоть пальцами веки поддерживай. Уже так поздно, не могу остаться даже на чашечку чая.

— Бедняжка, — пожалела ее миссис Баттерфилд. — Я тебя не задержу. Покажи только платье...

— Его пришлют завтра. Тогда я тебе все и расскажу.

Дома, в постели, миссис Харрис вновь отдалась восхитительно-му чувству законченного дела, чувству победы — и быстро уснула без малейшей тени предчувствия того, что нес завтрашний день.

14

Мисс Пенроуз и ее квартирке миссис Харрис отводила время с пяти до шести вечера. Убирая квартиры прочих клиентов и восстанавливая мир — впрочем, все были так рады ее возвращению, что не особо говорили о ее затянувшемся отсутствии, — так вот, весь этот день она дрожала от нетерпения, предвкушая встречу с актрисой. Наконец стрелки часов подползли к пяти, и миссис Харрис почти побежала в квартирку, некогда бывшую частью конюшни при большом доме на площади. Открыв дверь, она замерла на первых ступеньках длинной лестницы.

Первым ее чувством было разочарование, потому что в квартире было темно и тихо, а миссис Харрис, конечно, хотела бы услышать из уст самой девушки историю ее триумфа, триумфа «Искушения», и узнать об эффекте, который платье произвело на придирчивого мистера Корнголда.

Но странный, незнакомый запах, стоявший на лестнице, заставил миссис Харрис похолодеть от тревоги. Главное — запах не был таким уж незнакомым. Почему он напомнил ей о войне, которую она пережила в Лондоне, — сыплющийся дождем бомбы, море огня?..

Поднявшись по лестнице, миссис Харрис включила свет в прихожей и вошла в комнату. В следующее мгновение она, замерев от ужаса, увидела останки своего платья. Платье от Диора было небрежно брошено на развороченную кровать, и, как ужасная рана, зияла на нем прожженная бархатная панель, окруженная оплавленными бусниками. Подле лежала бумажка в один фунт и спешно написанная записка. Пальцы миссис Харрис так дрожали, что она не сразу смогла прочесть эту записку. Вот что в ней было:

«Дорогая миссис Харрис, ужасно сожалею, что не могу все объяснить лично, но я должна уехать на некоторое время. Мне очень жаль, что с платьем все так получилось, но это не моя вина, и если бы не мистер Корнголд, я могла бы стоить насмерть. Он сказал, что еще немного, и я бы погибла. После ужина мы поехали в клуб «30», и я там задержалась у зеркала поправить прическу. Прямо под ним был электрический камин, и я вдруг загорелась, то есть, конечно, платье, но я бы могла тоже сгореть. Уверена, что это можно зачинить, и ваша страховка, конечно, все окупит. Ущерб не так страшен, как может показаться, потому что выгорела всего одна вставка. Я уезжаю на неделю. Пожалуйста, следите за

квартирой как всегда. Оставляю вам фунт в уплату за эту неделю».

Поразительно, что, прочтя сие послание, миссис Харрис не только не заплакала, но и не взорвалась, вообще не сказала ничего. Она только взяла изувеченное платье и, аккуратно сложив, вновь убрала его в пластиковый чемоданчик, полученный от мадам Кольбер. Записку и деньги она оставила на кровати. Затем миссис Харрис спустилась по лестнице, вышла, закрыла дверь, сняла со своего кольца ключ и протолкнула его в щель почтового ящика — он ей больше ни к чему. Через пять минут она была уже в автобусе, который вез ее домой. Дома миссис Харрис поставила на плиту чайник и механически проделала все прочие привычные операции — даже поела, хотя не чувствовала вкуса и не могла бы вспомнить потом, что именно ела. Вымыла посуду и убрала ее. Но тут завод механизма кончился — она открыла чемоданчик с платьем и провела пальцами по обугленному бархату, по оплавленным бусам.

Вот оно перед ней, все еще пахнущее горелой тканью — его не перешибет весь флакончик подаренных Наташей духов. Вещь, некогда бывшая шедевром мастерства, теперь уничтожена.

Она пыталась объяснить самой себе, что девушка не виновата, что это просто несчастный случай и ей следует винить лишь себя за попытку изобразить фею-крестную перед дрянной девчонкой и дрянной актрисой, у которой не нашлось даже слова благодарности за дурацкое благодеяние.

170 Миссис Харрис была разумной женщиной и реалисткой, жизнь ее трудно назвать полной неожиданностей... особенно приятных неожиданностей... И сейчас, глядя на печальные оплавленные останки платья, она сознавала собственную неразумную гордыню, ибо осмелилась не только завладеть подобной вещью, но и похвастаться ею. Ведь она уже лелеяла мысль о том, как на неизбежные вопросы домовладелицы по поводу долгого отсутствия небрежно ответит: «О, я просто слетала в Париж — посмотреть коллекцию и купить платье у Диора. Оно называется «Искушение»...» И, разумеется, не меньше сотни раз представляла реакцию миссис Баттерфилд, когда та впервые увидит чудесный трофей подруги.

А сейчас она не может даже зайти к ней... или к кому-нибудь еще... Потому что миссис Баттерфилд, конечно, непременно начнет кудахтать: «Я же говорила, что случится что-нибудь подобное! Такие вещи — не для нас! И в любом случае — что бы ты с ним делала?..»

И правда, что? Повесила бы в старом, затхлом шкафу — рядом с фартуками, комбинезонами и единственным, весьма убогим, воскресным платьем, — чтобы тайно наслаждаться, разглядывая «Искушение» по ночам? Но это платье придумали ишили вовсе не для подобной участи. Не прозябание в темном шкафу, а веселье, огни, музыка, восхищенные взоры — вот его назначение.

Миссис Харрис почувствовала, что не может больше смотреть на свое платье. У нее уже не было сил бороться с печалью. Она вновь сложила платье и опустила его в пластиковый чемо-

дан. Поспешно закрыла его мягкой упаковочной бумагой, бросилась на кровать, уткнулась в подушку и разрыдалась. Она плакала молча, безутешно, безостановочно — как плачут женщины с разбитым сердцем. Плакала о собственном неразумии и о грехе гордыни, который признала уже за собой, и о быстром и тяжелом наказании за этот грех, но больше всего плакала о погибшем платье, об утраченной ею драгоценности.

Она плакала бы так вечно, но ей помешал настойчивый стук в дверь, сумевший наконец пробиться сквозь ее печаль. Миссис Харрис оторвала было от подушки опухшее от слез лицо, но затем решила не вставать и не открывать. Это ведь могла быть только миссис Баттерфилд, пришедшая полюбоваться платьем, обсудить его достоинства, послушать о приключениях подруги среди «туземцев». И что ей теперь показать? Какую награду получила Ада Харрис за долготерпение, тяжелый труд, жертвы, лишения и неразумное стремление к заветной цели? Горелую тряпку! Хуже всего будет даже не «я же предупреждала», а сочувствие, охи и вздохи и дружеские, но неуклюжие попытки утешить ее. Миссис Харрис чувствовала, что этого уже не вынесет. Она хотела остаться наедине со своим горем — и плакать в одиночестве, пока не умрет, поэтому и закрыла сырой подушкой уши, чтобы не слышать трезвон. Но тут человек за дверью, видно, потерял терпение и, к вящей тревоге миссис Харрис, принялся изо всех сил колотить и барабанить в дверь, причем настолько энергично и настойчиво, что связать этот стук с миссис Баттерфилд миссис Харрис уже не могла. Может быть, что-то случилось, и нужна помощь? Она вскочила, поправила волосы и открыла дверь. За ней стоял посыльный со значком Британских европейских авиалиний и пялился на нее, как на привидение. Довольно желчно посыльный осведомился.

— Миссис Ада Харрис?

— А кого вы хотели видеть? Принцессу Маргарет? Вот стучит и барабанит — можно подумать, пожар...

— Ф-фу.— Посыльный облегченно вытер лоб.— Еще немного, и я бы просто развернулся и уехал. Вы не отвечали на звонок, а тут эти цветы. Я уж подумал, может, вы померли, и их прислали на вашу могилу...

— А?..— переспросила миссис Харрис.— Какие еще цветы?..

Посыльный ухмыльнулся.

— А вот, авиапочтой из Франции, причем с экспресс-доставкой. Сейчас. Откройте только дверь и не закрывайте, пока я все не внесу.

Он распахнул задние дверцы своего фургончика и принялся одну за другой доставать продолговатые белые коробки с пометками: «АВИА — ЭКСПРЕСС — С НАРОЧНЫМ — ХРУПКО — СКОРОПОРТЯЩЕЕСЯ»; содержимое скрывали слои соломки, картона и бумаги. Заинтригованной миссис Харрис уже начало казаться, что посыльный будет без конца курсировать между своим фургоном и ее комнатой, и что тут наверняка какая-то ошибка.

Но ошибки не было. Завершив свой труд, посыльный сунул ей под нос свою книжку:

— Распишитесь.

Да, адрес правильный, и фамилия ее: мадам Ада Харрис, № 5, Виллис-Гарденс, Бэттерси, Лондон.

Он уехал, и миссис Харрис опять осталась одна. Постояв немного, она принялась распаковывать коробки — и в одно мгновение перенеслась в Париж, ибо ее темноватая тесная комнатка, заваленная ворохом цветов, превратилась в настоящий сад — темно-красные бархатистые розы, нежно-белые лилии, охапки розовых и желтых гвоздик, снопы гладиолусов, готовых распуститься, взорвавшись всеми цветами от густо-пурпурного до бледно-лимонного. Тут были азалии цвета семги, белые и алые, герань, букеты душистых фрезий, а также пышный, больше фута в поперечнике, пук фиалок с четырьмя белыми гардениями в середине.

В какой-то миг квартирка превратилась в прилавок Цветочного рынка Марш-о-Флер; тугие, гладкие лепестки еще блестели каплями влаги.

Что помогло этому чудесному, целительному дару прибыть в миг ее глубочайшего отчаяния — совпадение или какое-то волшебное предвидение? Она заметила в цветах карточки, достала их и принялась читать. Здесь были приветствия, любовь и хорошие новости.

«Добро пожаловать домой.

Мы с Андре не могли ждать — и сегодня обвенчались.

Благослови Вас Господь.

Наташа».

172 «Благодаря Вам я стал счастливейшим человеком в мире.

Андре Фовель».

«Со счастливым возвращением Вас, леди, которая любит герань! Я не забыл о медном пенни.

Ваш,

Ипполит де Шассань».

«Наилучшие пожелания от

Кристиана Диора».

(Это — с фиалками.)

«Поздравляем с возвращением.

Администрация Дома Кристиана Диора».

«Желаем счастья.

Закройщицы, портнихи, гладильщицы Дома Кристиана Диора».

И наконец:

«Жюль назначен сегодня Первым секретарем Департамента англосаксонских стран в Кэ д'Орсэ. Что я могу Вам сказать, дорогая миссис Харрис, кроме «спасибо»!

Клодин Кольбер».

У миссис Харрис задрожали колени, она села прямо на пол, и тугие, гладкие, прохладные лепестки тяжелых ароматных роз мадам Кольбер коснулись ее щеки. Ее глаза вновь наполнились слезами, но теперь ее переполняли чудесные воспоминания, вызванные письмами друзей и затопившими комнату ароматом цветами.

Она вновь сидела под невероятно синим небом среди буйства красок Цветочного рынка, окруженная созданиями еще более

искусного модельера — Природы, — издающими аромат собственных духов, а рядом с ней сидел приятный пожилой джентльмен, понявший ее и обращающийся с ней как с равной.

И она вспомнила выражение лиц Фовеля и Наташи, когда те обняли ее в ресторане «Пре Каталан», и лицо мадам Кольбер, которая обняла ее тогда на прощание и шепнула: «Вы принесли мне счастье, дорогая...»

Думая о мадам Кольбер, миссис Харрис вспомнила, сколько эта француженка сделала, чтобы помочь ей осуществить свою тщеславную и бессмысленную мечту о платье от Диора. Если бы не она, не ее остроумный план, платье так и не попало бы в Англию. Кстати, подумала миссис Харрис, платье еще можно починить. Стоит написать мадам Кольбер, и та пришлет ей бархатную вставку с бусами, такую же, как та, которую уничтожил огонь. Хорошая портниха, конечно, сумеет вставить ее так, что платье вновь станет как новое. Но будет ли оно тем же?..

Этот мимолежный вопрос произвел на миссис Харрис странное действие. Он прекратил поток слез из ее глаз, она встала и вновь оглядела заваленную цветами комнату. И к ней пришел ответ.

Нет, не будет. Оно уже никогда не будет тем же. Но ведь и она уже никогда не будет той же.

Ибо она приобрела гораздо больше, чем платье. Приобрела Приключение и Опыт, которые останутся с нею навсегда. Больше никогда она не будет чувствовать себя одинокой или ненужной. Она нашла смелость поехать в чужую страну, к чужим людям, оказавшимся живыми, хорошими людьми — мужчинами и женщинами, для которых любовь и сочувствие были основой жизни.

Миссис Харрис открыла чемоданчик и достала «Искушение». Опять потрогала прожженную вставку — да, ее действительно легко заменить. Но она ничего с ней не делает, а сохранит платье таким — не тронутым ничьими руками, кроме тех, которые клали каждый стежок с любовью и пониманием сердца другой женщины.

Миссис Харрис прижала платье к груди, обняла его, как живого человека, и погрузила лицо в мягкие складки. Вновь из маленьких голубых глаз полились и заструились по щекам слезы, но то были уже не слезы печали.

Она стояла, покачиваясь взад и вперед, сжимая в объятиях свое платье, и вместе с ним миссис Харрис обнимала их всех — мадам Кольбер, Наташу, Андре Фовеля, всех до последней, так оставшихся для нее безымянными, портнихи, закройщицы, гладильщицы, а с ними — и город, подаривший ей эти чудесные воспоминания, настоящее бесценное сокровище понимания, дружбы и человечности.

Перевод с английского ПАВЛА ВЯЗНИКОВА.

ОЛЕГ СУВОРОВ

РУССАРСКИЙ ВАЛЬС

Последняя любовь Дениса Давыдова

Декабрь выдался снежный и выжженный. Упрутгий ночной ветер со свистом засыпал колючей снежной пылью следы редких фельдъегерских троек, с трудом пробирававшихся сквозь огромные сугробы. И этот снежный ветер 1833 года живо напоминал ту знаменитую русскую зиму 1812-го, когда вот так же визли в сугробах отступающие французские войска, слабо отбивавшиеся от редких налетов, измотанные тяжелым преследованием гусарских партизанских отрядов.

Двадцать один год миновал с той славной поры, но что еще осталось в жизни, кроме тех завораживающих воспоминаний, для отставного генерал-лейтенанта Дениса Давыдова, дремлющего в креслах своего кабинета в большом барском доме селения Верхняя Маза, забытой Богом Пензенской губернии. Но воспо-

минания волновали, а волноваться местный врач запретил — и сердце начало сдавать, и астма усилилась, и ревматизм постоянно напоминал о себе тяжелой, ноющей болью. Тишина и покой — и лишь редкие звуки тикающих стенных часов да слабые отблески ночника на стеклах книжных шкафов. Кроме книг, естественно, было много оружия — дареного, трофейного, покупного: турецкие и персидские, французские и русские сабли и пистолеты. Была среди них и любимая — потускневшая, изведавшая немало крови сабля, с которой он и закончил 1812 год. Оружие минувших битв — и тишина; в доме натоплено, и не страшны никакие морозы; дети давно спят, спит в соседней комнате и жена — рыхлая, стареющая женщина, негромко похрапывающая под пуховым одеялом.

Давыдов слабо шевельнулся — как грустно, что все уже в прошлом: и лихие гусарские попойки, и знаменитые сражения, и бесшабашные, воспетые в стихах, ухаживания. В следующем году ему исполнится ровно пятьдесят — он знаменит, покоен, занят мемуарами... «Черт подери, остается только дополнить свою биографию славным некрологом!» Впрочем, и некролог, точнее, захватская автобиографическая статья уже была написана.

Взметнулся ветер за обитыми войлоком ставнями, и вспомнилось, что скоро святки, разезды, гости, бесконечные пустые разговоры: «Какие у вашего превосходительства виды на урожай?», «Какие славные дети!», «А Софья Николаевна все хорошеет!».

Вспомнив о жене, он досадливо поморщился, и вновь захотелось выкурить старую, запрещенную врачом, гусарскую трубку. Он женился на ней почти 15 лет назад, ошеломленный неожиданным отказом семнадцатилетней польской красавицы; женился невесело и беспокойно — засидевшаяся в девушках Соня слишком уступала блестящей и юной Лизе Злотницкой, отдавшей предпочтение картежнику и красавцу Голицыну. И казалось, что своей женитьбой да яростными стихами:

Неужто думаете вы,

Что я слезами обливаюсь,

Как бешеный кричу: увы!

И от измены изменяюсь?

Я — тот же атенст в любви,

Как был и буду, уверяю;

И чем рвать волосы свои,

Я ваши — к вам же отсылаю — он успокоит раздосадованное самолюбие. Но увы! Когда уже жизнь позади, так горько признаваться, что тебе не везло в любви из-за неказистой, невзрачной внешности, которой так польстил знаменитый английский портретист Доу в портрете для галереи героев 1812 года, находившейся в Зимнем дворце. Давыдов был хорош на военном поприще, и начиная с 1807 года не было ни одной знаменитой военной кампании, в которой бы он не принимал участия; воевал везде — от Кавказа до Финляндии, от Москвы до Парижа. Он знаменит также своими стихами, которые охотно печатает сам Пушкин в собственном журнале. Но что эта слава, что

дает она сердцу, когда в самый решающий момент самые красивые женщины предпочитали ему других? А теперь и парадный генеральский мундир «отправлен в отставку» в дальний шкаф, да и стыдно вздыхать о любви, разглядывая в зеркало свои морщины.

— Денис Васильевич, наконец-то! — Навстречу Давыдову спешил старый боевой друг по партизанским походам — отставной поручик Ахтырского гусарского полка Дмитрий Бекетов. Давыдов вспомнил свое давнее обещание и сразу после Нового года приехал к нему в имение, находившееся в двухстах верстах от его собственного, чтобы поохотиться на медведей и помянуть гусарскую молодость.

— Здорово, Митенька, — радостно ответил Давыдов, целуясь и обнимаясь с Бекетовым, и продолжил собственными стихами: —

*Ставь бокалы перед нами,
Всех наездников сзывай...*

— С закрученными усами, — расхохотавшись, закончил Бекетов, знавший наизусть все гусарские стихи Давыдова. — Ну, раздевайтесь и проходите в гостиную, я вас сейчас со своими домашними познакомлю.

— Да я вроде бы с твоим братцем и его славным семейством уже знаком, — отозвался Давыдов, поднимаясь наверх по парадной мраморной лестнице большого нового дома Бекетовых, напоминавшего дворец, — они недаром слыли самыми богатыми помещиками Пензенской губернии. — ...Иль ты женился в одночасье, друг любезный?

— Да куда уж мне, Денис Васильевич? Жил холостяком и по-прежнему же.

Поднявшись на второй этаж, они вошли в парадную гостиную, где их уже ждал Николай Бекетов, мичман в отставке, со всем своим семейством и многочисленными родственниками. Раскланиваясь и знакомясь, ловя множество любопытных взглядов, Давыдов чувствовал себя помолодевшим, тем более что Бекетов не скупился на комплименты.

И вдруг... Или ему показалось, или дуновение судьбы холодком пробежало по сердцу... Он поймал внимательный взгляд блестящих, напряженных глаз стройной кареглазой девушки.

*Вы хороши! Каштановой волной
Ваш локон падает на свежие ланиты;
Как мил ваш стан полунагой,
Не вы ль оригинал живой
Очаровательной хариты?..*

— Это моя племянница, — говорил Бекетов, — честь имею представить — Евгения Дмитриевна Золотарева.

Боже мой, Евгения! Как шло ей это имя — и ее умным, мечтательным глазам, и ее романтической, дразнящей красоте, которую он никак не ожидал здесь встретить.

— О чем задумались? — спросила Евгения, когда они уже сидели рядом за длинным столом в обеденной зале и шумный

Бекетов в очередной раз провозгласил тост за своего боевого командира.

— О том, как замечательно ваше имя рифмуется с названием того чувства, которое вы во мне вызываете.

— Вот как? — ничуть не смутившись, переспросила она и, немного помедлив, добавила, более тихо и насмешливо: — И что же это за чувство — недоумение?

— Восхищение, — немедленно отозвался Давыдов, обрадованный ее блестящим взглядом.

Она засмеялась:

— Вижу, ваша муза вас не оставила.

— А вы знаете мои стихи?

— Конечно. Дядя просто бредит ими. И я была бы вам признательна, если бы вы что-нибудь написали в мой альбом.

Общий разговор за столом продолжался, и вскоре заговорили о бале, намечавшемся на следующей неделе, в пензенском Дворянском собрании. В Давыдове проснулся поэт, и к концу обеда четверостишие было почти готово — не хватало лишь последней строки.

*Вошла — как Психея, томна и стыдлива,
Как юная перя, стройна и красива...
И шепот восторга бежит по устам,
И...*

Он еще раз взглянул на Евгению, поймал ответный лукавый взгляд и тут же уловил ускользавшую азартную строку, точно выскользнувшую из далекой гусарской молодости:

...И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

На балу, в окружении местного дворянства гусарский генерал, знаменитый поэт, друг Пушкина, чьей новой повестью «Пиковая дама» зачитывались сейчас все и где эпиграфом для одной из глав стояла острота самого Давыдова: «Вы, кажется, решительно предпочитаете камеристок? — Что делать, сударыня, они свежее», — искал глазами Евгению — и находил, и видел, как она ждала этого взгляда. Все-таки удивительно, что жизнь еще не кончена и способна одаривать такими необъяснимыми сюрпризами. Для него, постоянного участника блестящих петербургских балов, этот провинциальный бал был самым прекрасным — как «блики осени порой, милее нежности весенней». Плавню раскачивались звуки вальса, блестели люстры и зеркала, отражавшие танцующие пары, и среди всей этой толпы была она, и она обещала ему одну из кадрелей.

Давыдов задышался от волнения и нетерпеливо ждал минуты, когда она наконец положит свою обнаженную руку на его плечо, и он вблизи увидит ее нежные глаза.

— Я, кажется, не буду спать эту ночь, — произнес Давыдов, когда они прошли первую фигуру.

— А виновата, конечно, я?

— Не зазнавайтесь. Поэзия — достойная соперница даже для такой красавицы, как вы.

— Ну уж к ней я вас ревновать не буду.

Все это было так необыкновенно, обещало столь волнующее продолжение, что Давыдов в ту же ночь написал свое лучшее стихотворение, которое называлось, конечно же, «Вальс».

Следующая встреча произошла летом, когда в петербургских журналах появились его любовные стихотворения, без посвящения, но с выдававшей его пометкой внизу: «Пенза». Что могла подумать его стареющая жена, читая такие строки:

*И, неподвластный злым укорам,
Я увлеку ее с собой,
Упьюсь ее стыдливым взором
И вдохновенной красотой;
Ее — чья прелесть вне сравненья!
Светла, небесна и чиста,
Как чувство ангела в моленье,
Как херувима сновиденье,
Как юной грации мечта!*

«Я похож на Мазепу, взявшегося соблазнить другую Марию, — горестно размышлял Давыдов после очередного супружеского скандала. — Или я вообразил, что мне тридцать лет от роду?»

Тем не менее он уже не мог сидеть дома и под первым попавшимся предлогом вновь уехал в Пензу. Евгении там не было — она гостила в имении у дяди. Узнав об этом, Давыдов немедленно устремился туда.

Они встретились в большом тенистом парке, вплотную примыкавшем к барскому дому, скрытому густыми кронами деревьев. Ее открытое белое платье и распущенные каштановые волосы взволновали его еще издали. Евгения удивительно расцвела и похорошела.

— Здравствуйте, милая Евгения. — Давыдов горячими губами прижал к ее дрогнувшей руке.

— Здравствуйте, Денис Васильевич.

— Вы меня ждали?

— Да. — Она сказала это «да» так просто и откровенно, что он мгновенно всыхнул.

— Я люблю вас, милая Эжени, и приехал, чтобы сказать вам то, что вы давно уже могли понять по моим стихам. Я люблю вас — и мучаюсь, и не знаю, что мне делать. Я старше вас вдвое, и у меня шестеро детей, не говоря уже о жене. Но я не могу жить без вас, знайте это.

— Я знаю. — И вновь это было сказано так удивительно просто, что могло означать ответное признание. Он с надеждой всматривался в ее красивое лицо, но она отводила глаза.

— Давайте сядем. — Они сели на скамейку под цветущими липами, окружавшими их сладким ароматом. — В этом году была чудесная весна, не правда ли? Вы уже видели дядю, Дмитрия Алексеевича?

Давыдов не в силах был отвечать на эти пустые, ни к чему не обязывающие вопросы, которые только сбивали пыл его порывистого признания. Неловкое напряжение возрастало, и молчание становилось тягостным. Тут Евгения улыбнулась и хорошо знакомым, насмешливым тоном воскликнула:

— Ну что же вы молчите, а еще поэт!

Давыдов вскочил с места и запальчиво продекламировал:

Язык безмолвствует.. одни мечты и грезы,

И мука сладкая, и восхищенья слезы...

И взор впился в твои красы,

Как жадная пчела в цветок весенней розы!

Он наклонился к ней, она откинулась на спинку скамьи и чуть приоткрыла губы...

Их восхитительный роман продолжался целое лето и почти половину осени. Первое время они были растеряны, смущены, неловки и не воспринимали ничего, кроме охватившего их потока новых чувств. Но постепенно здоровая и спокойная чувственность Евгении поставила все на свои места. Объединенные общими литературными интересами, они стали не просто любовниками, а настоящими друзьями.

Эта дружеская теплота ощущалась в их переписке, когда в конце ноября Давыдов наконец уехал в Петербург, взяв с нее слово встретиться с ним в Москве. Но в письмах стали проскальзывать и иные ноты — она вдруг предлагала ему чисто дружеские отношения, которые он яростно отвергал; или начинала жаловаться на бесконечные городские сплетни и разговоры с замуженной старшей сестрой, в доме которой жила Евгения после смерти матери. Он угадывал причины этих жалоб и сам много размышлял над их нынешним положением. Что делать? Бросаться в омут развода, раздела имущества, скандала и трагедии разлуки с детьми, то есть решительно порвать со всей, уже ставшей привычной жизнью, которой он так тяготился? А что взамен? Он стареет, она расцветает, он любит ее, а она достаточно спокойна, хотя и ни в чем ему не отказывает. Его воображение обжигала одна картина — не станет ли Евгения легкой добычей какого-нибудь нового Бурцова, одного из знаменитых повес-гусаров, воспетых им в его собственных ранних стихах, и не затмится ли его военная и литературная слава бесконечными насмешками и света, в друзей, в Пензы, и Москвы? Любит ли она его настолько, чтобы выйти за него замуж? Этот вопрос он задал ей, когда через полгода они встретились в Москве.

— Да, — ответила Евгения, целуя его теплыми губами. Из Пензы она привезла скверные новости. Оказывается, местный графоман Иван Сабуров издал за свой счет книжку городских сплетен «Четыре робера жизни», где высмеял, в числе прочих, и «старческое увлечение партизана-полагрика». Давыдов был взбешен, написал эпиграмму, но это не меняло дела — все уже настолько хорошо знали про их роман, что самое время было на что-то решаться.

...Еще издали сиял Новодевичий монастырь четырьмя блестящими, златоглавыми куполами квадратной церкви. В Смоленском соборе только что закончилась служба, и Давыдов рука об руку с Евгенией медленно шел по аллеям монастыря. Оба были спокойны, молчаливы, как старые супруги; с момента привезда в Москву они не расставались почти ни на один день. У него был

свой дом в Москве, а она с младшей сестрой поселилась у родственников, но бывали они всюду вместе, не боясь уже никаких сплетен. Евгения получила письмо от старшей сестры с категорическим требованием немедленно вернуться домой и принять предложение отставного драгунского офицера Мацнева, местного губернского помещика, пять лет добивавшегося ее руки. Он был всего на несколько лет моложе Дениса Васильевича и так же некрасив, но при этом скучен, бездарен и нестерпимо пошл. На душе у Евгении было тяжело — дома ее ждали провинциальная скука, нелюбимый жених, а здесь... Первое увлечение знаменитым поэтом-гусаром давно прошло, и теперь рядом с ней шел стареющий, почтенный генерал, в котором все чаще пробуждался рассудительный семьянин, напоминавший ей родного дядю, но никак не влюбленного поэта.

Давыдов шел рядом и тяжело вздыхал.

— Что с тобой, мой друг? — ласково спросила Евгения, пожимая его руку. Давыдов, не глядя на нее, молча пожал плечами. И ему было тяжело — Евгения уже сказала о письме, и он понимал, что она ждет его решения, и даже не решения, а решительности, от которой теперь зависела судьба обоих. А на что он теперь мог отважиться? Здоровье становилось все хуже, и все чаще он чувствовал печальную несостоятельность, держа в объятиях красивую, ласковую, но полную нерастраченных сил женщину. А какой скандал разразится вокруг развода! Все обязательно дойдет до царя, который двадцать лет назад в виде свадебного подарка пожаловал ему аренду — «в награду за военные заслуги». И вот теперь — развод со старой женой и женитьба на молодой любовнице!

Его жизнь начиналась со скандала, связанного со знаменитыми, вольнодумными баснями, да и вообще было немало скандалов, заставлявших морщиться свет и сочувствовать друзьям, — и партизанство, и отказы в наградах, и внезапное, ошибочное разжалование; а сейчас — за порогом пятидесятилетия — все опять заканчивается скандалом...

Он вздохнул и вдруг услышал:

Ах, часто и гусар вздыхает,

И в кивере его весной

Голубка гнездышко свивает...

Евгения улыбалась, и Давыдов грустно улыбнулся в ответ. Они шли вдоль пруда с великолепными белыми лебедями, в тени огромной зубчатой крепостной стены.

— Не знаю, Евгения, не знаю, что делать, не знаю, на что решиться, — вдруг жестко и сердито проговорил он, стыдясь самого себя. — Ах, если бы я был моложе! Ах, если бы ты любила меня, как прежде!

Бессмысленность последнего упрека он понял тут же, увидев блеснувшие слезы.

— Не плачь, умоляю. Я готов сделать все, что ты захочешь, вот только не знаю, как на это посмотрит государь, твои родственники, свет, наконец.

— А как же ты говорил раньше? — звонкой стрункой дрогнул ее голос:

*На право вас любить не прибегу к паспорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!*

Теперь она припоминала ему его же стихи. Черт возьми! Как поэтичен был этот залитый солнцем закат над окраиной Москвы, но он, к сожалению, уже не был поэтом.

Евгения вернулась в Пензу, а Давыдов остался в Москве еще на полгода. Он возвратился домой, когда уже начиналась зима. А спустя три года скоропостижно скончался от разрыва сердца в собственном кабинете, за письменным столом. По высочайшему соизволению Денис Давыдов был похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря, слева от входа в Смоленский собор. Впоследствии там же были похоронены его жена и дети. Судьба Евгении Золотаревой затерялась в селе Рузвечи Пензенской губернии — владении Василия Осиповича Магнева. Но осталось лучшее стихотворение Давыдова, входящее с тех пор во все антологии русской любовной лирики:

*Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольной,
Кольшет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!*

ИНЖЕНЕР

Фамилия: Солдатов. Имя: Владимир. Отчество: Иванович.

Просто, без вычурности. А если к этому добавить социальное и семейное положение: женатый инженер с двумя детьми, то и вовсе понятно — вот он, наш среднестатистический россиянин, которому нынче вроде бы не до смеха.

А он смеется. И заставляет смеяться нас. Иногда — сквозь слезы. Смех этот я бы назвал лечебным. Точнее, хирургическим. Ибо он отсекает в нас самих дурь, самомнение, амбициозность. То есть, почти по Родену, все лишнее...

Рисунки его тоже просты: штрих, минимум интерьера, никаких пейзажей и прорисовок. Обычный среднестатистический человек в необычной (чаще всего — экстремальной) ситуации. Ну прямо-таки как в сегодняшней жизни.

— Твой герой, это человек из толпы?

— ...но зашедший в комнату смеха. Я беру его как бы из зеркального отражения.

— Не слишком ли сложно?

— Что ты, проще простого. Мы себя и друг друга только так и видим...

Ему 54 года. Минимум сорок из них он рисует. А, кроме рисования, за это время успел закончить школу, институт и вдоволь поработать инженером-механиком. Он и сегодня инженер. Сменный. То есть 12 часов работает и вдвое больше отдыхает, воспитывая детей, бегая по магазинам, вытряхивая половики и чистя картошку. Рисует карикатуры. Причем, очень и очень неплохо рисуя. О чем свидетельствуют различные дипломы и премии из Турции, Японии, Югославии, Италии.

— Твоя первая карикатура...

— Была опубликована в газете «Труд» на радость всем членам профсоюза.

— Нет, самая-самая первая?

— В школе, в стенгазете, без подписи...

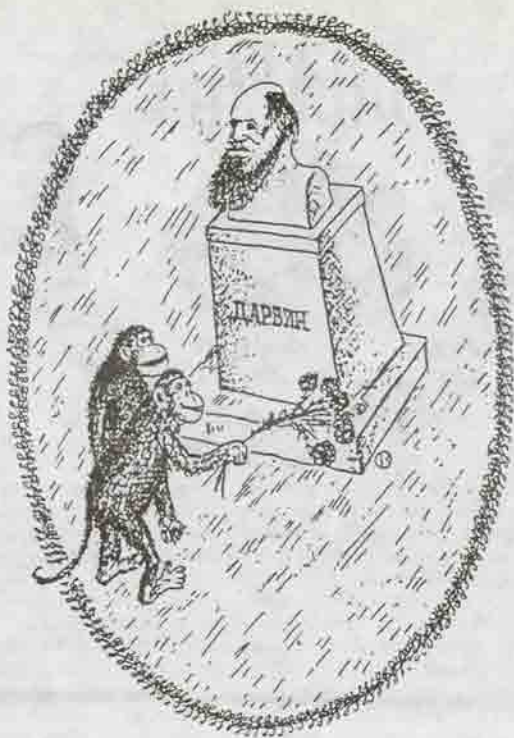
— Это скромность или предусмотрительность?

— Я бы сказал, предусмотрительная скромность. Почему-то считалось, что я искажаю действительность. Думаю, наоборот: действительность искажала нас.

— А нынче?

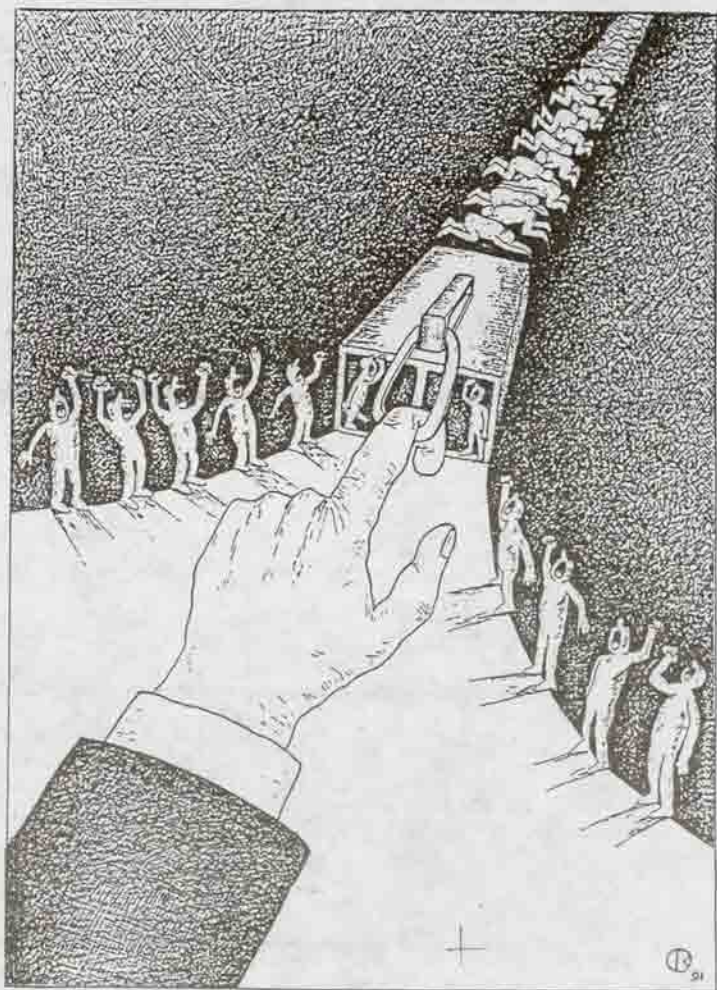
— Я уже говорил про комнату смеха. Давай там пока и остановимся...

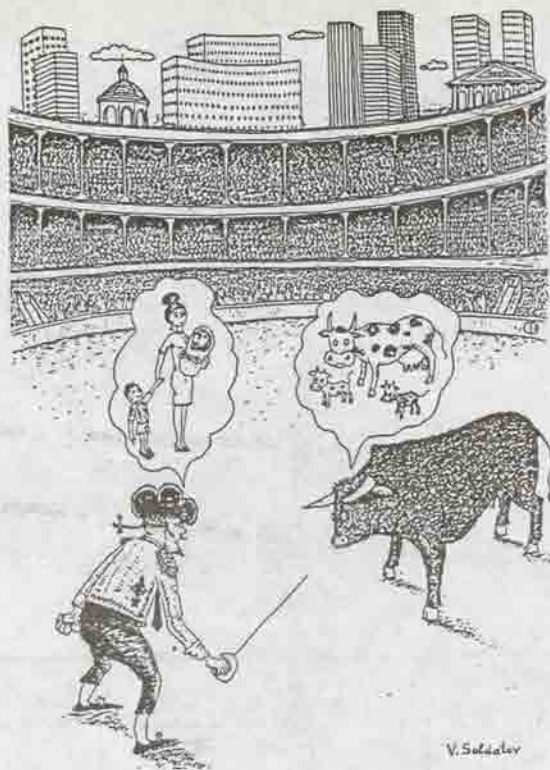
В. ГУРИНОВИЧ

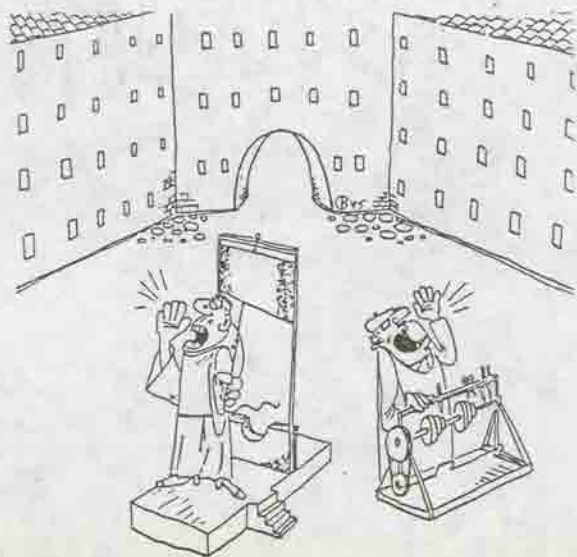

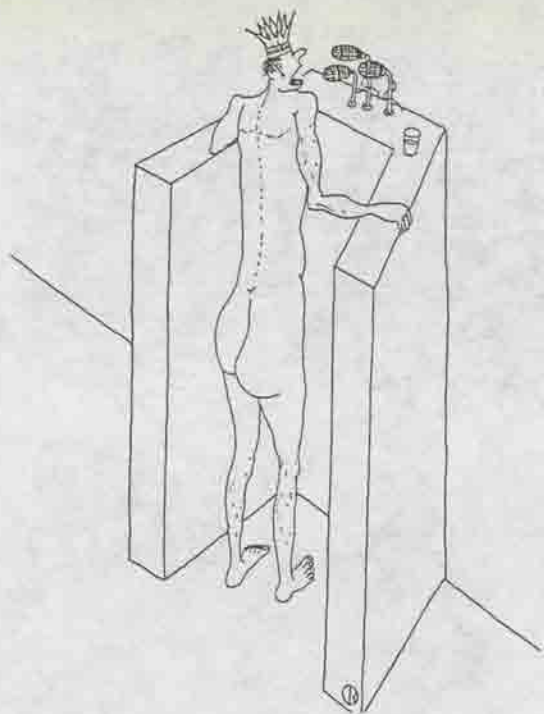
V. Solodov

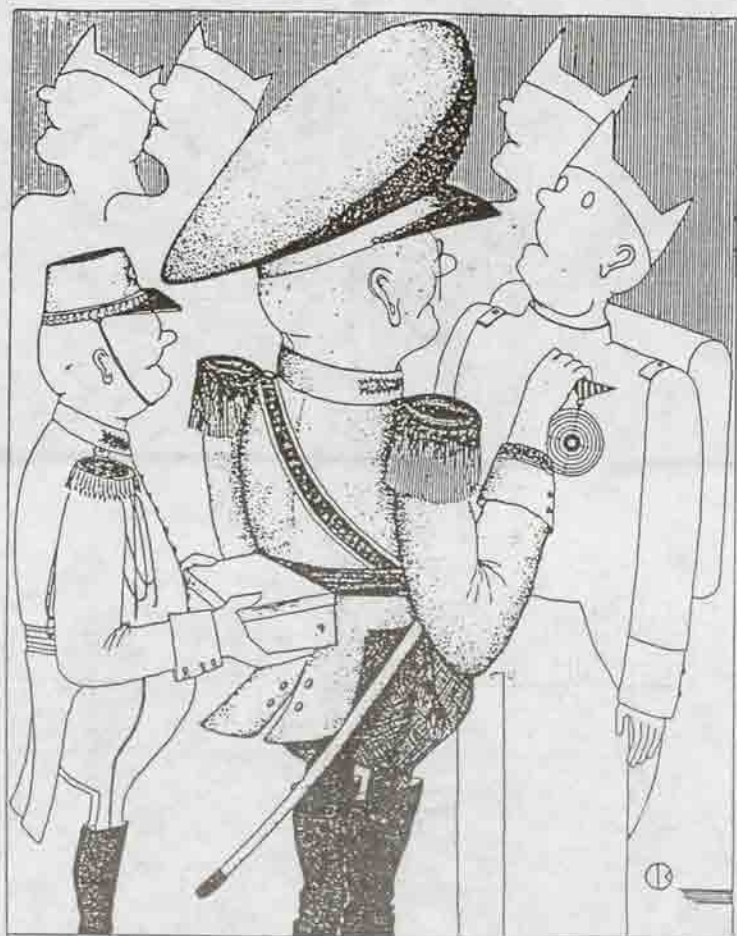

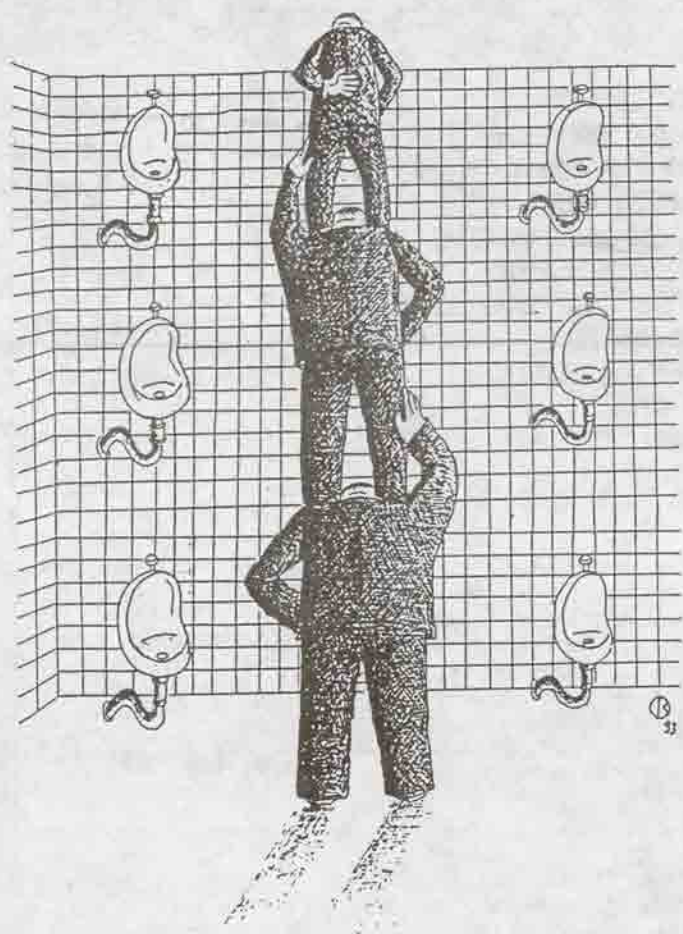

V. Solodov

**ГРИГОРИЙ
КИПЕРМАН,**

**доктор
экономических
наук**

ДОХОДЫ

**Считать деньги
в чужом кармане —
одно из любимых
занятий россиян.
Но ученые-экономисты
заняты этим не из
праздного любопытства.
По состоянию
семейного бюджета
можно судить,
как живет страна.**

Жить стало веселей?

За четыре первых месяца этого года, по сравнению с тем же периодом прошлого, выросли, как ни странно, не только номинальные доходы населения (более чем в девять раз) — увеличились доходы реальные. (Номинальные доходы — деньги, которые получает человек. Реальные — учитывают рост цен.)

Да, цены поднимались. Но номинальные доходы поднимались еще быстрее. Поэтому фактический прирост (а значит, и средний уровень жизни) увеличился примерно на 10 процентов.

Ура?! Но радость омрачается тем, что по сравнению с 1991 годом реальные доходы ниже приблизительно на 40 процентов.

К тому же «население» у нас разное. Средний показатель уровня жизни напоминает среднюю температуру по больнице — она нормальная, даже когда у половины больных жар. Есть данные, что доходы зажиточных людей увеличились за год на 20 процентов. Значит, если получился средний показатель (10 процентов роста), у бедняков заработки упали. Нувориши становятся богаче, нищие — беднее.

Разрыв между самыми богатыми и самыми бедными в России огромен. Доходы десяти процентов наиболее обеспеченных людей превышают доходы десяти процентов наименее имущих в 11 раз! (В развитых государствах — в 6—8...) По социальному расслоению мы быстренько обошли державы, которые в течение десятилетий называли «странами контрастов».

Образумьте директора!

Зарплата растет. И быстрее, чем цены. Но производство-то падает! Если бы заработок шел в ногу с ростом цифр на ценниках, все бы оставались «при своих». Зарплата увеличивается быстрее, чем цены — такое оправдано только при подъеме производства. Но подъема нет — есть спад.

Доходы увеличиваются у зажи-

И РАСХОДЫ

точных и богачей. Если бы они поднимались у малоимущих (даже не обеспеченные ростом производства) — никто бы не огорчился. Ведь ненормально, когда столько людей (25 миллионов) живут за чертой бедности. Но доходы растут у руководителей государственных и частных предприятий. Поэтому правильно делает правительство, что пытается регулировать зарплату.

Казалось бы, какое нам дело, сколько получают руководители завода, тем более приватизированного? Но давайте взглянем на «настоящую», то есть западную, рыночную экономику.

Рабочая сила там — такой же товар, как спагетти, бриллианты или машины. Цена ее, как на любом торжище, зависит от спроса и предложения. Продавец-работник набивает себе цену, хочет получить зарплату побольше. Покупатель-бизнесмен стремится дать поменьше. Если он будет «добреньким», сам останется без штанов. Там есть мощное противодействие росту зарплаты.

У нас подобного противовеса нет. Наш директор только называет себя предпринимателем. Будь он бизнесменом, он в первую очередь стремился бы увеличить прибыль. А он гонит зарплату. Бойтся, как бы рабочие не были недовольны. Ну и себя не забывает.

Во множестве мест у директора

зарплата в пятнадцать, двадцать раз выше, чем средняя по заводу. А свежеиспеченные акционеры — их уже в мае было около 50 миллионов — не только не противодействуют этому, но даже не знают, что вправе это делать.

Наша главная проблема: экономическая неграмотность. Надо бы людям знать: они акционеры — значит, хозяева. А руководители работают у них по найму. Именно они, акционеры, определяют оплату труда, на общем собрании устанавливают зарплату директору. Стоит только сделать это, автоматически определится заработок других должностных лиц. Ведь вряд ли директор согласится, получая 500 тысяч, давать своим «замам» и «помам» больше.

И, конечно, никак не останавливают зарвавшихся директоров щадящие налоги. Во многих странах действует золотое правило: очень большие доходы облагаются сверхвысокими налогами. Отечественная фискальная система только называется прогрессивной (то есть такой, при которой ставка налога растет с увеличением дохода). Так ее обозвали законодатели из рекламных соображений: мы, мол, заботимся о благе народа. Что ж в ней такого прогрессивного? Всего три ставки налога: 12 процентов от заработка, 20 процентов, 30 процентов. Для человека, который получает 10 миллио-

нов в месяц (а таких сейчас немало), отдать треть не потеря. В других странах при сверхдоходах ставки налога куда круче: и 60 процентов, и 70, и 80...

Профессор — слесарь

Порой говорят: «Народ живет не так плохо, как кажется. Вы посмотрите, сколько людей торгуют. Ведь их приработок статистика не учитывает. А он — ого-го-го какой!»

Не так уж торговцев и много. Они просто в глаза бросаются. Конечно, если учесть «левые» заработки, у нас будет не 25 миллионов малоимущих, а 21 или, например, 23 миллиона. Но учет «челноков» и «ларечников» существенно картину не изменит. Большинство россиян имеет один источник дохода — зарплату.

Да, подвезды увешаны объявлениями: «Стекло лоджии», «Выведу тараканов», «Ремонтирую телевизоры»... Заработок этих «кустарей-одиночек» статистика в общем-то учитывает. Допустим, я заплатил плотнику за то, что он сделал форточку, 10 тысяч. Я поделился с ним моей зарплатой. Она-то не выросла! Как была 100 тысяч, так и осталась. Его заработок нигде не нашел отражения. Но сумма-то осталась прежней. Когда имеешь дело с массой людей, все учтено.

К тому же у нас пока мало подрабатывают «на стороне». В Польше и Венгрии уровень вторичных доходов — около 50 процентов от того, что люди получают на основной работе. У нас на каждый рубль, заработанный на первом рабочем месте, приходится только тридцать копеек, полученных на втором. Но с каждым годом люди все больше и больше подрабатывают.

И, конечно, вырастет доля предпринимательских доходов. Сейчас около 70 процентов доходов россияне получают в виде зарплат. 30 процентов — от предпринимательской деятельности. Цифры, естественно, средние. Те, кто бизнесом занят, зарабатывают больше. Зато их самих меньше, чем тех, кто живет на жалованье. Но с каждым месяцем доля доходов от бизнеса в «совокупном кармане» россиян повышается. К концу года она, думаю, 50 процентов достигнет.

Что ж, хочешь жить — умей вертеться.

Глупость хуже корысти

Очень много у нас людей, которые почти все свои заработки тратят на питание.

Существует железный закон: чем меньше семья получает, тем большую часть своих доходов ей приходится расходовать на продукты. Малообеспеченные, а их, напомню, около 25 миллионов, практически не могут покупать одежду, обувь, не говоря уже о мебели или бытовой технике. Они не в состоянии подписаться на газеты и журналы, сходить в кино или в театр. Около 90 процентов средств у них уходит на еду. Остальное — на оплату жилья и коммунальных услуг.

Не может быть ни довольным, ни хотя бы удовлетворенным человек, который работает только чтобы не умереть с голоду. У которого нет возможности нормально отдохнуть...

Чтобы облегчить жизнь, многие власть имущие предлагают: «Давайте повышать зарплаты». Президент России даже издал указ, что пенсии надо пересматривать раз в три месяца. Это классический пример того, как мы боремся не

с причинами, а со следствиями. Количество материальных благ не увеличится, хоть каждый день зарплаты пересчитывай. Повысят пенсии — вскорости за этим цены подтянутся и «съедят» прибавку. И не только прибавку сожрут, но и дополнительный кусок ухватят. Есть закономерность: когда производство падает, стоит увеличить зарплаты (и пенсии) на 10 рублей — цены поднимутся на 12.

Почему цены опережают выплаты? Да потому, что каждый торговец хочет себя обезопасить. Допустим, я, продавец, приобрел где-то товар оптом. Я знаю, что цены растут. Но насколько они поднимутся — не могу угадать. Поэтому в цены, по которым торгую в своем магазине, закладываю запасец. Я ведь рискую: вдруг цены поднимутся больше, чем обычно? Тогда я останусь на бабах...

И этот «запасец» продавца куда как велик. Наши торговцы сахаром, например, так взвинтили цену, что она значительно превысила мировой уровень! А стоит правительству заговорить, что надо регулировать цены, — поднимается переполох. Да, наверно, всюду и везде их устанавливать не нужно. А на отдельные товары (хлеб, молоко, крупы...) — можно и нужно.

Ведь вы посмотрите: торговая накрутка сплошь и рядом больше, чем цена производителя! Недавно я разговаривал с директором птицефабрики. «В нашем поселке, — рассказывал он, — мы продаем цыплят по 1200 рублей за килограмм. Но поселок небольшой, мы можем десять таких обеспечить. А в городе торговля не берет. Все, говорят, вашей птицей забито. Поехал я в город. Смотрю: наши цыплята лежат в магазинах по 2600! Как так?! Мы же изготовители! Сколько мы на корма тратим! А труда сколько!.. И выходит:

нам — 1200, а торговле — 1400!.. Это разве нормально?»

Конечно, ненормально. И ничего страшного, если было бы какое-то регулирование. А мы все боимся — вдруг кто-то из западных друзей заявит: «Они не считаются с требованиями рынка!»

Чего боимся-то? Неужели чье-то постороннее мнение для нас важнее благополучия народа?

Не надо ничего доводить до абсурда. За рубежом во многих странах упорядочивают цены на продукты. В Южной Корее и Японии в течение десятилетий регулируют стоимость риса — что, эти страны перестают из-за этого быть рыночными?!

Ханжество

Закрываются заводские пионерлагеря. Дома отдыха отдают коммерсантам. Нет денег содержать детские сады...

Бесплатные и льготные путевки раньше существенно увеличивали реальный семейный доход. Теперь платить за социальную инфраструктуру предприятия становится не под силу. Но вы слышали, чтобы кого-то в правительстве это волновало? «Это дело предприятий, — говорят там. — Мы не имеем права вмешиваться».

Ладно, не вмешивайтесь. Но помочь вы все-таки в силах. Вот и в законе записано: предприятие освобождается от налога на ту часть прибыли, которая пошла на содержание социальных и культурных объектов. Стало быть, если завод получил прибыль 100 миллионов, а 20 миллионов из них потратил на свои пионерлагеря, детские сады, дома отдыха — налог он платит только с 80 миллионов. Хороший закон! Но дальше — оговорка: «...в пределах нормативов, утвержденных мест-

ными органами власти». А эти нормативы повсюду ниже, чем нужно. Смотрю по Петербургу: в четыре раза меньше!

Вроде бы льгота дана. А на самом деле — показуха. Только чтобы отчитаться: вот как мы заботимся о предприятиях.

Блеф, а не забота!

Ублюдочный рынок

На предприятиях месяцами не платят зарплату. Сорок процентов работающих в мае еще не получили за апрель. От этого люди больше страдают, чем от маленьких окладов. И так зарплата 100 тысяч, а когда ее выдадут, она на 20 процентов обесценится. Поэтому взаимные неплатежи не только производственная проблема. От этого зависит уровень жизни.

Разговаривал я с директором химзавода. У предприятия на валютном счете — 40 миллионов марок, то есть примерно 50 миллиардов рублей. При этом завод задолжал поставщикам 15 миллиардов рублей. Так возьми с валютного счета, расплатись! «Не-ет, — говорит директор — Мне потребители должны 20 миллиардов. Пусть отдадут. А валюту я трогать не буду». И все на предприятии его поддерживают. Наверное, с точки зрения одного завода — подход правильный. А с точки зрения всей экономики — ошибочный. Расплатись он с теми, кто поставил сырье, — они рассчитаются за электроэнергию, газ. Энергетики, в свою очередь, расплатятся с угольщиками. Угольщики — с металлургами и лесозаготовителями... Вся система придет в движение!

Если б это от меня зависело, я бы принял решение о безакцентном (то есть обязательном) списании средств с любых счетов пред-

приятия на погашение долгов. У завода ведь может быть множество счетов, даже вклады в коммерческом банке, чтобы росли проценты. И вот какое-то предприятие должно поставщикам миллиард, а 500 миллионов лежат у него в банке, процентами обрастают. Возьми рассчитайся! Надо же заботиться о престиже фирмы! Доверие-то к тебе подрывается! Нет, никого это не волнует. Потому что никакого рынка у нас нет, есть только движение в его сторону. До настоящей рыночной экономики, когда каждый дорожит клиентом, когда покупатель дороже денег, нам еще шагать и шагать...

В Тюмени лучше, чем в Москве, а в банке лучше, чем в забое

Очень по-разному зарабатывают наши сограждане в зависимости от того, где живут и в какой отрасли работают. Разрыв непомерно велик. Нефтяник на Севере получает в пять-шесть раз больше, чем в центре России. Конечно, северные цены выше. Но только в два-три раза... Такие различия в оплате чрезмерны.

Огромная разница в заработках по отраслям. Больше всех получают банковские служащие. На втором месте — работники страховых компаний. Далее идут нефтяники. Затем — газовики. Только потом — шахтеры. На шестом месте — металлурги.

Разве это нормально? Нет. По нескольким причинам.

Во-первых, разрыв в оплате чрезмерно велик. Рабочий-строитель, которому посчастливилось трудиться в нефтяном тресте, получает около миллиона в месяц. Его коллега, выполняющий точно

такую же работу в московском управлении, зарабатывает 230 тысяч. Никаких оснований для такой большой разницы нет.

Совершенно неправомерен отрыв доходов служащих банка или страховой компании от, скажем, работников машиностроения. Первые получают больше в восемь—десять раз. Машинистка в банке зарабатывает больше, чем главный конструктор соседнего машиностроительного завода! Кто же в таких условиях будет приобретать нужные обществу профессии? Зачем учиться, когда выгодней мыть полы в страховой конторе?

К тому же отраслевая разница в оплате больше, чем профессиональная. Профессиональная оправдана. Отраслевая не очень. Ясно, что шахтер должен зарабатывать много. Кроме тяжелого труда, он еще рискует. Но почему инженер, который сидит за столом в шахтоуправлении, получает в пять-шесть раз больше такого же инженера-машиностроителя? Может, у него производительность выше? Результаты феноменальные? Нет, только потому, что он в угольной отрасли работает.

Профессиональную разницу в оплате надо поддерживать. Она стимулирует идти в те же шахтеры. Но никак не отраслевое различие. Оно, различие отраслевое, перекачивает самых мобильных в те учреждения, где за такую же работу можно получать в несколько раз больше.

Отнимать, конечно, у людей ничего нельзя. Что, пытаться снижать зарплату? Нет, надо дальнейший рост ставить в зависимость от объективных факторов, а не от того, где человек живет и в какой отрасли работает.

Очень средний класс

Средний класс — основа стабильности любого государства.

К среднему классу можно отнести человека, который зарабатывает столько, чтобы удовлетворить все свои разумные потребности: иметь дом, машину, ездить на море, ходить в театры и рестораны... В развитых странах в средний класс попадают практически все работающие. Рабочему на конвейере «Фольксвагена», который получает 3 тысячи марок в месяц, хватает этих денег на достаточно высокий уровень жизни.

Средний класс своим существованием устраняет причину социальных взрывов. Крайние экстремисты есть везде. Но сами они погоды не делают. Средний класс доволен. Человек из «мидл класс», имея работу, практически не испытывает материальных проблем.

В развитых странах к этому классу относится как минимум половина населения. А у нас?

Всего около восьми процентов россиян имеют доходы значительно выше среднего уровня. Нет, они не богачи. Миллионеров среди них мало. Большинство даже трудно назвать зажиточными (по западным меркам). Только около семи процентов населения (если отбросить богачей и сверхбогачей) составляют в России средний класс.

Шаткая опора.

Десять долларов на черный день

Когда меня спрашивают, применю ли я свои знания, чтобы планировать семейный бюджет, я только развожу руками. «По одежке протягивай ножки» — народная мудрость исчерпывает все экономические выкладки.

И если даю какие-то советы (например, своим уже взрослым дочерям), то в меньшей степени опи-

раюсь на экономическую теорию, а в большей — на житейский опыт немолодого уже человека. Первое, что я мог бы порекомендовать: надо откладывать на «черный день», «Черный день» — не обязательно старость или болезнь. Это время, когда наших доходов не будет хватать — объективно! — для наших расходов. Вдруг, не дай Бог, понадобится срочный ремонт в квартире. Сломается холодильник. Или надо экстренно помочь родственнику или близкому другу... Да мало ли что в жизни бывает.

За границей сбережения «на случай чего» — вещь обычная. Экономнее всех японцы. Они откладывают, согласно статистике, в отдельные месяцы до 24 иен из каждых ста заработанных. Американцы — 12 долларов из сотни. Россияне — всего 7—8 рублей из ста.

Иметь резерв — закон существования любого организма. Общественная жизнь тоже этим законам подчиняется. Без резерва мощности предприятие не будет работать. Без финансового резерва семье не прожить.

Как уберечь деньги, чтобы их не съела инфляция? Подробно я писал об этом во втором номере «Смены» за нынешний год. Коротко повторюсь: не надо хранить сбережения в наличных рублях. Казалось бы, это очевидно. Все знают: цены растут. Но все равно около 70 процентов накоплений россиян лежат в «кубышках». Хотя бы отнесите их в сберкасса! Или купите доллары. А лучше положить деньги под проценты в надежный коммерческий банк.

На Западе многие держат сбережения в акциях. Был я в гостях у очень обеспеченного немца и с удивлением узнал, что у него практически нет денег на счету. Однако есть акции на 140 тысяч марок. «Надежное предпри-

ятие, — говорит, — Акции его еще родители начали покупать. Они и детям моим пригодятся».

Сейчас акционерные общества наперебой соблазняют: «300 процентов годовых!.. 2000!.. 3000!..» Надо, конечно, с большой опаской подходить ко всяким новоявленным «концернам». Сколько их уже «крахнулось»? Сколько вкладчиков с носом остались!.. На акцию не стоит смотреть как на средство, которое озолотит вас завтра же. Ценные бумаги надежного предприятия (золотодобывающей компании, например, или бумажного комбината, или нефтеперерабатывающего завода) скорее нечто вроде фамильных драгоценностей, от матери к дочери передающихся.

Надо ли скрупулезно, изо дня в день, записывать все свои траты, как это делают, например, немцы? («Супруг, убитый лавочкой и флюсом, подсчитывает месячную убыль» — Саша Черный.) Я не записываю доходов-расходов. И не думаю, что это так уж обязательно. Но в течение одного-двух месяцев фиксировать свои расходы, полагаю, стоит. В конце такого «эксперимента» вы сможете понять, в чем вы излишне расточительны. Где можно сэкономить.

Сейчас стремительно устаревает глагол «достать». Купить все можно. Большая экономия, замечу, приобретать товары оптом. (Конечно, не скоропортящиеся продукты.) Оптовых складов и магазинчиков все больше. И если у вас, например, есть противная привычка курить — куда выгодней в день зарплаты купить 30 сигаретных пачек, чем по пачке — каждый день. На пятьдесят процентов экономия! Таким же манером можно запастись и мылом, и консервами, и кофе...

Но все-таки лучше прилагать

усилия не на то, чтобы экономить, а чтобы заработать. Человек, который является профессионалом, не имеет морального права жаловаться на маленькую зарплату. Если он дело знает, на его знания всегда найдется спрос. Всегда! И нужно свое профессиональное умение использовать, свои связи, опыт, а не на чужое дело бросаться. Конечно, профессор, чтобы подработать, может и улицы подметать, но своей головой он больше заработает.

Откровенно скажу: мне зарплаты в научном институте только-только на еду хватает. Что ж, пишу статьи, книги, лекции читаю. Консультирую руководителей предприятий. На экономистов сейчас, правда, спрос особый. Но вот мой знакомый, специалист в энергетике, сконструировал эффективный медицинский прибор. Другой, социолог, исследования для рекламной фирмы проводит... И куда больше они зарабатывают, чем если бы метлой махали.

...Мы заглянули в кошельки россиян. Для экономиста интерес к карманам чужим оправдан. Для «просто» гражданина — не очень. Куда полезней своему кошельку больше внимания уделять.

Наверное, это пожелание, как и некоторые другие мои советы, покажется занудством. Как, вероятно, представляются тягомотиной слова Бенджамина Франклина, одного из отцов-основателей США: «Если вы в молодости промотаете пять шиллингов — возможно, вы промотаете состояние, которое к старости выросло бы у вас из этих монет». Однако напомним, что на идеях Франклина не только американская конституция зиждется, но и философия знаменитого, пресловутого американского практицизма.

А результат этого практицизма — налицо.

ПАМЯТНИК БУДУЩЕМУ

Российский народ всегда жил и живет во многом за счет той таинственной энергии, которую он получает из будущего. Вера в особое будущее страны была и остается основой основ русского общественного сознания.

Почти два года прошло с тех пор, как «Гермес» объявил конкурс работ по проблемам социально-экономического и духовного возрождения России. Несколько тысяч человек прислали свои тру-

ды, подчас это итоги многолетних размышлений о судьбе всей страны, своего края, города или села. И хотя работы написаны людьми, придерживающимися разных политических пристрастий, во многом полемизирующих друг с другом, но, анализируя всю совокупность присланных на конкурс материалов и исследований, мы неожиданно увидели, что имеем дело как бы с коллективным разумом страны. Для нас стало оче-

видным, что все мы живем в едином духовном пространстве, смысловые доминанты которого определяет вся — без «вычеркиваний и отряхиваний» — история России, видение ее будущего, наша общая вера и надежда. Характерно, что у авторов работ, присланных на конкурс «Гермеса», взоры устремлены не столько в прошлое России и СССР (каждая страница которого достойна уважения), сколько на годы и десятилетия вперед, в XXI век. Мало кто сомневается, что по историческим меркам очень скоро России предстоит выполнить на планете особую миссию.

За русскими не случайно укрепилось имя народа-богоносца. Неудержимая устремленность к будущему давала сверхчеловеческие силы как большевикам, мечтавшим через 10—15 лет построить рай на земле, так и их тогдашним противникам, способным «на краю могилы молиться кротко за врагов». Для любых преобразований, любых реформ на протяжении столетий смыслом и оправданием была вера в особое будущее страны, находящейся под покровительством Богородицы. Мы видим ее у Ивана IV, Петра I, Александра II, старца Филофея и протопопа Аввакума, Суворова и Скобелева, Горчакова и Столыпина. Особый взгляд — с космической высоты — мы находим на вершинах русской поэтической и философской мысли. В сегодняшнем дне наши соплеменники всегда искали отблеск будущего. Вспомним хотя бы оценку Пушкина, данную Гоголем: «Русский человек в его развитии, в котором явится он, может быть, через 200 лет». Предуказанная великим писателем-мистиком дата скоро наступит. Но мировой цивилизации предстоит пережить в это время жесточайший кризис, о котором

предупреждал еще Мишель Нострадамус. И он же говорил о спасительной, провиденциальной роли России в XXI веке. Прозрения Нострадамуса совпадают с оценками многих мыслителей последних десятилетий.

Есть общие закономерности в развитии цивилизации. И если в одной стране — особенно такой, как Россия, — происходят коренные изменения, они неминуемо затрагивают весь мир. Обновление, возрождение, одухотворение России придаст новые силы всему разувверившемуся в высоких идеалах человечеству. Чаадаев писал, что Россия существует и для того, чтобы дать миру какой-то очень важный урок. Наверное, каждая страна, каждый народ играют незаменимую, уникальную роль в мировой истории. Но ведь в материалистическом, насквозь пронизанном потребительством мире, только России вплоть до конца XX века удалось сохранить способность жить ради высших, надчеловеческих — и потому подлинно человеческих — целей.

Многие наши авторы доказывают, что через 20—30 лет России предстоит стать процветающей страной, которая первой перейдет к иному, духовно-экологическому типу развития цивилизации. Природа и недра Земли больше не могут выдержать все возрастающую нагрузку для удовлетворения преимущественно искусственных, навязываемых западному человеку потребностей. На Западе давно уже сделали выбор между «иметь или быть», но иметь столько, сколько там привыкли, становится объективно невозможным. Источаются ресурсы нефти, разрушается озоновый слой, гибнут леса и их обитатели, загрязняются родники, реки и моря. В мировой истории заканчивается длительный этап развития.

У нас так и не прижились американские ценности и ориентиры, стремление к осуществлению «американской мечты» заведомо неспособно воодушевить на великие дела наших людей. В России иное представление о счастье: Излюбленных некоторыми средствами массовой информации «новых русских» пока еще горсточка, да и те, если чуть копнуть, никакие не «новые» — изменить национальный менталитет за 3—5 лет просто невозможно. В наших людях очень глубоко сидит отношение к жизни, характерное для отцов, дедов, прадедов: стремление к высшей правде, дух соборности, неприятие узко-эгоистической морали и примата сиюминутных интересов. В отличие от американцев личное богатство не стало и, видимо, никогда не станет у нас вызывающим всеобщее уважение символом и мерилом жизненного успеха. Напротив, если о человеке известно, что он достаточно состоятелен, то — в любом случае, даже когда законность нажитого не вызывает никаких сомнений, — приходится сталкиваться с определенным предубеждением, растопить которое нелегко. Вера и идеалы предыдущих поколений не могут быть просто отброшены, а тем более осмеяны. Бесполезно искать рациональные аргументы для убеждения миллионов россиян в том, что внутренний строй жизни, сохранившей тепло человеческих отношений даже после страшных испытаний XX века, нужно менять на нечто иное, чужое и холодное. Все эмигранты «третьей волны» с ностальгией вспоминают атмосферу общения в маленьких московских и петербургских кухнях, они рвутся в Россию, чтобы просто поговорить по душам. Нам же нужно просто не подавлять, не замалчивать тради-

ционно русское мировоззрение, философию жизни, естественную для нас, как дыхание. Она проявляется в иконах и архитектуре церквей, в трудах философов и мыслителей, в русской классической литературе. Органически входит в наш духовный мир музыка «Прощания славянки» и «На сопках Маньчжурии», «Священной войны», «Москвы златоглавой» и «Поручика Голицына». В конкурсных работах очень часто звучит вопрос: почему патриотические песни почти не исполняются по радио и телевидению? Нам напоминают: еще Суворов говорил, что половиной побед русская армия обязана музыке.

Гражданская война заканчивается, в ней не оказалось победителей и побежденных. Мы, сегодняшние, единственные наследники и белых, и красных. Это объективный факт, от которого никуда не денешься. А как писал Пушкин, «гордиться славой своих предков не только можно, но и должно». Лихие рубаки Первой конной до конца жизни могли ничего не знать о зверствах ЧК. Честно признаем, что их личное мужество и благородство были такими же, как у «дроздовцев» и «капелевцев». Нельзя вычеркнуть ни одного дня из нашего прошлого. История так же энергетически подпитывает нас, как и вера в будущее, дает силы, заставляет «держаться общий строй», равняться на духовную высоту всех без исключения поколений предков. Отцы и деды жили ради величия России, работая иногда по 12—14 часов, часто отказываясь от самого дорогого для себя, делясь последним с ближним, с тем, кто оказывался рядом. И почему же при обсуждении этих бесспорных фактов некоторым приходят в го-

лову не ассоциации с великими римлянами, поражающими воображение потомков именно преданностью Родине и верностью товарищам, а измышления о «нации рабов»? Братское отношение к людям коренится в России не в надуманном лозунге «Свободы, равенства и братства», а в принятом всем сердцем учении Христа.

Так что же нужно делать? Итога мнения тысяч людей, мы можем сказать: необходимо провести зримую черту между прошлым и будущим, нужно показать, что не просто окончились годы «перестройки»: в нашей стране пришел конец целой эпохе — десятилетиям бурного, смутного, героического, смятенного, подросткового переходного периода. Эта «подростковость» — по космическим масштабам и по тому, что еще предстоит сделать. Сегодня настало время равно отдать долг памяти

и жертвам коммунистического режима, и тем, кто сражался по обе стороны баррикад и просто верно служил Отчизне, держась подальше от всякой власти и политики. Нам нужен общий памятник, памятник примирения всех россиян и возвращения к общим истокам. Таким памятником — общенациональным символом, — по общему мнению, должен стать Храм Христа Спасителя. Свою лепту в его строительство сможет внести великий князь и потомственный крестьянин, правнук комиссара и белого генерала, бывший коммунист и бывший демократ. И, конечно, просто десятки миллионов наших соотечественников, верящих в Бога, Россию и ее будущее.

ВАЛЕРИЙ НЕВЕРОВ,
концерн «Гермес»,
АЛЕКСАНДР ИГОЛКИН,
Госакадемия управления

получите квартиру от «ГЕРМЕСА»

С тех пор, как читатели «Смелые» узнали из публикации журнала (№ 5, 1994 г.) о том, что «Гермес» приступил к осуществлению грандиозной жилищной программы для своих акционеров, в редакцию пришло много писем. И акционеры концерна «Гермес», и «простые граждане России», как называет президент концерна Валерий Неверов всех, кто еще не стал партнером этой народной структуры, просят подробнее рас-

сказать о том, как, где, сколько, почему, когда и т.д. нужно приобрести акций, чтобы наконец-то получить жилье, которого они так и не дождались от родного государства.

Мы выбрали самые типичные вопросы, ответы на которые как раз и помогут вам, дорогие читатели, получить исчерпывающую информацию о такой животрепещущей и острой проблеме, какой стало в нашей стране жилье. Обрати-

лись мы за разъяснениями к сотрудникам консультационной службы «Гермеса».

Сколько надо иметь акций, чтобы получить квартиру?

Пакет из 500 акций дает сто-процентную гарантию на получение однокомнатной квартиры. Пакет в 1000 штук принесет вам 2-комнатную, в 1500 штук — 3-комнатную, в 2000 штук — 4-комнатную квартиры. А вот тем, кто мечтает об отдельном коттедже, необходимо набрать пакет в 3000 акций.

Где и за сколько можно приобрести акции концерна «Гермес»?

Купить акции можно в центральном фондовом магазине «Гермес» в Москве, на ул. Каланчевская, 2 (рядом с м. «Красные ворота»), а также в большинстве почтовых отделений и в филиалах Московского Сбербанка, через дилерскую сеть во всех районах столицы и более чем в 100 городах России и СНГ. Адреса и телефоны отделений «Гермеса» можно узнать в справочной службе «Гермеса» по многоканальному круглосуточному телефону в Москве: 262-10-11 или в автоматической справочной службе «Гермеса» в Москве по телефону: 972-59-59.

Магазин на Каланчевской работает без выходных: в будние дни — с 8 до 20 часов, в выходные — с 9 до 16 часов.

Цена акций концерна «Гермес» не постоянная, она возрастает на 500 рублей в неделю. До 30 апреля одну акцию можно было купить за 20 тысяч рублей или обменять на один ваучер, после 1 мая — за 25 тысяч рублей или за два ваучера. В июне цена одной акции концерна «Гермес» — 30 тысяч рублей, в июле — 35 тысяч рублей и т.д.

А по номиналу — за 10 тысяч

рублей — их купить невозможно?

Такая возможность у вас есть, если вы приобретете Жилищный опцион на предьявителя.

Опцион — это вид ценной бумаги типа векселя. Именно Жилищный опцион дает гарантию на приобретение в дальнейшем акций по их номинальной стоимости. Важно, что номинальная стоимость опционов будет засчитываться вам при покупке акций четвертой эмиссии. Особенно ценно, что Жилищные опционы будут участвовать в розыгрышах жилья на общих условиях так же, как и отдельные акции концерна «Гермес» с одинаковым шансом на выигрыш, хотя стоят они намного дешевле акций: 10 тысяч рублей — номинал опциона.

Единственное отличие опциона от акции в том, что по нему не выплачиваются дивиденды. Все средства, полученные от продажи опционов, направляются только на строительство жилья для акционеров.

Где набрать столько денег простому человеку, чтобы выкупить сразу полный пакет акций хотя бы на однокомнатную квартиру?

Ну зачем же сразу? Собрать пакет можно постепенно, приобретая акции в разное время, как бы в рассрочку покупая квартиру. Заметьте, что все акции — всех выпусков — имеют одинаковую силу. Поэтому свой полный пакет вы можете составить из тысячных, десятитысячных и стотысячных акций, которые будут выпускаться в дальнейшем. А если темп инфляции не снизится, в пакет могут попасть и акции с еще более высоким номиналом. Продаваться же акции будут всегда по цене, выше номинальной, ведь именно разница между рыночной и номинальной ценами позволит осуществлять широкомасштабное строи-

тельство с последующим розыгрышем жилья.

Необходимо отметить, что чем быстрее вы наберете пакет, тем дешевле обойдется квартира. Но в любом случае суммарная цена пакета акций окажется существенно меньше рыночной цены квартиры, которую получит владелец этого пакета.

Дают ли гарантию на получение жилья пакеты с другим количеством акций, не по 500, 1000, 1500, 2000 или 3000 штук?

В решении собрания акционеров от 2 марта 1994 года как раз заложено уменьшение обязательного пакета акций на однокомнатные и двухкомнатные квартиры одного класса. Они сильно отличаются друг от друга. Скажем, две однокомнатные стоят значительно дороже, чем одна двухкомнатная. Значит, если даже сохранится норма пакета в 500 акций для получения однокомнатной квартиры, сама жизнь внесет поправки, и 2-комнатная квартира будет меняться не на 1000 акций, а на гораздо более «тонкий» пакет. Но вместе с улучшением экономической ситуации в стране удастся уменьшить и базовый полный пакет для однокомнатной квартиры.

«Гермес» всегда представлял своим акционерам льготы, предусматривается что-либо подобное для владельцев «жилищных» акций?

Владельцы пакетов из 500 акций имеют право на дополнительное приобретение от 1 до 500 акций с 25-процентной скидкой от цены продажи на момент покупки дополнительных акций. А владельцы более дорогих пакетов получают право купить неограниченное количество акций с 30-процентной скидкой.

Обязательное условие для всех — предъявление при оформлении дополнительной покупки уже купленных ранее акций.

Со скидкой в 10 процентов от цены продажи могут приобрести от одной до десяти акций подписчики на газету «Гермес» на второе полугодие 1994 года.

Правда ли, что все владельцы полных пакетов акций станут новоселами к 1999 году?

Действительно, не позднее 1999 года все владельцы полных пакетов акций въедут в квартиры или коттеджи «Гермеса».

Как будут проводиться розыгрыши жилья и кто будет в них участвовать?

Начиная с 1996 года каждый год будет разыгрываться заранее определенное количество жилья, построенного концерном. Розыгрыши будут проводиться среди акционеров, сформировавших к тому моменту полные пакеты. Скажем, в 1996 году 10 процентов от построенных однокомнатных квартир будут распределены путем розыгрыша среди владельцев пакетов по 500 акций. В следующие два года разыгрываются 15 и 20 процентов однокомнатных квартир. По желанию к участию в этих розыгрышах могут присоединиться все владельцы более «тяжелых» пакетов с последующим их переформлированием. Такие же доли жилья будут разыграны и среди владельцев других пакетов акций.

Каким же образом смогут получить квартиры владельцы всего одной или даже нескольких акций, если к розыгрышам допускаются только владельцы полных пакетов в 500 и более акций?

Половина разыгрываемого жилья будет распределяться именно среди владельцев одной или нескольких акций, и каждая акция участвует во всех без исключения розыгрышах до тех пор, пока не выиграет. Но, если вы и не играете долгое время, все равно вы не прогадали, так как акции концерна «Гермес» дают высокий

и стабильный доход: дивиденды по акциям АО «Концерн Гермес» за 1993 год уже составили 700 процентов годовых.

Итак, единичные акции и Жилищные опционы участвуют в розыгрышах абсолютно всех категорий жилья — одно-, двух-, трех-, четырехкомнатных квартир и коттеджей. Таким образом, владелец даже одной акции может получить квартиру. Но не забудьте предварительно заявить о своем желании участвовать в розыгрыше в представительстве «Гермеса», ведь акции будут участвовать в розыгрышах не автоматически, а только по желанию их владельцев.

Если я живу в Иванове или Хабаровске, могу ли я, владея каким-нибудь полным пакетом, участвовать в розыгрыше квартир Москвы или Санкт-Петербурга?

Все владельцы пакетов акций концерна «Гермес» имеют право на участие в розыгрышах жилья в любом городе, в том числе в Москве и в Санкт-Петербурге. В этих двух городах уже ведется строительство первых четырех домов «Гермеса». Однако владельцы пакетов должны письменно известить АО «Концерн Гермес» о своем желании участвовать в розыгрыше жилья того или иного города.

Допускаются ли к участию в розыгрышах жилья «Гермеса» граждане других государств СНГ, желающие вернуться в Россию?

Безусловно. Помощь русским, проживающим в ближнем зарубежье, — одна из главных задач жилищной программы «Гермес».

Где доказательство, что «Гермесу» можно доверять?

«Гермес» — единственная в России компания, которая уже трижды реально и стабильно выплачивает доход своим акционерам. Десяткам тысяч акционеров ТНК «Гермес-Союз» были выплачены

за 1992 год дивиденды в размере 400 процентов годовых, а за первое полугодие 1993 года уже свыше 900 тысяч акционеров получили дивиденды в размере 500 процентов годовых. За второе полугодие 1993 года доход из расчета 600 процентов годовых получают свыше 2 миллионов акционеров компании. Общий же доход акционеров нефтяной компании «Гермес-Союз» за последний год превысил 500 процентов в валюте.

Этот факт говорит о надежности «Гермеса», что подтвердит любой человек, ставший акционером ТНК «Гермес-Союз» еще в 1992 году. Первая акция в сентябре 1992 года досталась ему за 10 тысяч рублей (67 долларов США по тогдашнему курсу). На нее он дважды в 1993 году получил дивиденды — в мае и в ноябре — в виде новых акций (произведя капитализацию дивидендов). За них он заплатил 20 тысяч рублей (17 долларов США). А в июне 1994 года он получил в виде дохода 477 600 рублей (250 долларов США) и имеет на руках пакет акций стоимостью 416 000 рублей (217 долларов США).

Таким образом, за истекшие два года доход акционера составил 2800 процентов в рублях, или 556 процентов в валюте: вложив в акции в общей сложности 84 доллара США, он получил 467 долларов США. Прибыль же акционеров, реализовавших все свои льготы по приобретению акций ТНК «Гермес-Союз» по номинальной стоимости, к сегодняшнему дню превысила 1000 процентов в валюте!

Если акционер использовал свой доход в виде покупки двух дополнительных акций с доплатой за каждую по 10 тысяч рублей, затратив на эту операцию 320 тысяч рублей (167 долларов США), он становится обладателем пакета из 48 акций общей стоимостью 1 248 000 рублей (652 доллара

США), который приносит ему ежемесячно доход — за счет повышения курса скупки акций — в 48 000 рублей, или 25 долларов США.

За акциями и Жилищными опционами обязательно надо ехать в Москву или их можно приобрести по почте?

И акции, и Жилищные опционы можно, конечно, получить и по почте. Для этого надо перечислить деньги почтовым переводом по адресу: 107174, Москва, ул. Каланчевская, 2, «Гермес». Указать: «За акции (или опционы) в количестве...» (указать вид и количество ценных бумаг).

После того, как вы перечислите деньги, в адрес «Гермеса» следует направить письмо, содержащее следующие данные: фамилия, имя, отчество (полностью); паспортные сведения: серия, номер, где, когда и кем выдан, адрес (полностью, с указанием индекса); телефон; вид приобретаемых ценных бумаг и их количество; дата отправления денег; номер платежного документа.

В ответ вам будет выслано уведомление с указанием номера вашей акции (или опциона) и даты их оформления. Ваши акции будут храниться в депозитарии Сберегательного банка «Гермес» и участвовать во всех розыгрышах квартир. Получить их может только владелец или его доверенное лицо при предъявлении соответствующих документов.

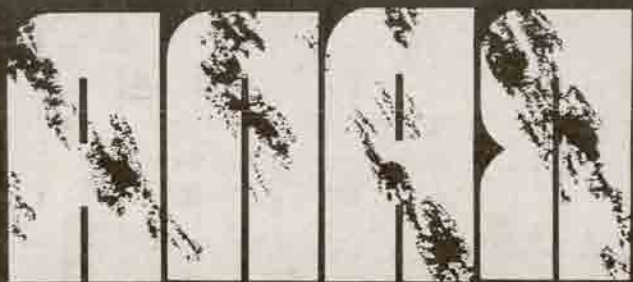
Оплатить можно любое количество акций и Жилищных опционов, исходя из их цены: за 1 акцию — 40 000 рублей, за 1 опцион — 20 000 рублей — при условии оплаты не позднее 1 сентября 1994 года.

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ПРОРЫВЪ

Окончание. Начало в № 8.

Рисунки
ЛЪВА РЯБИНИНА

уров, хотя и осматривал свой «жигуленок» ежедневно, все же пересел в машину Крячко.

— Выкладывай, Станислав, не церемонься, мы с тобой сыпчики, а не придворные... — И Гуров смачно выругался.

— Ну ты даешь, Лев Иванович, думал, и слов-то таких не знаешь, — усмехнулся Крячко.

— Переходи к делу.

— Ты используешь нас как мальчиков. Я не доволен заданием.

— Что ж, все верно, — согласился Гуров. — Я запутался, Станислав. Но кое-какие мыслишки появились. Первое. Убежден, работает не новичок. И, конечно, у гаденьша это не первое дело. Я его давно чувствую. Года три точно, но...

все руки не доходили. Второе. На той стороне появился какой-то мыслитель, теоретик. Вспомни дело Астраханского. Вроде взяли всю грушу, так ведь не было среди них человека, способного построить такое хитрое банковское сооружение! Икс по нашим учетам не проходит. Уверен, исполнители и не знают своего вдохновителя и организатора, правда, могли о нем слышать. Завтра...

— Сегодня, — поправил Крячко. — У тебя шарики уже закатились. Я понял, велено протирать штаны, листать агентурные разработки, искать незнакомые клички типа «Учитель», «Наставник», «Академик».

— Мне хорошо с тобой, Станислав. — Гуров притворно вздохнул. — Знаю, работа противная, нудная, но, сам понимаешь, не мы ее выбираем...

— Что не сделаешь ради любимого, — ехидно согласился Крячко и деловито осведомился: — Что у нас на второе?

— Инсценировали самоубийство. Зачем? Мистер Икс, безусловно, умный и не может рассчитывать, что я такую тюльку проглочу. Первоначально я решил, пытаются устроить антракт, им следует к чему-то подготовиться. Политика — штука мутная, нам разобраться не дано. Станислав, а вдруг все проще? Может, хотят сыщика Гурова из колоды выбросить? Ведь это в верхах я никому не известен, а на той стороне меня отлично знают. Убийца застрелился. Гуров не верит. Так кто его спросит? Полкаша пошлют на другой участок фронта, и концы в воду, путь свободен.

— Ты, случайно, не страдаешь манией величия?

— Есть немного, — Гуров скромно потупил глаза, — только чутье мне подсказывает — меня хотят устранить. Допустим, я прав. Тогда что, на твой взгляд, предпримет мистер Икс, узнав, что сыщик остался жив и продолжает копать?

— Напишет телегу, обоьет тебя грязью. У нас же любят создавать разборочные комиссии.

— Неплохо, Станислав, только долго ждать, да и результат непредсказуем. Может, проще сыскаря ликвидировать? У меня есть идея.

— С идеями у тебя все в порядке. — Крячко взглянул на друга оценивающе. — Знаю, какая, а потому категорически отказываюсь участвовать. Подставлять свою голову, ждать: клонет — не клонет? Да никогда в жизни!

— А куда ты денешься? Взгляни, какой наглец! — Гуров указал на проезжавшую мимо «Волгу». — Даже номера поленились сменить.

— Не обращай внимания. У них машин и бензина навалом! — Крячко опустил стекло, сплюнул. — Так вот, господин полковник, ни я, ни мои ребята в твоём деле участвовать не будут.

— Бросите меня одного? — искренне удивился Гуров.

— Лев Иванович, я поступлю проще, — ответил Крячко. — Часиков в десять позвоню Орлову и заложу тебя со всеми потрохами. И, можешь не сомневаться, заложу на все сто процентов...

Геннадий Артурович Бланк по кличке «Профессор» пребывал в бешенстве. Убийство Ильи Егорова ставило под угрозу весь грандиозный план. Почти год он трудился как ломовая лошадь. Придумал такую грандиозную операцию, подобрал нужных людей, расставил их в нужных местах. А ведь такое повернуть — это вам не в кресле сидеть, газеты почитать да в носу ковырять. Какой огромный труд! Кто бы ещё сумел приобрести рядом со спикером парламента убийцу и внедрить в окружение своего информатора? Господи! Ведь год жизни на эту подготовку затратил, а сколько валюты! Что же теперь, все рухнет в одночасье?

Бланк при всем своем уме просмотрел довольно очевидные вещи. Профессионального убийцу и информатора ему подставил приятель гэбист. Сделано было все не очень тонко, но прошло гладко. Профессор верил в удачу и подставку принял за свою фортуна. Не подозревал, что гэбист не желал помогать своему агенту-уголовнику, удалился в кусты. Ведь Бланк не состоял в агентурной сети, на него не было ни личного, ни рабочего дела, а уж его связь со службой спикера недоказуема. Господи! Льет воду на номенклатурную мельницу? Лей, милый, лей, пока льется.

Бланк хихикнул, представив, как сыщик запутается, собьется со следа. Теперь Гурова следует ликвидировать быстрее, не ждать, пока он возится с Танаевым. Бланк подошел к телефону, позвонил на почту и продиктовал телеграмму: «Срочно приезжаю встречай обязательно».

Телеграмму получают вечером, сразу заработает система связи и наведет исполнителя на Гурова. А уж как конкретно они убьют сыщика, это Профессор продумал в деталях и обеспечил наркомана всем необходимым.

Орлов выслушал подполковника Крячко довольно флегматично.

— Ты чего князятись, первый год его знаешь? В шестнадцать приезжай ко мне, поговорим за жизнь.

В шестнадцать ноль-ноль в кабинете генерала Орлова сошлись: Гуров, Крячко и незнакомый им мужчина лет сорока пяти.

Гуров и Крячко, поздоровавшись с Орловым, взглянули на чужака. Тот в ответ усмехнулся.

— Пока не обращайтесь на него внимания,— сказал Орлов.— У полковника своя компания, у нас — своя.

Гэбист, поняли сыщики. И на кой он нам нужен?

— Лева, ты считаешь, с тобой решили покончить? — без всякого вступления спокойно произнес генерал.— Что же ты знаешь, что так им опасен?

— Ничего я не знаю,— ответил Гуров.— Но, толкаясь в гуще событий, могу узнать.

— Ну-ну.— Орлов состроил гримасу.— Ты знаешь заключение аскулапов по поводу убийства Егорова? Парень умер от цианида, голову прострелили уже мертвецу. Почему убили Егорова?

— Не знаю.— Гуров откашлялся.— Просматривается несколько версий: он был соучастником и стал неуправляем...

Орлов вздохнул.

— Вышел на след...

— Извините, отпадает,— неожиданно подал голос гэбист.— Я разговаривал с Егоровым за несколько минут до его смерти.

— Убийство Егорова в одном ряду с убийством Строевой,— продолжал Гуров, словно того и не было в кабинете.— Можно предположить, что начата психическая атака на спикера, значит, и на правительство, не способное защитить второе лицо в России. Это моя рабочая версия, предлагаю данный вопрос не обсуждать, иначе запутаемся. Я хочу действовать. Если прав, то мы можем выявить и задержать наемника.

— Или тебя убьют,— не сдержался Крячко.

— Я знаю, как с минимальным риском установить и задержать исполнителя. Он ведь не упал с неба, а принадлежит к какой-то преступной группировке. Должен быть наводчик, а главное — заказчик... Уважаемые политики, стало быть, через посредников связались с уголовниками. Предлагаю рассечь дело — мы занимаемся чистым криминалом, а политиков оставляем нашим коллегам.

— Ну, спасибо, Лев Иванович.— Гэбист улыбнулся.— Мне говорили, вы человек щедрый, а оказывается, просто мот.

— Иван Сергеевич, ты собирался молчать,— живоотреагировал Орлов.

— Петр Николаевич, представь меня сыщикам.

— Гранин Иван Сергеевич, полковник, работает там, где работает, однако человек умный и порядочный.— Орлов посмотрел на Гурова и, как бы оправдываясь, добавил:— Лева, нам без них в данном деле не обойтись. Потому решил, лучше сам выберу, чем...

— Сердечно вы к нам относитесь, господин генерал. Скоро каждому, кто не ворует и взятку не берет, начнут ордена раздавать.

— По спискам, составленным взяточниками,— уточнил Крячко.

— Иван Сергеевич, ты хотел видеть и слышать людей, рабо-

тающих по делу. Я обещал тебе сообщить все, чем располагаем. Задавай вопросы.

— Шофер Карим Танаев. — Гранин взглянул на Крячко. — Его разрабатываете вы, Станислав?

— Тронули лишь слегка, серьезно не занимались, — ответил Крячко. — Я к вам могу обращаться тоже по имени?

— Конечно, Станислав.

— Ладно, хватит! — Орлов хлопнул по столу ладонью. — Как пацаны, ей-богу!

— Лучше бы Танаевым заняться вам, господин полковник, — предложил Гуров. — У меня лишь одна группа. — Он помедлил, решая, насколько можно быть откровенным, и продолжил: — Вам известно, что Танаев поддерживает связь с Юсовым? А Петр Саввич Юсов, по проверенным оперативным данным, имеет серьезное влияние на Юрия Ивлева — секретаря небезызвестного Семена Владимировича Бисковитого.

Гэбист некоторой информацией располагал, но получить дополнительную никогда не помешает, тем более от обычно скуповатого на слова Гурова, и он решил его поддержать:

— Спасибо, Лев Иванович, мы уже начали работать, ваше сообщение очень ценно. Хотя я не верю, что кто-либо из названных людей может иметь связь с уголовной элитой.

— Юсов совсем недавно был оперативником, и у него могли сохраниться связи с уголовниками.

— Даже так? — искренне удивился Гранин.

— Вы разработайте его связи среди политиков, определите цели, которые он преследует, и передайте мне. Вам агентурных подходов к Юсову не найти, а у меня они есть.

— Договорились, Лев Иванович. Что-нибудь еще?

— К сожалению. — Гуров поднялся из-за стола, жестом предложив Гранину отойти к окну.

— Ну, Лева! — Орлов покачал головой. — Жить без секретов не умеет. — Он подмигнул Крячко. — Ну как, Станислав, жизнь? Не надоело пахать на ниве борьбы? Хочешь, я тебя к себе заберу?

— Благодарствую, Петр Николаевич, малость обожду.

— Молодец. — Орлов одобрительно кивнул. — У тебя что-то новое проклюнулось?

Крячко рассказал о задании Гурова, пожаловался на неуважение полковника к друзьям-товарищам, затем мигнул хитрым глазом:

— Тонну бумаги перелопатили, подходящих кличек выявлено несколько: Академик, Профессор, Отец, Учитель...

— Таких кликух, как котов недавленных, — усмехнулся Орлов.

— Верно, но все зависит от среды, контекста... Пропустили через один фильтр, другой, прокачали через учеты, и остался у нас один неизвестный Профессор. Упомянули о нем дважды, очень коротко.

— В связи с какими делами?

— Налетчик, взятый за разбойное нападение на инкассатора, обмолвился, что Профессор не ошибся. В чем не ошибся, не ясно,

разговор прервался. В другой раз, по делу о фальшивых авизо, чеченец сказал, мол, у Профессора башка большая, потому и мозга много. Я шесть томов дела пролистал, больше такая кличка нигде не упоминалась.

— Большая голова — примета ценная, — серьезно сказал Гуров.

— Огорчили вы меня, Лев Иванович, — обронил Гранин, возвращаясь к столу. — Очень огорчили.

— Все мои предположения из области метафизики. — Гуров уселся на свое место. — Правда, понятия не имею, что за слово такое мудреное.

— Ты зачем человеку голову морочишь? — поинтересовался Орлов.

— Потому и шушукался в стороне, господин генерал, что вашу голову берегу.

— Спасибо, заботник, я бы пропал без тебя. — Орлов посмотрел на гэбиста. — Доволен?

Гранин удивился:

— Признались, что нищие, и я должен быть в восторге?

— Ты что же, побогаче? — усмехнулся Орлов.

— Ты, Петр Николаевич, начальник главка, о Гурове говорить нечего — знаменитость, Станислав — начальник отдела МУРа. Да у вас все должно быть — во! — Гранин распахнул объятия. — А у вас. — И показал мизинец. — Но слово дал и не отступлюсь.

— Благородный бессребреник! — Орлов понимающе кивнул. — Правда, мне таких встречать не приходилось, особенно в вашей конторе.

— Оставь нашу контору в покое, не хуже вашей. Так же, как везде, лучшие погибают первыми. Одних убрали, другие сами ушли, кое-кто на деньгах сломался. Я не деревенский дурачок, соху не ищу, пахать лишнего не желаю. Но я знаю ваш потенциал и согласен запрягаться пристыжным. Обещаю, возьму минимум людей и лишь кого знаю лично, в ком абсолютно уверен.

— Тогда с Богом! — Орлов встал. — Штаб здесь, связь через каждые два часа, если нужно, то чаще.

— Да, вот еще что. — Гуров прошелся по кабинету. — Иван Сергеевич, ты можешь дать команду, чтобы с завтрашнего дня на мне никто не висел?

— Я не Господь Бог. — Гранин вздохнул. — Тебе, Петр Николаевич, надо обратиться к министру. Твой — к моему, он выслушает начальников управлений...

— Иван, мы не дети! — прервал Орлов и сердито глянул на Гурова. — Может, объявить по ящику, что сыщик Гуров проводит секретную операцию и просит не беспокоить?

Вышедший было из-за стола Крячко упал на ближайший стул и с блатным надрывом воскликнул:

— Да вы что, господа хорошие, крышей поехали? Вы куда меня суете? За полковником может тянуться черт знает кто! Как отделить чистых от нечистых? А кто гарантирует, что за наемником тот же Профессор, — он назвал кличку наугад, — не выставит контрнаблюдение? В случае прокола...

— Станислав! — перебил Гуров. — Не дави, рыдай достойно и только на моей груди...

Интересно, как они будут меня убивать? Прищлют автоматчика в подъезд дома? Выставят снайпера с винтовкой в окне или на чердаке? Оба варианта Гуров отгел. Автоматчик в подъезде — слишком прямолинейно. Так охотятся за кооператорами, банкирами, фирмачами. Снайпер, винтовка, оптический прицел — такой номер требует долгой тщательной подготовки, да и снайперов не напасешься, чай, не морковка с грядки — не сорвешь.

Можно заложить взрывчатку в машину. Неплохо, только не в машину опытного сыщика. Существует масса меток, со стороны их не обнаружишь, а хозяин только глянул, уже знает, что машину открывали. Дорожная авария тоже требует подготовки.

Способ должен быть простой, не требующий специальной выучки. Ударить ножом под ребро, в печень?.. Если в толпе, то никто не заметит, убийца отходит на два-три шага, пока жертва еще на ногах. А когда человек упадет, убийца уже далеко. Исполнитель должен хорошо владеть ножом, успех зависит от точности удара... Нет, такой способ тоже не годится. Это все «из зоны», а заказчик, чую, там не бывал. Что-то должно быть более современное, с использованием науки, возможно, заимствованное у Запада.

Прикидывая, как именно его будут убивать, Гуров рассуждал вслух, поглядывая на сидевшего рядом Станислава Крячко, и следил за реакцией оперативника.

— Ты что, кроссворд разгадываешь, Лев Иванович? — не выдержал наконец Крячко. — Мне думается, стрелять не станут. Ты должен не дать к себе приблизиться, а уж мы обнаружим человека, который попытается это незаметно и естественно сделать.

— Верно, — согласился Гуров, — простенько и со вкусом.

Местом охоты Гуров выбрал Тверскую. Задачу определил так: полковник должен с кем-то встретиться у центрального телеграфа. Встреча произойдет не в определенное время, а каждый час — в двенадцать, тринадцать и т. д., без минуты «ровно», — Гуров подходит к ступенькам телеграфа, две минуты ждет, уходит и через час возвращается.

У дверей телеграфа в форме постового милиционера прогуливался полковник Светлов. Милиционер у телеграфа не обращал на себя внимания — как статуя вождя в центре площади, стоит и стоит, дело естественное. Василий Иванович отмечал людей, появлявшихся после прихода Гурова. После второго визита полковника Светлов стал обращать внимание и на пришедших перед появлением сыщика. Хотя Гуров исключал возможность минирования своих «Жигулей», Светлов приглядывал за машиной, припаркованной у телеграфа.

Станислав Крячко и Борис Вакуров «водили» своего шефа в толпе.

Припарковав машину, Гуров двинулся в сторону Пушкинской площади. Шел медленно по краю тротуара. Знал — убийце необ-

ходимо время для акклиматизации, и в ближайшие час-два нападение маловероятно. Как он может выглядеть? Разумеется, ни бороды, ни усов, ничего яркого, броского в одежде. Что в руках? Скорее всего руки свободны, но возможен пустой кейс или спортивная сумка блеклого цвета.

Сыщик вышел на Тверской бульвар, опустился на свободную скамейку, включил рацию:

— Перекур с дремотой. Как настроение?

— Нормально, — ответил Вакуров.

— Красиво гуляете, — проворчал Крячко. — У красного «вольешника» ты лопухнулся. Тип в темных очках и замшевой коричневой куртке прошел в метре. Ты больно храбр, Лев Иванович.

— Спасибо, Станислав, учту, — миролюбиво ответил Гуров.

Если я прав и меня решили устранить, рассуждал Гуров, то умный сразу сообразит — лучшей ситуации он не получит. А знает ли организатор, что я сегодня с фазенды выехал? Обязательно. Убийца должен быть где-то неподалеку.

— Отдыхаем? — На скамейку села девушка, открыла сумочку, достала пачку «Мальборо» и зажигалку. — Одному не скучно?

— Скучно. — Гуров отобрал у девушки зажигалку, осмотрел с любопытством и, дав «профессионалке» прикурить, бросил зажигалку в ее сумочку.

Крячко, наблюдавший эту сцену, улыбнулся. Да, на такой номер Леву не взять. Девушка не опасна, но полковник перестраховывается и правильно делает.

Гуров распрощался с девушкой и вернулся на Тверскую. Он убыстрял шаг, давая возможность оперативникам понаблюдать за окружающими.

На пятом часу топтания на одном месте Светлов изрядно устал. Болели ноги, лица прохожих слились в однообразную массу... В который раз взглянув на «Жигули» Гурова, он вдруг вздрогнул. Рядом с «жигуленком» стоял серый «мерседес-190» — ухоженная, но старенькая машина, которую Светлов уже видел. Но тогда «мерседес» находился в другом месте, кстати, более удобном, у строительного забора, перегораживающего въезд на улицу Огарева.

Боль в ногах мгновенно прошла. Словно зверь, он почувствовал опасность. Взглянул на часы — без десяти три, значит, сейчас появится Гуров. Светлов отошел в сторону, включил рацию:

— Всем подтянуться ко мне. — Затем соединился с Орловым: — Петр, ты меня слышишь?

— Да, Василий.

— Светло-серый «мерседес-190». — Оперативник продиктовал номер. — Прикажи проверить.

— Момент, — ответил Орлов. — А, может, «наружка»?

— Отпадает. Он встал рядом с «Жигулями» Гурова.

— Кто в машине?

— Сейчас никого. Я «зевнул».

Светлов слышал по рации, как Орлов говорит с кем-то по телефону, но слов разобрать не мог.

— Товарищ милиционер, как пройти к ГУМу?

— Направо, до перехода, и вниз, до упора, — ответил Светлов, не взглянув на приезжего.

— Зарежут тебя либо пистоль умыкнут, — сказал из-за спины Крячко. — Чем тебе авто не нравится?

— Долго объяснять.

Стороной прошел Гуров и обратился к Светлову по рации:

— Василий Иванович, если мы схватим пустышку, а нас наблюдают, то сожжем все дотла.

— А ты на меня не вали, решай сам, — ответил Светлов.

К «мерседесу» подошел худой сутулый мужчина лет сорока, одетый в серый поношенный костюм. Сев за руль, повернул ключ зажигания. Мотор не заводился, и мужчина вылез из машины, поднял капот.

— Приемчику сто лет в обед, — сказал Крячко. — А господин полковник утверждает, что имеем мы дело с...

— Помолчи, — перебил Гуров. — Борис, подойди к нему.

— Понял, — ответил Вакуров.

Подойдя к «мерседесу», он пнул ногой колесо и развязным тоном произнес:

— А говорят, немцы — мастера. А тачка-то барахлит.

— Возраст, — ответил мужчина, не взглянув на Вакурова.

Оперативник отметил, что висок у мужчины влажный от пота, руки не дрожат, но ничего конкретного не делают, только один проводок тронут, другой подержают.

— Свечи проверь, — посоветовал Вакуров.

— Шел бы ты, парень. — Мужчина разогнулся, достал из кармана мятый платок и вытер лицо.

Оперативник отошел, включил рацию:

— Конечно, он «мерседесу» не в масть. Нервничает.

— Станислав, подтянись, а я пойду к своей машине, — сказал Гуров. — Может, он проявится.

— Никуда не пойдешь, — резко ответил Крячко. — Старший группы сегодня я, а вы, полковник, лишь подсадная утка. Я его сам посмотрю.

— Хозяин-барин, — миролюбиво согласился Гуров. — Посмотри, только не надоедай. Не дай Бог, это он, и если вспугнешь, то уедет.

— Учи, учи, — пробормотал Крячко, направляясь к «мерседесу».

— Гуров, машина в Москве не зарегистрирована, похоже, номер фальшивый, — сказал Орлов. — Василий в форме, пусть подойдет, проверит документы.

— Подождем Станислава, — предложил Светлов. — Охолонись.

Помахивая бутылкой, которую подобрал около урны, Крячко подошел к «мерседесу», схватил мужчину за плечо, сунул бутылку под нос.

— Дай пятнашку, позвонить требуется!

Водитель замахнулся гаечным ключом, но, увидев лицо Крячко, опустил руку. Подполковник пустил слюну, смотрел на кончик собственного носа — прием неоднократно проверенный и действующий безотказно.

Мужчина перевел дух, мягко отстранил «алкоголика» и сказал:

— Иди, приятель, проспись, иначе в околоток заберут, а нынче это удовольствие дорогое.

— И пойду! — воинственно объявил Крячко и твердо, преувеличенно твердо, зашагал к телеграфу, включив на ходу рацию. — У него на аккумуляторе лежит шариковая ручка. Господин полковник, вы когда-нибудь видели, чтобы машину чинили авторучкой?

— Молодец, Станислав, — сказал Гуров. — Ты старший группы, командуй.

Крячко пошептался с товарищами и направился к «мерседесу».

— Иди домой... Иди домой... — сказал оперативник уныло. — Полагаешь, меня дома чего хорошее ждет?

Когда с другой стороны к подозреваемому приблизился Вакуров, Крячко накрыл носовым платком аккумулятор, на котором лежала шариковая ручка, и оперативники одновременно схватили мужчину под руки. Он на секунду вздыбился, дернулся и обмяк.

— Вижу, все у вас мирно, вот и молодец! — сказал подошедший Светлов. — Прошу в машину, поехали до хаты.

Задержанный покосился на милицейский погон, сплюнул:

— Чаем напоите?

— Обязательно, — усаживаясь в «мерседес», ответил Крячко. — Прямо с чая и начнем.

Светлов сел за руль.

— Ключики, пожалуйста. — Он нагнулся под приборный щиток, вставил выдернутый провод. — Вот и я на старости лет на «мерседесе» прокачусь.

— Знал ведь, не надо брать эту тачку! — Задержанный выругался.

Стало ясно, что преступник признается в угоне, а все остальное будет категорически отрицать.

Гуров включил рацию:

— Мы закончили, направляемся домой.

— На нары бы тебя, Лева, определить, — ответил Орлов. — Не хотел мешать, третий час меня расстреливают из главного калибра, требуют твой скальп. Наш министр, ихний, из аппарата ВС и госсекретарь — лично.

— У меня бабка хоть и здоровая, но на всех скальпы не хватит, — философски заметил Гуров. — Конечно, мне следует с задержанным работать, но раз тебе так плохо, спешу на помощь!

— Нет слов! Тебя у министерства могут перехватить.

— И куда поволокут?

— Думаю, к госсекретарю.

— Ничего, прорвусь, — усмехнулся Гуров. — Нам надо парой слов перекинуться. Значит, пресса заговорила об убийстве Ильи Егорова?

— Заговорила? Да они орут в матюгальники. Начали западники, а час назад включились наши. — Орлов неожиданно рас-

смеялся. — В передаче о приватизации упомянули твою фамилию.

— Хотят меня на ваучеры разменять? — поинтересовался Гуров.

Оставив машину за квартал до министерства, он вошел в здание не через главный вход, а через бюро пропусков.

Глава восьмая НАШИ ИЗБРАННИКИ И ПРАВИТЕЛИ

Когда Гуров вошел в кабинет Орлова, тот сразу же вызвал секретаря.

— Меня нет, я ушел обедать. — Затем запер дверь на ключ и указал другу на телевизор.

Следователь прокуратуры Гойда давал интервью, вернее, отбивался от стаи журналистов.

— Господа, я сообщил вам заключения экспертов. Начальник охраны был отравлен, самоубийство инсценировано, больше мне сообщить нечего.

— Но на территорию проникнуть посторонним невозможно. Электронная защита, охрана... Следовательно, убийца разгуливает у вас под носом! Сколько там всего работает человек?

— Немного.

— И вы не можете его обнаружить?

— Господа, — Гойда сцепил пальцы, — мне известны две области человеческой деятельности, в которых разбирается каждый. Это футбол и расследование убийств.

Журналисты засмеялись, кто-то захолопал.

— Убита горничная, затем начальник охраны. Какую цель преследует убийца? Вы считаете, что охотятся за спикером парламента?

— Дорогие друзья, человек — президент это или дворник — он человек, личность, и жизнь его бесценна...

Орлов выключил телевизор.

— А прокурорский — молодец! Попрут его из прокуратуры, надо забрать к себе... Ну что ж, Лева, стало быть, задержали наемника. Молодцы. А ведь и ежику ясно, что он ничего не знает и никуда не приведет.

— Если эксперты установят, что ручка — орудие убийства, а на ней его пальчики...

— Глупости, он заявит, что ручку нашел, что отравлена — не знал. И все — рубли концы.

— Не скажи, Петр, не скажи.

За дверью раздались голоса, потом дверь дернули.

— Обедать ушел! А почему дверь заперта и ключ изнутри торчит?

— Два лучших сыщика России, едрена корень! — Орлов отпер дверь. — Какого черта?

В кабинет вошел министр.

— Мне полоскал мозги министр. Теперь вы, господин секретарь, душу мотаете... А кто будет преступников разыскивать?

— Лев Иванович, вы не понимаете...

— Я все отлично понимаю! Судя по вашему лицу, встал вопрос о вашей отставке? — Гуров быстро взглянул на скособоченную по-птичьей голову госсекретаря. — И вы пригласили меня, чтобы Президенту доложили, как вы прочистили мозги инициатору розыска? Я сейчас преступника допрашивать должен, а не по коврам чиновников расхаживать.

— Задержали?

— Задержали человека, которого послали убить меня, вашего покорного слугу. — Гуров поклонился.

— Значит, вы ухватили нить! Это результат! Да, вы рисковали... Мы вас отметим!

— Тогда отметьте всех оперативников России. Я вас в прошлый раз спрашивал, кто из кандидатов, кроме первых двух, имеет шансы на выборах?

— Никто.

— Ну заболели они, допустим, корью и в одночасье померли. Ведь кого-то избирают?

Госсекретарь вяло махнул рукой.

— Ну, Бисковитый. Шут гороховый, но у него повадки фюрера. Тем более, что к нему, по совершенно непонятным причинам, примкнула партия Николая Сабрина. Эдакий холеный интеллигент и краснойбай.

Гуров приехал на Петровку, зашел в кабинет Светлова и Вакурова.

— Как дела?

— Станислав у себя, работает с задержанным. Думаю, пустое дело, — ответил Светлов.

— Извините, ребята, выйдите в коридорчик. — Гуров снял телефонную трубку и набрал номер полковника службы безопасности Гранина.

— Здравствуйте, Иван Сергеевич. Новости по моей просьбе есть?

— К сожалению, есть. Ну, я вам скажу, и нюх у вас.

— Тут такое дело, Сергеевич... — Гуров вздохнул и замолчал.

— Раз я стал Сергеевич, значит, дело дерьмовое. — Голос Гранина повеселел. — Выкладывай, Иванович.

— Надо взять под полный контроль Николая Сабрина, который в ВС у микрофона толчется.

Гранин молчал так долго, что Гуров не выдержал и спросил:

— Алло! Ты меня слышишь?

— Я тебя перевариваю, как удав, проглотивший кувалду. Меня уволят.

— Все правильно.

— Приезжай, — безнадежно ответил Гранин.

— У меня сложный допрос, так что ты приезжай. Я на Петровке.

Подполковник Крячко сидел, навалившись на стол, и, подперев рукой голову, сонно смотрел на задержанного. Тот довольно складно рассказывал историю покупки «мерседеса», о своем

предчувствии, что машина краденая, уж больно дешева...

Перед Крячко лежали авторучка и заключение эксперта о том, что вместо стержня в нее вставлена игла с цианидом, даже легкий укол вызовет мгновенную смерть. Тут же находилось и заключение дактилоскопии — на авторучке отпечатки пальцев Савикова Юрия Викторовича, документы же задержанного были совсем на другое имя. Имелась справка с перечнем судимостей Савикова.

Гуров подошел к столу, просмотрел документы. Взглянув на сонное лицо приятеля, понял, о чем тот думает. Изобличить Савикова и передать его следствию — дело плевое, но оперативникам нужен человек, отдавший преступнику приказ, а это, судя по биографии задержанного, задача наисложнейшая. Савиков знает: суда и зоны ему не миновать. Если пойдет в «несознанку», то будет там жить как «большой» человек, а «расколется» — зарежут.

— Все, начальники! — Савиков хлопнул в ладоши. — Все как на духу, мамой клянусь! — Он вытер вспотевший лоб. — А теперь давайте врача. Я на игле живу, помру у вас, долго писать придется.

— Хорошо, Савиков, — ответил Крячко. — Сейчас вы получите врача, отдохнете в камере, и мы продолжим наши тары-бары.

— Какой Савиков? Моя фамилия...

— Молчать! — Крячко хлопнул ладонью по столу. — Вы в МУРе! Идите!

Когда задержанного увели, оперативники молча посмотрели друг на друга.

— Конечно, есть способ заставить его говорить...

— Станислав! — оборвал Гуров. — Тоже мне, ученик Берии... Давай думать...

Крячко вздохнул:

— Никакие посулы не соблазнят битого зека пойти в зону на страшную смерть. Он знает, какие серьезные люди его послали. А может?..

— Не позорь имя, подполковник. — Гуров укоризненно взглянул на приятеля и отвернулся.

Крячко почувствовал, как кровь прилила к щекам.

Дело в том, что наркомана, который «на игле», вынудить к признанию просто — достаточно не вызвать к нему врача. Через некоторое время он начинает испытывать такие муки, что расскажет все, даже чего не знает.

— А он, между прочим, хотел тебя убить, — оправдываясь, сказал Крячко.

В дверь легонько стукнули, и в кабинет вошел следователь прокуратуры. Выглядел он плохо, лицо осунулось, под глазами — черные круги. Гойда попытался улыбнуться:

— А, господа сыщики! Все интриги плетете?

— Да вот думаем, как ловчее нарушить закон и не попасться! — хмыкнул Крячко.

Гуров пододвинул Гойде стул. Следователь тяжело сел и перевел дух. Затем открыл портфель, выудил из него тонкую папку и положил на стол.

— Ты список составил? — взглянул он на Гурова.

Гуров открыл папочку, пробежал глазами список лиц, находившихся на территории резиденции спикера как в момент первого, так и во время второго убийства, достал авторучку и дописал еще одно имя.

В кабинет без стука вошел полковник Гранин.

— Прибыл. Здравствуйте.— Чувствовалось, он еле сдерживается, чтобы не выругаться.

— Иван Сергеевич, что происходит? Рядом с главным болтуном России постреливают! Чего мы боимся?

— Я боюсь одного — хаоса, гражданской войны, — уныло произнес Гойда.— В верхах совсем ошалели, бросаются друг на дружку... Если спикера убьют, то Президенту конец! Правительство в отставку! К власти придет какой-нибудь ублюдок!

— Семен Владимирович Бисковитый,— произнес Крячко и предусмотрительно отошел от Гурова.

— Кончаем базар, мы не нардепы, нам работать надо.— Гуров был доволен, что его мысли произнес вслух другой человек.— Станислав, доложи о задержании Игорю Федоровичу, а допросы проводи сам. Разговаривай вяло, неуверенно, но со срывами до выкрика. Вяжи угон машины, о ручке ни слова. Понял?

— Нет, но выполню,— пожал плечами Крячко.

— И побеспокойся, чтобы известие о том, что менты Юрку Савикова повязали, а доказать ничего не могут, распространилось сегодня же...

— Вы что же, покушавшегося на убийство освобождать собираетесь? — Следователь нахмурился.

— Уважаемый Игорь Федорович,— Гуров обнял следователя за плечи,— я без разрешения прокуратуры даже дышать не смею.

Когда Крячко и Гойда вышли, полковник Гранин произнес:

— Мой начальник попросил спикера переехать на городскую квартиру. Ахат отказался. Теперь о Николае: ты оказался прав, у него любимая сестра больна полиомиелитом. Врачи бессильны, но на Западе ей немного помогают. Он за свой счет возил ее дважды в Германию. Поездки и лечение стоят уйму денег...

— Можешь не продолжать,— перебил Гуров.— На этом его и прихватили.

— Он только информатор. Но через него мы можем выйти...

— Стоп. Николай никуда не приведет. От него можно сделать лишь один ход, дальше обрыв. Николаю нужно просто помочь, убрать его с фазенды, отослать с каким-нибудь заданием к чертовой матери.

— Что ж, банкуй, как знаешь.

— Тот факт, что в дело запущен обыкновенный уголовник, меня радует. Из этого наркомана вытряхну максимум, хоть на шаг, но продвинемся. Логика подсказывает, что дело ставит не уголовник...

— Ты лучше скажи, что имеешь против Сабрина и на каком основании я должен рисковать шкурой и выставлять за депутатом ВС наблюдение?

— И телефонный контроль, и прослушивание квартиры, — спокойно добавил Гуров.

— Да никогда в жизни! Меня даже не уволят — уничтожат.

Гуров словно не слышал его слов, уселся за стол, подвинул папку и начал чертить схему, поясняя:

— Только Семен Владимирович Бисковитый занимает третью позицию за Президентом и спикером. Рисуем стрелу — атака на спикера, два тупа, доказывается беспомощность правительства, значит, это удар по Президенту. Согласен?

— Согласен не согласен, а смотреть не желаю. — Полковник Гранин демонстративно отвернулся.

Гуров продолжал рисовать квадратики, чертить стрелки.

— Спикер. Он лишь отражающий экран. Пока его никто не тронет. Убьют еще одного, возможно, двух. Меня — в первую очередь, но не для основного дела, а ради своей безопасности. Правда, на меня трудно найти исполнителя: «авторитет» не пойдет, потому что я у них в законе, а к быстро стреляющей шустере у них нет подхода. Сначала они убьют Николая, он свое отслужил, пользы уже никакой... А потом мадам Гораеву.

— Что? — Гэбист метнулся к столу, попытался схватить Гурова за грудки, но сыщик ловко увернулся. — Вы понимаете, что говорите?

— Пошел ты, знаешь куда? — Гуров поправил галстук. — Я что, собираюсь стрелять в мадам Гораеву? Только говорю: ее смерть может быть последней каплей. Служба безопасности — полное дерьмо! Правительство — стадо баранов! Президент — импотент! Значит, нужен фюрер! И тут на белом коне...

— Так это все слова... — Гранин смутился. — Ты хоть кого доведешь!

Гуров расхохотался:

— Не возьму в толк, какого черта нас Петр познакомил? Я ему сейчас позвоню, узнаю. — Гуров снял трубку, начал набирать номер. — Видимо, Петр Николаевич с возрастом под горку поехал.

— Прекрати давить, я тебе не мальчик! — Гэбист хлопнул по рычагу аппарата. — Петр Николаевич предупредил меня, что ты не в полном порядке, лбом пытаешься паровоз остановить. Так я не против!

Гранин вышел из кабинета и так хлопнул дверью, что из соседнего кабинета прибежал Вакуров.

— Стреляли?

— Борис, ты должен мне выловить еще хоть что-нибудь по Профессору.

— Слушаюсь, Лев Иванович, — грустно ответил Вакуров и вышел.

Гуров соединился с Орловым.

— Господин генерал, я не поладил с полковником МБ, которого вы изволили представить как верного человека. Никаких претензий, лишь один вопрос: он не сдаст меня?

— Эх, Лева, Лева, — вздохнул Орлов и после небольшой паузы добавил: — Иван никогда не сдаст, попылит и угомонится. Признаться, ты с ним не поладил, когда его в паровозную толку

совал, а он отбрыкивался? Все ясно. Думаю, он мне в ближайшее время позвонит. Ты где?

— В своем старом офисе. Через час отбуду, мне со спикером поболтать требуется.

— Горбатый, могила, лопата, — устало произнес Орлов.

— Спасибо, господин генерал.

У ворот при въезде на территорию стоял незнакомый Гурову «вахтер». Увидев «жигуленку», который почти уперся бампером в железо, охранник бросился к машине, неловко лапая кобуру.

— Прочь! Проезжай немедленно! Буду стрелять!

Гуров опустил стекло:

— Да пока ты свою стрельялку достанешь, я тебе башку десять раз монтировкой снесу. Новенький?

Спокойствие и начальственный тон остановили охранника. Он повернулся к караулке, из которой выскочил еще один незнакомец, размахивающий руками:

— Отъезжайте!

— Где вас, таких крикливых, отыскали? — Гуров вынул удостоверение, но в руки охраннику не дал.

Второй, явно старший, на документ даже не взглянул, достал пистолет.

— Если вы немедленно не отъедете, я прошью вам все колеса и прикажу отволочь тачку в лес.

— Если ты, придурок, один раз здесь стрельнешь, это будет твой последний выстрел из табельного оружия. Ферштейн? Полковник Авдеев здесь? Если нет, позвоните дворещкому, доложите, что приехал полковник Гуров.

— Здесь я, куда денусь? — Из караулки вышел Авдеев.

Гуров с трудом узнал его. Всегда безупречно причесанный и элегантный, на этот раз он выглядел ужасно: рыжеватые седые вихры торчали над ушами, пиджак обвис, брюки пузырились на коленях. Авдеев изобразил улыбку, повернулся к охранникам:

— Я вам дал номера машин и фамилии владельцев, имеющих беспрепятственное право на въезд и выезд.

Шаркая, он подошел к «жигуленку», открыл переднюю дверцу и плюхнулся на сиденье. Сыщик почувствовал запах перегара и нечистого белья.

— Таковую тачку не токмо в правительственную зону, в город пускать не положено, — бормотал охранник, убирая пистолет.

Гуров поставил машину, где обычно. Взяв Авдеева за локоть, выдернул из машины, повел к своему дому. Боковым зрением увидел, что во внутреннем дворе прогуливается омоновец, а его коллега сидит на скамейке у главной подъездной дороги. Гуров втолкнул Авдеева в свою квартиру.

— Прими душ и побрейся, я приготовлю кофе, дам чистое белье.

Бритый, чистый, причесанный, в свежей рубашке и брюках сыщика, Авдеев пил кофе, болезненно щурясь, поглядывая на стоявшую на столе бутылку коньяка. Гуров был большой специалист по общению с запойными, знал, когда и сколько налить.

После того, как Авдеев, давясь, съел разогретую тушенку, два

ломтя хлеба и выпил чашку кофе, Гуров налил ему полстакана коньяку.

— В два приема, с интервалом в десять минут.

Авдеев вел себя послушно. Когда он допил коньяк, сыщик увидел, как заблестели у коллеги глаза, и сказал:

— Николай, дня два назад я тебе посоветовал сказаться больным и съехать отсюда. Ты этого не сделал... Что тебя сломали, я понял давно...

— Так почему не арестовываешь меня? — Авдеев смачно затыкнулся и уже твердой рукой взял бутылку, плеснул в свой стакан.

— По многим причинам. Все перечислять?

— Они вышли на меня три года назад, оплатили дорогу и лечение сестры...

— О ней я все знаю, можешь опустить.

— Как ты догадался?

— Гадают цыганки...

— Вышел на меня новоиспеченный бизнесмен-миллионер и меценат. Самое смешное, что он именно такой, я проверял. Передаст колоссальные деньги в детский дом, практически содержит его за свой счет. И не знает, что другие используют эту щедрость втемную. Я сразу догадался, решил, что заплатить позволю, а когда придут за долгами, посчитаемся.

Авдеев пригубил из стакана, закурил новую сигарету, глаза у него ожили, смотрели на Гурова открыто. Сыщик знал, такое состояние продлится еще минут тридцать, затем волна схлынет и начнется упадок сил. «Потом посчитаемся» — это от небольшого ума, или Николай — серьезный противник и игрок?

— Никаких расписок, даже устных обещаний, просто помощь и только. Я жду, когда из-за спины благодетеля появится иной человек. Ничего. Тут меня по службе продвинули, но я одно с другим не связал. Ну а когда здесь первый выстрел раздался и меня сразу сюда направили, понял — время пришло. Позвонили, передали поклон от благодетеля, открытым текстом, мол, услуга за услугу. Очень обеспокоены происходящим, желательно все получать из первых рук... Нам спикер Гораев дорог, как вождь и знамя, информируйте по телефону, и номерок сообщили. Я, конечно, его тут же установил, аппарат в подъезде у дежурной стоит. Своих ребят поднял, жильцов дома проверили, но все пусто. Звоню, мужской голос произносит: «Говорите», — и молчание. Я сообщаю официальную версию, в ответ лишь: «Спасибо, звоните». Установили за подъездом наблюдение. Звоню, разговариваю, а аппарат у дежурной молчит, и трубку никто, естественно, не берет. Тут у меня нервы начали сдавать.

— Я сегодня рано утром уехал, ты и это сообщил? — поинтересовался Гуров.

— Сообщил. Тоже мне секрет, ты мимо десяти постов проезжал, могли откуда угодно сигнал получить.

— Могли, — согласился Гуров, — но предупредил о моем выезде именно ты. И если б меня сегодня убили, то на тебе, фраер, глухой намордник застегнули бы. Иди спать, чтобы завтра твоего духу тут не было. Им сейчас нужен новый труп, а ты — кандидат, лучше не придумайшь.

Парк осветили мощные фары, длиннющий черный лимузин остановился у парадной лестницы. Два рослых охранника выскочили из машины, открыли заднюю дверцу. К охранникам присоединились еще двое, и здоровенные парни, не торопясь, поднялись по мраморной лестнице. Ясно, что среди этих четырех столбов находился и мелкий столбик — спикер парламента.

Гуров сразу почувствовал, что за ним наблюдают. Хотелось курить, но он не рискнул опустить руку в карман. Обстановка нервная, еще пристрелят на всякий случай. Сыщик услышал шаги за спиной, но не повернулся, понимая, что, кроме охраны, в парке никого быть не может.

— Афганистан научил или в лагере натренировались? — спросил он. — Хорошо двигаетесь.

— Вы Гуров? — произнес молодой уверенный голос.

— Гуров. Только для вас, молодой человек, я господин полковник.

— Господ развелось, до ужаса. Но не бойсь, мы вас укоротим.

— Это холуев развелось, а господа, к сожалению, изничтожены, остались раритеты. — Гуров точно рассчитал, где за его спиной стоит наглый парень, и резко махнул ногой.

Удар ребром ботинка по голени оказался точным. Охранник рухнул. От боли у него перехватило дыхание.

Сыщик зацепил ботинком валявшийся в траве автомат и зашвырнул его в кусты.

— Когда ты, шенок, соберешься снова меня укорачивать, будет значительно хуже. — И Гуров направился к парадной лестнице.

У резных тяжелых дверей стояли двое. Хотя погон на них не было, Гуров наметанным глазом определил офицеров. Поднявшись по ступеням, он кивнул:

— Добрый вечер, прошу доложить обо мне Ахату Тимуровичу — полковник Гуров.

— А, Гуров... Значит, вот как вы выглядите, — произнес один, ослабившись.

— А как вы подошли? На параллельной аллее охрана! — поинтересовался второй.

— Не заметил. Правда, слышал, в кустах кто-то ворочается и матерится, кажется, автомат потерял. Напился. С охранниками случается.

Штатские действовали довольно слаженно. Один бросился в ту сторону, откуда подошел Гуров, второй сделал шаг назад, опустив руку в карман.

— Я просил доложить обо мне. — Гуров, еле сдерживаясь, старался говорить спокойно. — И не вынимай руку из кармана, иначе я игрушку отниму и набью тебе морду.

Из холла вышел еще один мужчина.

— Добрый вечер, Лев Иванович, проходите, пожалуйста, — мягко и спокойно сказал он и посторонился, пропуская Гурова в дом.

Со стороны кустов донеслась матерщина. Мужчина тонко улыбнулся, снял с плеча Гурова несуществующую пылинку.

— Зачем же увечить людей, уважаемый Лев Иванович? Они не виноваты, что такие.— Он доверительно улыбнулся, взял Гурова под руку и повел его по парадной лестнице на второй этаж.— Простите за пошлость, но, как говорится, за неимением гербовой пишем на простой...

— Вы не представились, но, как я понял, вы — господин полковник? — спросил Гуров и продолжил: — Знаете, бывает бумага простая, а бывает — туалетная. Как не столкнусь с вашей «девяткой», так обязательно — туалетная.

На втором этаже при повороте в апартаменты спикера стоял столик, которого раньше не было. Рядом со столиком сидел молодой человек интеллигентного вида с портативной рацией в руках. Гуров сразу сообразил, что это не рация, а электронный щуп для обнаружения у людей металлических предметов.

Гуров выложил на столик свой любимый «вальтер», «беретту», заряженную патронами с паралитическим газом, наручники, авторучку «паркер», ключи, горсть мелких денег.

Молодой человек быстро сложил все в коробку, вытянул из пластмассового основания своего устройства антенну, обвел вокруг Гурова, вычерчивая контур, и повернулся к полковнику. Тот выложил на столик «магнум», ключи и авторучку.

У дверей апартаментов стоял безукоризненно одетый и тщательно прилизанный Эрик Клас.

— Вас давно ждут, господин полковник, — укоризненным тоном произнес он.

— Эрик, ты ко мне придираешься.— Гуров заглянул в бесцветные глаза дворецкого. Хотелось спросить: приятель, ты зарплату получаешь в одном, двух или трех местах? Но, конечно, не спросил, скорчил грозную мину: — Я пожалуй на тебя хозяину.

— Добрый вечер, Ахат Тимурович, — произнес Гуров, переступая порог.

Спикер сидел за письменным столом, что-то быстро писал. Не поднимая головы, ответил:

— Ночь уже, вас искали весь день. К этому... — он мотнул головой, и Гуров понял, что хозяин имеет в виду госсекретаря, — вы явились, а ко мне не соизволили.

Не ответив, Гуров подошел к креслу, на котором обычно сидел.

— Присаживайтесь, Лев Иванович, слышал, вас хотели сегодня убить. — Спикер продолжал писать. — Вы задержали человека. Кто он?

— Уголовник.

— Что говорит?

— Ничего не говорит.

— Слышал, вы непревзойденный мастер допрашивать. — Спикер наконец отложил ручку. Закрыв папку, положил на нее сцепленные ладони.

— Если я повторю, что о вас говорят, ахнете и не поверите.

— Не могу к вам привыкнуть, — вздохнул спикер. — Это задержание приблизило вас к цели?

— Не знаю. Может, и приблизит. Исполнитель и его хозяин — уголовники, а вдохновитель — политик. А не выяснив вдохнови-

теля-политика, я не сумею перебрать звенья цепи и установить человека, заряженного непосредственно против вас.

Лицо у спикера было серое, под глазами — черные круги, щеки обвисли, смотрел он тускло, хотя и пытался придать взгляду повелительную жесткость. Милицейский полковник не понравился ему с первой встречи — спикера не боялся, говорил, что заблагодарасудится, вел себя развязно, часто дерзко. Но, пока милицейский гаденыш нужен, надо его терпеть. А уж терпеть и ждать Ахат Тимурович умел. Иначе как бы он стал спикером парламента? Они сидели друг против друга и упрямо держали паузу. Гуров не выдержал первым. Закурив без разрешения, он внимательно посмотрел на спикера:

— Напрасно так ненавидите меня. Это совершенно бесполезно, а вы, как я понимаю, человек рациональный.

— Не переоценивайте свою особу. — Спикер заставил себя улыбнуться и закурил трубку. — Меня достаточно хорошо охраняют, я могу отказаться от ваших услуг. — Он тут же пожалел о сказанном, ведь милицейский способен встать и уйти.

Гуров закинул ногу на ногу и откинулся на спинку кресла.

— Для своей должности, господин спикер, вы nepозвоительно вcпыльчивы. В отношении охраны у каждого человека может существовать своя точка зрения. Вам не интересно, кто организует против вас кампанию? Налицо срачивание преступников с чиновниками, политиками. Допустим, вы уцелеете, допустим, станете Президентом. Но если я не вскрыю чирей, то вы вступите на трон в обнимку с мафией. А у нее, извините, свои законы.

У спикера был тяжелый день, как, впрочем, и вчера, и позавчера. Сражение на Олимпе переросло в драку, взаимные оскорбления превратились в норму общения с Президентом, его командой и правительством. Спикер устал, как загнанный мальчишками дворовый бобик, и сейчас в своей конуре его снова оскорбляли, мало того, угрожали. И кто? Не Президент или премьер, не госсекретарь или сановный чиновник, а задрипанный мент, без роду и племени. И спикер сорвался. Начал он тихо, размеренно, профессорским тоном, но, постепенно повышая голос, перешел на крик:

— Значит, вся служба безопасности бессильна? Моя личная охрана лишь марионетки? И если мент Гуров все не раскроет, то мафия возьмет меня за горло? Чтобы я вас больше никогда не видел! Вон! — На последнем слове он взвизгнул и нажал кнопку звонка.

В дверях появился знакомый Гурову интеллигентный полковник. Но у спикера перехватило дыхание, откинувшись в кресле, он молчал. Гуров налил воды, пододвинул стакан спикеру и подмигнул полковнику:

— Ложная тревога. Отбой!

Полковник понимающе кивнул и прикрыл за собой дверь.

— Я, конечно, уйду, но только дел на полпути не бросаю, — рассудительно произнес Гуров. — Так вот, о службе безопасности. Когда-то там было много классных специалистов. Но вы их либо разогнали, либо потеряли. Осталось чуть-чуть, да и те не у дел. Я ухожу. А вы свою супругу отправьте на городскую квартиру, еще лучше за рубеж. Надеюсь, с визами и авиабилетами у вас

осложнений не будет. И берегите нервные клетки, они очень медленно восстанавливаются.

Гуров пошел к дверям. Спикер наконец глотнул из стакана и просипел:

— Стойте! При чем ты Лиана?

— При том.— Гуров вышел из комнаты и, плотно закрыв за собой дверь, вздохнул: — Несчастный человек и неврастеник.

В коридоре сыщика поджидал полковник. Лицо его было бесстрастно, будто подобные сцены наблюдал ежедневно. Он намеревался проводить Гурова к выходу, но на столе затрещал звонок вызова, и полковник рванулся назад. Гуров быстро сказал:

— Передайте, чтобы не унижался, я не вернусь.

По дороге он никого не увидел, хотя чувствовал, что за ним наблюдают, передают, как эстафетную палочку — из рук в руки. Когда открыл дверь в прихожую, почувствовал посторонний запах. Сыщик не стал зажигать свет, остановился, вытащил «вальтер». Гуров не знал, как поступить: в комнате — посторонний, но он курит, значит, не особенно скрывается. Почему же не зажег свет и как вошел?

— Только не надо стрелять, здесь некто полковник Гранин. Он устал и вполне безопасен.

Гуров включил свет, убрал «вальтер». Гэбист сидел в кресле, положив ноги на тумбочку, и улыбался.

— Надоели вы мне все, сил нет.— Гуров снял пиджак, ослабил галстук, начал массировать затылок.— Хорошо, что пришел, Сергеич, ты мне сейчас очень нужен. Мы повздорили со спикером...

— И чего не поделили? — без энтузиазма поинтересовался гэбист.

— Да я говорю, завтра будет дождь, а он уперся, твердит: ведро. Сцепились, до крика дошло, так что я съезжаю.

Зазвонил телефон, но Гуров трубку не поднял.

— Лев Иванович, не будь мальчишкой.— Гэбист укоризненно посмотрел на Гурова.— Ей-богу, несерьезно.

Телефон замолчал и тут же зазвонил вновь. Гуров взял бутылку, выпил прямо из горлышка и жестом показал, что трубку не возьмет. Тогда ее снял гэбист.

— Полковник Гранин. Извините, не могу. Лев Иванович принимает душ.— Он выслушал абонента, подмигнул Гурову.— Вы через полчаса перезвоните, переговорите лично и в другом тоне. Всего доброго, полковник.— Положив трубку, пояснил: — Они волнуются, говорят, что дана команда тебя не выпускать, требуют на ковер.

— Странно, он произвел на меня очень приятное впечатление.— Гуров допил коньяк.

— А он на самом деле умница и профессионал. Просто звонил из кабинета спикера и должен был соответствовать.

— Должен, пусть соответствует. А у меня есть предложение...

Глава девятая АГЕНТУРНАЯ РАЗРАБОТКА

Юрий Савиков сидел в кабинете Гурова напротив своей несостоявшейся жертвы. Савиков привык к допросам, сидел, при-

вычно ссутулившись, свесив руки между колен, и тупо смотрел в пол. Это была их первая беседа. Уголовник встречи ждал и откровенно побаивался. Он прекрасно понимал, что и прокурорский, и милицейский, которые его мурыжили пустыми вопросами вчера, — лишь мягкий предбанничек. Вот когда за него возьмется сам Гуров, тогда начнется парная. Тогда выяснится, что его ждет на самом деле.

— Что вы пол изучаете, Юрий, там ничего интересного нет, — сказал Гуров, выходя из-за стола и занимая любимую позицию у подоконника. — Или вам неловко смотреть в лицо человека, которого взяли убить? Так не стесняйтесь, я таких перевидел и зла на вас не держу.

— Кого убить? — Савиков поднял голову, попытался изобразить удивление. — Не надо, начальник... Машину купил, чувал, что краденая, а «мокрого» не надо.

— Юра, можно на «ты» перейду?

— Валяйте.

Гуров прошелся по кабинету.

— Значит, такие дела, Юрий. Мне необходим человек, который дал тебе ручку с отравой и машину. И ты мне этого человека отдашь.

Савиков развел руками и осклабился, на изможденном лице наркомана сверкнули великолепные зубы голливудской кинозвезды.

— Какая отравка? Да я при таком раскладе больше ни одного слова не скажу.

230 — Ты мне этого человека отдашь, — бесстрастно продолжал Гуров. — Положение у тебя безвыходное, но выход я тебе предложу неплохой. Чувствуешь себя нормально? Соображаешь? Ты меня выслушай, потом отправишься в камеру, подумаешь, а к вечеру мы продолжим.

— И думать не стану, и разговору не будет, начальник!

— Значит, так. Сейчас на тебе лишь машина неизвестного происхождения — вес пустяковый. Отравленную авторучку тебе никто не предъявил. Однако она имеется, изъята с соблюдением всех юридических формальностей. На ней твои пальчики, которые сняты, зафиксированы, оформлены. Теперь внимание! — Гуров остановился у окна, помолчал, давая возможность преступнику сосредоточиться. — Я твоё детское вранье записываю, затем приглашаю понятых и сажаю их на эти стульчики. Взгляни на стульчики, дурачок!

Савиков невольно посмотрел на стоявшие вдоль стены стулья.

— Я зачитываю понятным твои показания и говорю примерно так... — Гуров почесал в затылке, изображая задумчивость. — Прошу вас, гражданин Савиков, протяните руку, а я распишу на вашей ладони ручкой, которая была у вас изъята.

Савиков качнулся и чуть не упал со стула.

— Пойдешь на смерть, Юра? Не пойдешь! Откажешься! Я твой отказ зафиксирую, понятые бумагу подпишут, ручка со всеми документами будет приобщена к делу. И у тебя, Савиков, покушение на убийство с заранее обдуманым намерением. Червонец особого режима, как мечта. До данного места мы

добрались. У тебя по первой части возражений нет? Чего ты молчишь, перестань икать, отвечай. Если есть, я готов тебя выслушать. Молчишь? Значит, возражений нет.

Гуров взял стоявший на подоконнике термос, налил в стакан крепчайшего сладкого чая, сунул в безвольные руки Савикова.

— Змей ты,— прошептал Савиков.

— Мыслишь ты складно, только плохо меня знаешь. Ты мне отдаешь человека, а я тебя с этой тачкой отдаю следователю. Но ведь потерпевшего нет, значит, и кражи нет. Покатают тебя, помусолят несколько дней и выгородят, так как предъявить тебе нечего. Выходишь на волю, тебя обязательно встречают. Интересуются, как вышел? Может, ссучился, сдал людей? Ты отвечаешь, что, кроме машины, ничего у ментов не было, а тачку привязать не сумели. Тогда интересуются, а «перо» где? Ты им «перо» предъявляешь, только жало у него разбито. Поясняешь, что, когда опера тебя брали, ты успел «перо» в машину воткнуть, а обломки в карман сунуть. Ну как, натурально?

— Натурально, начальник.— Савиков допил чай и начал крутить стакан между пальцев.— Только в песне твоей есть одна нескладушка.

— Знаю я твою нескладушку,— рассмеялся Гуров.— Ты полагаешь, мол, отдам я менту своего человека, а мент он и есть мент. Человека загребут, меня же, Юрика Савикова, на полную катушку и под нож. Такая нескладушка? Ты не молчи, я с тобой как с человеком разговариваю, изволь отвечать!

— Так, так! Пел ты красиво и песню сложил высоко, а человека я тебе не отдам.

— Отдашь, куда денешься. Подними башку, взгляни на меня!

Савиков качнул головой, затем поднялся с трудом и выдохнул:

— Ну? Гляжу!

— Мне люди не твоего полета верили. У меня среди твоих паханов должников как собак нерезаных! Ты полагаешь, я свое имя, кровью и потом построенное, из-за такой сопли, как ты и твой хозяйчик, враз порушу?

Гуров говорил не громко, но голос его бил сильно. Савиков даже голову втянул в плечи, пригнулся, будто по нему стреляли.

— Я тебе напоследок скажу, что не только вас, калек несчастных, но и министра ни одного в жизни не обманул.

Савиков, совсем ошарашенный, взглянул на сыщика и сказал чуть ли не извиняющимся тоном:

— Ладно, ладно, верю вам, начальник, записывайте.

— Нет, Юрок, я в такие игры не играю.— Гуров отлепился от подоконника, потянулся, тяжело вздохнул.— Ты сейчас брякнешь горяча, повесишь мне лапшу, а я ее несколько дней разгребать буду. Ты иди отдыхай, думай. Доктор придет, слегка тебя поддержит, а вечером мы с тобой встретимся.

Сыщик точно разгадал замысел уловника, того прямо жаром обдало.

— Вот видишь, мальчик, я прав, торопиться с серьезным делом не следует. Думай, решай, но обманывать меня не советую.

Савикова увели, в кабинет тут же ввалились Вакуров и Крячко, через некоторое время вошел Светлов.

— Ну что, ребята? — Гуров зевнул, аж за ушами треснуло. — Полагаю, мы с вами победили.

— Как же вам удалось, Лев Иванович? — спросил Вакуров.

— Секрет фирмы «Одуванчик», — улыбнулся Гуров.

— И что же ты ему отдал? — поинтересовался практичный Крячко.

— Все отдал, Станислав. Не базар, в таких вещах не торгуются.

— Он тебя пытался прикончить, а ты его на волю! У богатых свои причуды, красиво жить не запретишь. Кто этот человек?

— Вечером, Станислав, ближе к ночи. Ты этого Савикова вербуй. Он сейчас на той стороне в гору пойдет, из него отличного агента можно сделать. Только не сразу, с ним работать следует тонко, никакого силового давления. Ты его с «иглы» сними, действуй только лаской, встречи лишь по необходимости, и как можно меньше бумаги...

— Учи, учи, — обиделся Крячко. — Ты, Лев Иванович, стал просто академик.

— Не пыли, Станислав, если обидел, извини. У нас работы впереди аж до горизонта. Человека мы получили, а трогать его нельзя, нужна техника. А где ее взять?

— Ну сегодня в принципе технику получить можно, — сказал Вакуров.

— Тонну бумаги исписать, уйму людей оповестить, через какую-нибудь дырочку информация уйдет, и мы накрылись медным тазом, — перебил его Станислав.

— Василий Иванович прав. — Гуров снял телефонную трубку. — И мы пойдем иным путем. — Он быстро набрал номер, жестом попросил оперативников умолкнуть. — Борис Андреевич? Гуров беспокоит... Счастливый, потому и застал.

— Уже минут десять, как собирался уходить, — завздыхал Борис Андреевич Юдин. — Черт попутал, задержался. Здравствуй, Лев Иванович, прошу без предисловий. Со здоровьем у меня все в порядке, намерен отметить шестидесятилетие. Можешь не поздравлять, выкладывай, будь ты неладен.

— Грубый ты человек, Борис, я к тебе со всей душой, а ты...

— Давай я тебе отдам миллион зеленых, а ты мне больше никогда звонить не будешь?

— Дружбу на деньги?! Какая пошлость!

— Лев Иванович, выкладывай.

— Мне так сразу и неудобно... Подскажи, где взять напрокат пару комплектов современного оборудования! Я, между прочим, занимаюсь делом, которое тебя, мультимиллионера, очень даже касается.

— Ах так? — Юдин помолчал. — С бандитов переключился на политиков?

— А ты их различаешь?

— Раз ты ввязался в эту драку, я успокоился. Ты ведь не проигрываешь?

— В большинстве случаев. Но если промахнусь, тебе с товарищами придется срочно покинуть Россию. Все ваши денежки,

недвижимость и прочее барахлишко отымут к чертовой матери!

— А что, сейчас такое возможно?

— В России все возможно! Поэтому отнесись к моей просьбе серьезно. Мне нужен один человек, предположительно лет тридцати пяти, образование высшее, кличка «Профессор». По складу ума — аналитик, мог консультировать финансистов, тесно связанных с преступными группировками.

— Лев Иванович, дорогой, я финансист международного уровня. Извини, у меня офис в Вене.

— Помолчи, — перебил Гуров. — Подними старые связи, пусть ищут. Ты понял? Теоретик, консультант, действует только через посредников. Но где-то он должен был засветиться. Мне этот человек необходим, вам тем более.

— Лев Иванович, все понял, дай тебе Бог здоровья...

— Хорошо, хорошо, — миролюбиво сказал Гуров, прикрыв трубку ладонью и спросил у Крячко: — Машина нужна?

— Господин полковник! — Крячко развел руками, мол, кто же откажется.

— Ну давай твоего электронщика. — Гуров продолжил разговор с Юдиным, подвинул блокнот, взял ручку. — Так, Сергей Миронович... Отчество? Хорошо. — Он улыбнулся. — Ленинградский проспект найдем, давай точный адрес. Я подошлю своего парня, нужно два комплекта, полный джентльменский набор... Прослушивание... Слежение... Переговоры... Ну все. Будем живы — вернем. Да, Борис, еще мне нужны две машины... «Жигули» с хорошими движками.

— А пистолеты у вас хотя бы имеются? — рассмеялся Юдин.

— Когда дело доходит до пистолетов, льется кровь, и ты можешь не получить назад твои паршивые тачки.

— Тьфу на тебя! — Юдин действительно сплюнул. — Я сделаю, что смогу, звони вечером домой.

— Договорились. Машины пусть подгонят к Петровке, техпаспорт положат в бардачок, затем позвонят снизу и спросят подполковника Крячко. — Гуров продиктовал номер. — Спасибо и удачи! — Он положил трубку. — Борис, — Гуров протянул Вакурову листок, — вот адрес частной фирмы. Улочка где-то за метро «Аэропорт». Сергей Миронович. Получите у него два комплекта электроники, один для меня, второй вам, зарядите против человека, которого вечером назовет наш «убивец». Не стесняйся, спроси у мастера, как техникой пользоваться, ты же темный, словно тунгус.

— Обижаете. — Вакуров взял листок, спрятал в карман.

— Ну, идите. — Гуров взглянул на Крячко. — Я посижу за твоим столом, ладно? Дух перевести требуется, у меня через час тяжелейшая встреча.

— Только один вопрос, — сказал Крячко. — Ты дунул в отношении Профессора, хочешь, чтобы волны пошли?

— Конечно. Мне надо его напугать, вынудить защищаться. Чтобы он думал не о том, кого еще из окружения спикера убить, а о собственной шкуре беспокоился.

— А ты сам-то знаешь, что он первым делом предпримет?

— Он уже предпринял, Станислав. Видел, какого дерьмового

исполнителя послал. Нет у него профессионала и быть не может, потому как он личных контактов с убийцами не имеет. Я вот сейчас передохну, поеду, встречусь кое с кем, так на него такая волна накатится, что он, Профессор, о полковнике Гурове забудет, норку начнет искать... А мы его из любой дырки выковырем.

— Смотри, — с сомнением в голосе произнес Крячко. — Отдыхай, и удачи. К вечеру, как я понял, ты прибудешь?

— Обязательно.

Крячко уже взялся за дверную ручку и, как бы между прочим, поинтересовался:

— Ну а коли задерживаться начнешь, где искать тебя прикажешь?

— Иди, иди, заботник. — Гуров подождал, пока Крячко выйдет, опустил голову на скрещенные на столе руки и попытался вздремнуть.

В полудреме всплыла утренняя встреча с супругами Гораевыми. Холодный взгляд спикера и злые глаза мадам, за которой тащили к лимузину тяжелые чемоданы. Супруги явно повздорили и винили во всем настырного милиционера, который лез, куда не следует, словно сыщик не пытался уберечь их от беды, а из вредности, воспользовавшись случаем, портил высокопоставленным особам жизнь...

Сыщик задремал...

На двери частного кафе висела табличка «Закрывается на ремонт», но здоровенный парень, стоявший в тамбуре, увидев Гурова, открыл дверь и приложил ладонь к форменной фуражке.

— Здравия желаю, вас ждут.

Сыщик вошел в кафе в семнадцать часов, как и было условлено. В зале, за столом сидело пятеро мужчин — четыре брюнета и блондин.

— Здравствуйте, господа. — Гуров подошел к человеку, через которого организовал эту встречу. — Здравствуй, Шалва Давидович, давно не виделись. Спасибо, что пригласил людей. Спасибо всем, что согласились со мной встретиться.

Шалва Гочишвили, по кличке «Князь», был невысок, грузен, под горбатым нависающим носом щетинились усы. Он тяжело поднялся из-за стола, положил широкую ладонь на плечо сыщика и торжественно произнес:

— Мой старинный неприятель и друг — Гуров Лев Иванович. Друзья, он человек серьезный, надежный, его слово — мое слово. Присядь, Лев Иванович. Не знаю, представлять людей, не представлять.

— Не стоит! — резко сказал блондин.

По его тону и плохо скрываемой злости Гуров понял, что перед ним враг. Видно, я его когда-то зацепил, подумал сыщик, по делу он у меня не проходил, но я его знаю. Гуров внимательно посмотрел на блондина, перед глазами замелькали строчки рапортов, донесений, ориентировок. Кличка «Челюсть», вспомнил он и в ответ на недоброжелательный взгляд открыто улыбнулся.

— Марат Петрович, вы слишком известный человек, чтобы я,

занимающийся своим ремеслом более двадцати лет, не знал вас в лицо. И имя у вас красивое, запоминающееся. — Гуров оглядел присутствующих, каждого одарил улыбкой. — Я всех вас прекрасно знаю и еще раз благодарю, что пришли.

— Говорил я вам, люди, на кой нам нужны эти посиделки? — Власов-Челюсть, единственный русский, оказался самым злым и несдержанным. — Волк собаке не друг и не брат! Люди нас не поймут! — Он махнул ручищей, опрокинул бутылку водки. — Скажут, с ментом связались, водку с ним пили, хлеб ломали!

«Элита «авторитетов» Москвы. Зачем они взяли в свою компанию такого дебила и открытого уголовника? — недоумевал Гуров. — Если я сейчас его не уйму, все полетит к черту».

— Умные поймут, а дураку не объяснишь, — сказал он и, чувствуя, что сидевший рядом Шалва готов вспылить, прижал его ладонь к столу.

— Ты, конечно, умный, — скривился Власов. — Думаешь, я не знаю, сколько на тебе крови людской? Сколько мальчиков ты в железо заковал?

— Много заковал, и крови хватает, Марат Петрович. Но я никогда своим товарищам в затылок не стрелял! Ты слышишь, Челюсть? Я не стрелял. И женщинам пальцы не ломал!

Власов-Челюсть вскочил, отшвырнул стул и закричал:

— Вы все меня попомните! А ты, — он ткнул пальцем в Гурова, — ты умрешь первым! — и выскочил из кафе.

— Извините. — Гуров развел руками. — Зачем же такого человека приглашать к столу?

— Так получилось, Лев Иванович, — сказал «авторитет»-чеченец по кличке «Сека». — Меня Ринат зовут. Ты нас извини.

— Забудем, Ринат Арифзятович, — улыбнулся Гуров. — Очень трудное отчество у тебя. Скажи, а кличка «Сека» от карточной игры прилипла?

— От карт, — признался Ринат. — В детстве играл, жульничал, вспоминать стыдно. Ты, полковник, меня по кличке не называй. Хорошо?

— Конечно. — Гуров согласно кивнул.

Князь нервничал, как-то примут его протеже, а тут еще Челюсть стал возникать. Шалва видел, что мент попадает в цвет. Чеченец его признал, два азербайджанца перестали между собой переговариваться, один даже улыбнулся. Гуров все понимал, он готовился к встрече и знал: чтобы добиться результата, сначала надо произвести хорошее впечатление.

— Мелик Юсуф-оглы? Рафиз Риза-оглы? — обратился Гуров к азербайджанцам. — К нашему столу гость пришел, а вы молчите, не угощаете. Я в Баку давно не был, но хорошо помню, как меня принимали азербайджанцы.

— А ты не гость, ты шайтан! — сказал Рафиз и, показывая, что шутит, громко рассмеялся. — Клянусь аллахом, но я тебя вижу первый раз. Откуда имя знаешь?

— Кушайте, Лев Иванович, угощайтесь, — вмешался в разговор Мелик. — Пить, я понимаю, вы не станете?

— Не стану, потому как не наливаете, — усмехнулся Гуров.

— Откуда человек наши имена знает? — возмущенно взмах-

нул рукой Мелик.— Ты, Рафиз, уже седой, а говоришь, как женщина или ребенок. Скажи, откуда твой дед любой след отличить может? Только глянет и скажет, кто прошел, когда прошел, куда. Твой дед — охотник и настоящий следо... Как по-русски?

— Следопыт,— подсказал Гуров.

— Вот! — Мелик взмахнул рукой.

Гуров понял, что разговор начинает приобретать опасный оборот, и быстро сказал:

— Господа, вы не звери, я не охотник, за этим столом все мы люди, которые встретились, чтобы кое о чем договориться.— Он поднял рюмку с коньяком.— Я предлагаю выпить за то, чтобы все войны кончились! И у вас, Шалва,— Гуров кивнул грузину,— и у вас, Мелик и Рафиз, и у вас, Ринат. Желаю мирно разобратся со своим генералом. Здоровья вам и удачи.

«Авторитеты» подняли рюмки.

Гуров ел с аппетитом, выпил еще рюмку и принялся за боржоми.

Шалва толкнул Гурова в бок и громко спросил:

— Скажи, Лев Иванович, какой твой лично интерес?

Гуров отодвинул тарелку.

— Спасибо за хлеб-соль, еще бы чашечку кофе да сигарету...

Кольхнулась портьера, к столу скользнул человек, который, естественно, весь разговор слышал, поставил перед Гуровым чашку ароматного кофе, положил пачку «Мальборо» и дорогую зажигалку.

— Спасибо.— Гуров внимательно взглянул на официанта.— Тебя, случайно, не Гури зовут?

— Так.— Гури смотрел рассеянно.

— Слушай, Гури, поздравляю, твоему сыну завтра месяц исполнится! Давайте выпьем за молодого джигита и за то, чтобы у него был богатый и честный отец!

Аут! Сыщик положил присутствующих на лопатки. А фокус был прост, словно кукиш. Шалва назвал кафе, где состоится встреча, и через несколько часов Гуров получил все данные о сотрудниках.

Выпили за здоровье младенца. Гури поклонился, взглянул на Гурова испуганно и исчез, а Джуверин Мелик упрямо повторил:

— Не человек — шайтан...

— Это моя работа, Мелик, и только.— Гуров скромно потупился.— Шалва спросил, какой у меня интерес. Хороший вопрос. Вот вы, серьезные люди, я ваш бизнес не знаю, мне он неинтересен. Я знаю, что ни один из вас не убивал, не насиловал, даже оружие в руках не держал.— Сыщик лгал, ему было точно известно, что Ринат Галиев месяц назад застрелил конкурента.— Так почему вы, занимаясь крупным бизнесом, платите солидные деньги своей охране и позволяете всякой шпане разъезжать по городу, стрелять, убивать? Почему?

«Авторитеты» переглядывались, пожимали плечами.

— Понимаете, Лев Иванович, мы далеко не все можем,— честно признался Шалва.— Шакалы подбирают объедки льва, но ему не подчиняются, они от него просто убегают.

— Не говори за всех, Шалва. — Чеченец Ринат рассердился. — Я поговорю со своими, стрельбу пора кончать, полковник прав. Азербайджанцы синхронно кивнули и тихо заговорили между собой, затем Рафиз Караев сказал:

— А что делать с Челюстью? Если мы его... — Он на секунду замаялся и продолжил: — Если мы его не попросим затихнуть, он тебя, Лев Иванович, убьет.

— Стоп! — Гуров рассмеялся. — Я за себя постою, а ваши разборки — ваши дела.

— Как знаешь, как знаешь... — быстро проговорил Мелик.

Чеченец зыркнул на него черным глазом и недовольно забормотал на своем языке.

— Вы политикой не интересуетесь, но наверняка слышали, что в верхах России неспокойно. — Гуров решил перейти к главному. — Ринат, рядом с твоим земляком двух людей убили. Твой земляк...

— Шакал ему земляк. Он на людей оперся, поднялся, а потом нас продал! — зло перебил Ринат.

— Если эти убийства не остановить, то для вас это может обернуться крупными неприятностями, — сказал Гуров, не обратив внимания на реплику Рината.

— Что говоришь, Лев Иванович! — воскликнул Шалва. — Пусть они там все друг друга передавят, мы при всех властях жили, живем и будем жить.

— Точно, ты нас в политику не вяжи, — поддержал грузина чеченец.

Азербайджанцы вновь синхронно закивали и о чем-то зашпорили.

Иного ответа Гуров от «авторитетов» и не ждал, потому улыбнулся и пожал плечами.

— Вы люди взрослые, солидные, не мне вас учить. — Он закурил, выдержал паузу. — Но, если, не дай Бог, случится переворот, ваши лавочки, мастерские, заводики быстренько закрывают, наличность конфискуют. Понимаю, вы нищими не останетесь, так ведь обидно из-за одного сумасшедшего потерять недвижимое, снова уйти в подполье, снова прятаться от милиции, снова из-за каждого пустяка давать миллионные взятки, переписывать свои машины на родственников.

— Пугаешь, — сказал чеченец. — Тебе человек нужен. Ты хочешь, чтобы мы ссучились и человека отдали. Ты нас просто пугаешь!

— За обед спасибо, найти меня легко, обращайтесь. — Гуров поднялся. — Что от меня зависит и в рамках закона, я для каждого из вас сделаю.

— Господин полковник, присядьте, — сказал Мелик, и только сейчас Гуров понял, что маленький плешивый азербайджанец здесь за старшего. — Вы сказали о каком-то человеке. — В его голосе неожиданно пропал акцент, зазвучала мягкая интеллигентность. — Если он из наших — мы ваши слова забудем, если он чужой — можно вопрос обсудить.

— Мелик Юсуф-оглы, это совсем чужой человек, он враг и для вас, и для нас. Вы ходите по проволоке, шаг в сторону — тюрьма. Уже хлебали тюремную баланду и знаете, сколько весит ватник.

А вот этот человек сидит в норе и через посредников, через третьих лиц дергает за веревочки, придумывает планы. Выгорело дело, ему в миску капает, не выгорело, кто-то сказал последнее слово и пошел по этапу.

— Мразь! — вскрикнул Шалва. — Его удавить надо! Кто он и что о нем знаете, Лев Иванович?

— Знаю мало, — вздохнул Гуров, — иначе не стал бы и беспокоиться. Видимо, но не точно, кличка «Профессор». Предположительно лет тридцати пяти, русский, образование высшее, проживает в Москве. Ринат, — сыщик повернулся к чеченцу, — почти наверняка он участвовал в деле с фальшивыми авизо.

Лицо чеченца оставалось бесстрастным, а ведь он на этом деле потерял большие деньги. Сначала его взяли в долю, потом выкинули, и Гуров об этом знал.

— Торопятся молодые. — Шалва Гочипвили поднялся. — Мы уже отбегались, нам подумать надо.

На улице Гурова догнал Ринат:

— Полковник, ты далеко едешь?

— На Петровку.

— И мне в ту сторону. Не подбросишь?

— Почему нет? Садись. — Гуров открыл машину.

Неизвестно откуда вынырнули два здоровенных амбала и молча уселись на заднем сиденье.

— Из нашей деревни, — пояснил Ринат, усаживаясь рядом с Гуровым. — А машина у тебя, полковник, хорошая, почти новая, но надо заменить.

— Знаю, Ринат, все времени нет на базар заехать. — Гуров взглянул в зеркало заднего вида, за «жигуленком» на проспект вырулил роскошный «мерседес» с затемненными окнами.

— Ты, полковник, говорил с Челостью как мужчина. Но мужчина не всегда бывает прав. Скажи, зачем тебе лишний кровник? Если бы ты унизил человека один на один, он бы тут же забыл. Но ты плюнул ему в лицо при нас, и он не простит. Тебе придется быть очень осторожным, полковник. — Чеченец говорил тихо, словно беседовал сам с собой.

— Я сказал правду. Он убил своего напарника выстрелом в затылок и обломал женщине пальцы, чтобы снять перстни.

— Мы знаем. — Ринат помолчал. Когда Гуров остановил машину на Петровке и охранники вышли, чеченец закончил: — Если бы я говорил вслух, да еще на людях, все, что знаю, меня закопали бы еще вчера.

«Авторитет» чеченской группировки сел в сверкающий «мерседес», и роскошная машина, сверкнув затемненными окнами, унеслась в сторону Садового кольца.

— Я делаю карьеру, — произнес вслух Гуров, запирая машину. — Меня стали охранять уголовники.

Глава десятая НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ

Геннадий Артурович Бланк, накануне побывавший у парикмахера, массажиста, маникюрши, благоухая дорогим одеколо-

ном, сидел в «Белом доме» у телевизора и равнодушно наблюдал, как происходит очередное заседание Верховного Совета России. Он не знал повестки дня, несколько минут пытался понять, какой вопрос обсуждается, но так и не понял.

Конечно, выступил и Николай. Бланк с гордостью отметил, что друг детства на общем фоне выглядит человеком разумным. С ним можно соглашаться или нет, но мысль его прослеживалась четко.

Бланк явился в «Белый дом» не затем, чтобы слушать народных избранников. Он «заложил мину», с минуты на минуту ожидал взрыва и хотел оценить результат трудов, проверить, правильно ли все рассчитал, не работает ли впустую. Он сидел одиноко, никто не обращал на него внимания, по фойе, праздно шатался народ. Бланку все это напомнило детский сад; малыши бегают, суетятся, каждый занят своим делом, сталкиваясь со сверстниками, лопочет, не слушает, бежит дальше.

Ну-ну, валяйте, суетитесь. Кукольный театр, да и только. И никто не подозревает, что висит на ниточках, за которые умный человек дергает. Он погрузился в свои расчеты.

Взрыв должен произойти до начала избирательной кампании, иначе в Москве да Петербурге рванет, а до России волна не докатится, и народ проголосует по инерции. Нужно, чтобы разразился вселенский бардак, и люди, уставшие от микрофонных разборок и бесконечных обещаний, закричали бы: «Пошли вы все! Пусть правит черт, дьявол, сумасшедший ерник Бисковитый, но обеспечьте порядок, дайте жить и работать!»

Мысли Бланка, как всегда за последнее время, вернулись к сыщику Гурову. Только он представлял реальную угрозу. Гуров напугал Бланка с первого дня тем, что очень вяло прореагировал на подставку шофера Карима Танаева. А приманка, по мнению Профессора, была заманчивая, ее организация потребовала значительных усилий. Второй тревожный звонок прозвучал, когда Профессор узнал, что сыщик не потребовал сменить всю охрану в резиденции спикера, хотя такая замена напрашивалась да и свидетельствовала бы об активных действиях розыска. Гуров и здесь плыл против течения. Когда произошло убийство начальника охраны, сыщик должен был «полезть на стенку». Он же, как доложили, в присутствии генералов даже не подошел к трупу.

А категорический отказ прожженных убийц ликвидировать Гурова! Еле нашел одного дебила, так парня отловили за несколько часов.

Мадам Гораева из резиденции выехала. Случайность? Или сыщик предугадал следующий его ход? Смерть жены спикера парламента — это вторая Хиросима. Пусть спикера не любят, но, когда у человека убивают жену, люди возмущаются. Кроме того, разразился бы международный скандал. Во всем мире бояться и ненавидят террористов и презирают правительство, не способное с ними справиться. В результате — конец нынешнему правительству, рейтинг Президента летит к чертовой матери. Народ отшатывается от своего идола, но не идет за спикером: в людском сознании они в равной мере виноваты в творящемся беспределе.

Бланк приказал себе не думать о политике, оглянулся, увидел госсекретаря, который, привычно склонив голову, вышел из зала, увернулся от журналистов, быстро зашагал к боковым дверям. Зачем он тут появился? Крысы бегут с тонущего корабля? Этой крысе не спастись, первым, кого отдаст Президент, будет, конечно, госсекретарь. Он вновь повернулся к экрану, депутаты в зале засуетились активнее, кого-то оттолкнули от микрофона.

— Уважаемый Ахат Тимурович, простите, что не по повестке дня, но мне только что сообщили, что час назад под окнами вашего загородного дома убит полковник службы безопасности Николай Васильевич Авдеев.

Общий шум заглушил говорящего. Спикер начал клониться к столу, глаза его закатились.

Каждый рвался к микрофону, а кто не мог и приблизиться, кричал с места. Спикера вынесли из зала. Через некоторое время удалось установить относительную тишину. На трибуне в наполеоновской позе, заложив руку за борт пиджака, стоял Семен Владимирович Бисковитый. Он жестко смотрел на коллег, губы кривила усмешка. Покрывая утихающий гомон, он закричал:

— Дайте мне сформировать правительство, и через два дня в России будет порядок!

Его живо оторвали от микрофона, поволокли по проходу. Бисковитый, брызгая слюной, продолжал кричать и размахивать руками.

240 Решили заседание прервать до завтра, на утреннее заседание пригласить руководство силовых министерств, «писак» заставить молчать. Кто-то возразил, что заставить нельзя, а следует попросить, но умника быстро запинали, оттолкнули в сторону.

Профессор наблюдал, как журналисты бросаются к выходящим из зала депутатам, и думал, что совсем не зря он, Генка Бланк, заварил такую кашу. Зрелище согревало душу. Он поднялся, не торопясь подошел к двум молодым ребятам, которые тыкали микрофонами в Кольку. Тот раскраснелся, говорил сдержанно, с паузами. Бланк смотрел на друга детства без зависти, скорее с презрением и думал, что бы сейчас произошло, узнай присутствующие, кто именно способен ответить на все вопросы.

Внезапно раздался крик:

— Быстрее! Здесь госсекретарь!

Журналисты как по команде отскочили от Сабрина и помчались на призыв. Николай поднял глаза и увидел стоявшего рядом Бланка. У него был вид, словно встретился с инопланетянином.

— Ты? — Сабрин оглянулся. — Ты с ума сошел...

— Это еще почему? — Бланк беспечно пожал плечами. — Решил взглянуть, чем вы тут занимаетесь. Конечно, вы стоите нам огромных денег, — издевательским тоном продолжал Бланк, — но отрабатываете их честно, ваше шоу — мирового класса.

— Геннадий, ты понимаешь, что натворил? — Губы у Сабри-

на прыгали, он, словно пьяный, с трудом справлялся с артикуляцией.

— Я? — Бланк взглянул недоуменно. — При чем тут я? — Он посмотрел на друга внимательно и, казалось, только сейчас понял, какой страшный смысл вкладывал Сабрин в свой вопрос. — Ты умом двинулся, Колюня? Ты что же, связываешь меня со всей этой кровавой кутерьмой, происходящей вокруг спикера?

— Но ты говорил, дал мне понять...

— Что я говорил? — Бланк криво усмехнулся. — Тебе морду надо набить, чтобы в мозгах прояснилось. Я аналитик, а не убийца, я считал, что Бисковитый имеет шансы на выборах. Нынешнему Президенту ты даром не нужен, спикеру ты не ко двору, потому я и сказал, приблизься к Владимировичу. А какие ты, недоумок, выводы сделал, дело твое, сугубо личное.

Бланк был настолько искренен в недоумении и гневе, что Сабрин фальшиво улыбнулся, иная улыбка у него с детства не получалась, и сказал сердито:

— Посиди в этом сумасшедшем доме хоть денек, так тебе, Генка, не такое привидится, начнешь трезвым чертей ловить. Извини, тороплюсь. А ты выглядишь на миллион долларов. — Он хлопнул друга детства по плечу. — Будет время и желание, звони. — И зашагал к дверям.

На улице Бланк без труда поймал такси. Выслушав адрес, водитель оценил внешность клиента и вынес приговор:

— Тридцать зеленых.

Бланк опустил на заднее сиденье и спокойно ответил:

— Десятью подавишься, ложкомай. — Он знал расстояния и расценки, назвал хорошую цену. Водитель глянул на «инострнца» уважительно и молча тронул с места.

Бланк проехал мимо нужного дома еще квартал, осмотрел улицу, заметил одиноко маячившую фигуру, в которой признал своего посредника и связного. Еще раз проверив и убедившись, что никого за собой не приволок, Бланк отпустил такси, вернулся к дому и, проходя мимо связного, небрежно бросил:

— Ну, Семен, раз явился, идем.

Прорвались через блокированный кодами подъезд, вошли в квартиру. Они работали вместе лет пять. Бланк долго приглядывался к Сене, долго держал на побегушках, прокачал по милицейским картотекам и, только убедившись, что Сеня не судим, на учетах не состоит, приблизил и приоткрыл прислужнику занавесочку. Как ни крути, а без такого человека Бланк оказывался без рук. Головой можно что хочешь придумать, а ложку ко рту без рук не поднесешь, с голоду сдохнешь.

Пока Бланк переодевался в замасленный, покрытый кошащей шерстью «адидасовский» костюм, Сеня вскипятил чайник, накрыл на стол, порезал колбасу и хлеб. Оказавшись в привычной одежде, Бланк облегченно вздохнул, плюхнулся в кресло.

— Ну, что нам пишут из «Янины»? — Так называлась одна из глав «Графа Монте-Кристо». Бланку нравилось сравнивать себя с известным литературным героем.

Семен сообщил хозяину новости об аресте Юрия Савикова,

которые по агентурным каналам передал подполковник Крячко. Кроме машины, ему ничего предъявить не могут, а тачка ничейная, и дело у ментов разваливается.

— А «перо»? — спросил Бланк, почесывая примостившегося на коленях Бакса. — Същик не мог прощляпить, дело пахнет провокацией.

— На допросах вроде бы о ручке разговор не велся, Юрка в камере о ней тоже молчит.

— Странно. Когда все складывается очень хорошо, это насто-
раживает. Ладно, валяй дальше.

— Гуров в пять часов встретился с «авторитетами». — Сея называл имена. — О чем был разговор, неизвестно. Но час назад в кабаке, где собирается чечня, назвали кличку «Профессор». Интересовались, кто его знает, и прочее, объяснили, дескать, слышали, что Профессор — большая голова, хотят с ним посоветоваться.

— Гуров — мать его! — Бланк растерянно вскочил, уронив Бакса.

Кот с недовольным видом отошел в сторону и отвернулся.

— Только без нервов, Геннадий, без нервов! — Бланк, поддерживая штаны, прошелся по комнате.

— Есть и хорошая новость.

— Заткнись! Хорошая новость лишь одна: Гуров попал под трамвай!

— Еще не попал, но считай, лежит на рельсах. — Семен впервые видел хозяина испуганным и неожиданно понял, что получает от зрелища удовольствие.

— Ну? Не тяни!

Семен спокойно рассказал, что Челюсть был на встрече същика с «авторитетами», но сразу ушел. А через пару часов вдрызг пьяный клялся на крови, что мента Гурова под землей найдет и тот будет просить, чтобы убили скорее.

— Так... — Бланк подхватил кота, уселся в кресло, долго молчал. — Челюсть? Не знаю... Кто такой?

— С ним дело иметь нельзя. Он с патологией! — Неизвестно, какой смысл в последнее слово вкладывал Семен, но жест его был красноречив — крутанул пальцем у виска и присвистнул.

— А как же его в солидную компанию взять?

— Долгая история.

— Мы не торопимся.

— Нормальная семья, отец неизвестен, мать алкоголичка. Детский дом, затем лагерь для малолетних. Марат, так его по паспорту, силы необыкновенной, а с мозгами накладка. Вышел, разбойничал на улице, обратно вернулся в зону. Освободился где-то в девяностом, и его к себе в команду покойный Турок взял. Челюсть при нем состоял в охранниках. Год назад Турок нечаянно с ментами столкнулся и «откинулся», а Челюсть ушел. Поговаривали, что Турка застрелили в спину... Тут, Геннадий, самое интересное. У Турка капитал был, так вот, ни милиция, ни вдова, ни поделщики «зеленых» не нашли. А через несколько месяцев Челюсть прилюдно заявил, что с разбойничеством покончил, перешел в честный бизнес. Пыгались узнать, откуда

деньги, не наследство ли Турка случайно? Но он же, — Семен вновь крутанул пальцем у виска и присвистнул, — убил двоих, одного искалечил, на том разборка и закончилась. Турок друзей не имел, люди с Челюстью связываться не захотели. На Петровке на него дело, говорят, толщиной с кирпич, а взять не на чем.

— И все же мне непонятно, как такой фрукт мог за стол с серьезными людьми и Гуровым попасть? А почему сбежал, что у него на полковника образовалось?

— Как попал, понятно. Он вроде остепенился, в дело с азербайджанцами вошел. Видимо, когда переговоры о встрече начались, он как-то пронюхал. А такого врага никто иметь не пожелает, решили, раз все равно знает, так лучше, чтобы рядом был, чем за углом шептаться, что «авторитеты» с «конторой» сговариваются. Видно, ему твой лучший друг, господин полковник, при людях сильно мозоль отдал... Остальное понятно.

— Мне требуется с ним установить контакт.

— И не вздумай с Челюстью в свои игры играть, — решительно ответил Семен. — Он твоих тонкостей не поймет. А сыщика сам порешит, не волнуйся.

— Сеня, ты как осведомитель бесценный, а как аналитик, полное говно. Утром я хотел Гурова убить, а сейчас, после того, что узнал, полковник мне нужен живым. Понимаешь, мы должны знать, что ему известно. Допустим, Гуров труп, а два его приятеля тоже ухватились за кончик и взяли за лопаты. Сыскари после смерти своего шефа будут копать до тех пор, пока не докопаются. А я буду сидеть и ждать, что у них получится? Так не пойдет. Сеня, в лепешку разбейся, найди контакт с Челюстью. Валюта есть? Трать, сколько требуется, я плачу.

243

Врач закончил осмотр спикера.

— Полагаю, ничего серьезного, Ахат Тимурович. Скакнуло давление, сейчас оно в норме. Не скажу ничего нового: покой, только покой. Я распорядюсь, пусть вас посмотрят невропатологи. Я бы рекомендовал сменить обстановку, махнуть на какие-нибудь Багамы недельки на две, так ведь вы не согласитесь.

— Не соглашусь. — Спикер уже чувствовал себя вполне прилично, так, легкая слабость.

В комнате отдыха, кроме спикера и врача, никого не было, охрана стояла за дверью. Врач, молодой, довольно энергичный человек, усмехнулся:

— Предки наши говорили, на таком жеребце воду можно возить. Здоровье у вас, слава Богу, но от стрессов никто не застрахован, поберегитесь.

— Спасибо. — Спикер встал, подошел к столу, налил боржоми, недовольно покосился на молодого доктора, укладывавшего свой чемоданчик.

Парень независимой манерой держаться походил на полковника Гурова. Надо, не надо, но хоть для виду бы укольчик какой сделал, сочувствие выразил бы, озабоченность.

— Переключитесь, мультики посмотрите, кинокомедию... На ночь рекомендую стопочку принять, лучше всяких таблеток.

Утром я навещу вас. Желаю здоровья, Ахат Тимурович. — Врач поклонился и вышел.

— Никакого уважения, — сказал сердито спикер и взглянул на протиснувшихся в дверь людей. — Проводите меня к машине.

Последовали негромкие охи-ахи, соболезнования, тихая ругань в адрес Президента и правительства. И спикер, решивший было врача заменить, передумал: лучше циник, чем придворный холуй.

В машине начальник охраны, сидевший рядом с водителем, решительно сказал:

— На городскую квартиру.

— За город, — отрезал спикер. — И срочно найдите моего милиционера, я желаю выслушать доклад профессионала.

Спикер наконец понял, что, кроме полковника Гурова, никто его не защитит, окружающая челядь и подхалимы в своем деле ни черта не понимают. И был не прав. Охрану несли люди высокопрофессиональные, но они действовали испытанными традиционными методами, а травлей руководил хотя и любитель, но человек гениальный.

В частном ресторанчике в тишине и уюте ужинали политики-оппозиционеры.

За столом народных избранников было двое — Семен Владимирович Бисковитый да Николай Сергеевич Сабрин. Третьим присутствовал представитель деловых кругов, финансист — Петр Саввич Юсов. Уже и водки под икру выпили, и глиняные горшочки с солянкой опустошили, покончили с осетриной на вертеле, цыплятами и шашлыком, три раза сменили скатерть. Семен Владимирович строил планы, потому кушал небрежно, роняя куски и расплескивая вино. Пришло время кофе и коньяку. Семен Владимирович приустал, а так как сотрапезники были немногословны, то наступила пауза. Выяснилось, что каждому было о чем подумать.

Бисковитый отлично понимал: на выборах против Президента и спикера шансов у него нет, а сегодня неожиданно шансы появились. Загадочные, никому не понятные убийства в резиденции спикера подорвали и без того пошатнувшийся авторитет правительства. Кто верит правителям, не способным защитить главу парламента? А правителей назначал Президент, стало быть, за творящиеся безобразия в ответе. При таком раскладе на выборах может пройти темная лошадка. И если до сегодняшнего дня Семен Владимирович шумел и воинствовал, абсолютно не веря в свой успех, а только ради популярности, то сейчас, поразмыслив, решил тактику поведения сменить. Теперь следует себя вести спокойнее, солиднее, давая окружающим и телезрителям понять, что результаты выборов предрешены. И он, Семен Владимирович Бисковитый, обязан соответствовать новому положению.

Он взглянул на примолкнувших сотрапезников, решая, как вести себя с ними. Безусловно, помощь нужна, один в поле не воин, но в сменившейся ситуации можно ли на них положиться?

Колька Сабрин, вшивый интеллигент, борода, усики, глаза поблескивают, краснобай и демагог, вылитый Ильич в молодом

сти. И почему это он курс сменил? Раньше посмеивался надо мной, смотрел свысока, а незаметно, шагок к шажку, пристроился. Когда он повернулся в мою сторону? Давно, уж более полугода, но тогда не мог предвидеть сегодняшней ситуации. Так почему пристроился, вроде как мое старшинство признал? Непонятно.

— Чего притихли, господа-товарищи? — спросил Бисковитый, хитро прищурившись. — Падьянс раскладываете, не выпадет ли король червей? Не станет ли ваш дружок Президентом?

Сабрин лишь голубыми глазами сверкнул, промолчал, а Юсов выпил коньяку и беззлобно ответил:

— Брось трепаться, Семен Владимирович, не на митинге. Ты и так весь вечер мозги полоскал, дай думу додумать.

— Думай, — миролюбиво разрешил лидер. — А о чем, если не секрет?

— Очень большой секрет, расскажу, если станешь Президентом. Вот посмеемся!

Месяца два назад ему на квартиру позвонил неизвестный. Юсов глянул на аппарат, пытаясь определить, с какого номера соединяются, но звонили из автомата. Он насторожился. И действительно, беседа произошла более чем странная. Тогда Юсов считал ее глупым розыгрышем и не придавал особого значения.

— Петр Саввич? Здравствуйте, — сказал незнакомый мужской голос.

— Здравствуйте, кто говорит?

— Вы меня наверняка не помните, впрочем, это и не имеет значения.

— Я не разговариваю с анонимами, сейчас положу трубку.

— Я знаю кассу, в которой ты получаешь доллары, потому ты меня выслушаешь. — Незнакомец говорил уверенно, Юсов положить трубку остерегся.

— Ну, давай говори, ежели невтерпех.

— Вы даете деньги Бисковитому и компании. Мы вам рекомендуем не жадиться и давать щедрее, денежки вернутся сторицей.

— Ой! Так ты из этой команды! — Юсов рассмеялся. — Мы действительно подкармливаем банду, списываем деньги с налогообложения.

— Не ври взрослым дядям. Ты даешь деньги наличными, и никто их списать не может. Мы люди солидные, к Бисковитому отношения не имеем, однако когда он станет Президентом, то будем иметь. Мы ему расчистим путь к престолу, а ты скажи своим хозяевам, чтобы денег не жалели.

— Слушай, козел, что за чушь ты несешь, не пойму! — Юсов повысил голос. — Сенька никаких шансов не имеет! И ты полагаешь, на основании телефонной болтовни мы неизвестно кому хоть копейку дадим?

— Кому и сколько отстегнуть, мы скажем, и ты мигом заплатишь. Быстрее, чем в налоговое управление.

— Проспись, козел! — Юсов бросил трубку, посмеялся и о звонке забыл.

Но после первого убийства в резиденции спикера ему вновь

позвонили. Уже другой голос, менее культурный, с ярко выраженным кавказским акцентом произнес:

— Юсов? Меня просили кое-что, мало, тебе передать. Куда подъехать?

— Кто говорит и кто просил?

— Слушай, зачем телефон занимать? Кто говорит, увидишь, а передает тебе привет Козел.

— Какой козел? — не понял Юсов.

— Знаешь, кончай, говори, когда и куда приехать. Ну?

Юсов знал, что днем будет в гостинице «Россия», назвал время. Когда встретился с кавказцем, тот произнес всего лишь одну фразу:

— Козел велел передать, чтобы вы приготовились.

И, как Юсов ни бился, уговаривая нацмена свести его с человеком, передавшим привет, кавказец лишь упрямо качал головой, от денег, даже долларов, отказался.

Юсов, хотя и работал в прошлом в милиции и прокуратуре, не мог и предположить, с какой целью неизвестный организовал данную встречу.

И сейчас Петру Саввичу Юсову ничего толкового придумать не удавалось. В одном он был уверен: если позвонят, то следует на любые условия соглашаться. Человек, расстреливающий окружение спикера, прихлопнет его, Петьку Юсова, мигом.

— Ты мне сейчас свой секрет раскрой, — посмеивался Бисковитый, — когда я буду Президентом, мне твои тайны станут неинтересны.

— Жизнь покажет, — ответил Юсов и сменил тему разговора. — Ты, Семен, думал о том, кто бойню вокруг спикера ведет? Кто воду льет на твою мельницу? И сколько он муки попросит, если мельница заработает?

Бисковитый презрительно скривился, а Сабрин вздрогнул, встретившись с Юсовым взглядом, и, объясняя свое замешательство, проямлил:

— Сижу, о том же думаю.

— А чего испугался?

— Мне бояться нечего. — Сабрин взял себя в руки, сверкнул улыбкой. — Я свою кандидатуру не выставлял.

Разговор вновь прервался. Юсов снова глотнул коньяку, продолжая наблюдать за Сабриным, гадал, что этот хлыщ знает, чего так испугался. Затем Юсов отвлекся на проходившую через зал женщину. Стройная, изысканно и строго одетая, она не стреляла глазами, держалась подчеркнуто сдержанно. Видимо, выходила в туалет и сейчас возвращалась к своему столику, за которым сидел мужчина. Юсов видел только его затылок. Когда дама подошла, мужчина встал, подал стул. Гранин! Юсов узнал его сразу и чуть не поперхнулся коньяком. Что в таком дорогом ресторане делает гэбист? Просто проводить время и угощать даму ужином офицеру службы безопасности не по карману. Он на работе, женщина не дама сердца, а сотрудница, и платит за них «контора». Гранин — полковник, руководитель и разработчик, значит, это не наружка. За мной он прийти не мог, я знаю

его в лицо. Либо я тени испугался, либо гэбист интересуется моими соседями.

После убийства Авдеева Гранин знал, где обычно ужинает Бисковитый, вызвал Веру, приказал съездить домой и переодеться, дал адрес ресторана. Сам приехал загодя. Один из официантов «помогал» службе безопасности и сразу указал столик, который всегда занимал популярный депутат. Остальное было делом техники.

— Их трое... — Вера очаровательно улыбнулась. — Сам, лично, Сабрин, третьего не знаю, по «ящику» никогда не видела, с виду бизнесмен, возможно, охранник. Нет, охранники вошли следом, сели отдельно.

— Ты умница. — Гранин включил запись. — Если меня с таким делом застукают, уволят.

— Буду рада, Иван Сергеевич, тогда вы наконец-то увидите во мне женщину, а не майора Волошину.

Гранин приподнялся, обнял Веру, взглянул на депутатов и чуть не выругался.

— Вот это номер, девочка. Третий-то, Юсов Петр Саввич, некогда работал в угро и прокуратуре, прекрасно меня знает. Я сторел, как мальчишка. Если он подойдет, ничему не удивляйся.

— Он идет. — сказала через несколько минут Вера.

— Добрый вечер, господин полковник, — тихо произнес подошедший Юсов.

— Садись. — Гранин отодвинул стул и пьяно качнулся. — Черт бы тебя побрал, надеялся, не заметишь.

— Спасибо. — Юсов сел к столу, взглянул с любопытством. — А чего тебе, мы живем в свободной стране.

— А... Знакомься — Вера, моя неразделенная. Майор — из наших.

— Ты при исполнении?

— Я всегда при исполнении. — Гранин наполнил рюмки. — Если начальство узнает, что я со своей сотрудницей водку пью, то мое исполнение вмиг и кончится.

— Ваня, тебе хватит. — Верочка забрала рюмку Гранина. — А мы с господином...

— Пожалуйста, просто Петр.

— Майор, поставь рюмку, — прошептал Гранин. — Мужики должны выпить.

— За знакомство, здоровье, успех! — Юсов поднял рюмку. — Все в один тост, мне следует вернуться к именитым сотрапезникам. Ты, Иван Сергеевич, их узнал?

— А то! — Гранин опрокинул рюмку. — От их физиономий даже японская аппаратура перегорает.

— Извините. — Юсов поднялся и раскланялся. — Рад видеть в здравии. — Он нагнулся к Гранину и прошептал: — А майор у тебя — высший класс!

— Как я смотрелся? — спросил Гранин, когда Юсов отошел к своему столику.

— Смоктуновский.

— Запомни, девочка, если хочешь обмануть, скажи правду.

Думаешь, его водка на столе успокоила? Ни черта! Твое звание, красавица.

Глава одиннадцатая ОН ШЕЛ НА ОДЕССУ...

Гуров собрал опергруппу, но не в кабинете Крячко, а по соседству, где работали Вакуров и Светлов, чтобы туда позвонить никто не догадался.

Обсудив последние события, сыщик шутливо закончил:

— Как поется, «он шел на Одессу, а вышел к Херсону». Смотрел на карту, не мог понять, как эдак можно промахнуться. Но, известно, из песни слова не выкинешь. Как будем жить, ребята?

Ребята угрюмо молчали. Первым отозвался подполковник Светлов:

— А мне чего? — Он пожал сутулыми плечами. — Убить на нашей работе всегда могут. А на пенсию выпшвырнут, так я давно собираюсь.

— М-да. — Крячко хмыкнул. — Господин полковник, сколько лет тебя знаю, а что ты такой крутой, понял лишь недавно. О чем ты раньше думал?

— Виноват, Станислав, оплошал, — просто ответил Гуров. — Сегодня вижу, что волчьи уши с первого дня торчали.

— Задним умом всяк крепок, — сказал сердито Светлов. — Ты, Станислав, чем попрекаешь? Что Лев Иванович чухнулся поздно? Так ты бы на его месте и сегодня пер, как бульдозер.

— Василий Иванович, слезь с коня, не махай шашкой, — миролюбиво ответил Крячко. — Я говорю, как есть, сам от такого расклада не в восторге...

— Лев Иванович, — вмешался Вакуров, — излагайте свой план, давайте конкретные задания.

— Задание не меняется, — ответил Гуров, — требуется установить Профессора, может, его и иначе называют, время покажет. Я дал «авторитетам» ваш телефон. Ставьте его на автоответчик, пусть пишет, людям легче с машиной разговаривать, думаю, информация пойдет с этой ночи. Машины пригнали?

Крячко бросил на стол две связки ключей.

— Борис, ты электронику получил?

Вакуров кивнул на стоявшие у сейфа коробки.

— Так оборудуйте квартиру умника, которого назвал Савилов. Второй комплект я забираю, установлю сам. — Он взглянул на часы. — Двадцать три. Начнем сей минут, мы имеем небольшую фору во времени. Вы оборудуйте машины...

— Они с телефонами, — сказал Крячко.

— Тем лучше. Поутру я одну машину у вас заберу, мою знают... — Гуров потер лоб. — Да, кроме Профессора, мы разыскиваем убийцу-исполнителя, который обитает на ферме. У него имеется особая примета: он высококлассный стрелок. Борис, ты с утречка начнешь его устанавливать.

Гуров вырвал из блокнота несколько листков, протянул Вакурову.

— Думаю, один из этих трех. Станислав, помоги Борису с легендой, надо войти в каждую квартиру. Ничего вскрывать, нарушать не придется, в квартирах живут родственники. У одного жена с дочерью, у двоих родители. Человек где-то стрелять научился, и домашние наверняка о его искусстве знают. Идея ясна?

— Входишь, на серванте кубок торчит, — съязвил Крячко. — Или на стене грамота в рамочке, а может, фотография человека с ружьем.

— Борис, теперь слушай внимательно. — Гуров выждал, пока оперативник посмотрел ему в глаза. — Ты начинаешь в девять, заканчиваешь к шестнадцати. Если что-то не успел, все равно заканчиваешь. Я полагаю, что они раньше обеда не тряхнутся, до шестнадцати ты по моей прикидке в безопасности. Позже они городскую квартиру перекроют, и ты погибнешь без цветов. Борис, ты меня понял? Героя изображать не начнешь?

— Лев Иванович, обижаете.

— Молодец. — Гуров повернулся к Крячко и Светлову: — Вы сейчас на двух машинах выезжаете по известному адресу, оборудуйте квартиру техникой и ждете... ждете... Либо он выйдет на связь, либо к нему придут, скорее второе. Человек, которого вы обнаружите, будет человек Профессора. Полагаю, вам лично ничего не грозит. А там, кто его знает, решите по обстановке.

— Ну, спасибо, — буркнул Светлов.

— Когда человека хотя бы предположительно установите, свяжитесь со мной, не найдете меня, звоните Орлову и решайте. Действуйте.

— Удачи... Удачи... Удачи... — Оперативники вышли, Гуров позвонил Орлову:

— Здравия желаю.

— Ты где?

— В офисе, на Петровке.

— Быстро к спикеру! Быстро! Я дам команду по трассе, жми на всю железку!

— Что, его тоже? — спросил Гуров.

— Лева! Я буду дома, звони. — Орлов положил трубку.

Гуров подключил к аппарату автоответчик и неторопливо направился к машине.

— Добрый вечер, Ахат Тимурович, как вы себя чувствуете? — сказал Гуров, входя в кабинет, и, не ожидая приглашения, уселся в кресло. — Я — отвратительно. Устал, устал, как ездовая собака.

Спикер не спросил, где сыщик пропал и чем занимался, знал, кроме дерзкой шутки, иного ответа не получит.

— Я сплеховал сегодня, слышали, наверное.

— Пустяки, с каждым случается. — Гурову хотелось курить, но спикер выглядел так скверно, что дымить в кабинете не следовало. — Скоро полночь, что вы высидиваете? Работник из вас сейчас — никакой, врач наверняка велел лежать. Меня ждете? Об убийстве полковника ничего сказать пока не могу, с делом

еще не знакомился. Результаты? Думаю, через два-три дня я всех возьму, Ахат Тимурович.

— Всех? — Спикер по-детски сморщился, казалось, сейчас заплачет. — Их так много?

— Ну, насчет всех — это я похвастался, — ответил Гуров. — На всех силенок не хватит. Но вы должны понять, ведь не один же сумасшедший шныряет между охранниками и постреливает.

— Мне врач рекомендовал перед сном выпить рюмку спиртного. Пожалуйста, возьмите там что-нибудь по своему вкусу, — хозяин указал на один из шкафов, — я в этом ни черта не понимаю.

В довольно объемном баре красовались бутылки с иностранными этикетками, бокалы, тут же была вмонтирована морозилка. Гуров бросил в бокалы лед, налил джина, добавил тоника, бутылку прихватил с собой.

— Прелестный напиток! — Гуров одним махом проглотил содержимое. — Ахат Тимурович, положила руку на сердце скажите, кто вам настоятельно советует не переезжать на городскую квартиру?

— Советует? — Он замялся, понял, что совет неубедительно, но удержаться не мог. — Да никто, я сам.

Гуров кивнул, заглянув в свой бокал, добавил еще джина.

«Он не понимает, что убийца находится рядом и готов нажать на спусковой крючок. Последний выстрел, последний труп — спикер парламента. Главный интриган России заблудился в трех соснах. Как его спасти, кому здесь можно довериться?»

— Новые сутки наступили, они не легче прошедших будут. Пойду спать. — Гуров поднялся, небрежно спросил. — А кто, наоборот, уговаривал на городскую квартиру переехать?

— Новый начальник охраны, что за дверью стоит, — легко ответил спикер.

— Спасибо, спокойной ночи.

— Спасибо вам, Лев Иванович, — неожиданно вырвалось у спикера.

Гуров вышел из кабинета. Подошел к гэбисту, молча посмотрел ему в глаза.

«Чужая душа — потемки, а я не Вольф Мессинг. — Сыщик продолжал смотреть в лицо охранника, не решаясь открыться. — Если я ошибусь, то ускорю события. Хотя вряд ли, к последнему выстрелу они не готовы, ведь требуется ликвидировать исполнителя».

Гэбист не опускал взгляда, понимал, что милицейский сыщик хочет сообщить что-то важное. Гуров собирался сказать одно, произнес совсем другое:

— Если этой ночью застрелят спикера, а вы ликвидируете убийцу, я вас найду, и вся служба безопасности вас не спасет.

— Хорошо. — Охранник кивнул, голос у него был спокоен, словно они говорили не о жизни и смерти, а договаривались идти на рыбалку.

Гуров получил свои пистолеты и спустился по мраморным ступенькам в парк. В его квартире светились окна, сыщик знал, кто его ждет, принимал судьбу покорно, как истинный христианин. Как только он распахнул дверь, раздался спокойный голос:

— Здесь Гранин. Если не считать початой бутылки коньяка, то я один.

Гуров пожал полковнику руку, упал на тахту.

— Излагай короче. Если я не выплюсь, то утром залезу под трамвай. Начни с Николая. Когда, где, как? — Гуров прикрыл глаза.

— В пятнадцать, в его квартире, спящего, из пистолета того же калибра. — Гранин после обильного ужина успел окончательно протрезветь.

— Нормально. Что еще нового?

Гранин рассказал об ужине в ресторане, о записи разговора между депутатами-оппозиционерами и Юсовым.

— В принципе пустая болтовня, за исключением того, что Бисковитый считает себя основным кандидатом.

— Это важно, — пробормотал Гуров. — Кто тебе сообщил о болезни сестры Николая и о том, что она выезжала лечиться за рубеж?

Гэбист мгновенно понял: вопрос не свалился с потолка, сыщик получил дополнительную информацию.

— Все обычным путем, я заказал установку, через несколько часов получил ответ.

— Лживый ответ. Сестра имеется, больна, но отнюдь не так тяжело, лечиться никогда не выезжала. — Гуров встал и с хрустом потянулся. — До чего же хреново у вас работают, Сергеевич, даже смешно.

— У нас, как у вас, люди разные и по-разному работают. Что у тебя?

— Дела уголовные, к политике отношения не имеют. Пытались добыть информацию о Профессоре, пока без результата.

— Ты установил технику у Сабрина?

— Зачем тебе знать? Дело ведь незаконное. Разбегаемся, давай спать.

— Темнишь, сыщик!

— Есть немного, — признался Гуров. — Обещаю: если у меня появится что-нибудь серьезное, ты узнаешь об этом первым.

Оперативники распрощались. Гуров запер за гэбистом дверь, проверил все окна, сунул под подушку «вальтер» и мгновенно заснул.

В восемь утра Гуров уже находился в кабинете МУРа, прослушивал запись звонков. У всех информаторов были нелады с русским языком. После многократного прослушивания, расшифровки искаженных и недоговоренных слов получилось следующее: около сорока, среднего роста, плотный, полноватый, светлый, блондин или рыжий, лохматый, грязный, любит кошек, живет за мостом... Надо понимать, Замоскворечье.

Все было понятно, кроме — грязный. Гуров перемотал пленку, включил автоответчик.

Фрол Осипов, которого назвал арестованный Савиков, жил в одном из переулков Старого Арбата, с сожительницей занимал комнату в трехкомнатной квартире. Соседи больше года как

переехали, желающих поселиться в освободившихся «хоромах» не нашлось, так что практически супруги владели отдельной квартирой. Оперативникам повезло, черный ход отсутствовал, и Крячко со Светловым поставили свои машины в переулке, один приткнулся к забору новостройки, другой встал между двух иномарок. При современной аппаратуре прослушивать квартиру на втором этаже было дело пустяковое.

Ночь прошла муторно, тоскливо, оперативники изредка переговаривались, в основном определяя, кто час подремлет, а кто бдит.

В девять утра Крячко увидел Гурова, он прошел мимо, жестом приглашая следовать за собой.

Присели на скамейке крохотного сквера. Не ожидая вопроса, Крячко сказал:

— Пока пусто, пьяная матерщина, звонков не было.

— Терпи, Станислав, конечно, не дело такого аса столь бездарно использовать, — ответил Гуров, — но сам понимаешь... Машину у тебя забираю. Через час Савикова выпустят на волю, они должны зашебуршиться.

— Лев Иванович, не нравятся мне наше занятие, и не потому, что тоска зеленая, — сказал Крячко. — Фрол — барыга и алкаш, не могут его в серьезном деле использовать.

— У каждого человека не одно лицо, даже не два, терпи. Профессору необходимо переговорить с Савиковым, проверить его, узнать, что мы знаем. Сам он на связь с Савиковым не пойдет, но человека пришлет обязательно. Именно он нам и нужен. Так что, как только передача состоится, Осипова бросай, переключайся на третье лицо.

— Да, понимаю, — тоскливо протянул Крячко, — главное, было бы на кого переключиться.

— У тебя есть другие предложения?

— Держи. — Крячко передал Гурову ключи от машины. — Будут новости, сразу звони нам в машину. Что-то у меня за Бориса душа болит. Парню следовало бы тут болтаться, а по адресам мне идти.

— Не говори глупости. Удачи. Я тоже жду вашего звонка.

— Удачи, удачи. — Крячко проводил взглядом статную фигуру полковника и вразвалочку, шмурьяга, так ходят люди, еще не опохмелившиеся, направился к машине Светлова.

Борис Вакуров пребывал в отличном, беспшабашном настроении. Он не учился актерскому мастерству, но оперативником был опытным и знал, если ты кого-нибудь изображаешь, следует начинать со своего нутра. Проверяемые были примерно его возраста, а Крячко посоветовал, что самая хорошая легенда — разыгрывать человека, вернувшегося после многолетнего отсутствия и заскочившего к приятелю, с которым последний раз виделся лет семь-восемь назад. Оказался рядом с домом, вспомнил детство и решил заглянуть.

Значит, геолог или что-то вроде того, беспшабашный парень, ошарашенный Москвой, вчера с трапа самолета, при деньгах, без всяких планов и забот.

Борис оделся фирменно — затертый джинсовый костюм, ноше-

ные кеды, зато рубашка свежая, в кармане фляжка коньяка, он даже глотнул для запаха. Покручивая ключами от «Жигулей», Вакуров около полудня взбежал на второй этаж солидного дома, расположенного на Ленинградском проспекте. Это был второй адрес. В первой квартире Борис помог выкупать трехлетнего, очень серьезного пацана, сбегал для супруги проверяемого за хлебом, потом пил кофе с неряшливо одетой, но уже накрашенной женщиной.

Борис потрепался про тайгу, которую видел только в кино, выслушал сплетни о жизни спикера, которого хозяйка видела тоже только на экране телевизора. На крючки, заброшенные оперативником, мол, какой искусный стрелок ее муж, хозяйка не реагировала, и Борис, принося извинения за беспокойство и обещая звонить, ретировался.

Дверь на втором этаже солидного дома на Ленинградском проспекте была обита красивым кожзаменителем, в центре имелся «глазок», что свидетельствовало о разумной осторожности хозяев. Борис позвонил. За дверью послышались шаги, женский голос спросил:

— Вам кого?

«Главное, суметь войти в квартиру», — подумал Вакуров и смущенно улыбнулся.

— Здравствуйте, Виктория Александровна, я давнишний приятель вашего сына, Борис Вакуров. Вы меня, конечно, не помните, прошло столько лет...

— А Гарика нет дома. Он работает за городом, бывает редко.

— Какая обида! Я шесть лет не был в Москве, шел мимо и вспомнил, решил заглянуть. Ностальгия по ушедшей молодости. — Борис вновь улыбнулся. — Как Гарик, институт закончил? — Он чувствовал, что его внимательно разглядывают, провел руками по волосам, демонстрируя, что не держит никакого оружия или другого предмета. — Значит, за городом работает, помнится, мечтал за границу...

Борис сделал верный ход: какой матери не хочется поговорить о сыне, тем более когда его карьерой можно гордиться. Щелкнул замок, и дверь приоткрылась. Оперативник не дотронулся до ручки, осторожную женщину можно испугать, а дверь окажется на цепочке. И он угадал: женщина смотрела оценивающе, цепочку не снимала. Тогда оперативник решил рискнуть.

— Извините за беспокойство и навязчивость. — Он поклонился. — Привет Гарику, если он помнит меня. — И направился к лестнице.

— Да зайдите же! — сказала женщина таким тоном, словно битый час уговаривала его зайти в квартиру, а он отказывался.

В отличие от молодой мамаша Виктория Александровна была одета аккуратно, строго, не по-домашнему. Вакуров подумал: возможно, она собиралась уходить, — но вскоре понял, что таковы манеры и привычки хозяйки дома.

Минут пятнадцать разговор не клеился, хозяйка держалась скованно, отвечала односложно. Вакуров начал было повторять байки о тайге, но быстро понял, что женщину они совершенно не интересуют. Ясно, ей хотелось поговорить о сыне. Борис такой

разговор начинать боялся, так как обладал скудными сведениями: когда и где дражайший сынок родился, имеет незаконченное высшее образование, холост...

— Боря... Вы не возражаете, если я буду звать вас по имени?

— Что вы, сочту за честь. — Вакуров церемонно поклонился, увидел, что попал в масть, и определил свою дальнейшую линию поведения.

— Боря, вы не учились с сыном в школе, я не помню вас среди его товарищей по институту. Простите, когда и где вы с сыном познакомились?

— Давным-давно, точно не скажу. — Вакуров махнул рукой. — Мы познакомились в тире...

На лицо женщины легла тень. Оперативник понял, что с темы надо быстренько соскакивать.

— Простите, Виктория Александровна, вы коренная москвичка?

— Естественно. — Она слабо улыбнулась. — Извините. — Хозяйка прошла на кухню, чиркнула спичкой, видимо, поставила чайник.

Пользуясь отсутствием хозяйки, он оглядел комнату. Гостиная была обставлена добротной старинной мебелью — круглый стол, стулья с высокими спинками, массивный комод, диван тоже с высокой спинкой, на верхней полке выстроились слоники, стены чистые, обои современные, чувствуется, недавно наклеены, и телевизор — супер. Надо понимать, что обон и телевизор — подарки сына, остальное со старых времен.

Хозяйка вернулась с подносом, на котором стояли кофейник, чашки голубоватого прозрачного фарфора, хрустальная вазочка с печеньем.

— Живу я довольно одиноко, Гарик работает под Москвой, навещает редко. — Женщина расставила посуду, разлила кофе. — Угощайтесь.

— Благодарю, но, право, не стоило беспокоиться, — по-книжному ответил Вакуров, хрупкую чашечку взял осторожно. Оперативнику показалось, что, упомянув о работе сына, хозяйка пылливо взглянула на гостя. Она испугана, и это естественно, учитывая количество трупов в загородной резиденции, где работает ее парень, понял оперативник.

— Если Гарик относительно недалеко обосновался, я бы к нему заскочил, но, боюсь, не получится, мне завтра улетать, — сказал Вакуров.

— И далеко?

— Как все таежники, я стремлюсь к теплому морю, в Сочи.

— Там беспокойно.

— А где сейчас в России спокойно? В медвежьих углах, так они мне надоели, устал. Да, я, когда ваш дом увидел, Гарика вспомнил, решил заглянуть и старый долг вернуть. Хотя сегодня те деньги просто смешными кажутся. Сто рублей! Какая у вас инфляция? Процентом тысячу, наверное?

— В долг брали? — поинтересовалась хозяйка.

— Нет, соревнование проиграл. Стреляли мы с ним из пистолета. Он мне фору, естественно, давал. — Вакуров говорил за-

думчиво, словно вспоминая, и с интересом разглядывал чашечку с кофе. — Но все равно выиграл. Классный стрелок был, помню, тренер его в сборную пригласил...

— Извините, — перебила хозяйка, — мне больно вспоминать об этом увлечении сына. Вы же знаете, чем это кончилось.

— Чем кончилось? — Вакуров поставил чашку, взглянул удивленно. — Понятия не имею, видимо, я уже уехал. Какое-то несчастье произошло?

— Не будем об этом. — Виктория Александровна махнула тонкой рукой. — Моего мальчика, такого светлого... обвинили в убийстве. — Она смешалась и торопливо закончила: — Начали следствие, пришлось уйти из института... Кошмар!

Семен Владимирович Бисковитый в Доме журналистов встречался с пишущей и говорящей братией. Рядом с героем сидели Николай Сабрин и еще двое молодых непонятной ориентации. Бисковитый был непривычно сдержан, даже лаконичен. Вздурраженные журналисты поначалу активно щелкали фотоаппаратами, тянули вверх микрофоны, снимали на видео, но вскоре разочарованно поутихи.

На тебе! Лидера-крикуна, кандидата в Президенты, который прикрывает наготу фиговым листочком, словно подменили. На трибуну поднялся человек, похожий на прежнего только лицом; одежда, манера держаться, жестикуляция, голос, а главное, суть выступления — все это показывало журналистам, что перед ними умный, блестяще образованный человек. А не сумасшедший авантюрист, каким они считали его до сих пор.

Гуров сидел в дальнем углу и, наверное, единственный из присутствующих ничему не удивлялся. «В принципе все происходит, как и должно происходить, — рассуждал он. — Если некие силы делают ставку на человека, то не станут тратить время и деньги впустую, уж позаботятся, чтобы их лошадка выглядела достойно, бежала, соблюдая правила, слушалась наездника беспрекословно».

Когда пресс-конференция закончилась, нашлись сумасшедшие, которые попросили у Бисковитого автограф. Подошел к нему и Гуров, достал из кармана блокнот и дорогую авторучку, протянул кандидату:

— Черкните несколько слов единомышленникам.

Бисковитый взял блокнот, начертил несколько слов, витиевато расписался, авторучку хотел вернуть «поклоннику», но сыщик взял только блокнот.

— Ручку оставьте на память, Семен Владимирович. — И затерялся в толпе.

Бисковитый взглянул на ручку, хмыкнул и сунул ее в карман, не подозревая, что получил в подарок миниатюрный магнитофон. Гуров издал наблюдая за ним, удовлетворенно кивнул и направился к своему приятелю-журналисту, который и привел его сюда. Тот брал интервью у Николая Сабрина, ошарашенного выступлением шефа больше, чем кто-либо иной. Говорил он рассеянно, оглядываясь, вел себя нервно. Гуров, держа газету с кроссвордом, подошел к ним, взял Сабрина под локоть, словно старого знакомого, быстро заговорил:

— Привет, коллеги, подскажите, интеллектуалы: домашнее животное из трех букв?

— Кот,— мгновенно ответил приятель, предупрежденный о вопросе заранее.

— Верно! — Гуров хлопнул себя газетой по лбу и, крепко держа Сабрина, продолжал: — Мы привыкли к слову «кошка». Кстати, у меня есть знакомый, такой чудак, он обожает кошек! Маньяк, да и только!

Гуров взглянул Сабрину в лицо и смущенно улыбнулся:

— Господин Сабрин! Извините, не узнал, думал, кто-то из своих...

Депутат вырвался из цепких рук сыщика и заспешил к выходу.

— Ну, интриган! Кого сумел заловить? — рассмеялся приятель.

— Заловить не заловил, а на след встал прочно.

Сыщик, держа Сабрина под руку, почувствовал, как тот вздрогнул при упоминании о коте, а заглянув ему в глаза, увидел в них страх и смятение. И Гуров понял: попал в десятку.

— В одном случае я промахнулся и вышел к Херсону. А сегодня шарил наугад, вслепую, но ухватил, что искал,— Гуров улыбнулся недоумевающему журналисту,— спасибо, приятель, с меня причитается, звони.

Гуров сел в «Жигули», завел мотор, но не двинулся с места, раздумывая, как можно использовать знакомство Сабрина с любителем кошек.

Юсов ждал звонка неизвестного, готовился к переговорам. Но позвонили рано утром в дверь. Не проспавшийся после вчерашнего, он накинул халат, посмотрел в «глазок». Увидев незнакомого мужчину, недовольно спросил:

— Вам кого?

— Вас, Петр Саввич.— Незнакомец широко улыбнулся.— Меня, с вашей легкой руки, зовут Козел.

Юсов облизнул вмиг пересохшие губы, приоткрыл дверь.

— Здравствуйте, проходите.

Мужчина среднего возраста сверкнул золотым зубом и прошел в комнату.

— Не ожидали? — Он взглянул на Юсова оценивающе, усмехнулся.— Опохмелись, нам нужно, чтобы ты находился в рабочем состоянии.

— Тогда я с твоего разрешения и переоденусь.

— Валий.— Гость взял с журнального столика газету и развалился в кресле.

Давний знакомый Гурова, некогда служивший на Петровке, позже в ЦК, а сегодня сотрудник аппарата Президента, Виктор Юрьевич Сазонов нервничал, потому и держался излишне развязно. Прекрасно понимал, от того, как справится с порученным заданием, зависит его судьба. Сазонов всю жизнь получал указания сверху и отправлял их вниз, ничего и никогда не решая. Среди заговорщиков он тоже оказался по указанию начальства...

Его передали из рук в руки, словно неодоушевленный предмет: «Надежен, прекрасный исполнитель».

Неожиданно Сазонов получил самостоятельное задание, которое он не мог спустить по инстанции, а обязан был выполнить сам и ответить за результат.

Чисто выбритый, с влажными после душа волосами, опохмелившийся Юсов принес гостю кофе, поставил на столик бутылку виски:

— Рад, что вы пришли, извините, что грубил по телефону, не разобрался в ситуации.

— Случается. — Сазонов кофе взял, от спиртного отказался.

— Мы раньше встречались? — Хозяин налил себе виски, взглянул испытующе.

— Служили в одни годы на Петровке.

— Мир тесен. — Юсов выпил. — У меня отличная память на голоса, это не вы звонили...

— Не имеет значения! Вы будете выполнять наши... просьбы. — Как большинство неуверенных в себе людей, Сазонов разговаривал грубо.

Но Юсов был тоже трусоват, и хамский тон гостя на него подействовал. Тем более что последнее убийство его напугало до предела.

— Я же не отказываюсь. — Он вновь плеснул в стакан виски. — Только не могу понять, кто вы и своей роли в вашей игре.

— Прекратите пить! — заметив страх и неуверенность в голосе хозяина, Сазонов повысил тон. — Мы — патриоты России, надеемся, что вы тоже патриот. Если мы ошиблись, положение легко исправить известным вам методом.

— Хорошо, хорошо, говорите, что я должен сделать. — Юсов отодвинул стакан.

— Бисковитый сегодня встречается с журналистами. Мы хотим, чтобы он выглядел солидно.

— Владимирович — человек неуправляемый, я не пользуюсь достаточным влиянием.

— Глупости! Каждый человек управляем. — Сазонов достал из кармана сложенную вчетверо бумагу, протянул хозяину: — Вот его основные тезисы. Поезжайте к нему, передайте. И скажите ему: если на встрече с писаками станет вести себя разумно, то сегодня же встретится с Большим Человеком и обсудит ход предвыборной кампании.

— А если нет? — еле выговорил Юсов.

— Я буду в Доме журналистов, и от вас зависит, куда вы оттуда поедете.

Борис Вакуров, как мальчишка, скатился со второго этажа по перилам. Стрелок выявлен! Конечно, с наводки полковника, но конкретный результат получил Борис Вакуров. Классный он опер, Борька Вакуров!

Он ушел в «Жигули», включил рацию, вызвал полковника.

— Вас слушают, — немедленно отозвался Гуров.

— Говорит самый молодой. — Вакуров вспомнил предупре-

ждение Гурова не болтать лишнего, так как рация сегодня у каждого любопытного.

— Слушаю тебя, парень.

— «Я шел на Одессу».

— Молодец. Поезжай немедленно домой, смотри под ноги.

Вакуров положил трубку, взглянул в зеркало заднего вида. Замызганный «Москвич», стоявший позади, уже выехал на Ленинградку и медленно катился правым рядом. Вакуров лихо его обогнал, свернул в первый переулочек направо. Он проезжал мимо выстроившихся вдоль тротуара коммерческих палаток, когда шедший сзади «Москвич» обогнал его «Жигули» и встал поперек. Из машины выскочили двое, один полоснул из автомата по палатке. Оперативник инстинктивно схватился за пистолет, открыл дверцу, выпрыгнул, успел подумать, что не имеет права вмешиваться... Если убьют, полковник ничего не узнает. Он уже хотел сесть за руль, когда сзади к нему подошел мужчина. Он выстрелил Вакурову под лопатку, толкнул труп в «Жигули», сам вскочил в «Москвич».

Немногочисленные свидетели, которых позже удалось разыскать, заикаясь, рассказывали о нападении на палатку. Как был убит водитель «Жигулей», никто не видел.

Глава двенадцатая «ОН ШЕЛ НА ОДЕССУ...». ПРОДОЛЖЕНИЕ

258 Юрий Савиков брел по Столешникову переулочку, сосредоточенно глядя под ноги, словно боялся споткнуться. Он радовался свободе, но надо позвонить Фролу, встретиться с ним, а боязно. Человек, взятый МУРОм и выпущенный, если еще не труп, то уже и не живой, так, серединка на половинку. Он шел и шел... Исправный телефон-автомат удалось обнаружить лишь на улице Герцена.

— Алле,— почти сразу отозвался Фрол.

— Фрол, это я, топаю к тебе своими ногами и без хвоста,— тяжело выговорил Юрий Савиков.

— Подходи в нашу пивную, жду.

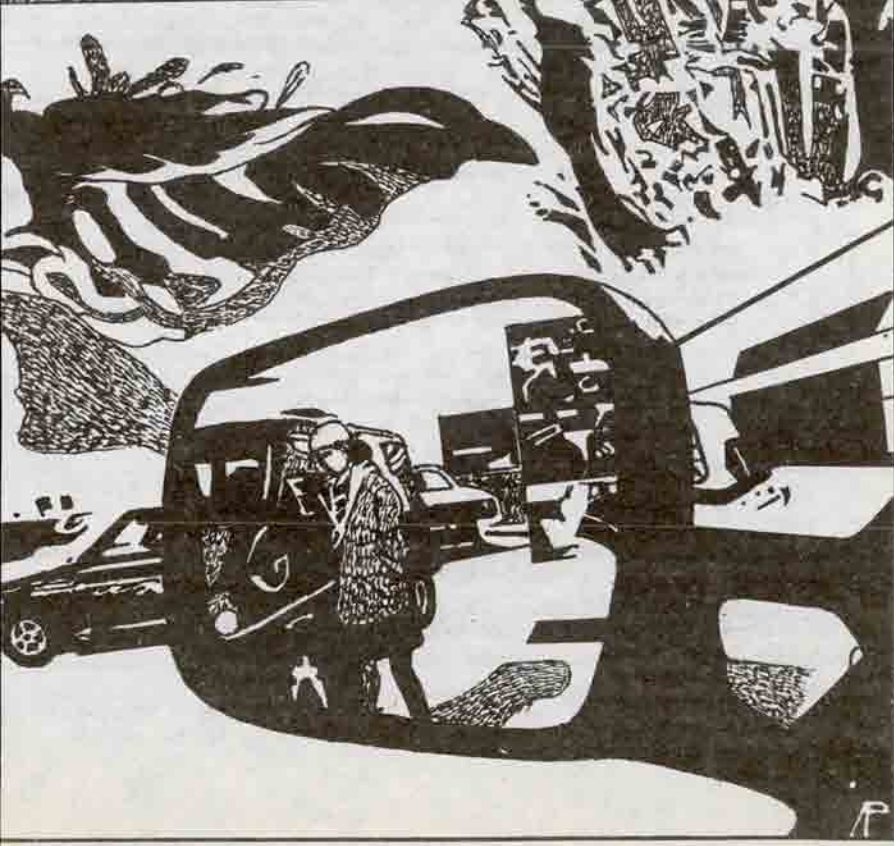
Фрол выбрался на улицу минут через десять. Маленький, кряжистый, лысый, с кривой ногой. Фрол Осипов собрал в себе все мыслимые приметы, и не узнать его при всем желании было невозможно. Когда Фрол вошел в пивную, Крячко сказал:

— Пойдешь, естественно, ты, Василий.— Он ухмыльнулся.— У тебя и возраст подходящий, и физиономия сохранила поселковую непосредственность.

— Обидеть пожилого человека просто.— Светлов с удовольствием выбрался из машины, потянулся, хрустнул затекшими суставами.

Старый оперативник прошелся по тротуару, подождал, пока трое мужиков не подойдут к заветным дверям, и вошел вместе с компанией.

Зал был небольшой, уютный, как ни странно, чистый. Шесть высоких столов, стулья отсутствовали, посетителям предлагалось

особенно не задерживаться. Хотя в углу невысокий мужичок в затрапезном костюмчике, положив локти на стол, умудрился подремывать над недопитой кружкой пива.

Светлов в компании троих аборигенов подошел к стойке, взял кружку пива и тарелочку черных сухарей, тронул соседа за рукав, приоткрыл полу пиджака, показывая горлышко поллитровки, и спросил:

— Не войдешь в долю? Мне одному много, да и с деньгами хреново.

Мужчина пошептался с приятелями, кивнул оперативнику, пригласил к столу:

— Что у тебя и сколько просишь?

— «Пшеничная», по сотнику с рыла, — ответил Светлов, взглянул на соседний столик. За ним, в одиночестве потягивая пиво, стоял Фрол Осипов.

Сделка была оформлена мгновенно. На столе появились стаканы, водку разлили сразу и с точностью до грамма. Светлов встал к Фролу боком, если чуть наклониться, то сосед оперативника закрывал, выпрямляешься, получаешь полный обзор.

— Ну, будем здоровы, мужики, — сказал самый молодой, но явно лидер. — Споловиним.

Дружки согласно кивнули, сделали по мерному глотку, присосались к кружкам, молчали, ждали, когда «достанет».

В пивную бесшумно вошел Савиков, взял кружку пива, пристроился рядом с Фролом.

— Здорово, Юрок, с освобожденницей, — просипел Фрол, вынул из кармана бутылку, плеснул в кружку приятеля.

— Спасибочки, Фрол. — Савиков выпил в один прием, отер губы ладонью.

Неожиданно к столу пристроился Сеня-посредник, мужичонка, «дремавший» в углу.

— Чего так быстро выскочил? — спросил он, не здороваясь, не представляясь. — Или контора больше мышей не ловит?

Савиков вздрогнул, взглянул на Фрола.

— Отвечай, Юрок, ты парнишка третий, должен понимать, — просипел Фрол.

— Я понимаю, — тихо, но вызывающе сказал Савиков. — Вы меня в зубы черту сунули, теперь недовольны, что он меня выплонул. С тебя, Фрол, должок причитается, пока не вернешь, разговаривать не буду. А с этим хмырем я баланду не хлебал и толковать вообще не стану.

Савиков точно следовал инструкциям, полученным от Гурова, и удивлялся, что страх, который холодил всю дорогу после выхода с Петровки, сейчас прошел. И Фрол, и подошедший, судя по всему из «начальников», — мелкие сляки против Гурова.

— Я ссучившемуся, кроме «пера» в бок, век ничего не должен, — просипел Фрол.

Сеня, верный помощник Геннадия Артуровича Бланка, тронул Фрола за руку, кивнул на кружку Савикова, мол, налей человеку, и миролюбиво сказал:

— Давай без нервов, приятель. Человек с того света вернулся, его понять можно. — Он повернулся к Савикову: — Ты не гоно-

пись. Как здоровье полковника? Как тебя взяли, мы видели, а почему выпустили, не ясно. Согласен?

— Гуров здоров, привета не передавал. Ко мне интереса не имел, машиной поинтересовался и отстал.

— А что же «перышко», что тебе Фрол передал, менты не нашли?

— Как не нашли? — Он спокойно пожал плечами. — Нашли, конечно. Меня же муровцы брали, а не фраера. Я должок желаю получить.

Сеня достал конверт, сунул Савикову в карман.

— Так что же, жало изъяли и спокойно вернули?

— Что отняли, то и отдали. — Савиков усмехнулся, из нагрудного кармана пиджака достал «ручку», положил на стол.

— Странно. — Сеня пальцем покатал «ручку», увидел: жало у нее раздроблено.

— Я с мотором возился, — пояснил Савиков, — когда стали брать, эта, — он ткнул пальцем в «ручку», — на аккумуляторе лежала. Я ее схватил и в аккумулятор воткнул. Менты не заметили...

Когда дремавший в углу мужичок отлепился от своего стола и переместился к Осипову и Савикову, подполковник сначала не обратил на него внимания. Решил, что Фрол пьяницу сейчас отошлет либо с Савиковым выйдет на улицу. Но, когда между подошедшим и Савиковым завязался разговор, а Фрол помалкивал, оперативник насторожился. Неужели эта серая мышь и есть тот человек, необходимый нам? Похоже. Но ведь, когда оперативник следом за Фролом в пивную вошел, мышонок уже тут отдыхал. Фрол никуда не звонил, да и не мог человек Профессора так быстро здесь объявиться. Но, увидев, что Савиков достал «ручку» из кармана, сомнения у него отпали. Мышь оказалась волком, его следует «зарядить». Но как подойти? И почему посланец действует так нагло?

Подполковник не знал, что Сеня вчера еще получил весточку из камеры, что, судя по всему, Юрия завтра из каземата выпустят. Сеня тут же встретился с Фролом, оперативники тогда на нем не висели, и обо всем договорился: Савиков назначить встречу в пивной и после звонка открыть форточку. В десять утра, раньше Савиков появиться не мог, Сеня обосновался на стройке, поглядывая на окна Фрола. Увидев, как форточка открылась, Сеня бросился со всех ног в пивную, благо располагалась она в двух кварталах...

Сеня выслушал Савикова, задал несколько вопросов и остался доволен. Парень оказался шустрым, вещдок уничтожил вовремя...

Светлов прихлебывал пиво. Нащупав в кармане «маячок», который следовало подложить послу Профессора, он решил, как ловчее это исполнить, и с удивлением увидел, что в пивную вошел Крячок. Не оглядываясь, Станислав прошел к стойке, обратил внимание, что с Фролом и Савиковым стоит незнакомец, заметил напряженное лицо подполковника, все понял. Купив пачку сигарет, вышел.

— Вы, люди, дружите и кончайте пить, — сказал Сеня строгим

голосом. — Предстоит хорошая работа. — И направился к дверям.

В тамбуре Сеня столкнулся с Крячко. Тот сунул ему под нос пачку сломанных сигарет и возмущенно заорал:

— Чем торгуют? Грабят по-черному! — И ворвался в пивную.

В просторном кабинете ресторана за накрытым столом сидели Бисковитый, Юсов и мужчина лет шестидесяти, без тени улыбки представившийся Иваном Ивановичем Ивановым. Никто из присутствующих не ел, не пил, даже не курил. Официанты в кабинет не заглядывали, а стоявшие за дверными портьерами охранники, застыв в монументальных позах, не скрываясь, держали в руках короткоствольные автоматы.

Юсов сидел, потупив глаза, молчал. Это было совсем не сложно, так как за время встречи «высоких договаривающихся сторон» к нему ни разу не обратились.

— Семен Владимирович, мы считаем вас человеком подходящим, а иначе бы и не встречались. — Иван Иванович говорил размеренно, веско глядя Бисковитому в лицо. — Я слышал ваше выступление перед прессой. Вы говорили хорошо, убедительно, мы вами довольны.

— А я — нет! — Бисковитый криво улыбнулся. — Сам удивляюсь, как дал себя уговорить. — Он покосился на Юсова. — Одно успокаивает: что сегодня политикам позволительно менять свою позицию по семь раз на дню. Мне интересно взглянуть на человека, который считает себя некоронованным правителем России.

— Вы популярны. Если мы вас поддержим, вы можете стать Президентом, — продолжал Иван Иванович, словно и не слышал его слов. — Я сторонник открытого текста, предпочитаю сразу и четко расставить все по местам.

— Кто такой Семен Бисковитый, знает каждый грамотный россиянин, кто вы, никому не известно! — Бисковитый хотел ударить кулаком по столу, но сдержался и нерешительно шлепнул ладошкой.

— Для России ваша фамилия — крупный недостаток. — Иван Иванович походил на запрограммированного робота и не реагировал на посторонние шумы. — За вас могут проголосовать только от полной безысходности. Мы способны создать такую ситуацию, тем более нынешние правители нам активно помогают. Как говорил Иосиф Виссаронович, народ устал, пора кончать войну.

Бисковитый схватил первую попавшуюся под руку бутылку, налил, расплескивая, выпил.

— Я должен знать, кого вы представляете и кто за вами стоит!

— Когда вы станете законно избранным Президентом, вас ознакомят с составом правительства. Вы будете, как королева Великобритании. Царствовать, но не править. Это все! — Иван Иванович поднялся. — Ваше согласие мы должны получить не позже завтрашнего полудня.

Иванов вышел, автоматчики исчезли.

— Ты куда меня привез? За кого они меня принимают? — закричал Бисковитый, впервые взглянув на Юсова.

Петр Саввич патрона не слушал. Проклинал день, когда ввязался в большую политику: «Все иметь и все разом потерять! Этого пизофреника, может, и не тронут, а меня ликвидируют моментально».

— Ты оглох? Я тебя спрашиваю! — Бисковитый выплеснул бокал водки в лицо Юсова.

Тот достал платок, аккуратно утерся, и, удивляясь спокойствию своего голоса, сказал:

— Владимирович, фарш обратно не прокрутишь!

Гуров свернул с Садового кольца на улицу Чехова и взглянул в зеркало. Он не сомневался, что преследующая его «Волга» не отстанет, и не ошибся. Услышав мягкий зуммер телефона, быстро взял трубку.

— Лев Иванович, убили Бориса, возвращайтесь в контору.

— Боюсь, не получится, Станислав, — ответил Гуров. — Думаю, меня преследуют убийцы Бориса. Если я попытаюсь двинуться на Петровку, меня расстреляют в упор. Мы должны взять их. Ты где находишься?

— Въезжаю на Тверскую со стороны Белорусского.

— Я рядом, на Чехова, сейчас сверну на бульварное кольцо. А ты сверни на бульвары с Тверской, двигайся к Никитским воротам. За мной тянется светло-серая «Волга» семьдесят семь, пятьдесят шесть. Когда свернешь на бульвар, позвони. Определимся. Пристройся за «Волгой», выведем ее на Минское шоссе, там разберемся. — Гуров положил трубку, но продолжал говорить вслух: — Борьку убили... Он так и не женился... Теперь и к лучшему.

Сыщик положил «вальтер» на соседнее сиденье, на случай, если во время очередной пробки они высадят стрелка и он подойдет вплотную.

Гуров миновал Тверской бульвар, проехал Суворовский, остановился в очереди при выезде на Кутузовский. Вновь зазвонил телефон.

— Я миновал Никитские ворота, объект не вижу, — доложил Крячко.

— Они впереди тебя на несколько машин, — ответил Гуров. — На Кутузовском, думаю, не рискнут напасть, слишком много постов. У арки я сверну направо, там встану. Ты прижмись, дай им выстрелить, пусть проявят себя и развяжут нам руки.

— Лева! — Крячко никогда раньше не называл Гурова по имени. — Они на ходу разрежут тебя к чертовой матери и начнут уходить!

— Это вряд ли, парень! Бей по скатам, если выскочат, только по ногам. Они убили Бориску и нужны живые. Конец связи и с Богом!

Гуров катился по Кутузовскому в общем потоке. Перестраиваясь в правый ряд, перегнулся через сиденье, отпер правую дверь. Начал готовиться. «Если выброшусь неудачно и ударюсь головой об асфальт... «Вальтер» во внутренний карман, иначе в руке не удержать, сгруппироваться, поджать локти и колени...»

Он повернул. Как и предполагалось, на этом участке машин

было мало, лучшего места для нападения не найти. Същик взглянул в зеркало на приближающуюся «Волгу», поставил нейтральную передачу, перенес ноги направо, дернул ручной тормоз, одновременно открыл дверь и прыгнул. Ударился об асфальт и покатился, услышал удары пуль, звон стекла. Поднимался он медленно, секунд пятнадцать, а когда наконец выпрямился, ноги понесли в сторону. Подбежавший Светлов схватил его за плечи.

— Ну? — спросил Гуров.

— Как ты, Лев Иванович? — Светлов начал его ощупывать, в глаза не смотрел.

— Неужто всех?

— Одия живой. Станислав перевязывает.

Гуров захромал к уткнувшейся в столб «Волге». Завыли милицейские сирены, все-таки правительственная трасса. Гуров взглянул в «Волгу», увидел запрокинутое огромное лицо Марата Власова, по кличке Челюсть, сплюнул кровью:

— И из-за такого дерьма столько шума!

Из визжащих тормозами машин выскакивали люди. Гуров сунул пистолет в карман и поднял руки.

Оперативники вернулись в МУР, заверив коллег, что тут же отпишут рапорты. Но писать ничего не стали, сидели молча. Наконец Гуров лизнул рассеченную губу и спросил:

— Станислав, что произошло?

— Я позвонил дежурному просто так, пытался соединиться с тобой... Он сообщил. Мы с Василием рванули на место. Автоматная очередь по ларьку, Бориса застрелили в упор из пистолета... Под левую лопатку... Умер мгновенно...

— В котором часу? — спросил Гуров, поймав себя на мысли, что очень хочет услышать, что Борис нарушил приказ и задержался.

Крячко, взглянув на Гурова, все понял, ответил чуть слышно:

— В четырнадцать пятьдесят. Ты не виноват.

— Станислав, ты не Божий помазанник, не тебе отпускать грехи...

— Хватит! — неожиданно крикнул Светлов и ударил кулаком по столу. — Пацаны! Я не посмотрю, что вы меня главнее...

— Ладно, Василий Иванович, — Крячко криво улыбнулся, — засунь пашку в ножны. Давай расскажем, как мы с тобой жидко обгадились.

— Ты главный, ты и рассказывай.

Крячко докладывал сухо, коротко, будто рассказывал старый, всем хорошо известный анекдот.

— Определили... Я сунул ему в карман «маяк». Повели. Мужичонка опытный, хитрый, если бы не «маяк», то потеряли бы. Около часа мотался по городу, проверялся... Пришел по адресу... Выждали... Светлов зашел в подъезд, а посланец лежит... в горле дыра... Подъезд сквозной, через двор выход на другую улицу. Все, командир, был кончик, нам его обрубали. Значит, мы засветились.

Гуров молчал, в одно ухо у него был вставлен наушник от

магнитофона, который записывал информацию, переданную за день по телефону. Когда Крячко закончил, Гуров через силу улыбнулся.

— Вы не засветились. Его убили по другому делу. — Он указал на магнитофон. — С записью надо поработать, но и так ясно. Меня предупредили, что человек, похожий по приметам на вашего клиента, рыскает среди людей, пытается найти Челюсть. «Авторитеты» решили, что это мой человек, и просят его отозвать, иначе могут убить.

— Значит, свой порешили. — Светлов отличался простотой мышления.

— Нет, они из разных групп. Убитый — человек Профессора, а убийцы — люди Челюсти, — сказал Гуров. — Да черт с ними. Не думал, что меня преследуют уголовники... — Сыщик задумался, морщился, как при сильной зубной боли. — Значит, Борис стрелка установил...

— Но мы его не знаем, — перебил Крячко.

— Знаем, знаем. — Гуров явно думал о чем-то другом и неожиданно сказал: — Ну, берегись, депутат! — Гуров резко поднялся. — Отдыхайте, завтра в десять утра собираемся у Орлова. Завтра — финал!

Николай Сабрин, облаченный в атласный халат, туго перехваченный широким поясом, был элегантен. Белоснежный воротничок резко контрастировал с черной ухоженной бородкой, бледное лицо, гневные голубые глаза, в общем, киногерой. Выдавали его сущность только руки; уж слишком суетились.

Гуров сидел в роскошном кресле, с любопытством оглядывал модерново обставленную комнату, часто задерживал взгляд на плотно закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату.

— Я не напуганный до смерти спикер и спуску вам не дам. — Сабрин старался не кричать, говорил уверенно и спокойно, получалось у него неплохо. — Я завтра же обращусь к вашему министру! Поставлю в парламенте вопрос о беззаконии, которое творит сотрудник милиции. У вас нет никаких оснований... И депутатскую неприкосновенность пока не отменили... — Он начал выдыхаться.

Ленивая, беззаботная поза сыщика, его насмешливый взгляд давили на нервы. В голове мельтешили, сбивая друг друга, сумасшедшие, страшные мысли... Мент пронюхал о моей связи с Бланком? Что делать? Звонить! Кому? Гэбэшник в соседней комнате, конечно, все слышит. Чью сторону он займет? Связаны их поздние визиты друг с другом или каждый явился сам по себе?

— Сольный номер окончен? — поинтересовался Гуров. — Я бы на вашем месте не думал, как снять с милиционера погоны, а позаботился о себе. Депутатский мандат как вручают, так и отбирают...

— Вы ответите!

— У вас лист бумаги и ручка найдутся? Тогда садитесь и пишите. — Гуров встал, подошел к секретарю, отодвинул стул. — Фамилия, имя, отчество, адрес вашего приятеля...

Сыщик не выпускал из поля зрения закрытую дверь, однако опоздал. Дверь распахнулась, на пороге стоял мужчина с пистолетом в руке.

— Осторожно выньте свою пушку и бросьте на ковер, иначе стреляю.— Голос у незнакомца был властный.— Ну! Выполняйте!

«Вальтер» упал на ковер, после чего сыщик под внимательным дулом пистолета вынул из кармана сигареты.

Он понимал, убивать его не собираются, иначе пристрелили бы сразу, но операцию сорвали и выхода не оставили.

— Я полковник милиции, а вы в каком звании? — Гуров разминал сигарету.

— Привыкли задавать вопросы?

— Привык.— Гуров вынул из бокового кармана пиджака «беретту».

— Не двигайся! — рявкнул гэбист, и опустившийся было пистолет вновь уперся в Гурова.

Гуров рассмеялся и поднес «беретту» к кончику сигареты, как подносят зажигалку.

— Не будьте мальчишкой, коллеги засмеют.— Он сделал вид, что собирается прикурить, и, не снимая предохранителя, нажал на спуск. Пламя, естественно, не появилось. Гуров чертыхнулся.— Японцы, японцы!

— Похож на настоящий.— Мужчина опустил пистолет.

Гуров рванул курок и выстрелил гэбисту в лицо. Сильный парализующий газ ударил того по голове, как обухом.

— Как? — сорвавшимся голосом прошептал Сабрин.

Гуров подошел к гэбисту, подцепил ботинком валявшийся на ковре пистолет, зашвырнул его в дальний угол, свой «вальтер» водворил на место. Затем повернулся к Сабрину:

— Я вам что велел? Садитесь, пишите.

Хозяин вдавился в кресло, не двигаясь: то ли выражал протест, то ли страх парализовал.

— Николаша, я знаю о твоём приятеле, рыжеволосом любителе кошек. Обязательно его найду,— задушевно сказал сыщик.— Дело техники, а времени у нас с тобой в обрез. Три трупа в резиденции я стерпел, но сегодня застрелили моего друга. Я могу быть очень грубым, Коля! Потом, когда тебя подлечат, я обвиню тебя в прямом соучастии. И ты лишишься не только мандата, но и свободы. Тобой интересуются различные спецслужбы.— Он кивнул на оживающее тело.— Лучше иметь сильного союзника, чем личного врага. Садись и пиши.

Орлов, сверкая генеральскими погонами, недовольно поглядывал на собравшихся в его кабинете оперативников и полковника службы безопасности Гранина.

— Ну, что нового? — с тоской спросил он.— Толчемся на месте, шарим наугад?

Генерал знал о гибели капитана Вакурова, знал все новости, так как Гуров явился к нему домой в пять утра, и они кофейничали на кухне больше часа. Свели концы с концами и договорились о данной встрече.

— В принципе, господин генерал, мы закончили, — бодро доложил Гуров. — Боевое ядро мы выявили, остальное — рутинка.

— Бориска не дожид, — вздохнул Светлов.

— Когда стреляет свой, да еще в спину, — не уберешься, — сказал Крячко, выглянул из кабинета в приемную, что-то шепнул секретарю, вернулся в кабинет и остался стоять у двери.

Орлов сосредоточенно катал по столу карандаш, сердито сопел.

— Я что-то не понимаю. — Гранин удивленно взглянул на Гурова. — Кого-то взяли, а я не в курсе?

— Иван Сергеевич, — Гуров присел на подоконник, — я дал слово: если будут новости, сообщу вам первому. Сообщаю: убийцу и организатора установили, а человека, который их охранял, задержали.

— Поздравляю! Когда же вы успели? Сегодня ночью? — Гзбист покачал головой. — Ну, асы, нет слов! Рассказывай.

— Кто и каким образом убивает в закрытой охраняемой зоне? Да свои же и убивают! Первый выстрел произвел профессионал, ежику ясно. Кто из окружающих спикера мастер по стрельбе? Я задал этот вопрос начальнику охраны Егорову и полковнику Авдееву. Они только руками развели, нет такого, каждый проверен досконально. И я поверил, видно, умом двинулся. Убивают Илью Егорова... Был ли он участником заговора или его втемную использовали, сейчас сказать не могу, следствие покажет. После убийства Егорова у меня в голове немного прояснилось, я в полковника Авдеева уперся. Вижу: ломается человек прямо на глазах, ни к месту о полиомиелите заговорил. Тогда я вас, Иван Сергеевич, попросил проверить, не болен ли кто из родственников Авдеева этой страшной болезнью. Вы мне сообщили: сестра больна, ездил за границу лечиться.

— Все верно, — согласился Гранин. — Мы уже говорили об этом. Ты сообщил, что его сестра на лечение никуда не выезжала.

— Но данный факт я слишком поздно установил. Авдеев же раскаяние разыгрывал, пьянку изобразил, каяться начал, что позволил какому-то меценату оплатить лечение любимой сестры и запутался. Я посочувствовал, признаюсь, даже поверил, уж больно натурально признание звучало. Но сестру решил лично проверить. Иван Сергеевич, хочешь насмешу? — Гуров сделал небольшую паузу. — Я просто позвонил девушке и поболтал с ней. Очень интересно на вашу установку взглянуть, а особенно встретиться с ее исполнителем. Впрочем, пусть им прокуратура занимается. А чтобы я особенно полковником Авдеевым не интересовался, его, как и положено, убили. И тут я понял, что веду борьбу, знаете, с кем? Да с вашей конторой, Иван Сергеевич, и вашей агентурой. Значит, обитателей фазенды надо было проверить самостоятельно. Я выбрал из обслуживающего персонала трех человек и поручил их прощупать. Видите ли, если в семье кто-либо увлекается стрельбой, то родные обязательно об этом знают.

— Мне надо выйти на минуточку. — Гранин поднялся, взглянул на стоявшего у двери Крячко и возмутился: — Я задержан? На каком основании? Мне в туалет необходимо, пусть проводят.

— Ты не только подонок, но еще и кретин! — сорвался Орлов. — Ты выйдешь из моего кабинета только в наручниках! А если тебя от страха приперло, мочись в штаны, ты уже обгадился, вали до кучи!

— Я буду жаловаться! — воскликнул Гранин.

Услышать подобное от полковника службы безопасности было так нелепо, что оперативники рассмеялись.

— Лева, все твои байки никому не нужны. — Орлов строго посмотрел на Гурова. — Но мы понимаем: тебе необходимо высказаться, — потому валяй, только покороче.

— Ну, спасибо, господин генерал, — ответил Гуров.

Реплика Орлова являлась домашней заготовкой. Рассказ Гурова был действительно не нужен, но с доказательствами дело обстояло неважно, и гэбиста требовалось психологически дожать. Гуров этим и занимался:

— Ты, полковник, понял, что я начну копать. Я догадался о твоей сообразительности, но решил: раньше четырех часов ваш бюрократический механизм не сработает. Я ошибся, и Бориса Вакурова убили. Мы составили маршрут его передвижения по адресам и тут же определили, что парня убили после встречи с матерью Эрика Класа, прислужника спикера и вашего агента. Пять лет назад он застрелил человека, вы выгнали его из тюрьмы, завербовали. Когда профессор Ахат Тимурович Гораев поднялся по политической лестнице, вы внедрили своего агента в окружение спикера.

Гранин побледнел, с трудом выговорил:

— Докажите.

— А чего доказывать? Эрик Клас, которого матушка любовно Гариком зовет, — мастер спорта по стрельбе из пистолета. Что несколько лет назад он убил человека, доказать несложно, стоит дело из архива поднять. Что ваша служба все скрывает и парня завербовали... Ладно, разберемся, дело техники. А когда мы парня арестуем, ты думаешь, он боевую стойку займет и молчать станет?... Сергеевич, не прикидывайся дурее, чем ты есть на самом деле.

— Я лично никакого Эрика Класа не знаю, и он меня лишь в резиденции спикера видел. — В голосе гэбиста послышалась уверенность.

— Согласен. А Бланка Геннадия Артуровича ты знаешь? Знаешь... ишь, глаза забегали. Думал, не доберусь до него? Желаеть знать, кто мне назвал Бланка? Желаеть? — Гуров усмехнулся. — А я не скажу. — Он замолчал, прикурил сигарету.

— Бланка тебе назвал Сабрин. — Гэбист взглянул на Гурова вызывающе. — Ты забыл, что имеешь дело с профессионалом. А доказательства у тебя нет и не будет.

— Да какой ты профессионал? — Гуров помахал рукой, разгоняя перед лицом сигаретный дым. — Мутотень, я бы тебя рядовым опером не взял. Сабрин внезапно переметнулся на сторону Бисковитого. Я искал среди политиков людей, заинтересованных в скандале и дискредитации исполнительной власти, тянулся к Сабрину от безысходности, наугад, а ты, профессионал, тут же подтвердил мои подозрения. Что ты всполохился, когда я попро-

сил взять его под контроль? Какой аргумент привел? Депутатская неприкосновенность, незаконность действий! Все равно, если б уличная девка отказалась поужинать с незнакомым мужчиной, сославшись на строгую маму. Ты очухался и записал пустой застольный разговор между Бисковитым, Сабриным и Юсовым. Ты, профессионал, — сыщик брезгливо скривился, — даже не подумал, что мне важно не содержание разговора, а встреча этих людей и что ты выбрал именно их. Ты знал время и место встречи, значит, держал и компашку под наблюдением. Лох ты, а не профессионал, и доказательства я найду. Полагаешь, Бланк будет молчать? Да никогда в жизни. Он твой агент. Горничную застрелил Клас, начальника охраны убрал полковник Авдеев, а вот заигравшегося со мной коллегу ликвидировал ты лично. Среди недоумков, которыми наспиговали резиденцию, наверняка найдется прямой свидетель, видевший тебя, и он даст показания, не сомневайся.

Гуров замолчал, давая возможность Гранину высказаться, но тот упорно молчал.

— Как свалить правительство и Президента? — Сыщик развел руками. — Убить спикера парламента и свалить вину на исполнительную власть? Недостаточно. А вот серия убийств, пусть и бессмысленных, но будоражащих общество, предупреждающих, что вот-вот прозвучит главный выстрел... А власть, бессильная остановить беспредел, уже не власть, и Президент не Президент! Но ты не успел, последний выстрел не прозвучал. Что скажешь?

— Я хочу видеть доказательства, — тихо произнес гэбист. Чувствовалось, что он держится из последних сил.

— Мы с прокуратурой разматываем клубок до последнего кончика, спрядем такую пряжу, что десять лет строгого режима тебе покажутся подарком судьбы. Станислав, — Гуров повернулся к Крячко, — мы сумеем проследить, чтобы у данного индивидуума режим оказался действительно строгим?

— Обижаете, господин полковник, — прогремел Крячко.

— Хватит, лежачего не бьют, — вмешался генерал Орлов и вздохнул. — Эх ты, Ваня! Я всякое повидал, но чтобы достойный человек...

— Брось, Петр Николаевич! — перебил Гранин. — Ты сам — достойный динозавр, тебя в музей поместить надо. Тебе нравятся нынешние правители? Кому ты служишь? Только не говори мне про народ и Отчизну! Твои хозяева за жирный кусок перервали друг другу глотки, воруют по-черному. А каждому россиянину необходимы стабилизация и порядок. Вооруженный переворот невозможен! Сильного Президента нет и не предвидится. Значит, нужно, чтобы избрали марионетку, за спиной которого встали бы деньги партии, спецслужбы и трезвые головы. Главное, чтобы это были люди богатые, не нуждающиеся в дачах, машинах и детском питании. Вы думаете, меня замели и победили? Я никого не убивал, ни в чем не виноват, и вы, генерал, творите произвол.

— Ваня, жизнь все расставит по своим местам. — Орлов снова вздохнул. — Доставьте гражданина в прокуратуру, желательно обойтись без наручников.

— Извините, господин генерал, каждый решает свои проблемы. — Крячко достал наручники.

Из приемной раздалась голоса, дверь распахнулась, и в кабинет вошел заместитель министра. Орлов встал, Гуров слез с подоконника.

— Орлы-сыщики держат совет! — фальшиво воскликнул генерал-лейтенант. — Петр Николаевич и вы, полковник, — он кивнул Гранину, — пойдете со мной, министр ждет.

В дверях возникли два молодых парня в пятнистых комбинезонах с автоматами на плече. Орлов бросил быстрый взгляд на Гурова:

— Господин заместитель министра...

— Идем, идем, у министра все объяснишь. Надеюсь, не возражаешь, если мои парни обождут здесь. — Заместитель подтолкнул Орлова к дверям.

Двери закрылись. Пятнистые парни встали возле нее по бокам. Походили они на киношных эсэсовцев: выставленные подбородки, пустой взгляд.

Гуров занял кресло Орлова, снял телефонную трубку, но она мертво молчала.

— Господин полковник, — усмехнулся Крячко, — что-то интересное вы рассказывали об Одессе и Херсоне.

— Не разговаривать! — Охранник ухитрился отдать команду, не разжимая губ.

— Пошел бы ты! — Крячко двинулся на ствол автомата. — Сейчас железу отыму и набью морду!

— Оставь, Станислав, — устало произнес Гуров. — Кто же воюет с оловянными солдатиками? — Он опустил руку в карман, огладил «беретту», достал сигареты. — Обесточить парней — дело нехитрое, только идти нам некуда.

— Сынки, вы присядьте, мы вас не тронем, — предложил Светлов. Он подошел к Гурову, вытащил из его пачки сигарету. — Дай-ка засмолю, лет тридцать не курил.

Глаза охранников ожили, в них появился страх. Сильные, прекрасно тренированные парни неожиданно поняли, что молодые штатские абсолютно их не боятся, а стрелять, даже в потолок, в стенах министерства, конечно, нельзя.

— Сынок, ты не дрейфь, сказал, не тронем, значит, не тронем. — Светлов прикурил и закаплялся. — Утром жена ругалась, что на пенсию никак не соберусь. Я и пообедать не успел, вопрос решился окончательно.

— Василий Иванович, у тебя, знаю, дачка, а сколько соток? — Крячко пристроился на месте Гурова у подоконника.

— Десять. — Светлов жадно затянулся. — Цветы буду выращивать, у нас и сейчас есть, но только для души, теперь развернемся со старухой, начнем торговать. — Он раздавил сигарету, глянул на Гурова: — Господин полковник, ты свой аппарат выключи, перегорит к чертовой матери, а тебе еще жить и жить.

— Ты прав, комендант. — Гуров потер лицо. — Темно, выключатель нащупать не могу.

Вскоре вернулся Орлов, охранники облегченно вздохнули

и ушли. Гуров хозяйское место не освободил, кивнул на кресло для гостей:

— Присядь, Петр Николаевич, передохни.

— Весна на исходе, лето наваливается.— Орлов плюхнулся в кресло, вытянул коротковатые ноги.— Не люблю жару. Лева, ты отпуск где проведешь?

— К родителям в деревню подамся, под Херсон.

Крячко хохотнул, Светлов его поддержал. Гуров запоздало понял, как смешно прозвучало упоминание о Херсоне, и присоединился к приятелям. Оперативники смеялись. Орлов смотрел недоуменно и ничего не понимал.

— Вы что, ненормальные, ржете? — возмутился генерал.— Преступника у нас из рук забрали, от дела отстранили, а вы заливааетесь!

— Петр Николаевич, дорогой ты наш начальник и друг! — Гуров вышел из-за стола, предложил Орлову занять свое законное место.— Бывают ситуации, когда все едино — или плакать, или смеяться. Плакать мы уже давно разучились, так что извини.— И развел руками.

Полковнику Гурову, подполковникам Крячко и Светлову объявили благодарность. Предложили работу по делу прекратить и вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей. Капитана Вакурова, павшего от «бандитской» пули, похоронили скромно: оперативник не «Белый дом» защищал.

Генералом Орловым неожиданно заинтересовались врачи, уложили его в госпиталь на обследование. Он из отдельной палаты немедленно сбежал, заявив, что уволится сам, а койка нужна больным и раненым.

Два дня пресса и телевидение оповещали россиян о ликвидации сотрудниками службы безопасности при содействии сотрудников МВД особо опасной группы террористов. Два террориста, некто Бланк и Клас, инородцы, были убиты в завязавшейся перестрелке. Любопытным журналистам взглянуть на трупы не разрешили, объяснив, что сейчас время собирать камни, не разбрасывать. Люди жадут покоя. Не до сенсаций.

Гуров трупы видел, как и ожидал, агенты были убиты выстрелами в затылок. На изящного даже после смерти Эрика Класа Гуров посмотрел равнодушно. Лишь обругал себя, что слишком поздно, и при этом заплатив жизнью Бориса, сумел разгадать сущность самого близкого спикеру человека. Вспомнил, что с первой встречи воспринял Класа настороженно, отложил проверку и опоздал.

«Профессора» Бланка сыщик разглядывал долго. Сожалел не о его смерти, а о том, что не удалось захватить живым и поговорить.

Полковник Гуров никогда не интересовался политикой. Сейчас вообще перестал смотреть телевизор и просматривать газеты. Он не знал, что министра безопасности и госсекретаря отправили в отставку, что Сабрин и Бисковитый опять размежевались, а последний вновь начал безобразничать на людях.

Спикер парламента одобрительно отозвался о работе службы

безопасности, обратил внимание на блестящую операцию по ликвидации группы террористов, проведенную сотрудниками и положившую конец серии убийств, которые дестабилизировали общественность, вели к смуте, анархии и беспределу.

Сыщик ничего этого не знал. Он написал на имя генерала Орлова куцый и лживый рапорт, взял больничный. Хватился чемодана, который остался в резиденции спикера, когда занялся уборкой квартиры. Пришлось отправляться на фазенду.

Как только подрулил к знакомым воротам, дверь караулки открылась. Вышел начальник охраны, поставил у «Жигулей» чемодан Гурова. Они вновь, как и два дня назад, посмотрели друг другу в глаза.

— Извини, Лев Иванович, — тихо произнес гэбист. — Извини.

— Рад, что не ошибся в тебе. — Гуров забросил чемодан на заднее сиденье.

Охранник не ответил, стоял потупившись. Он был все такой же холеный и элегантный, но осунувшийся, словно пришибленный.

— Понимаю, — пробормотал Гуров и уехал.

Лишь привычка доводить начатое дело до конца вынудила Гурова заказать пропуск и приехать в «Белый дом». Через некоторое время сыщик увидел Бисковитого, который выбрался из зала заседаний, чтобы отдышаться. Гуров быстро подошел к нему, извинился и попросил вернуть авторучку, дескать, подарок жены, а он так опрометчиво подарил ее своему кумиру. После схватки у микрофона Бисковитый соображал плохо, машинально достал из кармана несколько авторучек. Сыщик забрал свою и удалился.

Дома прослушал запись разговора Бисковитого с Иваном Ивановичем Ивановым, хотел ручку сломать и выбросить, но решил позвонить следователю прокуратуры Гойде.

— Здравствуй, Игорь Федорович, некто Гуров беспокоит.

— Здравствуйте, Лев Иванович, очень тебя прошу...

— Понял, — перебил Гуров и рассмеялся. — Никаких предложений, авантюры, просто маленькая просьба.

— Не надо, — быстро ответил следователь.

— Квартиру Бланка опечатал ты?

— Ну?

— Слушай, давай сходим туда, хочу взглянуть на берлогу, которую так долго искал.

— Зачем?

— Не знаю, — признался Гуров. — Хочу взглянуть, как он жил.

Они подъехали к дому Бланка, прошли в подъезд, который еще пованивал кошками, но былую остроту запаха уже потерял. Умные животные покинули жилище мертвеца. Следователь сорвал печать, долго возился с ключами, наконец, открыл дверь, пропустил Гурова:

— И что же ты здесь собираешься искать?

Гуров вошел в квартиру, от хозяина остался лишь очерченный телом силуэт. Сыщик заглянул во вторую комнату, вернулся,

присел на краешек кресла. «Грязный», вспомнил Гуров одну из характеристик, добытых «авторитетами».

— Что же ты ищешь? — повторил следователь.

— Ищу ответ, который уже никогда не найду. — Гуров услышал в соседней комнате шум и расстегнул пиджак.

На пороге появился огромный рыжий кот. Он шлялся по помойке, но, увидев в окнах свет, вернулся. Сыщик не знал, как зовут кота, и позвал:

— Профессор.

Кот не отозвался, щурился, смотрел недоверчиво. Но человек сидел спокойно, руку не гянул, и кот, окрещенный Профессором, подошел и мощным прыжком вспрыгнул на спинку кресла.

— На какой вопрос ты ищешь ответ? — поинтересовался следователь, наблюдая за сыщиком.

— Кем бы стал человек, не повстречай он товарища из КГБ?

— Не понимаю...

— Совсем не понимаешь, ничего?

Они посмотрели друг другу в глаза, следователь отвернулся.

— Возьми на память. — Гуров протянул следователю авторучку. — Это портативный магнитофон. — И показал, как он включается.

— Ты собираешься продолжить?

— Нет, моя война окончена. — Гуров поднялся, взял кота под мышку и направился к дверям.

Гуров и Профессор сидели в кресле и собирались посмотреть объявленный в телепрограмме американский боевик. Но на экране, поблескивая благородной сединой, выступал Президент. Когда он заявил, что объявляет коррупции войну, Гуров убрал звук и, поглаживая кота, ждал, когда кончится говорильня и начнется фильм.

ЭПИЛОГ

Сыщик Гуров не прославился. Он лишь спас жизнь спикера. И ему не дано было знать, что через четыре месяца и двенадцать дней уже сам спикер пошлет людей в бой за его, спикера, власть и полетится кровь... Кровь!.. Кровь!.. Алая!..

первым делом- самолеты

У кого из родителей голова не болит: пока сами на работе, дети без призора болтаются — то ли у коммерческих ларьков «жизненного опыта» набираются, то ли уже осваивают его на чердаках и в подвалах. Конечно, темп жизни сейчас такой бешеный, что вместе почитать, съездить с детьми на выставку сил и времени не остается, а за двойки-тройки, бесконечное слушание попсы и рока — за все провинности разом получают дочка или сын взбучку в выходной — на том воспитательный процесс и заканчивается. Хочется верить: это не общая картина, но, увы, среднестатистическая. У кого-то, разумеется, дети занимаются музыкой, теннисом, фигурным катанием, но не многих ребят греет мечта о сцене или пьедестале победителя на чемпионате мира, да и тесновато там, а школьные кружки детского творчества, Дома пионеров, секции позакрывались, как организации невыгодные, не прибыльные. Что ж, неужели одна дорога: мыть машины богачам да «Сникерсы» продавать? Тут родителям крепко призадуматься следует. И ведь все давно определено великими педагогами и доказано самой жизнью: если с ребенком делать какое-то общее дело (даже если это дело — игра), если терпеливо заниматься и разговаривать серьезно, непременно рано или поздно зазвучат в нем душевные струнки, проявится интерес к какому-то конкретному делу. И тогда самое важное: не пропустить, не дать угаснуть даже самой слабой творческой искорке.

274

Вот, к примеру, вы с сыном занялись стендовым моделированием. Появившееся почти одновременно в США и Англии в 30-е годы и ставшее массовым во всем мире увлечение сборкой моделей военной техники дошло до нас в начале 80-х, когда СССР закупил в Англии у фирмы «ФРОГ» несколько десятков пресс-форм для производства самолетов и кораблей. Значительная часть моделей шла на экспорт в специальной красочной упаковке, а на внутреннем рынке они продавались в блеклых коробках без указания названия самолета и опознавательных знаков. Тогда же были сделаны первые попытки наладить выпуск чисто «своих» моделей.

В те годы правильно собрать и покрасить модель было сложно: отсутствовала информация о вариантах окраски, не хватало чертежей декалей — переводных картинок с опознавательными знаками, да и с выбором подходящей краски были проблемы.

Сейчас отечественный моделизм развивается быстро и делает уверенные шаги к выходу на мировой уровень. Широко известны у нас в стране и за рубежом модели солдатиков и боевой техники фирм «Звезда» (Москва) и «Алан Хоббиз» (Санкт-Петербург), ростовские декали фирмы «Траверс». Появились и «излишества» для опытных моделистов: металлические детали, придающие модели дополнительное сходство с оригиналом, резиновые колеса с рисунком протектора, специальный инструмент. Энтузиастам стендового моделирования удалось наладить контак-

ты с крупнейшими зарубежными производителями моделей, и сейчас в Москве, Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке и других городах можно приобрести модели таких фирм, как «ТАМИЯ», «ХАСЕГАВА», «ФУДЖИМИ», «АРИЯ» (Япония), «РЕВЕЛЛ» (Германия), «ИТАЛЕ-РИ», «ЭСКИ», «БУРАГО» (Италия), «МЭТЧБОКС» (Англия), «ЭЛЛЕР» (Франция), «ДРАГОН» (Гонконг), «АКАДЕМИЯ» (Корея). Названия эти хорошо известны любителям, а выпускаемые модели годами казались недостижимой мечтой из-за своей дороговизны. Сейчас цены на иностранные и отечественные модели сблизилась, и они стали доступны рядовому покупателю. Естественно, чем крупнее модель, тем она дороже. Но при нынешнем модельном изобилии каждый может выбрать себе «размер» по вкусу — самолеты в масштабах 1:144, 1:72, 1:48, 1:32, технику и солдатики — 1:72, 1:35, автомобили — 1:43, 1:24, корабли — от 1:720 до 1:35.

Своими руками склеить точную копию самолета, корабля, танка, самоходки, тягача, бронетранспортера, раскрасить в любой камуфляж, «одеть» в любую униформу солдат и разыграть сражение — что может быть увлекательнее для подростка? Тем более что теперь можно приобрести пластиковые модели армии любой страны и эпохи — от времен варваров до наших дней.

Начинающим коллекционерам трудно сориентироваться и выбрать тему, но главное — начать, научиться собирать простые модели. Москвичам и живущим недалеко от столицы сделать это легче: можно в один из понедельников заглянуть в Дом культуры Московского энергетического института на собрание Клуба стендового моделирования — вам предстанет такое многообразие моделей, книг, альбомов, удастся поговорить, посоветоваться с такими интересными людьми, что, пожалуй, папы войдут в азарт больше детей. Даже если вы ничего, кроме общеизвестных фактов, не знаете о французской или немецкой авиации, об американском флоте, о наших, отечественных, танках, сразу поймете, что работа над сборкой модели по силам каждому.

Моделирование и коллекционирование моделей только на взгляд непосвященного кажутся игрой, забавой. Занятие это дает детям глубокие исторические и географические знания при свободе выбора эпохи и страны изучения, развивает художественные способности, склонность к техническому творчеству, умение размышлять и запоминать, вырабатывает четкость, аккуратность, терпение, потому что это тонкая, изящная работа. Такое хобби может определить и выбор профессии, и всю дальнейшую судьбу. Впрочем, моделирование в наши дни стало любимым занятием многих взрослых. Это новый уникальный пласт мировой культуры. А для людей, по состоянию здоровья не имеющих возможности двигаться, сборка, коллекционирование моделей и чтение исторической литературы могут стать окном в огромный недоступный мир, наполнить жизнь смыслом и радостью.

Модели ведущих фирм Англии, Франции, Германии, Японии, Гонконга в разных масштабах, исторические книги, альбомы, брошюры и даже так модных сейчас динозавров для сборки можно приобрести по адресу:

Москва, станция метро «Сокольники». Сокольническая площадь, 7а. Дом молодежи (вход отдельный), 2-й этаж.

Салон-магазин «Лейб-Компания» (возле магазина «Зенит»).

РАСПИСАНИЕ РАБОТЫ:

понедельник — с 11 до 14 часов; вторник, среда, четверг, пятница — с 11 до 19 часов; суббота — с 11 до 16 часов. Магазин работает без перерыва на обед.

Контактный телефон для торговых организаций: 187-57-50.

Шахматная эпиграмма

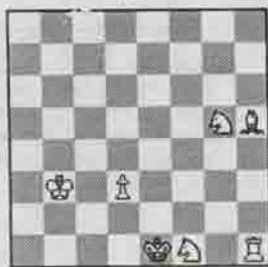
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию итогов II международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1993 год. В конкурсе трехходовок участвовало 283 задачи 97 авторов (опубликовано 35). Из конкурса исключены: №№ 10, 22 — из-за сильных дуалей, №№ 17, 56 — из-за предшественников, №№ 40, 69, 73 — из-за побочных решений, № 35 — как ранее опубликованная.

Присуждение — предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов, затем они вступают в силу.

I приз

В. ИВАНОВ
пос. Повенец,
Карелия

а), б) 1. d3 — f2, в) Kpe1 — f2

а) 1. Lh2! Kpf1 2. Ce2 Kpe1 (g1) 3. Kf3x

б) 1. Ke6! Kpf2 2. Kf4 Kpe1 3. Kd3x

в) 1. Cd1! Kpg2 2. Kh3! Kpf1 3. Cf3x, 1...Kpe1 2. Ke4 Kpd1 3. Kfg3x

Во всех трех близнецах интересная, с хорошими вступительными ходами, игра заканчивается красивыми правильными матами. Следовало все же последний близнец сделать титульным: два варианта с жертвами фигур и тихой игрой, с тонким, антипатовым вступлением. Но автор, видимо, избегал последовательных близнецов. Несомненное творческое достижение карельского проблемиста!

II приз

В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

a), б) Лб4 — g7

a) 1. Лб8? с6 2. Лс8, но 1...с5!, и белые в цугцванге!

1. Лб7! с5 2. Лб8, и в цугцванге черные! 1...с6 2. е7.

б) 1. Лg5? с6 2. Сd8, но 1...с5!

1. Лg8! с5 2. Лб8, 1...с6 2. Лс8

Автор предлагает еще одного близнеца: в б) переставить Сf6 на b8.

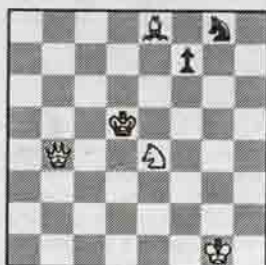
в) 1. Лg5 Кре7 2. Сс7 с двумя правильными матами.

Хорошая задача с переменной игры. К сожалению, тематическое содержание в трех близнецах несколько разнородно. Выделяется первый близнец с мотивами взаимного цугцванга.

III приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселища,
Украина

1. Kpf3! с угрозой 2. Cd7 и 3. Фс5х,
1...f5 2. Фс5 Кре6 3. Фd6х,
1...Кре6 2. Фd6 Kpf5 3. Cd7х

Автору удалось осуществить циклическое чередование вторых и матующих ходов белых. Трудный замысел. Миниатюр с подобным содержанием — единицы!

1-й почетный отзыв — задаче № 4 **Ю. Лялюшенко** (Екатеринбург).

Отличная малютка с прекрасным вступлением и эхо-матами!

2-й почетный отзыв — задаче № 37 **Е. Беллева** (Москва).

Блок с переменной игры, слабым превращением и правильными матами.

3-й почетный отзыв — задаче № 55 **В. Мельниченко** (г. Котовск).

Миниатюра с неожиданным решением в старом стиле!

4-й почетный отзыв — задаче № 61 **В. Иванова** и **Н. Шишкина** (Карелия).

В двух тематических вариантах на одном поле матуют две различные фигуры.

5-й почетный отзыв — задаче № 18 **Л. Грольмана** (Казань).

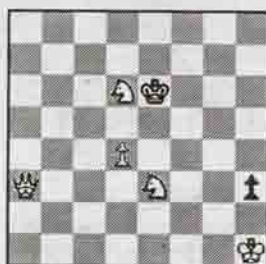
Три варианта с правильными матами.

Похвальные отзывы (на равных) — задачам № 5 **В. Кожакина** (Магадан), № 28 **В. Мельниченко** (г. Котовск), № 29 **В. Кожакина** и **О. Сакса** (Магадан), № 82 **Н. Новика** (г. Бирск) и № 85 **С. Демидюка** (Брест).

Специальный приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселища,
Украина

1. Ke1f5! — цугцванг. 1...Kpd5 2. Фb3,
1...Kpd7 2. Фа7, 1...Kpf6 2. Фе3, 1...h2
2. Фс1! — цугцванг! 2...Kpd5 3. Фс4х,
2...Kpd7 3. Фс8х, 2...Kpf6 3. Фh6х

В последнем (суммирующем) варианте создается двухходовка с теми же защитами, что и в трех предыдущих вариантах!

79. Н. ПАРХОМЕНКО
Винница, Украина

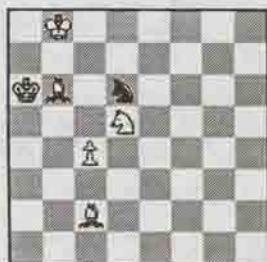
Мат в 2 хода

80. М. ВЛАСОВ
г. Кудымкар Пермской обл.

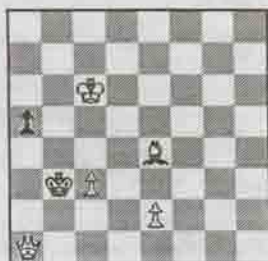
Мат в 2 хода

81. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 2 хода

82. З. ГНАТ
г. Стрый, Украина

Мат в 2 хода

83. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 3 хода

84. С. ДЕМИДЮК
Брест, Белоруссия

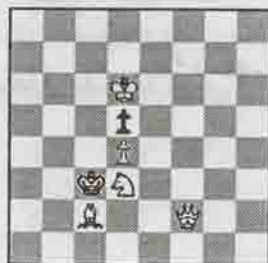
Мат в 3 хода

85. М. ЧЕРНУШКО
г. Уссурийск,
Приморский край

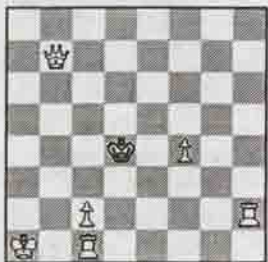
Мат в 3 хода

86. В. ИВАНОВ (Карелия)
В. СУРКОВ (Рязань)

Мат в 3 хода

87. В. КОЖАКИН
г. Магадан

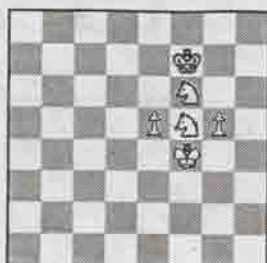
Мат в 3 хода

88. М. ВЛАСОВ
г. Кузьмичар Пермской обл.

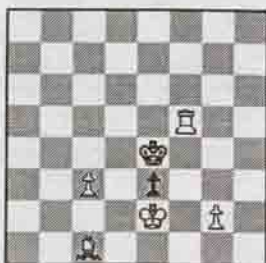
Мат в 4 хода

89. М. КОРМАЛЬЦЕВ
г. Екатеринбург

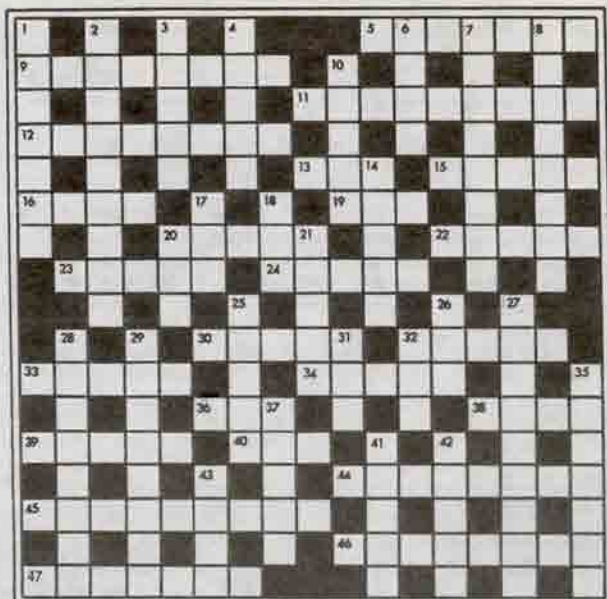

Мат в 7 ходов

90. В. КВЯТКОВСКИЙ
с. Киянка, Украина

Мат в 8 ходов

ЗРУДИТ

По горизонтали.

5. Цветок, с которым Фирдоуси часто сравнивает волосы красавиц. 9. Единственное животное, у которого в шейном отделе шесть, а не семь позвонков. 11. Дочь великого князя Мстислава Владимировича, первая русская женщина-врачевательница. 12. Овощ, чей корень внешне напоминает корень женьшеня. 13. Тягловая сила эквадорского крестьянина. 15. Архитектор, построивший колокольню Юрьева монастыря в Новгороде. 16. Цветной пояс или повязка через плечо, отличительный знак офицеров и генералов русской армии. 19. Язык шакалов. 20. Древнегреческий вазописец V века до н. э., представитель «строного стиля». 22. Прибыль ростовщика. 23. Город, где университетским профессором был Галилей. 24. Дух в мифологии чувашей, покровитель семьи и хозяйства. 30. Самое распространенное в Древней Руси культурное плодородное дерево. 32. Древнее название Африки. 33. Титул Пардarella, благодаря которому Масканы поступил в Миланскую консерваторию и которому посвятил «Сельскую честь». 34. Английский балетмейстер, в 1928 году танцевавший в группе Иды Рубинштейн. 36. Одно из русских названий щеголя, франта. 38. Нижняя резиновая часть судна на воздушной подушке. 39. Самая длинная из ядовитых змей Средней Азии. 40. Русский поэт,

сказавший: «Нет музыкального настроения — нет художественного произведения». 44. Мастер смычковых инструментов Г дель Джезу (настоящая фамилия). 45. «Капитальное» дело. 46. Литературное течение, известное сборниками «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна». 47. Медленная часть симфонии или сонаты.

По вертикали.

1. Персонаж есенинской драмы «Пугачев», восклицающий: «Я хочу видеть этого человека». 2. Второй после Лондона город в Европе, где создан музей восковых фигур. 3. Настоящая кличка овчарки знаменитого пограничника Н. Карачуны. 4. Куда иголка, туда и ... (поговорка). 6. Места в печатном тексте, замазанные в цензуре типографской краской. 7. Дерево, с которым сожительствоуют южноамериканские муравьи-ацтеки. 8. Должность, с которой Шамиль сместил Хаджи-Мурата (в повести Л. Толстого). 10. Самая знаменитая лошадиная фамилия. 14. Кинозвезда, чье соперничество с Поллобриджидой критики окрестили «войной бюстов». 17. Хвойное дерево, повышающее активность нервной системы. 18. Среднеазиатская узорная циновка, сплетенная из одноименной травы или камыша. 20. Пальма, чье изображение часто встречается на стенах гробниц фараонов. 21. Самое многочисленное копытное в Татрах. 25. Зверь, чья жизнь была под угрозой до тех пор, пока у американцев не прошла мода цеплять к антенне автомобиля кисточку его хвоста. 26. Музыкальный инструмент, на котором хорошо играл Конфуций. 27. Тук. 28. Лицейский товарищ А. Пушкина, моряк, жестоко страдавший от морской болезни. 29. Углубление для пыльцы на задних ногах медоносной пчелы. 31. Четвертая книга Авесты. 32. Первая фаза развития ракообразных животных. 35. Исключительная одаренность. 37. Чего из избы не вытащишь? (загадка). 41. Толкователь ауспий в Древнем Риме. 42. Русский академик, открывший благодаря жестоким морозам в декабре 1759 года, что ртуть замерзает. 43. Английский капитан, основатель Виргинии.

281

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали.

1. Айова. 6. Збруч. 10. Верне. 12. Кинжал. 13. Ертаул. 14. ...женех... 15. Наездник. 16. Эллипс. 21. Робеспьер. 24. Тимур. 25. Фацио. 26. Верстка. 27. Гукер. 29. Пурга. 30. Баскунчак. 36. Тааффе. 38. Алебастр. 39. Хмель. 40. Менузт. 41. Чеграш. 42. Цефей. 43. Ирмос. 44. Тембр.

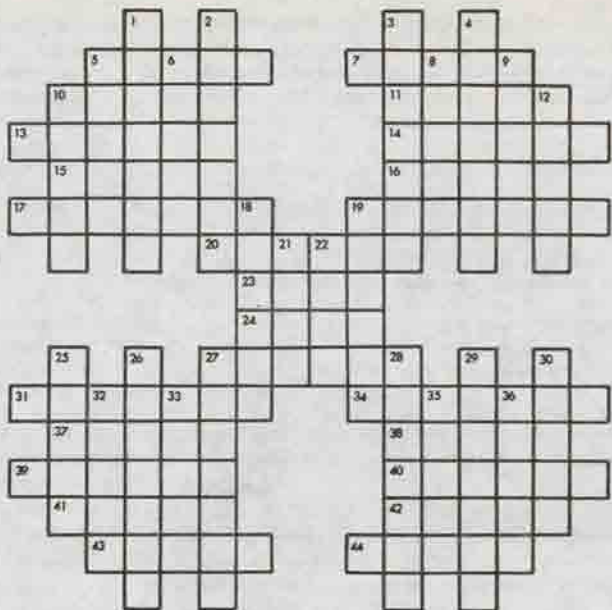
По вертикали.

2. Йенсен. 3. Вражда. 4. Метек. 5. Индия. 7. Барельеф. 8. Уханье. 9. Окунь. 11. Класс. 14. ...«Живодерка»... 17. Персона. 18. Спектакль. 19. Фикус. 20. Дулеб. 22. ...разум... 23. Диего. 28. ...Рафаэло... 31. Штамп. 32. Ланнер. 33. Абреже. 34. Ястреб. 35. Груша. 37. Эммер. 38. Алтай.

КРОССВОРД
Составил
Г. ФЕДОРОВ,
Москва

По горизонтали.

5. Одно из сибирских названий ветра, дующего из Арктики. 7. Птица, национальная эмблема США. 10. Яйцеобразный орнаментальный мотив в античных архитектурных ордерах. 11. Призрачное видение. 13. Ближайшая родственница могора. 14. Ювелирный камень, который в древности называли топазом. 15. Титул наследников королевского престола Франции. 16. Ограничение, предельная норма. 17. Тюремная часть Петропавловской крепости. 19. Сторона быта, в которой основатель Третьяковской галереи отличался неприхотливостью. 20. Представитель древних германских племен. 23. Жилка на пластинке растительного листа. 24. Самый близкий Цезарю сенатор, участвовавший в заговоре против него. 27. Привидение, призрак. 31. Древнегреческий поэт, первым применивший сатирический жанр ямба. 34. Цементная строительная масса. 37. Приземистая степная кошка с толстыми ногами. 38. Запруда на реке из застрявших льдин, бревен. 39. Французский композитор, первое крупное произведение — балет «Лани» — написавший по заказу С. Дягилева. 40. Тщательно спрятанные вещи, деньги (по В. Далю). 41. Самое неизученное из копытных, обитающих в горах Азии. 42. Известный летчик, участвовавший в потоплении немецкого крейсера «Ниобе» в порту Котка. 43. Алжирский город на берегу Средиземного моря. 44. Бытующее название телевизора.

По вертикали.

1. Русская художественная эмаль. 2. Административно-учебное управление факультета. 3. Русский архитектор и скульптор XV века, бывший крупным купцом и подрядчиком. 4. Имя писателя, автора первой азербайджанской исторической трагедии «Надиршах». 5. Административно-территориальная единица Монголии. 6. Прицел стрелкового оружия. 8. Злой дух, из-за которого Талмуд не рекомендует мужчинам ночевать в доме одним. 9. Иисус ... — преемник библейского Моисея. 10. Римская провинция в Южной Палестине. 12. Жанр древнерусской литературы. 18. Немецкий художник, написавший почти восемьдесят портретов Бисмарка. 19. Прием в художественной речи с использованием одних и тех же слов, фраз. 21. Автор романа «Таинственный остров». 22. Фитиль при высекании огня. 25. Порт, часто упоминаемый в английских романах. 26. Женская половина в древнегреческом доме. 27. Американский писатель, «владелец Йокнапатофы». 28. Обычный жанр в творчестве Шопена. 29. Князь в опере К. Вебера «Вольный стрелок». 30. Часть дымохода печки. 32. Военная маскировочная одежда. 33. Декабрист, умерший в Акатуе, как считают, от угара. 35. Сама сладость. 36. Птица, которая, по пословице, себе подобной глаза не выклюнет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали.

7. «Динамо». 8. Ацетон. 10. Финал. 11. Одеон. 13. Гарбо. 15. Трасс. 17. Анатексис. 18. Ягуар. 19. Школа. 21. Варна. 25. Енакиево. 26. Выправка. 27. Булка. 28. Фурфурол. 31. Нагрузка. 34. Аттис. 37. Чабан. 39. Паводок. 40. Колибри. 41. Паста. 44. Латук. 45. Родо. 46. Алиби. 47. Тонема. 48. «Италия».

По вертикали.

1. Нинфо. 2. Равнина. 3. Хохлатка. 4. Бабочкин. 5. Ледерин. 6. Пойнт. 9. Жаргон. 12. Осалок. 14. Бланк. 16. Рикша. 20. Зебра. 21. Вобла. 22. Рулет. 23. Аванс. 24. Эпиграф. 29. Ураган. 30. Франт. 32. Умора. 33. Кворум. 35. Трикотаж. 36. Иордания. 38. «Вояджер». 42. Аргон. 43. Мираж. 44. Лилия.

ТЫ И Я. ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

На эстраде Татьяна Маркова появилась два года назад, сразу покорила слушателей. Почти все ее песни — шлягеры. Концерты — и у нас, и за рубежом — собирают полные залы. Недавно фирма звукозаписи выпустила два лазерных и два виниловых диска. Репертуар ее постоянно обновляется новыми песнями, слова и музыку которых она пишет сама. Часто приходится слышать, что Татьяна появилась на эстраде «внезапно». Это не совсем верно. Просто у нее в работе был длительный перерыв, занималась только своей семьей. Помог ей вернуться на сцену ее муж и продюсер Виктор Марков.

— Как вы считаете, сейчас стало сложнее или проще «пробиться» на эстраде? И если бы вы, Виктор, не были связаны с шоу-бизнесом, сложилась бы у Татьяны судьба певицы?

Виктор Марков. — Раньше артистов, имеющих свой репертуар,

если они не состояли в Союзе композиторов, вообще никуда не пускали. Сейчас же исполнитель может вынести на суд зрителей все, что он умеет. Но, с другой стороны, стало и сложнее. Везде коммерция, везде нужны деньги.

Татьяна Маркова. — Да, к сожалению, таланта для эстрады недостаточно. Спонсоры, покровители с тугими кошельками играют огромную роль. А ведь певцов с прекрасными и вокальными, и внешними данными у нас очень много.

В. — Много способных, подающих надежды. Но мой опыт работы в эстраде показал, что талантливые люди — редкость. А Татьяне, считаю, просто повезло, что ее сразу заметили. И все-таки не могу с уверенностью сказать, как долго бы она добиралась к вершине музыкального Олимпа, если бы не наш «семейный подряд «Марков и К°»...

— Виктор, вполне естественно.

что публика хорошо знает исполнителей, редко композиторов и уж точно никогда ничего не слышит об импресарио своего любимца. А ведь часто именно он «лепит» имидж певца, и от его умения вести дела подчас зависит карьера исполнителя... Расскажите о себе.

В.— Я профессиональный музыкант, работал во многих коллективах. С самого начала мы с Татьяной знали, что собираемся делать на эстраде. Конечно, мне, ее продюсеру, было проще. Татьяну-певицу я достаточно хорошо знал. Но вот то, что она еще и композитор, и автор текстов, стало для меня открытием.

Т.— Мне есть что сказать. Ведь мои песни — это моя жизнь. Но, конечно же, в них не исповедь, не факты из моей биографии. Просто они о женской судьбе, поэтому каждой женщине кажется, что песня именно о ней. Может, поэтому слушатели так хорошо принимают меня на концертах. Кстати, недавно я была на радио, шел прямой эфир, и за один час прозвучало огромное количество звонков, я успела только ответить на 104. Звонили самые разные люди, проживающие практически во всех республиках СНГ, благодарили, кто-то плакал, а одна женщина сказала: «Вы спели о моей судьбе».

— Когда вы начали петь, писать песни?

Т.— Еще в школе под елочкой... В первом классе сочинила песенку про мышонка и кота и послала стишки на телевидение. Естественно, никто не обратил на них внимания. Вообще-то, сколько себя помню, всегда было интересно что-то сочинять. Позднее, когда работала в филармонии, даже в голову не приходило, что на эстраде можно показать и свои песни.

В.— Одно время я руководил группой «Альфа». Как-то нас собирались записывать на телевиде-

нии, и возникла проблема — где взять новую песню? Татьяна предложила написать ее для нас. И показала сразу две: «Здравствуй, девушка-ночь» и «Любишь — не любишь». Наверное, с этого все и началось.

— Татьяна, у вас есть музыкальное образование?

Т.— Я считаю, что профессионализм определяется только тем, что и как человек делает. Умеет или не умеет...

В.— Тем не менее Татьяна закончила Волгоградское училище искусств, занималась вокалом.

Т.— Да, я родилась в Волгограде, все мои корни оттуда. Родители к искусству не имели никакого отношения, работали на химкомбинате. Я была предоставлена сама себе и... пела, пела и пела. Занималась в кружке Дворца культуры «Химик».

— Вы часто ездите на гастроли? У вас, как я знаю, обширная география выступлений...

Т.— Сибирь, Дальний Восток, Поволжье... Недавно приехали из Америки, побывали в Майами. Господи, какое блаженство — берег океана, тепло, солнечно...

— Как бы вы обрисовали ситуацию в нашей эстраде на сегодняшний день?

В.— Появилось очень много исполнителей, и почти каждый считает себя «звездой». Рождение «звезды» зависит от спонсоров. Чем богаче спонсор, тем больше шума вокруг певца. Но все равно из посредственности невозможно сделать «всенародного любимца». Критерием успеха для исполнителя считается Москва. Но она — далеко не показатель состояния нашего шоу-бизнеса. Как только выезжаешь за окружную дорогу, понимаешь, что успех в Москве нередко ничего не значит по сравнению с успехом на периферии. В столице нередко проводятся грандиозные музыкальные тусов-

ки с участием исполнителей, которые в других городах просто не «котируются». Несмотря на нагнетание рекламы. Люди идут на концерты только тогда, когда хотят послушать своего любимого артиста. Ведь билет стоит не менее десяти тысяч. А если учесть, что в некоторых городах зарплата — 30—40 тысяч в месяц, то человек крепко задумается, на что тратить деньги. Поэтому и возникла проблема с гастрольями.

Т.— Действительно, в последнее время нередко можно увидеть на концерте полупустые и даже пустые залы. Причина еще и в том, что многие поют под фонограмму. Не хотят выкладываться, а зритель очень чутко реагирует на подобное пренебрежение к себе.

— А вы работаете под фонограмму?

Т.— На концертах считаю это недопустимым. А вот, например, на телевидении — почему бы и нет.

— У вас есть спонсоры?

Т.— Нет. У нас «семейный подряд». Что же касается спонсоров, то как только они узнают, что у меня есть муж — высокий, красивый, умный, — сразу куда-то исчезают.

В.— Вполне естественно. Ведь они в первую очередь видят в Татьяне женщину, а не певицу. Теперь по поводу «Марков и К^о». Все вопросы продумываются нами сообща. В какой-то момент я даже могу сказать Татьяне: «Молчи, женщина!» Дело в том, что она не пользуется услугами визажистов, парикмахеров, портных и модельеров. Такая Татьяна, какой мы видим ее на сцене или на экране ТВ, сделана ею самой. Она занимается своим гримом, делает прическу, моделирует костюмы для сцены, шьет, сама пишет стихи, музыку. Ко всему этому успевает ухаживать за мной, детьми, котом, стирать, вкусно готовить.

Т.— Часто бывает трудно успе-

вать приготовить обед, закончить какую-то очередную песню, а через час, например, быть на записи или на концерте и при этом выглядеть так, дабы никто не заподозрил — я только что стояла у плиты.

Семья для меня — мое гнездо, единственное, самое теплое. А в семье главное — женщина. На концертах часто зрительницы жалуются, что жизнь у них не удалась. А я считаю, выйти замуж — одно, а вот «сделать» семью, сохранить ее — проблема, с которой сталкиваются все, но не все могут ее решить.

— Как вам удается всегда быть в форме? Позволяете себе изредка расслабиться?

Т.— Я считаю, если ты артист, личность, то всегда и везде должен соответствовать выглядеть. Это очень трудно, но иначе нельзя. Артист несет людям радость, культуру. И хорошо, если внешний вид сочетается с внутренним содержанием. Я не имею права разочаровывать моих поклонников. Во время сольных концертов разговариваю с залом, стремлюсь ответить на все вопросы. Как приятно ощущать теплоту и любовь зрителей, видеть, что ты им интересен и они сидят «затаив дыхание»...

— Если у вас выпадает свободное время, чем вы занимаетесь?

Т.— Люблю путешествовать. Люблю приглашать к себе друзей и готовлю им что-нибудь вкусное.

— Мне кажется, что из вас получилась великолепная супружеская пара...

Т.— Мы с Виктором составляем исключение из многих сценических пар. У нас вначале семья, любовь, дети, а уж потом творческое сотрудничество продюсера и певицы.

**Беседу вел
АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА.
Фото
ЕВГЕНИЯ МАТВЕЕВА**

«СМЕНА»-95

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: повесть Григория Глазова «Запах лаванды», фантастический роман Гарри Гаррисона «Пункт вторжения — Земля», роман Джорджа Эфтингера «Когда под ногами бездна», а также детективные повести и романы Николая Леонова, Мэри Кэй Симмонс, Жака Брюса, Шарля Эксбрайя. В каждом номере вас ждет интересный очерк о малоизвестных страницах русской истории.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на 70820
журнал (индекс издания)
«СМЕНА»

Количество комплектов

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

70820
на журнал (индекс издания)
ПВ место литер

«СМЕНА»

Стоимость	подписки пере-адресовки	руб. руб.	коп. коп.	Количество комплектов
-----------	-------------------------	--------------	--------------	-----------------------

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-95

Это 3900 рублей за один номер, 11 700 — за три, полугодовая подписка — 23 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

Татьяна МАРКОВА

▲ В. СЕРОВ. Модель. 1905 г. ▲

▲ И. ЛЕВИТАН. Мельница. 1888 г. ▲